геннадий трошев

чеченский излом

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Генерал Геннадий Трошев трагически погиб в авиакатастрофе в Перми в августе 2008 года. Годом раньше бывший командующий группировки войск на Северном Кавказе взялся за перо, чтобы, как он сам пишет, «предостеречь всех от повторения допущенных в 90-е серьезных ошибок — и политических, и военных. Мы должны усвоить горькие уроки Чечни. А это невозможно без трезвого, спокойного и глубокого анализа всех событий, произошедших в этой республике в последние годы». Основой книги стали дневники, которые генерал Трошев старался вести регулярно. И потому книга наполнена подробностями боевых операций, точными деталями воинской жизни, глубоко выстраданными личными оценками людей и событий.

«Как бы грамотно и красиво командир ни нарисовал на карте стрелу, тащить ее на плечах придется рядовому бойцу», — пишет генерал Трошев. О том, ценой каких потерь и какими усилиями достигнута победа, рассказ одного из самых уважаемых и любимых солдатами боевых командиров.

- Геннадий Трошев
  - Предисловие
  - От автора
  - Глава 1
    - Покорение Кавказа
    - Особый менталитет
    - Операция «Чечевица»
  - Глава 2
    - Волчий оскал
    - Джохар Дудаев. Штрихи к портрету
    - Режим действует
  - Глава 3
    - С корабля на бал
    - Штабные «заморочки»
    - Павел Грачев. Штрихи к портрету
    - Операция без названия
    - Мовлади Удугов. Штрихи к портрету
    - Кое-что о плене
    - Возвращение на родину
  - Глава 4
    - Чтобы не наступить на грабли дважды
    - Сергей Макаров. Штрихи к портрету
    - Ведь это наши горы?..

- Анатолий Куликов. Штрихи к портрету
- Глава 5
  - Чехарда замирения
  - Шамиль Басаев. Штрихи к портрету
  - Кизляр, Первомайское. Новый теракт
  - Салман Радуев. Штрихи к портрету
- Глава 6
  - Ингушетия: «полоса препятствий»
  - Руслан Аушев. Штрихи к портрету
  - Информационная война
  - «Победа над дудаевцами»
  - Ультиматум генерала Пуликовского
  - Константин Пуликовский. Штрихи к портрету
  - Александр Лебедь. Штрихи к портрету
- Глава 7
  - Свобода и рабство
  - Арби Бараев. Штрихи к портрету
  - Пришествие ваххабизма
  - Аслан Масхадов. Штрихи к портрету
- Глава 8
  - Жаркий август
  - Виктор Казанцев. Штрихи к портрету
  - Местный колорит
  - Эмир Хаттаб. Штрихи к портрету
- Глава 9
  - Кадарская зона
  - Анатолий Квашнин. Штрихи к портрету
  - На ошибках учатся
  - Военная дипломатия
  - Владимир Шаманов. Штрихи к портрету
  - Неожиданные союзники
- Глава 10
  - Цель — Грозный
  - Западня
  - Владимир Булгаков. Штрихи к портрету
- Глава 11
  - Удар «от борта»
  - Владимир Чуб. Штрихи к портрету
  - «У незнакомого поселка, на безымянной высоте»
  - Комсомольское. Март 2000 года. Последний штурм
  - Руслан Гелаев. Штрихи к портрету
  - Михаил Лабунец. Штрихи к портрету
  - Наемники

- Глава 12
  - Визит Верховного
  - Верховный главнокомандующий Владимир Путин. Штрихи к портрету
  - Новая тактика
  - Ахмат Кадыров. Штрихи к портрету
  - Что дальше?
- Вместо послесловия
- Иллюстрации

Геннадий Трошев
Чеченский излом. Дневники и воспоминания

Предисловие

Книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, не является третьим томом моих мемуаров. Это не новое произведение, а обновленный, доработанный вариант двух книг, вышедших в свое время в издательстве «Вагриус» — «Моя война: Чеченский дневник окопного генерала» и «Чеченский рецидив: Записки командующего». Теперь они под одной обложкой и единым названием.

Вполне естественно, что с течением времени многие моменты моих ранее опубликованных воспоминаний утратили свою актуальность, а значит, пришлось от них отказаться при подготовке данного издания. И, конечно же, некоторые фрагменты мемуаров нуждались в дополнениях, поскольку за несколько последних лет события на Юге России резко менялись, многие фигуранты моих воспоминаний теперь живут и работают в другом качестве, некоторых нет уже на этом свете, изменилась социально-политическая обстановка на Северном Кавказе… Короче говоря, жизнь не стоит на месте, а значит, я как автор документальной книги считаю вправе внести изменения в тексты своих воспоминаний, с которыми многие читатели познакомились ранее.

Впрочем, что уж говорить о текстах книг, если изменился и я сам. Прошло уже довольно много времени с того дня, как состоялось мое прощание с армией. Более сорока лет довелось мне прослужить в Вооруженных Силах. Все было в этой жизни, как у любого человека, живущего на Земле: и радости и невзгоды, и взлеты и падения. Но всегда я старался оставаться человеком, которому верят и на которого надеются. Я не жалею о том времени, а горжусь им. Безусловно, армейские годы и, в частности, война на Кавказе — одна из главных вех моей жизни.

От автора

Мой отец, Николай Николаевич, был кадровым офицером, военным летчиком. После окончания Краснодарского авиационного училища его направили на фронт. Войну закончил в Берлине, в мае 1945-го. Через год в Ханкале, пригороде Грозного, он встретил терскую казачку Надю, мою маму.

В 1958 году отец попал под так называемое хрущевское сокращение и был уволен из Вооруженных Сил. Эта участь постигла в те годы многих капитанов, майоров — молодых, здоровых, полных сил и энергии мужиков. Отец крайне болезненно переживал случившееся. Дошло до того, что как-то, с присущей ему прямотой, рубанул мне: «Ноги твоей не будет в армии!» (имея в виду мое возможное поступление в военное училище).

Я понимал, что в душе его — незаживающая, мучительная рана. Такое не проходит бесследно. Он ушел из жизни в самом расцвете сил — в 43 года.

Я всегда помнил об отцовском наказе и по окончании школы в городе Нальчике поступил на архитектурный факультет Московского института инженеров землеустройства. Однако после смерти отца вынужден был, бросив учебу, уехать домой, поскольку семья оказалась в трудном положении. Устроился на работу, помогал матери и младшим сестрам. Но когда пришло время выполнять священный долг перед Родиной и надевать военную форму, я подал рапорт с просьбой зачислить меня курсантом Казанского высшего командного танкового училища, тем самым нарушив запрет отца. Уверен, что поступил тогда правильно, и не сомневаюсь: будь жив отец, порадовался бы за сына. И вовсе не потому, что Трошев-младший дослужился до генерала и стал командующим войсками округа. Отец очень любил армию, и, видимо, это чувство передалось мне. Фактически я продолжил главное дело его жизни, чем и горжусь.

До сих пор с благодарностью вспоминаю своих первых командиров: взводного — лейтенанта Солодовникова, ротного — капитана Корзевича, комбата — подполковника Ефанова, учивших меня азам военной науки.

Спустя почти тридцать лет знания, полученные в стенах училища, а затем и в двух академиях, пришлось применять не только в повседневной жизни, но и на войне. На войне — особенной во всех отношениях. На войне, которую армия вела, в силу объективных и субъективных обстоятельств, на своей территории против бандитов и международных террористов. На

войне, которая проходила на моей родине. На войне, которая шла по особым правилам и не вписывалась, по большому счету, ни в какие классические схемы и каноны.

Трагические события последних лет на Северном Кавказе неоднозначно воспринимались в нашем обществе в 90-х годах, да и сейчас вызывают споры.

Может быть, я так никогда и не взялся бы за собственные мемуары. Однако вышло в свет уже немало книг, где прямо или косвенно рассказывается о событиях в Чечне. Удивительно, но большинство авторов страшно далеки от той проблематики, которую затрагивают в своем «творчестве». Они толком не видели и не знают ни войны, ни людей (чьи имена тем не менее фигурируют на страницах книг), ни менталитета местных жителей, ни армии. В общем, благодаря такому легковесному подходу некоторых авторов создана целая мифология вооруженных конфликтов на Северном Кавказе.

Лиха беда начало. Основываясь на этих созданных пишущей братией мифах, начинает разрастаться новая поросль сказок о чеченской войне. Например, как аксиому уже приняли в российском обществе тезис о полной бездарности и бессилии армии в первой чеченской кампании. Теперь же, опираясь на этот сомнительный тезис, другое поколение «специалистов по Чечне» строит свои не менее сомнительные концепции и выводы на кривом фундаменте. Что из этого может получиться, кроме уродливой конструкции?

Мне, человеку, прошедшему обе чеченские войны, участвовавшему в боях с ваххабитами в Дагестане, трудно мириться с домыслами, а то и с откровенной ложью о событиях, которые доподлинно знаю.

Побудило взяться за перо и еще одно обстоятельство. Чеченская война сделала широко известными и в нашей стране, и за рубежом многих политиков, военачальников и даже бандитов. Большинство из них я знал и знаю лично. С одними встречался и общался, с другими был в общем строю — плечом к плечу, с третьими воевал не на жизнь, а на смерть. Мне известно, кто есть кто, что кроется за словами и поступками каждого из них. Однако тот имидж, который создала им пресса или они сами себе, зачастую не соответствует действительности. Допускаю, что мои оценки слишком личные. Но даже в этом случае считаю, что могу публично выразить свое отношение ко многим «прославленным участникам чеченских войн». Даже обязан сделать это, хотя бы ради полноты картины.

Рассказать о войне на Северном Кавказе побудило меня и желание предостеречь всех от повторения допущенных в 90-х

годах серьезных ошибок — и политических, и военных. Мы должны усвоить горькие уроки Чечни. А это невозможно без трезвого, спокойного и глубокого анализа всех событий, произошедших в республике за последние годы. Надеюсь, что мои воспоминания будут этому способствовать.

Добрым подспорьем в работе над книгой стали дневники, которые я старался по возможности вести регулярно. Память — вещь ненадежная, поэтому я иногда записывал детально многие эпизоды, давая свою оценку событиям. Поэтому читатель найдет немало дневниковых фрагментов.

Не могу не выразить признательности тем, кто помогал мне в работе: фотокорреспонденту Валерию Матыцину и журналисту Сергею Артемову. Моя особая благодарность военным журналистам Геннадию Алехину и Сергею Тютюннику, которые фактически стали соавторами моих книг.

Задумывая эти мемуары, я видел своих будущих читателей в тех, кто потерял в Чечне родных и близких, кто наверняка хочет понять, за что и как погибали их сыновья, мужья, братья…

Судьба сводила меня на войне с разными людьми: и с политиками, и с военачальниками самого высокого ранга, и с лидерами бандитских формирований, и с простыми российскими солдатами. Мне довелось увидеть их в разных ситуациях. Каждый из них проявлял себя по-разному: кто-то был тверд и решителен, кто-то пассивен и безразличен, а кто-то разыгрывал свою «карту» в этой войне.

Я предпочитал рассказывать прежде всего о тех, с кем лично встречался, кого видел в деле. Но среди действующих лиц немало таких, кто воевал по другую сторону баррикад. Конечно же, я выразил свое отношение к тем заметным фигурам, чьи фамилии были у всех на слуху. Как и в любых мемуарах, авторские оценки спорные, порой очень личные. Но это мои оценки, и думаю, что имею на них право.

В сложной, экстремальной ситуации, как на рентгеновском снимке, проявляется вся суть человека, сразу видно, кто чего стоит. На войне есть всё — и трусливость, и глупость, и недостойное поведение военнослужащих, и ошибки командиров. Но это не идет ни в какое сравнение с мужеством и героизмом, самоотверженностью и благородством российского солдата. Ему мы обязаны всем лучшим, что есть в нашей военной истории. Как бы грамотно и красиво командир ни нарисовал на карте стрелу (направление атаки, удара), тащить ее на плечах придется рядовому бойцу. Нашему российскому солдату нужно в ноги поклониться за то, что вынес на себе тяжелейший груз военных испытаний и не сломался, не пал духом.

К сожалению, далеко не все, с кем плечом к плечу прошел я по трудным дорогам Кавказа, упомянуты в этой книге. Но я благодарно помнил и буду помнить своих боевых сослуживцев, товарищей по оружию (от солдата до генерала), кто в трудный для России час встал на защиту ее целостности. А тем, кто сложил голову на поле брани, низко кланяюсь: вечная им слава!

Глава 1
Рецидивы вражды

Покорение Кавказа

До начала 90-х годов в столице Чечено-Ингушетии на одной из тихих улочек, примыкающих к Дому политического просвещения (названия которой я не могу сегодня вспомнить), стоял памятник Алексею Петровичу Ермолову. Говорили, что он был сооружен именно на том месте, где при закладке крепости Грозная в XIX веке находилась землянка Ермолова. Не знаю, насколько этот факт являлся историческим, но памятник прославленному русскому генералу местные чеченцы старались особенно не показывать гостям города.

Бронзовый бюст Ермолова, как считалось, напоминал самые трагические годы покорения Кавказа. Больше того, он был символом драматической судьбы горских народов.

Такая оценка личности прославленного полководца на обывательском уровне, очевидно, во многом была связана с пробелами самой истории. В школьных и вузовских учебниках Кавказской войне отводилось не более одного-двух абзацев, а между тем война длилась пятьдесят лет. .. Молодежь в основном черпала знания из каких-то преданий, а наиболее любознательные — из монографий, исследований местных ученых, тенденциозно интерпретирующих в своих работах отдельные документы того периода, достаточно вольно их трактуя. Словом, Ермолов представлялся беспощадным колонизатором, «придерживавшимся реакционных взглядов», генералом, «с варварской жестокостью» истреблявшим целые народы во имя завоевания Кавказа. Соответственно памятник был своего рода бельмом на глазу чеченцев. При советской власти его с завидной периодичностью взрывали по ночам и так же по ночам восстанавливали (благо бюст был отлит на местном заводе «Красный молот» не в одном экземпляре).

В 1991 году командир Окружного учебного центра, бывшей учебной дивизии, генерал-майор Соколов предложил Завгаеву, возглавлявшему тогда руководство республики, демонтировать памятник и перенести его на территорию одной из воинских частей. Доку Гапурович отказался. Правильным ли было такое решение, в то время носившее явно политический оттенок, судить не берусь. Но в любом случае сейчас можно сказать с полной уверенностью: перенос памятника не спас бы его от уничтожения. В сознании вайнахов, опять же по вине как местных, так и московских историков (особенно в перестроечные годы), культивировалась мысль, что якобы Россия руками Ермолова и военачальников из его окружения осуществляла на Кавказе

политику геноцида, чтобы ослабить людской потенциал населения и расчистить пространство для казачества и других переселенцев в Северокавказском регионе.

Понятно, что такое истолкование событий Кавказской войны позапрошлого века ничего, кроме ненависти к русским, принести не могло и не может.

Не надо забывать, что А. Ермолов был прежде всего человеком военным, и его трагедия заключается в том, что волею императора генералу необходимо было привести к покорности народы, признававшие лишь законы гор, уважавшие лишь одно право — право силы. При этом государь хотел выглядеть в глазах Европы гуманным правителем. Сам же Алексей Петрович считал, что крайние меры порой оправданы, но лишь в отношении преступников, грабителей, убийц, работорговцев. «Наказывать не трудно, — писал Ермолов, — но по правилу моему надобно, чтобы самая крайность к тому понудила». По отношению к пленным он требовал, чтобы не защищающегося или бросившего оружие щадить непременно. Однако «хищничество», как называл набеговую систему Ермолов, настолько было распространено, а взаимное ожесточение столь велико, что правила эти не могли не нарушаться.

В конце 1816 года, по прибытию на Кавказ, Ермолов искренне верил, что обеспечить безопасность Грузии и оградить русскую границу от разорительных набегов горцев ему удастся цивилизованными методами. Но вскоре вынужден был от мирного, достаточно спокойного обращения перейти к более жестким мерам. «Учитывая фанатизм горских племен, их необузданное своеволие и враждебное отношение к русским, а также особенности их психологии, новый главнокомандующий решил, что установить мирные отношения при существующих условиях совершенно невозможно, — писал А. Керсновский в «Истории русской армии». — Надо было заставить уважать горцев русское имя, дать им почувствовать мощь России, заставить себя бояться. А этого можно было добиться лишь силой, ибо горцы привыкли считаться только с силой». Так родился известный план Ермолова, утвержденный Александром I и ставший отправной точкой в развязывании вооруженного конфликта, получившего название Кавказской войны 1817–1864 годов. Не спускать горцам ни одного грабежа, не оставлять безнаказанным ни одного набега — этот принцип, положенный генералом в основу тактики, не мог не привести к эскалации вооруженного насилия.

Но вот что интересно: изучая исторические документы того времени, читая «Записки» А. Ермолова, дневники и воспоминания его современников, я невольно ловил себя на мысли, что это

насилие имело чисто стратегическое значение и никак не было колонизационным. И это принципиально важно. Основная территория Северо-Восточного Кавказа, где разворачивались решающие события российско-кавказской драмы (особенно Дагестан, горная Чечня) вовсе не прельщала переселенцев из России. Даже если бы она оказалась свободной от коренного населения. Никто из «большой России» туда ехать не хотел. О какой же колонизации может идти речь? Тогда почему началась та знаменитая Кавказская война, знаковой фигурой которой был и остался А. Ермолов? Как развивалась история после ее окончания — в конце XIX века, в начале, середине, а потом и в конце XX века? Не задаваться этими вопросами — значит не понимать смысла происходящего на Кавказе сегодня.

Завоевание Северного Кавказа Россией длилось несколько столетий.

Первый этап Кавказской войны Россия начала еще во второй половине XVI века, когда войска Ивана Грозного покорили Черкесское и Кабардинское княжества. Первым делом русские на Северном Кавказе стали строить терские городки — своего рода укрепленные крепости, где стрельцы создавали гарнизоны. После этого началось заселение бассейнов рек, включая Сунжу и Терек. Итогом стало образование Гребенского, а позже Сунженского и Терского казачеств.

Второй этап покорения Кавказа — Персидский поход Петра Великого в 1722–1723 годах. Тогда Петр I ограничился захватом побережья Каспийского моря и высадкой десанта недалеко от нынешней Махачкалы с устройством впоследствии порта Петровск.

Третий этап — восстание горцев Северного Кавказа под руководством шейха Мансура против царской России — длился с 1785 по 1791 год. Этому восстанию предшествовало строительство Кавказской укрепленной кордонной линии, продолжавшееся вплоть до окончания Кавказской войны в 1864 году.

Четвертый этап Кавказской войны, длившийся с 1834 по 1859 год, связан с именем имама Шамиля. И уже пятый — это покорение Западного Кавказа, с 1859 по 1864 год.

Будучи командующим 58-й общевойсковой армией (1995–1997 гг.), первым заместителем, а затем и командующим войсками СКВО (1997–2002 гг.), я не раз ездил в самые отдаленные уголки Дагестана и Чечни. В горах до сих пор сохранились приметы того далекого

периода истории, прежде всего старинные башни крепости, слава о неприступности которых распространялась далеко за пределы Кавказа.

Реки прорезают здесь бездонные каньоны, а дороги такие узкие, что двоим порой не разойтись. Диву даешься, как воевали в этих местах наши предки, как перебирались они через высокогорные перевалы, бушующие водные потоки… Сколько же русских солдат погибло при штурмах этих крепостей, аулов!

Горцы — прирожденные воины, сопротивлялись до последнего дыхания. Энергия и фатализм, страсть и упорство — основа их национального характера. Дух вооруженной вольницы, издревле вошедший в кровь и плоть жителей Кавказа, не допускает и тени зависимости. Потому и сражения были отчаянными. Насмерть. Особенно в период проконсула А. Ермолова. Ему, генералу от инфантерии, император поручил окончательно покорить Кавказ.

Мир в начале XIX века был охвачен интригами и беспрерывной переменой политических интересов. Европейские державы то провоцировали восточные государства на войну против России, то занимали совершенно противоположную позицию…

Разгромив в 1812–1814 годах Наполеона, а заодно Персию, Россия формально включила в свою территорию весь Кавказ. Однако это вовсе не означало полного владычества. В Санкт-Петербурге периодически рождались проекты мирного и взаимовыгодного привлечения горцев к жизни под покровительством империи. То есть предполагались политические меры, способные укрепить позиции России на беспокойном Кавказе. Но в эйфории отгремевших побед на Западе и Востоке многим тогда в России казалось, что эти задачи проще решать с помощью оружия.

Войска с восторгом встретили Главноуправляющего Грузией, командующего Отдельным Кавказским корпусом А. Ермолова. Алексей Петрович прибыл на Кавказ с большими планами переустройства края, но обнаружил, что со времени походов графа Валериана Александровича Зубова здесь мало что изменилось. Русское влияние не распространялось за пределы крепостей, и о покое на Кавказе оставалось только мечтать. К тому же Персия требовала возвращения отнятых провинций, которые ей обещал Александр I.

Ермолов отправился в Персию, где встретился с шахом, и нашел, что возвращать земли не обязательно. Считая этот вопрос решенным, он принялся за радикальные преобразования на Кавказе.

При Алексее Петровиче началось бурное строительство, повсюду развивались торговля, ремесла, фактории. Чтобы показать пример хозяйствования, на Кавказе поселили колонистов из Германии. На европейский лад устраивались курорты на минеральных водах. Виноделие ставилось на промышленную основу. В прикаспийских районах поощрялось шелководство, ковроткачество. Зарождалась нефтяная промышленность.

Для развития края необходимо было спокойствие, и Ермолов начал наводить порядок твердой рукой. Не желая ждать, он хотел все сразу. В то время как европейские державы бесцеремонно грабили Африку и Индокитай, Ермолов считал естественным разрешить кавказскую проблему раз и навсегда. 12 мая 1818 года он отдал приказ войскам перейти Терек. А уже в июне была заложена крепость Грозная. На протесты горцев Ермолов отвечал, что выполняет волю императора.

На помощь чеченцам из Аварии потянулись отряды добровольцев. Завязались ожесточенные бои в Дагестане, где горцы разгромили отряд генерал-майора Б. Пестеля. Заволновались кабардинцы, вспыхнуло восстание в Имеретии.

Ермолов понял, что усмирить Кавказ в течение полугода, как он обещал императору, не удастся. Сюда были направлены дополнительные силы: шесть имеющих боевой опыт пехотных полков — Апшеронский, Тенгинский, Куринский, Навагинский, Мингрельский и Ширванский. С помощью прибывших свежих сил Ермолов разгромил Гасан-хана в Дагестане, а затем подавил еще несколько восстаний. Побежденные были приведены к присяге и обложены данью. Ермолов перешел кумыкскую равнину, вышел к Каспию, где заложил крепость Бурную, отрезав Чечню от кумыков и прибрежного Дагестана…

Сегодня некоторые историки утверждают, что это была «беспощадная война против мирного населения». В такой интерпретации действия русского главнокомандующего действительно выглядят бессмысленно и неоправданно жестокими. Однако достаточно обратиться к знаменитым «Запискам» Ермолова, взглянуть на общую политическую обстановку, сложившуюся в те годы вокруг Кавказа, чтобы понять, где же на самом деле истина.

В апреле 1820 года, например, Ермолов писал в дневнике: «Получено известие о злодейском убийстве полковника

Пузыревского, отличного офицера, начальствовавшего войсками в Имеретии. Один князь, дядя родного владетельного князя Гурийского, пригласив его на свидание, подослал одного из прислужников убить его, когда беспечно проезжал он через лес. Вот мои слова о первом при сем известии: «Не при мне умирать достойному офицеру без отмщения!»» Июль 1825 года: «Получил известие, что в ночь с 7 на 8 июня возмутившиеся чеченцы, возбужденные лжепророком, напав на укрепленный пост Амир-Аджи-Юрт, сожгли оный». Сентябрь этого же года: «Получено известие о возгоревшемся в Кабарде мятеже».

«Изменники, пришедшие на помощь партией чеченцев, напав на селение Солдатское, большую часть оного разорили…» Таких документальных свидетельств много в дневниках главнокомандующего, в воспоминаниях его современников. Все они говорят о том, что жестокость Ермолова имела в своей основе трудно оспоримый принцип «око за око» — в современном понимании далекий от законности, но все же имеющий моральную подоплеку.

> При этом еще раз хочу подчеркнуть: русские войска никогда не воевали с мирным населением. Это нынешние так называемые «борцы за свободу чеченского народа» легко и бестрепетно распорядились жизнями ни в чем не повинных людей в Буденновске, Каспийске, Кизляре, Первомайске, в Москве, на Дубровке, и в Беслане.

Однако вернемся к XIX веку. Неожиданная кончина императора Александра I в ноябре 1825 года в Таганроге повлекла за собой грандиозные события. Восстание декабристов всколыхнуло страну. Начались расследования и репрессии, которые докатились и до Кавказа. Под следствие попал и Александр Грибоедов. И кто знает, на какой каторге оказался бы этот замечательный поэт и дипломат, если бы не Ермолов. Их дружбе не мешали идейные противоречия. Грибоедов, особенно в последние годы жизни, по-своему осмысливал идеи Ермолова. Он доказывал необходимость культурного воздействия на горцев в целях их свободного развития в лоне империи. Но идеи Грибоедова, как и других представителей либеральной интеллигенции, не имели под собой почвы. Кавказ уже пылал, а персидская армия вторглась в Закавказье.

Намеревавшиеся вернуть утраченное, персы, пройдя Армению, подступили к Грузии. Восточный вопрос обострился до

предела. Персы были побиты, но спокойствие не наступило. А. Ермолов, подозреваемый в связях с декабристами, так и не сумев погасить пожар в горах, покинул Кавказ. На его место заступил И. Паскевич.

Император Николай I велел новому главнокомандующему «усмирить навсегда горские народы или истребить непокорных». Паскевич взялся за дело основательно и для начала разделил Кавказ на несколько частей: Грузия (шесть уездов), пять татарских дистанций, семь провинций (Карабахская, Шекинская, Ширванеская, Бакинская, Кубинская, Дербентская, Ахалцыхская), четыре области (Армянская, Имеретия, Мингрелия, Гурия), ханство Талышинское и земли разных горских народов вдоль Главного Кавказского хребта. Кроме того, под надзором царских чиновников управлялись собственными владетелями Абхазия и Сванетия, а в Дагестане — шамхальство Тарковское и ханства Казикумухское, Аварское и Мехтулинское.

Однако начавшаяся война с Турцией вынудила Паскевича этим ограничиться и перейти на самом Кавказе к пассивной обороне. Он больше воевал с турками, решившими заменить персов в кавказских делах. Паскевич воевал успешно, взял Карс, Эрзерум, заставил турок подписать Андрианопольский мир.

По этому соглашению к России отошли: Анапа, Поти, Ахалцых, Ахалкалаки. Граница была проведена по западному Арпачаю, от верховьев которого — по ряду хребтов до Аджарских гор и берега Черного моря.

Но союзники побитой Турции — Франция и Англия — не оставляли надежды ослабить влияние России, а заодно отторгнуть от нее Крым и Кавказ. Намерения Англии были связаны с созданием Черкесского государства под своим и турецким протекторатом, а Грузию предполагалось расчленить наподобие дунайских княжеств. В планы Франции входило полное вытеснение России с берегов Черного моря.

Ставка была сделана на сепаратизм. Так, например, серьезное значение союзники придавали движению адыгов, считая, что, настроив их против России, тем самым смогут с их помощью взорвать Кавказский фронт. Царское правительство тоже опасалось этого и даже в самые сложные периоды Крымской войны держало на Кавказе армию в 270 тысяч человек.

К середине века война с горцами велась уже с большей систематичностью, чем в предшествующий период.

Ситуация усугублялась тем, что на Кавказ хлынуло большое количество всякого рода эмиссаров и агентов, особенно из числа польских и венгерских эмигрантов, которые надеялись, что впоследствии Англия поможет им восстановить независимость

Польши и Венгрии. Польские эмиссары, рассыпавшись между горцами, превратно толковали им намерения русских, указывали на угнетенное положение, в котором они будут находиться в подданстве России. Они не скупились на клевету, зная, что, запугивая горцев русскими, укрепляют их в уверенности, что те сами собою сильны в борьбе с Россией.

Большие надежды в этом плане возлагались на движение имама Шамиля — личность в истории Кавказской войны не менее яркую, чем генерал Ермолов.

Впервые (во всяком случае, в Чечне) об этом человеке стало широко известно в 1832 году, когда Гази-Магомед, близкий друг и единомышленник Шамиля, при штурме одной из крепостей был тяжело контужен. Встревожившись, горцы спросили его: кто теперь будет командовать ими? По преданию, Гази-Магомед ответил: «Шамиль. Он будет долговечнее меня и успеет сделать гораздо больше благодеяний для мусульман».

Шамиль родился в 1797 году в аварском ауле Гимры в семье кузнеца. На мовлид (благодарственную молитву в честь рождения мальчика) собралась вся аульская община — джамаат. Дед по обычаю шепнул в правое ухо младенца особую молитву — азан, а в левое — его имя — Али.

Ребенок оказался слабым и болезненным, к тому же заразился оспой, от которой тогда умирали даже взрослые. Однако мальчик выжил, и аксакалы расценили это как доброе предзнаменование, но посоветовали дать ребенку новое имя. Родители так старались, что выбрали очень редкое — Шамиль. Кто же тогда знал, что именно он, сын простого кузнеца, станет обновителем веры?

Но что это такое — обновление ислама на Северном Кавказе в XIX веке?

Известно, что ислам принесли на Кавказ арабы еще в VII веке, во времена стремительных завоеваний Халифата. Постепенно арабы ушли, но ислам, его суннитская ветвь, остался, вытесняя древние языческие культы. На суннитской ветви расцвели несколько суфийских тарикатов. Это были братства (ордена), открывавшие своим приверженцам путь к духовному совершенству и постижению божественной истины. Так вот, плоды этих «цветов» и, как может показаться на первый взгляд, отвлеченных занятий вошли в историю Кавказа под названием мюридизма.

Руководство орденом осуществлял шейх, который затем передавал его своему преемнику. Послушниками или учениками шейхов были мюриды. Этот институт тоже со временем претерпел изменения, и наряду с тарикатскими появились имамские

мюриды — нечто вроде спецназа или гвардии из отборных воинов. Они же и служили безотказным механизмом, приводившим в движение огромные массы людей, когда вожди поднимали знамя газавата — борьбы за веру.

Простых людей привлекал демократизм суфизма, проповедовавшего свободу и равенство, чистоту веры и шариат как единый для всех закон. В начальный период наместничества Ермолова опорой суфизма на Кавказе был Исмаил-ал-Ширвани. У Исмаила было много мюридов, которые призывали народ к открытому неповиновению русским. Чувствуя, что дела могут принять самое опасное направление, и видя в этом происки иностранных эмиссаров, Ермолов предпринял самые решительные меры для водворения в крае спокойствия и порядка. Часть приверженцев шейха была казнена, остальные изгнаны из края. Сам шейх эмигрировал в Турцию. Однако у него нашлось много последователей. В том числе Гази-Магомед и Шамиль, сумевшие создать жесткое теократическое государство, которое просуществовало двадцать пять лет.

Если внимательно посмотреть на карту, то можно увидеть, что часть Грузии граничит с Чечней, Дагестаном и Азербайджаном. Причем на участке Дагестана находится печально известный Ботлихский район, вторжение в который в августе 1999 года боевиков Басаева и Хаттаба по сути стало началом «второй чеченской войны».

Задумка лидеров сепаратистов не была бандитской авантюрой или бездумным шагом. Ботлихский район задолго до начала боевых действий стал по существу чеченским анклавом. Ботлихцы занимают промежуточное положение между чеченцами и аварцами, говорят на своем наречии, живут по своим обычаям, уходящим корнями к временам имамов.

В ходе Кавказской войны XIX века именно ботлихцы поставляли Шамилю самых преданных мюридов. Кстати, к суфизму очень близок ваххабизм — своей крайней нетерпимостью к инакомыслию, строгостью нравов и твердостью в вере. Потому он нашел такой живой отклик в горных районах Дагестана и в Чечне — от Хунзаха, бывшей столицы Шамиля, до Ботлиха. Об этом ныне мало кто знает — к сожалению, даже из тех, кто профессионально занимается военно-политическими проблемами Кавказа.

Война с Шамилем, третьим имамом, была самая долгая за всю историю позапрошлого века. К концу 1836 года Шамиль подчинил своей власти весь горный Дагестан. Его крепости в разные периоды штурмовали войска многих прославленных генералов. Но результаты всех этих военных экспедиций были прямо противоположны их целям. Авторитет и власть Шамиля только усиливались, набеги на «русские линии» только учащались, а восстания горцев охватывали даже прежде спокойные области.

Вместе с тем Шамиль, понимая, что в покое его не оставят, возвел крепость Ахульго, ставшую столицей Имамата. Остатки этой крепости на огромной скале, окруженной глубокими ущельями, и теперь еще поражают своей грандиозностью. Тогда же твердыня Ахульго (Призывная гора) считалась и вовсе неприступной. Мощные защитные сооружения, обустроенные пещеры и подземные ходы, многоярусные боевые укрепления строились лучшими мастерами под руководством наиба Магомеда Ахвердилава и искусного военного инженера чеченца Хаджи-Юсуфа, изучавшего премудрости строительного дела в Египте и Турции.

Штурм крепости был поручен новому начальнику войск на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту графу П. Граббе, имевшему боевой опыт войны с Наполеоном, с турками и в Польской кампании 1831 года.

9 мая 1839 года, при выступлении из крепости Внезапной в Чечне, отряд Граббе имел 8 тысяч штыков и сабель, 22 орудия и до трех тысяч горской милиции. 12 июня, после нескольких серьезных стычек с горцами, Граббе дошел до резиденции имама. Грозный вид Ахульго поразил даже видавших виды русских солдат, которые говорили: «Легче снять месяц с неба, чем полумесяц с минаретов Ахульго». Но штурм все-таки начался. Поразительными были мужество защитников крепости и храбрость русских солдат, штурмовавших Ахульго на плечах друг у друга, взбираясь на веревках и лестницах над головокружительной пропастью под огнем и лавиной камней…

История оставила потомкам картину тех незабываемых дней. Написал ее художник Франц Рубо. Панорама штурма Ахульго писалась три года. В Париже на выставке художник получил за нее орден. Но вот что интересно: в свое время панорама таинственно исчезла из Дагестанского музея. Сейчас о ее судьбе я не знаю.

Вроде бы СМИ что-то сообщали о находке части этой панорамы…

Битве за крепость не было конца. Как писали очевидцы, гора содрогалась от взрывов. Только в августе Ахульго была взята. П. Граббе рапортовал: «Два батальона Апшеронского полка брали приступом нижние пещеры, в которых засели мюриды, и истребили всех тех, которые не решились немедленно сдаться… Потеря неприятеля огромна — 900 тел убитых на одной поверхности Ахульго, исключая тех, которые разбросаны по пещерам и оврагам, с лишком 700 пленных и имущество осажденных, множество оружия, один фальконет и два значка остались в наших руках…» Однако Шамиля взять не удалось. Он вместе с женой и старшим сыном чудом остался жив и ушел в Чечню.

Окончание влияния Шамиля на Кавказ связано с именем князя А. Барятинского.

В возрасте тридцати лет, в 1835 году, князь, командуя сотней казаков, участвовал в экспедиции генерал-лейтенанта Вельяминова в Дагестане, был тяжело ранен. Вернувшись для лечения в Петербург, был произведен в поручики, награжден золотой саблей за храбрость и назначен состоять при наследнике цесаревиче Александре Николаевиче.

В 1845 году вновь оказался на Кавказе уже в чине полковника. Успешно командуя третьим батальоном Кабардинского пехотного полка, он обратил на себя внимание наместника Воронцова, но вскоре был ранен еще раз. После этого, в 1847 году, Барятинский был назначен командиром Кабардинского пехотного полка. Через три года князя снова отозвали с Кавказа, и в этом же году вернули на юг, произведя в генерал-майоры.

Барятинский предпринял целый ряд экспедиций в «большую Чечню». Прокладывая новые дороги и просеки, разрушая непокорные аулы, он не забывал уделять внимание административному устройству «замиренных» чеченцев и организации нового управления.

Однако военная судьба распорядилась так, что князь опять покинул Кавказ и опять вернулся. В августе 1857 года он был произведен в звание генерала от инфантерии и назначен наместником края.

Получив одобрение Александра II, Барятинский начал с решительных реформ.

Театр военных действий он разделил на пять военных

отделов. Для местного управления учредил округа, подразделенные на приставства, участки или наибства. Кавказский корпус был переименован в Кавказскую армию. В распоряжении наместника оказалось более 200 тысяч солдат.

В 1856 году Барятинский сумел установить контроль над восточными районами Чечни. Шамиль отступал с боями, используя любую возможность перехватить инициативу. Весной 1858 года назрановские ингуши подняли восстание против занятия их земель казачьими станицами. Разворачивались бои и в Дагестане. Но наступление на горы шло с нескольких сторон. Численность войск стала столь значительной, что разбить их было уже невозможно.

Горцам едва удавалось сдерживать натиск. Оставляя свои укрепления, Шамиль уводил людей в горы, аулы сжигал.

В 1858 году имам покинул Ведено и отошел к аулу Эрсеной. Бои в Чечне еще продолжались. Главные силы Барятинский нацелил на Шамиля в Дагестане, где (в Гунибе) и произошла развязка.

Гора Гуниб возвышается над окрестными хребтами, как папаха над буркой. На плоской вершине, посреди большой ложбины располагался сам аул Гуниб. Сюда Шамиль загодя послал своего сына Магомед-Шапи для постройки крепости. Вместе с жителями в Гунибе было 400 защитников с четырьмя пушками.

На что рассчитывал имам? Очевидно, Шамиль считал свою природную крепость совершенно неприступной, а может быть надеялся просидеть здесь до зимы, пока войска наместника не вернутся на зимние квартиры или не произойдет еще что-нибудь. О чем он думал, когда 9 августа Гуниб был полностью блокирован войсками?

Четырнадцать батальонов окружили Гуниб, когда сюда прибыл сам князь Барятинский. Колоссальный перевес в силе, безусловно, не оставлял никаких шансов… Любопытный факт: незадолго до прибытия наместника к Гунибу через симферопольскую телеграфную станцию ему доставили телеграмму из Петербурга — военный министр и канцлер Горчаков сообщали, что агент Шамиля явился в русское посольство в Стамбуле с предложением имама о мирных переговорах. Сам государь нашел это возможным и считал, что «примирение с Шамилем было бы самым блестящим завершением оказанных уже князем Барятинским великих услуг». Барятинскому предлагалось заключить мир с Шамилем, ибо мирное покорение Кавказа могло придать России особый вес в международной политике.

Барятинский был готов на большие уступки, лишь бы поскорее закончить дело, но мир с Шамилем представлялся ему собственным поражением. Наместник мечтал о другом: повергнуть Шамиля до 26 августа, чтобы преподнести драгоценный подарок ко дню коронации Александра II. Однако переговоры состоялись. Шамиль просил дать ему месяц на сборы в Мекку, а его сподвижникам-мюридам разрешить жить там, где они хотят. Барятинский требовал немедленной сдачи, ждать месяц он не мог. Ответ Шамиля был краток: «Сабля наточена и рука готова».

Штурм Гуниба был жестоким. Современники писали, что Барятинский ужаснулся, когда поднялся на Гунибское плато 25 августа. Убитые лежали повсюду, маленькая речка сделалась красной от крови.

Дальнейшая судьба Шамиля известна. С небольшой группой мюридов и семьей он сдался Барятинскому, с почетом был отправлен в «большую Россию». До 1868 года жил в Калуге, а затем направился в Мекку. Через три года, в феврале 1871-го, имам упал с коня, сильно ушибся и умер в Медине. Шамиля похоронили на кладбище Джаннат-аль-Бакия.

Но главное в этой истории — не пленение имама и финал его жизни, а невероятная трансформация его политических взглядов. Этому в немалой степени способствовало то, что один из сыновей Шамиля попал в плен, однако русские воспитали его, дали образование и отпустили. Приехав к отцу, сын не уставал повторять, что Россия — великая передовая страна, русские — благородные люди, с которыми надобно дружить, а не воевать. И дружба эта будет на пользу горцам.

Неизвестно, насколько сын повлиял на отца. Может, Шамиль просто устал от войны, пожалел соплеменников, сотнями гибнувших от русского оружия в бесконечных боях…

Одно ясно совершенно точно: плен, а затем путешествие по России, визит к царю в Петербурге, пребывание в Калуге, по всей видимости, вызвали в Шамиле искреннее уважение и любовь к нашей огромной стране и ее народу. Он никогда больше не сказал о России и самодержавии, о людях, населяющих империю, ни одного «кривого слова». Больше того, он не уставал призывать горцев никогда не воевать с русскими, а жить с ними в дружбе.

Короче говоря, отец все же перенял систему ценностей сына. И даже сожалел, что столько сил и времени потратил на войну. Из злейшего врага России он стал ее рьяным сторонником.

Когда я размышляю о судьбе Шамиля, невольно

прихожу к выводу, что он — яркий образец религиозно-политического заблуждения, которое в конце концов окончилось прозрением. Жаль, что те, кто борется сейчас с Россией под лозунгами «раннего Шамиля», забывают о конце его жизни. Надеюсь, что рано или поздно они задумаются и изменят свою позицию.

Особый менталитет

С победой над Шамилем наступил новый, достаточно мирный этап во взаимоотношениях России с Кавказом. Не вмешиваясь в дела горцев (шариат, адаты, порядок землепользования), искусно применяя методы административного и силового давления в сочетании с социально-экономическими мероприятиями, улучшавшими в целом положение горцев, царское правительство сумело добиться хрупкого социального, национального и религиозного согласия в регионе. Исключением является разгром восстания в Чечне и Дагестане в 1877 году.

Более сильное сопротивление центральной власти было оказано позже, в период Гражданской войны. Вооруженное сопротивление горцев сначала войскам добровольческой армии генерала Деникина, а затем частям Красной Армии, антисоветские выступления чеченских и дагестанских повстанцев в 1920–1930-е годы, обусловленные серьезными искривлениями государственной национальной политики, массовыми репрессиями конца 1930-х годов, привели к тому, что в ряде горных районов Чечни советской власти, можно сказать, вообще не существовало. Фактически начался рецидив кавказской войны XIX века, уже для советской России.

Здесь нужно сказать, что чеченцы всегда оставались носителями особого бунтарского духа. Причем это не зависело от того, под кем они были — под царем или под большевиками.

Именно чеченцы становились застрельщиками в противостоянии великой державы и горских народов Северного Кавказа. И, на мой взгляд, это связано с особенностями психологии, духовной культуры вайнахов, их социальной организацией.

Во-первых, история вайнахов (чеченцев, ингушей) не знала ни антагонистических классов, ни деспотических форм правления. У чеченцев и ингушей не было феодально-княжеского института. Узденем (князем) считал и считает себя каждый чеченец и ингуш. Французский писатель Шантре писал, что чеченцы живут в отдельных обществах, управляемых через народное собрание, не зная классовых различий.

Во-вторых, нужно отметить исключительную религиозность этого народа. К примеру, в значительно

уступающих по территории и численности населения Дагестану, в Чечне и Ингушетии в 1917 году было 2675 мечетей, 140 духовных школ, 850 мулл, 38 шейхов и более 60 тысяч мюридов. Больше, чем у соседей.

В-третьих, издавна среди вайнахов поощрялись набеги с целью захвата пленных и скота — так называемое абречество, которое всегда идеализировалось населением. В действительности оно приносило немало бед и страданий народам, проживающим рядом с чеченцами. Так, в начале XX века в крае длительное время бесчинствовал абрек-чеченец Зелимхан. Это он устроил набег на Кизляр, где, вырезав всю охрану, ограбил банк и фактически проложил дорогу своим преемникам по бандитскому ремеслу Ш. Басаеву и С. Радуеву.

Впрочем, есть и более «свежий» пример. В 70-е годы в результате специальной операции правоохранительными органами тогда еще Чечено-Ингушетии в Советском районе (Шатой) был обезврежен восьмидесятилетний Хасуха. При задержании абрек был убит. Но погиб и сотрудник госбезопасности подполковник Салько. Его похороны в Грозном едва не вылились в массовые беспорядки.

И, наконец, последнее. В чеченском обществе исключительно велики роль и значение тейповых отношений. Чеченское общество — это конгломерат тейпов, от взаимоотношений внутри которых зависит в целом мир в регионе.

Что же такое тейп? Это группа из нескольких родов, живущих на общей территории и находящихся между собой в отношениях социального равенства.

Все эти составляющие предопределили особый менталитет вайнахов, традиционно претендующих на национальное, религиозное и военно-политическое лидерство на Северном Кавказе.

Но вернемся к истории. После установления в регионе советской власти в 1920 году горцы, до этого воевавшие вместе с большевиками против Деникина, выступили теперь против нового режима.

Мятежи имама Н. Гоцинского и внука Шамиля Саидбека, подавленные частями Красной Армии, стали для Советской России первым серьезным предупреждением. На несколько лет в

горах Чечни и Дагестана наступило затишье. Но ситуация резко изменилась в начале 1925 года. Нерешенность земельного вопроса, экономическая отсталость нагорной Чечни, усилившаяся религиозная пропаганда подготовили почву для вооруженных выступлений в Урус-Мартане, Ачхое и в других местах.

«Инструкция РККА по разоружению населения Чеченской автономной области» от 4 августа 1925 года возлагала руководство операцией на военное командование всех степеней с широким привлечением руководящих работников и частей ОГПУ. Документ предусматривал следующую тактику действий. Намеченный к разоружению аул окружался войсками. Руководитель операции на сходе предъявлял требование сдать все оружие в течение двух часов. При невыполнении этих условий в качестве предупреждения открывался десятиминутный артиллерийский огонь на высокие разрывы и полупоражение, а затем после отбоя требование повторялось. В случае его выполнения начиналось изъятие только бандитского элемента. В противном случае оперативная группа ОГПУ должна была провести поголовный обыск и за держание всех подозрительных лиц. Применение оружия на поражение допускалось в случае вооруженного сопротивления. (Инструкция была разработана начальником войск СКВО М. Алафузо и утверждена командующим войсками округа И. Уборевичем.)

Операция началась 25 августа и завершилась успешно. Было арестовано более 300 повстанцев, среди которых — все лидеры. Изъято 25 299 винтовок, 4319 револьверов, 1 пулемет и около 80 тысяч патронов. Воздушная бомбардировка пришлась на 16 аулов из общего числа — 242. Взорвано 119 домов. Потери населения составили 6 убитых и 30 раненых. Погибло 5 красноармейцев и чекистов, раненых было 9 человек.

Наиболее ожесточенно сопротивлялся Урус-Мартан, являвшийся в то время неофициальной столицей Чечни. Населению предъявили ультиматум — сдать 4 тысячи винтовок и 800 револьверов (которые, по оперативным данным, имелись у жителей), но фактически было сдано чуть более тысячи винтовок и 400 револьверов.

Требованию выдать шейхов, возглавивших восстание, жители также не подчинились. Тогда был начат артобстрел. Всего было израсходовано около 900 снарядов. Бомбежка производилась и с воздуха. В результате 12 домов оказались разрушенными. Оружие было сдано полностью.

Как видим, по сравнению с нынешними временами и по количеству жертв, и по срокам боевых действий операция 1925 года была чуть ли не идеальной. И все же… В сентябре 1929 года

вспыхнуло новое антисоветское восстание, охватившее вскоре Чечню и Дагестан. Причем сначала повстанцы выдвигали только социально-политические требования, но после проведения войсками некоторых карательных действий восстание стало проходить под лозунгом газавата.

Первоначально командование СКВО сформировало отряд численностью в 2000 человек при 75 пулеметах, 11 орудиях и 7 самолетах. 10 октября 1929 года начались активные военные действия. Ожесточенные бои развернулись в окрестностях аулов Шали, Гойты, Беной.

Но руководители операции допустили ряд тактических просчетов, и это сказалось на эффективности действий войск. Результат — большинство повстанцев ушли в горы, количество изъятого оружия было небольшим. Более того, лидеры восставших (а это были духовные и национальные авторитеты) сумели далее усилить влияние на территории, не охваченные восстанием. Они попытались установить связь с жителями ряда казачьих станиц Терека, недовольных политикой советской власти, а также с населением соседних Грузии, Ингушетии и Дагестана. Эти процессы таили в себе серьезную опасность.

В марте 1930 года была создана Оперативная группа войск для ликвидации повстанческого движения. В ее составе насчитывалось уже около 4 тысяч штыков и сабель при 8 орудиях, 10 пулеметах и одном авиазвене. Войска группы представляли собой сводные подразделения четырех пехотных дивизий, а также трех артдивизионов, двух полков горных стрелков, трех кавэскадронов войск ОГПУ, нескольких рот курсантов Владикавказского пехотного и Краснодарского кавалерийского училищ.

К середине апреля 1930 года восстание было подавлено. Однако, несмотря на удачно проведенную операцию, военно-политическое противостояние в регионе не смягчилось. Большое количество жителей восставших аулов ушло в горы и продолжало борьбу.

Сделало определенные выводы и высшее армейское руководство. Архивные материалы тех лет содержат подробный анализ действий войск. В них говорится о необходимости создания специальных горных войск, повышения полевой выучки в ночных условиях.

Свои выводы из причин и уроков восстания сделали и руководители центральных органов власти. Некоторые перегибы коллективизации были исправлены, проведена массовая амнистия участников восстания, в регион завезли огромное количество промтоваров по низким ценам. Но главное — был

обновлен состав руководителей на местах.

Однако уже через непродолжительное время вследствие очередных непродуманных, а зачастую просто провокационных действий со стороны представителей власти, социально-политическая обстановка вновь осложнилась, и в марте 1932 года началось новое восстание в Чечне. Центром восставших стал Беной. А возглавили их духовенство и местные лидеры постоянных вооруженных групп, действовавшие в горах. Повстанцы планировали захватить ряд нефтепромыслов, овладеть железнодорожной станцией Гудермес, соединиться с контрреволюционным подпольем смежных с Чечней районов Дагестана…

Попытки войск ОГПУ подавить конфликт собственными силами ничего не принесли. Переломили ситуацию армейские части. Несмотря на неделю боев, потери восставших были по тем временам огромными — 333 убитых, 150 раненых. Красноармейцев погибло 27 человек, 30 получили ранения.

Опять же, при упоминании этих цифр приходят на ум данные о потерях в последних двух чеченских кампаниях, в которых мне довелось принимать участие. Ужасно.

Подводя итоги боевых действий, командующий войсками СКВО Н. Д. Каширин в апреле 1932 года отмечал, что в отличие от проведения операции 1930 года, армейские части действовали организованно и решительно. Он предложил занять постоянными воинскими гарнизонами РККА или ОГПУ крепостей Шахар (Карачаевск), Шатой, Гуниб и аул Беной. Вскоре это было осуществлено.

После 1932 года открытых вооруженных выступлений стало гораздо меньше. Но недовольство деятельностью власти, ОГПУ, созданием колхозов население горных районов Чечни и Дагестана периодически выражало убийствами чекистов, милиционеров, активистов.

Ситуация стада меняться с раскручиванием маховика репрессий в 1937–1938 годах, который не обошел и Чечено-Ингушетию. (К этому времени прошло два года, как она была образована из Чеченской и Ингушской автономных областей.) Только за два дня, 31 июля и 1 августа 1937 года, по спискам НКВД было арестовано 14 тысяч человек, что составило почти три процента населения республики. В числе жертв первой волны репрессий оказались в основном бывшие рядовые участники повстанческого движения, а также те, кто оказывал им помощь.

В этих условиях вооруженное противостояние в регионе вновь резко обострилось.

Размах политического бандитизма стал стремительно

нарастать. Были убиты трое начальников отделов НКВД Чечни, пущен под откос военный железнодорожный состав на перегоне Грозный — Назрань…

В конце 30-х годов в Чечне начался новый этап партизанской борьбы. К руководству повстанческим движением на смену шейхам и муллам, призывавшим к возрождению имамата, пришли другие люди, выступающие с более широких в социально-политическом плане позиций. Например, Хасан Исраилов стал лидером восстания в Галанчожском районе в январе 1940 года. Несмотря на молодость (всего тридцать лет), он был членом ВКП(б) с 1929 года. Исраилов работал в «Крестьянской газете», писал стихи, пьесы. Направленность его публицистических статей — борьба с коррупцией в органах власти, резкая критика чиновничьего произвола. Неоднократно арестовывался, впоследствии был исключен из партии, добился большой популярности в народе…

Через несколько месяцев восстания партизаны полностью овладели Галанчожским районом, частью Шатойского района, аулами Саясан и Чаберлой. На «народном съезде» повстанцы провозгласили свое «Временное народно-революционное правительство» Чечено-Ингушетии. Главное требование — достижение полной и реальной независимости. И только благодаря вводу нескольких воинских частей восстание было локализовано. Однако Исраилову и нескольким сотням его сторонников удалось уйти в горы.

К концу 1940 года ситуация в горных районах вновь стабилизировалась. Но стоило только проявиться признакам ослабления центральной власти с началом Великой Отечественной войны, как пламя сопротивления вспыхнуло вновь. Мало того, в начале сороковых годов в республике произошло заметное сокращение численности партийных организаций и резко возросла роль религии, повысился авторитет религиозных сект Кунта-хаджи, Дени Арсанова, Батал-хаджи.

С начала 1942 года стала намечаться тенденция ухода с партийной и советской работы местных кадров. В горах скрылось 80 ответственных работников — 16 партийных, 8 функционеров райисполкомов, 14 председателей колхозов и другие.

В это же время в республике разгорелся новый очаг сопротивления советской власти. В Шатое и Итум-Кале выступил со своими сторонниками М. Шарипов, брат известного чеченского большевика А. Шарипова, погибшего в гражданскую войну. Вскоре отряды Шарипова и Исраилова объединились. Повстанцы выпустили воззвание к народу, в котором говорилось, что кавказцы ожидают немцев как гостей и окажут им гостеприимство

— только при признании их независимости. В свою очередь, в ряде приказов войскам вермахта, воюющим на Кавказе, указывалось на необходимость радикально иного поведения здесь немецкого солдата, чем это имело место на Украине и в других областях СССР.

Весной 1942 года советская авиация дважды подвергала воздушным бомбежкам (!) некоторые районы горной Чечни. Особенно пострадали населенные пункты, бывшие очагами восстания.

Иным стало отношение к кавказским народам, особенно к чеченцам и ингушам, в частях действующей армии. В Красную Армию они призывались в части со смешанным национальным составом, где чувствовали себя неуверенно. Их обучение и воспитание проводилось, как правило, без учета национально-религиозных особенностей, традиций, бытового уклада.

В русской армии начала века существовали национальные вооруженные формирования народов Кавказа. Так, в Туземной дивизии в годы Первой мировой войны своей удалью выделялись Чеченский и Ингушский полки, не давшие, кстати, ни одного дезертира. Примечательно, что для чеченцев и ингушей в дореволюционной России не существовало обязательной воинской повинности, но многие шли на службу добровольно. В своей дооктябрьской истории русская армия знала девять генералов из числа чеченцев и ингушей.

Операция «Чечевица»

С началом Великой Отечественной войны стало массовым дезертирство чеченцев и ингушей из армии. Только с июля 1941 года по апрель 1942 года из числа призванных в РККА и трудовые батальоны дезертировало и уклонилось от воинской службы 1500 человек.

При таком положении дел Государственный Комитет Обороны принял решение вообще не призывать их в армию, а находящихся в ее рядах освободить от службы. Но в первые месяцы войны ГКО разрешил формирование нескольких десятков национальных кавалерийских дивизий и стрелковых бригад. Так в ЧИАССР была сформирована 114-я кавдивизия и в Кабардино-Балкарии — 115-я кавдивизия.

Весной 1942-го части этих соединений прибыли на фронт и приняли участие в боях под Сталинградом. Кавказские части понесли большие потери, после чего их вывели во второй эшелон. А вскоре в Чечено-Ингушетии начала формироваться еще одна дивизия, на этот раз стрелковая. Но она так и не вышла на фронт, ее буквально захлестнуло дезертирство.

Сложной обстановкой в республике не могли не воспользоваться немецкие спецслужбы. На Кавказ они забрасывали террористические группы из числа бывших военнопленных и дезертиров, сотрудников абвера. Только летом 1942 года было заброшено четыре таких группы. Они входили в тесный контакт с местными бандитскими формированиями, совершая террористические и диверсионные акты. Для борьбы с десантами противника и поддержания порядка в прифронтовой полосе Северо-Кавказского региона ГКО образовал двенадцать истребительных батальонов.

С приближением фронта к Северному Кавказу обстановка в Чечено-Ингушетии еще больше обострилась. К концу 1941 года в республике действовало около 20 террористических групп. На их счету было несколько убийств, носивших явно демонстрационный характер: республиканского прокурора Газиева, народного судьи Албогачиева, начальника милиции Хуптаева… По данным НКВД, с сентября 1942 года по февраль 1944-го на территории республики было ликвидировано 87 бандгрупп, арестовано около 300 повстанцев.

Всего в результате проведения войсковых операций в Чечено-Ингушетии с июня 1941 года по январь 1945 года ликвидировано 232 террористических группы, 1815 бандитов-одиночек, арестовано 1714 пособников. Изъято 18 046 автоматов и 11 366

винтовок.

Руководство страны искало выход из создавшегося положения. Как свидетельствуют документы, во многом на принятие решения о депортации чеченцев и ингушей повлияла сильно искаженная оперативная информация по линии НКВД о десятках тысяч бандитов в республике, о многочисленных немецких десантах, действующих вместе с бандитами. Сказались также особые отношения Сталина и его соратников к вайнахам как носителям идей открытого сопротивления сталинской национальной политике, стремление произвести акт возмездия и преподнести урок другим народам.

В ноябре 1943 года план переселения чеченцев и ингушей обсуждался на совещании начальников УНКВД ряда краев и областей Сибири, куда предполагалось выселить эти народы. Местами переселения также были определены Казахстан и Киргизия. В середине декабря 1943 года этот план был окончательно утвержден.

Будущая операция должна была проводиться скрытно. В январе 1944 года совнарком ЧИАССР и обком партии приняли совместное решение «Об обеспечении подготовки тактических учений войсковых частей СКВО в горных условиях». А к концу января в республике уже находилось около 100 тысяч военнослужащих частей НКВД и почти 19 тысяч работников НКГБ и СМЕРШа. Такой концентрации войск Чечено-Ингушетия раньше не знала.

20 февраля 1944 года в специальном вагоне в Грозный прибыли нарком внутренних дел СССР Л. Берия и его заместители генералы Б. Кобулов, И. Серов, С. Мамулов.

Поражает точность и тщательность всего того, что делалось при подготовке к переселению. Взять хотя бы дороги в республике. Они изучались детально. Отметки подъемов и спусков чуть ли не на каждом километре, выбоины и колеи, обрывы и ущелья, места возможных оползней, состояние переправ, бродов. Но еще тщательнее отрабатывались вопросы железнодорожных перевозок. Ответственным уполномоченным по организации транспорта Берия назначил начальника 3-го управления НКГБ СССР комиссара госбезопасности третьего ранга С. Мальштейна. Генерал-майору Бочкову, начальнику управления конвойных войск НКВД СССР, вменялось в обязанность организовать «охрану спецконтингентов на станциях погрузки и конвоирование до мест расселения».

В плане мероприятий по обеспечению специальных железнодорожных перевозок значилось: «Всего для обеспечения перевозок спецконтингентов сформировать и отправить 152

маршрута по 100 вагонов в каждом, общим количеством 14 200 крытых вагонов и 1 тысяча платформ. Эшелоны формировать по 65 вагонов по схеме: в голове поезда ставить два вагона прикрытия (или один пульмановский), 33-й вагон отвести для конвоя, 34-й под медизолятор…»

Вся операция получила название «Чечевица». Сейчас вряд ли можно сказать, кто и когда придумал такое нелепое название. Очевидно, сыграло роль созвучие первых букв депортируемого народа, но так или иначе «Чечевица» была и подготовлена, и проведена на самом высоком организационном уровне. Как ни странно это звучит. А в феврале был уже подведен окончательный итог — 97 635 семей или 459 486 чеченцев и ингушей должны покинуть республику. (Эти расчеты были сделаны по итогам предшествующей переписи населения). Начало операции назначено на 22–23 февраля.

Удивительно, но выселение всех «виновных» народов проходило под праздники или сразу после красных дней календаря. Так, карачаевцев выслали под 7 ноября, калмыков — под Новый год, чеченцев и ингушей — в день Советской Армии. И только выселение татар проходило спустя почти три недели после первомайских торжеств.

В ночь на 23-е были оцеплены все населенные пункты республики, организованы засады в ущельях и на тропах. Опергруппам, состоящим из одного оперативника и двух бойцов войск НКВД, было приказано производить выселение четырех семей на каждую. В специальной инструкции предписывалось по прибытии в дом выселяемых произвести обыск, изъять огнестрельное и холодное оружие, валюту, антисоветскую литературу. Главе семьи предложить выдать властям участников созданных немцами отрядов и лиц, помогавших фашистам. Здесь же объявить причину выселения: «В период немецко-фашистского наступления на Северный Кавказ чеченцы и ингуши в тылу Красной Армии проявили себя антисоветски, создавали бандитские группы, убивали бойцов Красной Армии и честных советских граждан, укрывали немецких парашютистов». Затем надлежало погрузить в транспортные средства имущество и людей, в первую очередь женщин с грудными детьми, и под охраной отправить к месту сбора. С собой разрешалось брать продовольствие, мелкий бытовой и сельскохозяйственный инвентарь, но не более полутонны на семью.

В случае сопротивления или попыток к бегству применять решительные меры, вплоть до расстрела. (Примечательно, что ни в Чечено-Ингушетии, ни чуть раньше в Карачаево и позже в Балкарии войска НКВД так и не встретили ни разу

организованного отпора.)

Пущенные в черное небо осветительные ракеты стали сигналом к началу операции.

Каждые шесть часов руководители оперативных секторов докладывали Л. Берии.

Самой большой неожиданностью стал мощный снегопад, начавшийся во второй половине дня во всех районах республики. Но погода не помешала. К 11 часам утра, как следует из телеграммы Сталину № 6051, «…вывезено из населенных пунктов 94 тысячи 741 человек, то есть свыше 20 процентов подлежащих выселению. Погружено в железнодорожные эшелоны из этого числа 20 тысяч 23 человека». А уже к исходу первого дня операции появилась первая суммарная сводка о ходе погрузки и отправления эшелонов: 39 готовы к отправке, 32 находятся под погрузкой, 18 находятся в пути. 107 431 человек, в том числе 43 529 детей, потеряли в этот день свой дом, сменив его на теплушку.

В среднем на каждый поезд приходилось по две с половиной тысячи человек.

В отчетных документах на имя Л. Берия эшелоны обозначались индексом «СК» (спецконтингент) и трехзначной цифрой.

«Из эшелона СК-349 на ст. Куйбышев снят труп ребенка восьми месяцев. Умер от истощения. Из эшелона СК-368 снято четыре трупа».

Гибли в основном старики и дети по причине истощения, инфекционных заболеваний, воспаления легких. Ни имен, ни фамилий умерших. Впрочем, иногда фамилии попадались. Это в тех сводках, где докладывалось о попытках к бегству или о сопротивлении конвою.

По некоторым данным, спецпереселение только чеченцев и ингушей обошлось стране в 150 миллионов рублей. На эти деньги можно было бы построить около 700 танков. Но кто считал затраты? А тем более людские потери. Пути следования железнодорожных составов в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию до сих пор отмечены могилами людей, не перенесших тяжелой дороги. Без малого полмиллиона чеченцев и ингушей были оторваны от родной земли и смогли вернуться на родину лишь в 1957 году.

После депортации в самой Чечено-Ингушетии уничтожались любые следы, вытравливалась память о веками живших здесь народах. Вывозились материальные ценности из опустевших домов. Были сожжены уникальные древние рукописи. Разбивались кладбищенские плиты; надгробные стелы шли на

строительство мостов и дорог. Взрывались мечети и средневековые башни, другие святилища. Переименовывались названия селений, улиц, площадей, колхозов. Из библиотек и музеев изымались книги и документальные материалы о «врагах народа». Задним числом менялась даже национальность погибших во время войны Героев Советского Союза — чеченцев. А. Байбулатов был записан кумыком, Х. Магомед Мирзоев — таджиком, Х. Нурадилов — татарином.

Между тем, после выселения с Северного Кавказа чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев к оставшимся в горных районах бандгруппам присоединились легализованные до выселения бандиты и те, кто сумел избежать депортации. Лишенные основных баз, но располагая оружием, они активизировали свои действия. К этому их побуждало естественное желание мести.

Проблему борьбы с бандитизмом в регионе депортация народов не решила. Наоборот, еще туже завязался узел противоречий на национальном, социально-политическом и религиозном уровне. Карательные меры, впрочем, как и вся политика России, а позже и СССР в период 1920–40-30-х годов на Кавказе, были зачастую необоснованы. Этот вывод, на мой взгляд, логично вытекает из самой истории социально-политической борьбы, военного противостояния в регионе, начиная с XIX века. Лидеры советской власти под видом создания федерации фактически продолжали имперскую политику самодержавия по насаждению жесткого централизованного государства, при этом пренебрегая национальными и религиозными особенностями того или иного народа.

Советский Союз с самого рождения стал унитарным государством, в котором многие вопросы национальной политики решались с позиции силы. Все это воспринималось нерусской частью населения через призму обид и недовольства. Некоторые мероприятия, планирующиеся центром, на местах осуществлялись русскоязычными начальниками без учета местной специфики, что только подрывало престиж власти, перечеркивало лучшие достижения в области межнациональных отношений (ликвидация неграмотности, формирование национальных кадров, искоренение нищеты, модернизация всех сфер жизни).

Народы Северного Кавказа, сохранившие патриархально-родовой строй, оказались в свое время присоединенными к России насильственным путем. Затем последовала ломка вековых устоев, традиций, экономического уклада жизни этих народов в целях имперской стабильности или строительства социализма. И

эта ломка, к сожалению, представлялась руководству государства единственно верным средством в решении национальных конфликтов.

Однако такая негибкая политика центра зачастую приобретала на местах сопротивление вплоть до вооруженной борьбы. Причем своего пика эта борьба достигала в тот момент, когда центральная власть испытывала серьезные проблемы в руководстве регионами.

Так было в период революции, Гражданской войны, в годы Великой Отечественной войны.

Это, к несчастью, произошло и в годы распада СССР.

То ли к счастью, то ли к несчастью, но в кризисные 90-е годы я оказался не только свидетелем, но и активным участником политической разборки метрополии со своей национальной окраиной. Я многое бы отдал, лишь бы мои современники не знали никогда, что такое вооруженная смута в стране.

Глава 2
Новейшая история: смута

Волчий оскал

Маховик беспредела, пропитанного национализмом, вовсю начал раскручиваться в Чечне. Пик его выпал на начало 90-х годов, когда к власти пришел Джохар Дудаев. И вовсе не случайно площадь Ленина и аэропорт в Грозном были названы в честь шейха Мансура. В любом удобном и не совсем удобном случае это имя стало выдвигаться напоказ как символ сопротивления всему русскому, всему российскому.

Отдавая должное личности шейха Мансура, нельзя не отметить, что для своего времени он был довольно широко образован, пользовался большим авторитетом среди местного населения, обладал немалыми организаторскими способностями. Народ пошел за ним. Уже в 70-х годах XVIII столетия, то есть за 200 лет до запуска в оборот идеи «добровольного вхождения Чечни в состав России», он вступил в войну с царскими войсками и несколько сражений даже выиграл.

Кстати, об идее «добровольного вхождения». Насколько героична, настолько и трагична история чеченского народа. Известно, что объединителем различных племен и народов в единое централизованное Российское государство волею истории было Московское княжество, ставшее затем царством, а потом и могучей империей. Однако в конце 70-х — начале 80-х годов, с благословения ЦК КПСС, в пропагандистский оборот была запущена идея «добровольного вхождения» в состав России народов, населявших к этому времени ее территорию. Но даже по школьным учебникам очевидно, как «добровольно» входило в состав России, скажем, Казанское ханство или Западно-Сибирское ханство. Менее известно, насколько «добровольно» входила в состав России Чечня. Менее известно об этом потому, что здесь завоевательной политике русского царизма было оказано, пожалуй, самое ожесточенное и длительное по времени сопротивление.

Но вернемся к шейху Мансуру. Существует предание о том, что в одном из сражений с царскими войсками в районе селения Алды он пленил юного корнета, ставшего затем блистательным генералом, героем Бородина, — князя Багратиона. Пленил. И по молодости лет отпустил.

Однако долго противостоять более многочисленной, более организованной, более вооруженной русской армии шейх Мансур не мог. И ушел в районы западного Кавказа. Там, в осажденной крепости Туапсе, он был пленен и закончил жизнь в казематах Шлиссельбургской крепости. Существует предание, что сама

Екатерина Великая не могла отказать себе в удовольствии лицезреть этого знаменитого горца.

Некоторые советские историки пытались представить его как революционера. С этим вряд ли можно согласиться. Но народным героем он был несомненно. Все дело лишь в том, что те, кто поднимал на щит его имя (в совершенно иных политических обстоятельствах), оказались неспособными понять, что имя принадлежит истории. Кстати, именно в это время, когда поднялась мутная пропагандистская волна за выход Чечни из состава России, в газете «Голос Чечни» была опубликована статья учителя сельской школы. В ней он, обращаясь к ревнителям независимости, писал: «Не забывайте, что под вами земля, над вами небо, а вокруг Россия»…

В конце 80-х — начале 90-х годов я проходил службу в Германии. За событиями, происходящими на родине, следил в основном по газетам и телевизионным программам. Но когда в 1994 году оказался на Кавказе, мне не раз доводилось встречаться с людьми, которые находились в эпицентре событий начала 90-х. Они рассказали мне многие факты, о которых порой умалчивали центральные телевизионные каналы и газеты. И хотя о Чечне периода 1991–1995 годов говорилось много, мне все же хочется поделиться с читателями мнением людей, которых давно хорошо знаю и которым доверяю.

Среди них — Федор Павлович Боков, доктор исторических наук, преподаватель Грозненского университета, проживший в Грозном с 1952 по 1994 год. Вот что он мне поведал в одном из наших разговоров.

> «Весной 1992 года на Северный Кавказ прибыл Президент России Б. Ельцин в сопровождении своей прочной опоры — демократов первого поколения Старовойтовой, Бурбулиса и других приближенных к нему господ. Мне довелось его послушать на митингах, сначала во Владикавказе, а затем в Назрани. Общие фразы, рассчитанные на дешевый эффект, и не более того. Зато в Грозном, выступая перед чеченской и ингушской интеллигенцией, он ко всему прочему озадачил аудиторию следующим пассажем: «Здесь я должен заявить, понимаешь, что мы всячески будем поддерживать казачество, которое всегда было надежной опорой России в ее борьбе, понимаешь, со всякими там инородцами».
>
> Ему невдомек было, что выступает он перед

потомками тех, кого в царской России презрительно называли инородцами. Ему невдомек было, какую реакцию в душах этих людей вызовет этот его ляп. Но этот просчет — мелочь по сравнению с безоглядной, безответственной, ничем не оправданной поддержкой руководством России того периода (1991–1993 годы) абсолютно бездарного политика (если его вообще можно назвать таковым) генерала Д. Дудаева, что в конечном итоге привело к роспуску Верховного Совета республики и, превращению бывшего советского комдива в неподконтрольного никому узурпатора. Какой из Д. Дудаева политик — говорят сами за себя некоторые факты.

Летом 1993 года, когда уже четко обозначилась линия на выход Чечни из состава России, когда уже вовсю звучали автоматные очереди, но еще продолжались различного рода съезды, конференции, митинги и т. п., в Грозном, в здании республиканского драматического театра, состоялось собрание чеченской интеллигенции. Мне довелось на нем присутствовать. Говорили, за редким исключением, на русском языке. Вел его доктор исторических наук, профессор Ж. Гакаев, к этому времени уже весьма поднаторевший в умении служить одновременно нескольким господам, получая при этом определенные политические дивиденды. Центральной же фигурой и президиума, и собрания вообще, как мне представляется, был доктор химических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института нефти и химии Саламбек Хаджиев. Когда ему было предоставлено слово, он вышел на трибуну и рассказал интересную историю.

Он (по его словам) был приглашен домой к Джохару Дудаеву. Встреча проходила в теплой семейной обстановке, как говорится, за чашкой чая. После некоторого общего обмена мнениями Дудаев предложил Хаджиеву возглавить правительство Чечни. Прежде чем что-то ответить, Хаджиев попросил Дудаева обозначить свое видение перспектив развития республики, концепцию руководства социально-экономической, политической, общественной жизнью Чечни. И никакой концепции в его общих, путаных, сбивчивых фразах не обнаружил. А поэтому от карьеры отказался.

Весной 1994 года, когда в Грозном уже шли ожесточенные стычки между различными

криминальными группировками, начался значительный отток студентов из университета.

Академические группы быстро таяли, в связи с чем неизбежным стало сокращение преподавателей. Мне, как самому старшему на кафедре, уже пенсионеру, дальнейшая моя перспектива стала совершенно ясной и определенной. Уход был, в общем-то, безболезненным, однако несколько омраченным некорректностью руководства.

Через какое-то время зазвонил телефон, и состоялся такой вот разговор:

— Федор Павлович, вас беспокоит Юсуп (так условно назовем его).

— Узнаю. Рад слышать.

— Федор Павлович, это правда, что вас сократили?

— Да, это правда. А что поделаешь. Так сложились обстоятельства.

— При чем тут обстоятельства? Почему вы молчите? Можно я к вам сейчас подъеду?

— О чем речь! Буду рад встрече.

Буквально через десять-пятнадцать минут он приехал. За это время мы с женой, как и положено на Кавказе, накрыли скромный пенсионерский стол. Войдя в квартиру и бросив взгляд на этот стол, он правой рукой хлопнул себя по бедру, а левой указал на бутылку и закуску и эмоционально высказался: «Ради Бога, извините! Это должен был сделать я. Но, надеюсь, мы встречаемся не в последний раз»…

В общем-то, дело не в этом, а в том, что он пришел не один, а с компанией. С ним были еще двое. Один из них — явно не интеллектуал и впоследствии ни единого слова так и не произнес. Другой — плотный, крепкого телосложения, со вкусом одет, чисто выбрит и сразу же произвел хорошее впечатление.

Разговор повел Юсуп. Его суть сводилась к следующему: не думайте, дескать, что вы останетесь забытыми и никому не нужными. В ближайшие дни мы доложим о вас Джохару, организуем встречу с ним, специально под вас введем должность инспектора высших учебных заведений, и вы будете инспектировать тех мерзавцев, которые вас сократили.

Трезво оценив его эмоциональный манифест, я ответил: «Юсуп! Дело не во мне. Вряд ли стоит отнимать у Джохара Мусаевича столь дорогое для него время на

встречу со мной. Все, что я могу сказать ему, я лучше скажу сейчас вам, а вы при случае передайте. Постарайтесь понять, что Россия ни при каких обстоятельствах не выпустит вас из своих крепких объятий. Хотя бы потому, что ни с экономической, ни с политической, ни с какой другой точки зрения это было бы просто неразумно. Если это, паче чаяния, произойдет, то неминуемо принесет вред России, а Чечне — тем более. Максимум, чего вы можете добиться, так это того, чего добился Татарстан. Там, как я понимаю, сформировалась группа молодых ученых-экономистов, историков, политологов, которая стала опорой М. Шаймиева. Так вот пусть Джохар Мусаевич сформирует такую группу и пошлет ее в Татарстан, за опытом».

И тут гость, произведший на меня довольно приятное впечатление, изрек: «Если Джохар хотя бы только подумает об этом, его завтра же не будет».

Через некоторое время Д. Дудаев действительно позвонил мне и пообещал при первой же возможности встретиться. Разговор представлял собой набор общих фраз и обтекаемых формулировок.

Мне довелось быть и очевидцем штурма бывшего Дома политического просвещения в тот момент, когда там проходила сессия Верховного Совета республики. Мимо меня, оказавшегося в нескольких шагах от этого Дома, пронеслась толпа молодежи и средних лет мужчин.

Причем внешне они выглядели явно не городскими жителями и вооружены были, в буквальном смысле, кольями (очевидно заранее приготовленными). Осталось впечатление, что эту публику привезли из какого-то района вместе с кольями. Цепь милиционеров была смята.

Часть толпы ворвалась в здание и учинила погром, другая часть по пожарной лестнице взобралась на крышу, как бы показывая, кто «наверху» (то есть власть переменилась). На фоне этих событий невольно подумалось: а кто же берет власть?

Вскоре после разгрома Дома политпросвета прошел слух: вечером в «нефтяном институте» состоится встреча Д. Дудаева с преподавателями и студентами. В назначенное время я был там. И что же увидел? Для встречи была отведена, хотя и довольно большая по

площади, аудитория, находившаяся далеко не в лучшем состоянии. Ее даже не убрали после окончания занятий. Кстати, никого из преподавателей там не оказалось. А студенты если и были, то ничем не отличались от толпы, которая громила Верховный Совет.

Сложилось впечатление, что участниками этой встречи были те же самые лица».

Сколько бы примеров ни приводить для характеристики Д. Дудаева как политика, без следующего факта эта характеристика будет неполной. Выступая как-то по местному телевидению (уже укрепившись во власти, сопровождаемый не толпой с кольями, а надежной, вооруженной до зубов охраной) он заявил: «Ко мне поступает много жалоб от учителей, медицинских работников, пенсионеров на невыплату им заработной платы и пенсии, а посему они находятся якобы на грани голода. Должен заявить, что подобные жалобы совершенно беспочвенны. В лесах Чечни столько даров природы, что говорить о голоде могут только демагоги и лентяи. Нужно только умело пользоваться этими дарами. А тех, кому у нас не нравится, мы не удерживаем».

Хотел Дудаев того или нет, но он сам выдал здесь квинтэссенцию своей социально-экономической программы. Но дело, в конечном счете, не в нем. Дело в том, что его поддерживало высшее руководство России. Широко известен факт, когда весь личный состав учебной дивизии, расквартированной на территории республики, был выведен за ее пределы, а техника, вооружение, боеприпасы, продовольственные и вещевые запасы почти полностью оказались в распоряжении Дудаева.

В подтверждение того, что это был вовсе не случайный «просчет», еще один факт.

Бывший работник КГБ, хорошо знакомый мне, с нескрываемой душевной болью делился: «В нашем здании, — говорил он, — сколько этажей над землей (здание 4-этажное), столько же и под землей. Там было автономное электро- и водоснабжение. Там было столько вооружения, боеприпасов, продовольствия, что мы три года могли держаться. Но из Москвы дали приказ оставить все это на месте. И «добро» перешло в распоряжение Шамиля Басаева».

Еще один «просчет» федерального руководства: начало разгрома высшего законодательного органа — Верховного Совета республики. Он был избран народом на основе существовавших

тогда законов, а разогнан толпой фанатиков и хулиганов, вооруженных кольями. Ну и чем все это закончилось?

В середине 1992-го, за год до расстрела Белого Дома в Москве, председатель Верховного Совета России («лицо кавказской национальности» Р. Хасбулатов) побывал в Грозном. В это время проходила очередная сессия Верховного Совета республики. Явившись на заседание этой сессии, он, подобно легендарному матросу В. Железняку (разогнавшему в январе 1918 года Учредительное собрание), потребовал от Верховного Совета республики принять решение о самороспуске и, в конечном счете, добился этого. А председателю Верховного Совета республики Доку Завгаеву пригрозил, что если тот будет здесь проявлять какую-либо самостоятельность, то он (Хасбулатов) доставит Завгаева в Москву в клетке. Так «демократом» Хасбулатовым без танков, без стрельбы был практически «расстрелян» высший законодательный орган республики и установлена диктатура генерала Дудаева. А в октябре 1993-го, но уже в Москве, все это, только в более ярком проявлении, случилось с Хасбулатовым. Воистину: посеявший ветер — пожнет бурю.

Ненароком коснувшись фамилии Завгаева, невольно задумываешься над вопросом: а что могло бы произойти, если бы федеральное руководство в начале 90-х поддержало не Дудаева, а Завгаева? Есть немало оснований полагать, что Чеченская Республика осталась бы Чеченской Республикой, а не стала бы Ичкерией и избежала бы трагедии, в пучину которой ее ввергли определенные силы в Грозном и в Москве.

Известно, что во всех сегодняшних республиках Северного Кавказа после ГКЧП на значительный срок остались почти те же руководители, что были и до ГКЧП. Они смогли уберечь свои регионы от тех катаклизмов, которые обрушились на Чечню. А смог бы добиться этого Завгаев? Абсолютно убежден в том, что при соответствующей поддержке Москвы, даже при условии ее невмешательства, он смог бы добиться этого.

Дело в том, что во все время существования советской власти в соседних республиках их первыми лицами были представители местных национальностей. И только в Чечне первым лицом был обязательно русский, а уже вторым — чеченец. Доку Завгаев был первым чеченцем, ставшим главным в своей республике! Это был крепкий хозяйственник, достаточно дальновидный, хладнокровный и принципиальный политик. Он пользовался вполне заслуженным авторитетом и уважением у населения республики. К тому же вокруг него уже формировалась группа молодых политиков, вооруженных не кольями, а глубокими знаниями в различных областях.

«Два факта. По инициативе и по протекции некоторых моих коллег, — рассказывает далее Ф. Боков, — Завгаев принял меня.

Внимательно выслушал и при мне же дал распоряжение не препятствовать открытой критике пресловутой «концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России». Хотя незадолго до этого секретарь обкома партии по пропаганде (между прочим, «лицо кавказской национальности») убеждал в своем кабинете группу оппонентов этой «концепции» в том, что она уже принята обществом, вошла в сознание народа, что всякая критика ее лишь раскалывает общественное мнение, дестабилизирует обстановку в республике и т. д., и т. п. «Кому это нужно?» — вопрошал он.

Могу также свидетельствовать, что Завгаев не в своем кабинете, а в открытой аудитории встречался с представителями обозначившейся тогда оппозиции в лице З. Яндарбиева, М. Удугова и других, открыто с ними полемизировал. Свидетельствую об этом потому, что присутствовал на этих встречах, при этой полемике, на основании чего могу сделать вывод: он не приветствовал отделение Ингушетии от Чечни и вместе с тем был слишком трезвым политиком, чтобы не видеть абсурдность и пагубность набиравшего обороты стремления Чечни выйти из состава России. Он говорил об этом открыто. Он делал все, что можно было в тех условиях, чтобы не допустить развития событий в гибельном направлении».

Федор Павлович Боков с семьей вынужден был покинуть Грозный, как вынуждены были сделать это десятки тысяч русских, между прочим, коренных жителей республики. А новоявленный президент Ичкерии Дудаев, выступая на митингах, не уставал повторять: «Противостояние аппетитам хищного российского правительства не должно распространяться на беззащитных российских граждан. Раз они живут вместе с нами — они стали полноправными гражданами нашей республики. А мы в обиду своих людей не дадим!» Поразительный цинизм.

О том, как русские, армяне, евреи, представители других национальностей, проживающие в Чечне (и, что немаловажно, сами чеченцы), почувствовали себя «полноправными жителями

республики»— разговор еще впереди. Хотелось бы остановиться на личности Джохара Дудаева.

Джохар Дудаев. Штрихи к портрету

Джохар Дудаев родился в 1943 году в селении Ялхорой Галанчожского района Чечено-Ингушетии. Он был тринадцатым ребенком в семье. От первой, старшей жены Даны у его отца Мусы было четверо сыновей — Бексолт, Бекмурза, Мурзабек и Рустам — и две дочери — Албика и Нурбика. От второй, Рабиат, семеро — Махарби, Басхан, Халмурз, Джохар — и три сестры — Базу, Басира и Хазу. Говорят, что точную дату рождения Джохара никто не знает. Документы во время высылки чеченцев в Казахстан были утеряны. В личном деле указана дата — 15 мая 1944 года.

После окончания в 1960 году грозненской средней школы Дудаев поступил на физмат Северо-Осетинского госуниверситета, где проучился до второго курса. Затем забрал документы, тайком от родителей уехал в Тамбов и поступил в Военное летное училище имени Марины Расковой.

В 1966 году, по окончании училища, получил диплом с отличием. Начал службу в Московском военном округе. Затем пятнадцать лет проходил службу на различных должностях в Сибири. В 1974 году окончил командный факультет Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина. В 1969 году женился на Алевтине Куликовой. У них родились трое детей: два сына — Овлур и Деги и дочь Дана.

Член КПСС с 1968 года. Из партийной характеристики: «Принимал активное участие в партийно-политической работе. Выступления всегда носили деловой, принципиальный характер. Зарекомендовал себя политически зрелым и добросовестным коммунистом. Морально устойчив. Идеологически выдержан…»

В 1985 году Дудаев назначается начальником штаба авиационной дивизии в Полтаве. Последняя должность — командир дивизии тяжелых бомбардировщиков в эстонском городе Тарту.

Осенью 1989 года Дудаеву присваивается звание генерал-майора. За плечами двадцать девять лет службы в армии. Ордена Красной Звезды и Красного Знамени, более двадцати медалей. Блестящая карьера военного летчика… Но Дудаев решает круто изменить свою жизнь. Его захлестывает водоворот политических событий. Разваливается Советский Союз, экстремисты и националисты всех мастей при молчаливом согласии федерального центра запускают идеи о независимости и суверенитете. А затем, опять же пользуясь нерешительностью Москвы, переходят в открытое наступление. Чечня не становится исключением.

Призыв Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцина в 1990 году к автономиям «брать суверенитета столько, сколько смогут» в Чечне в буквальном смысле восприняли как руководство к действию. Лидеры Вайнахской демократической партии Яндарбиев, Умхаев и Сосламбеков уговаривают Дудаева возглавить Исполнительный комитет Общенационального конгресса чеченского народа (ИК ОКЧН). Им нужен был лидер — смелый, решительный, напористый. На эту роль весьма подходил Дудаев.

«Пламенного борца за демократию», как окрестила Дудаева российская пресса, уже к концу 1990 года знала вся Чечня. Он часто выступал на митингах и съездах. Вот, к примеру, выдержка из газетной статьи о Дудаеве: «Его блестящая речь, решительность и напор, прямота и резкость высказываний — внутренний огонь, не ощутить который было невозможно, — все это создавало притягательный образ человека, способного справиться с хаосом смутного времени. Это был сгусток энергии, копившийся именно для такого часа, пружина, до поры до времени сжатая, но готовая в нужный момент распрямиться, высвобождая накопленную кинетическую энергию для выполнения благородной задачи».

Какую «благородную задачу» решал Дудаев и его сторонники, вскоре узнает не только Чечня, но и вся Россия (а по большому счету и весь мир).

До сих пор некоторые политологи наивно полагают, что Дудаев был чуть ли не единственной фигурой, сумевшей возглавить «демократию» в Чечне и повести борьбу, вначале против партократии, а затем и против всей России. На самом же деле Дудаев, видимо, и сам не понимал того, что стал жертвой сложившихся обстоятельств и оказался просто пешкой в мутных политических игрищах того времени. Неоднократно доводилось слышать мнения весьма солидных политиков, которые рассуждали примерно так: «Зная Джохара, следовало бы присвоить ему звание генерал-лейтенанта, и тогда все было бы нормально, и Дудаев стал бы вполне управляем». Увы. Не было бы Дудаева, пришел бы другой — Яндарбиев или Масхадов. Так, впрочем, и произошло. И что после этого? Чеченцы прекратили сопротивление, и в республике установился порядок? Ничего подобного.

Дудаевы, Масхадовы, Яндарбиевы и им подобные появились на политической арене не вопреки, а благодаря развалу Союза, на волне всеобщего хаоса и беспредела, которые назывались не иначе как «демократическими преобразованиями».

Кстати, будущий президент самопровозглашенной Ичкерии

А. Масхадов, проходивший службу в Прибалтике, в 1991 году принимал активное участие в событиях возле Вильнюсского телецентра. «Не понимаю, — говорил он в кругу сослуживцев, — ну что этим литовцам не хватает?» И еще неизвестно, как поступил бы Джохар Дудаев, получи он приказ из Москвы о наведении порядка в Эстонии, которая также провозгласила свою независимость.

Думается, с присущей ему энергией и напором, Дудаев выполнил бы приказ.

Любопытен еще один факт. Перед тем как написать рапорт об увольнении из рядов Вооруженных Сил и дать согласие возглавить «национально-освободительную борьбу» на родине, Дудаев нанес визит командующему войсками Северо-Кавказского военного округа. Как говорят военные, «зондировал почву», чтобы продолжить службу в округе.

Но ему отказали.

…Как грибы после дождя разрастались конфликты в разных точках Советского Союза. Сумгаит, Карабах, Ош, Абхазия… И все они имели национальную окраску. В Чечне было чуть по-другому. С одной стороны, националисты выдвигали популистские лозунги о свободе и независимости «порабощенного Россией» народа, а с другой стороны — в республике началась самая настоящая межтейповая борьба за власть, что привело к гражданской войне 1991–1994 годов. Но об этом открыто и прямо тогда никто не говорил. Многие считали, что, придя к власти, Дудаев сумел объединить нацию и стал оплотом «демократии». Во всяком случае, так это преподносилось на телевидении и в прессе.

В Москве шли свои разборки, Центру было не до Чечни. В мутной воде беспредела и вседозволенности многие надеялись поймать свою рыбу. Дудаев этим воспользовался и стал создавать собственные вооруженные силы. Причем он говорил об этом открыто. Как человек военный, он хорошо понимал: чтобы удержать власть в своих руках, необходимо оружие.

На территории Чечено-Ингушетии в тот момент дислоцировались части и подразделения окружного учебного центра (173-й ОУЦ). В оружейных комнатах, на складах, в парках находилось большое количество оружия, боеприпасов, боевой и автомобильной техники, немало запасов продовольствия и вещевого имущества. Кроме того, в республике располагались также отдельные части ПВО, учебный авиационный полк Армавирского авиационного училища летчиков, части и подразделения внутренних войск… Все они также имели оружие и боевую технику.

Уже осенью 1991 года участились случаи нападения не

только на военнослужащих и членов их семей, но и на контрольно-пропускные пункты частей, склады с оружием и боеприпасами. Командир окружного учебного центра генерал П. Соколов постоянно докладывал в штаб округа, в Москву о создавшемся положении, требовал незамедлительно принять решение о вывозе оружия и техники за пределы Чечни. В Ростове-на-Дону помочь ничем не могли. Ждали, как всегда, соответствующих приказов и распоряжений из Москвы. А в столице, похоже, выжидали: как, мол, развернутся дальнейшие события? Военное руководство не проявляло или не хотело проявлять инициативу, боялось брать ответственность на себя.

Нерешительность проявлялась и на политическом уровне. В ноябре 1991 года был принят Указ о введении на территории Чечено-Ингушетии чрезвычайного положения. В Ханкале даже высадились на транспортных самолетах десантники и спецназ. Но Указ отменили. Решили не дразнить гусей. Фактически все воинские части в республике — офицеры, солдаты, члены их семей — стали заложниками, а огромный арсенал оружия, боеприпасов, боевой техники отдавался на разграбление дудаевцам.

Джохар в отличие от федерального центра действовал решительно и напористо.

26 ноября 1991 года своим указом он запрещает все перемещения техники и вооружения. К армейским частям он прикрепляет представителей «национальной гвардии», которые производят проверку автомобилей и документов, а также имущества, ввозимого и вывозимого с территории воинских частей. Этим же указом все вооружение, техника и имущество были «приватизированы» Чеченской Республикой и не подлежали отчуждению.

В тот же день, 26 ноября, Дудаев вызвал к себе генерала П. Соколова и военного комиссара республики капитана 1 ранга И. Дениева и заявил:

— Кто переступит границы Ичкерии, тот будет арестован. Личный состав окружного учебного центра вывести за пределы республики. В военных городках этого центра мы разместим две чеченские дивизии, которые сформируем в конце года. Вся техника и вооружение переходят в собственность вооруженных сил республики. Все командиры, и вы в том числе, подчиняются мне лично…

Вот так, ни больше ни меньше.

В те же дни корреспонденту газеты «Красная звезда» Николаю Асташкину удалось взять у Дудаева интервью. Новый лидер Ичкерии не скрывал своих замыслов.

— На сегодняшний день, — заметил Дудаев, — в республике сформирована национальная гвардия численностью 62 тысячи человек и народное ополчение — 300 тысяч человек. Мы приступили к законодательной разработке оборонных структур и самой оборонной системы.

Вопрос: Не говорит ли это о том, что вы готовитесь к войне?

— Смею вас заверить: любое вооруженное вмешательство России в дела Чечни будет означать новую кавказскую войну. Причем войну жестокую. За последние триста лет нас научили выживать. И выживать не индивидуально, а в качестве единой нации. Да и другие кавказские народы не будут сидеть сложа руки.

Вопрос: Вы хотите сказать, что в случае возникновения вооруженного конфликта это будет война без правил?

— Да, это будет война без правил. И будьте уверены: на своей территории мы воевать не собираемся. Мы перенесем эту войну туда, откуда она будет исходить. Да, это будет война без правил…

«Красная звезда» интервью напечатала в сокращенном виде, сгладив все острые углы.

С начала 1992 года в штаб Северо-Кавказского военного округа один за другим поступали тревожные донесения. Вот некоторые из них.

«В ночь с 4 на 5 января неизвестные совершили нападение на контрольно-технический пункт отдельного батальона связи. Убит дежурный по части майор В. Чичкан».

«7 января на территорию поста, который охранял младший сержант А. Петруха, проникли двое неизвестных. Скрытно подобравшись к часовому, они нанесли ему многочисленные удары по голове и скрылись».

«9 января убит дежурный по отдельному учебному автомобильному батальону капитан А. Аргашоков».

«1 февраля в районе станицы Ассиновская неизвестные лица, вооруженные автоматами, захватили 100 единиц нарезного оружия и другого военного имущества».

«4 февраля — нападение на конвойный полк МВД России. Похищено со склада свыше трех тысяч единиц нарезного оружия, 184 тысячи штук боеприпасов и все материальные средства и запасы полка».

«6 февраля — нападение на военный городок радиотехнического полка ПВО. Похищено большое количество оружия и боеприпасов».

«8 февраля совершаются нападения на 15-й и 1-й военные

городки 173-го окружного учебного центра. Со складов было похищено все оружие, боеприпасы, продовольствие и вещевое имущество».

Участились случаи нападений на квартиры, где проживали офицеры и члены их семей. Бандиты требовали их выселения, угрожали физической расправой.

Положение становилось угрожающим.

В начале февраля 1992 года в Грозном побывал Павел Грачев. К тому времени Советской Армии уже не существовало, российская еще не образовалась. Короче, полная неразбериха. Грачев встретился с офицерами гарнизона, вел переговоры с Дудаевым. 12 февраля за его подписью ушла докладная на имя Б. Ельцина.

«Президенту Российской Федерации Ельцину Б. Н. Докладываю:

Изучением положения дел на месте установлено, что в последнее время обстановка в Чеченской Республике резко осложнилась. В течение трех суток, с 6 по 9 февраля, организованными группами боевиков совершены нападения и разгромы военных городков с целью захвата оружия, боеприпасов и грабежа военного имущества.

6–7 февраля разгромлен 566-й полк внутренних войск МВД России, захвачены расположение 93-го радиотехнического полка 12-го корпуса ПВО и пункт дислокации 382-го учебного авиационного полка (пос. Ханкала) Армавирского высшего военного авиационного училища летчиков.

В результате этих противоправных действий захвачено около 4 тысяч единиц стрелкового оружия, нанесен материальный ущерб на сумму свыше 500 млн рублей.

С 18 часов 8.02 по настоящее время в г. Грозном боевики незаконных бандитских формирований Чеченской Республики осуществляют нападения на военные городки 173-го ОУЦ. Личный состав воинских частей оказывает сопротивление противоправным действиям. Имеются убитые и раненые с обеих сторон. Сложилась реальная угроза захвата складов с оружием и боеприпасами, на которых хранятся более 50 тысяч единиц стрелкового оружия и большое количество боеприпасов.

Кроме того, в опасности находятся и семьи военнослужащих, которые, по сути дела, являются заложниками чеченских националистов. Морально-психологическое состояние офицеров, прапорщиков и их семей напряженное, на пределе возможного.

По своему боевому и численному составу войска Северо-

Кавказского военного округа и внутренних войск МВД России не способны оперативно влиять и оказывать должное противодействие националистическим группировкам, которые на территории Северного Кавказа постоянно увеличиваются.

Учитывая сложившуюся обстановку в Российской Федерации, необходимо для защиты интересов и обеспечения безопасности граждан России иметь российские вооруженные силы.

Докладываю на ваше решение.

П. Грачев.

12.02.1992 года».

К сожалению, на высшем политическом уровне никаких четких и внятных решений принято не было. С большим трудом удалось вывезти за пределы Чечни военнослужащих и членов их семей. Это произошло только 6 июля 1992 года, спустя пять месяцев после пребывания П. Грачева в Грозном. И все это время российские военные подвергались всяческим унижениям и издевательствам. Война без правил, о которой говорил Дудаев в беседе с журналистом «Красной звезды», проявилась во всей красе.

В Москве праздновали победу новой российской демократии, а в Грозном бандиты приобрели огромный арсенал, чтобы потом, как мы уже знаем, направить его против России. Тоже был праздник.

В руки Дудаева попало столько оружия, что им можно было бы вооружить до зубов армию небольшого европейского государства. Одного только стрелкового вооружения осталось на складах и базах 40 тысяч единиц! Вот лишь некоторые цифры: 42 танка, 34 боевые машины пехоты, 14 бронетранспортеров, 139 артиллерийских систем, 1010 единиц противотанковых средств, 27 зенитных орудий и установок, 270 самолетов (из них 5 боевых, остальные, учебные, могли быть использованы как боевые), 2 вертолета, 27 вагонов боеприпасов, 3050 тонн горюче-смазочных материалов, 38 тонн вещевого имущества, 254 тонны продовольствия…

Режим действует

В 1992–1993 годах на телевизионных экранах довольно часто мелькали информационные сюжеты из Чечни, немало говорилось о ситуации в республике и на страницах газет и журналов. О чем только ни писали журналисты, политологи, экономисты, общественные и политические деятели. Здесь были рассуждения и о взаимоотношениях России и Чечни в новых условиях, и о возможной встрече Б. Ельцина с Д. Дудаевым, и о том, как новый лидер Ичкерии обустраивает социально-экономическую жизнь в республике, и о «трехсотлетней» войне русских с чеченцами. Но об истинном положении дел в Чечне говорилось мало или вообще не говорилось. Складывалось впечатление, что Чечня мало кого интересовала серьезно и основательно. Даже в официальных выступлениях представителей Кремля эта тема затрагивалась как бы вскользь, в контексте общих событий на Северном Кавказе.

Как-то известный журналист Владимир Гутнов, работавший несколько лет в агентстве РИА «Новости», рассказал мне любопытную историю. В марте 1994 года ему позвонили из штаба Терского казачьего войска и сказали, что из Грозного нарочным прибыл пакет документов для РИА «Новости». В то время Гутнов работал над интервью с Д. Дудаевым для одной из ближневосточных стран (заявка поступила по каналам Росинформагентства) и совершенно не сомневался, что это должны быть дополнения или окончательная редактура ответов Дудаева на вопросы.

Каково же было удивление журналиста, когда ему вручили не трехстраничное интервью, а огромный пакет документов за подписью атамана Грозненского округа Геннадия Галкина. Среди прочих бумаг Гутнов обнаружил и вырезку из республиканской газеты, в которой прочитал: «За распространение не соответствующей действительности информации о положении русскоязычного населения в Республике Ичкерия собственный корреспондент РИА «Новости» Владимир Гутнов объявляется персоной нон грата».

Впрочем, об этом — к слову, потому что не заявление министерства печати Чечни было основным содержанием пакета. Более двухсот печатных страниц документально подтверждали факты притеснения русскоязычного населения. Среди свидетельств выделялось 26-страничное приложение «Некоторые факты физического уничтожения и издевательства над русскими в Чечне в 1992–1993 годах». Приведу лишь некоторые из них, происшедшие только за два месяца 1993 года.

14 марта — найден мертвым на берегу реки Сунжа в станице Ермоловка водитель Грозненского нефтяного института Копанин. Ноги его были связаны, горло перерезано проволокой.

17 марта — трое вооруженных чеченцев ворвались в дом Крештопова. Пожилую мать на его глазах пытали раскаленным железом, требуя деньги. Крештопов умер от нервного шока.

19 марта — в дом ветерана войны, участника парада Победы Павлова, проживавшего по ул. Хасавюртовская, ворвались чеченцы. Павлова и его жену избили, связали, угнали машину.

6 июля — расстрелян из автоматов полковник запаса Воронов, проживавший по ул. Строителей. Он оказал сопротивление грабителям, пытавшимся проникнуть в его гараж.

7 июля — бандиты ворвались в дом Пикаловых по ул. Хрусталева, где проживали мать (1917 г. р.) и дочь (1933 г. р.). Дом ограбили, а обе женщины убиты садистским способом.

25 июля — на глазах супруга и четырехлетней дочери убита на садовом участке мать троих несовершеннолетних детей Татаринцева.

Наверное, достаточно, чтобы не доводить читателей сотнями (!) подобных фактов до нервного истощения.

Владимир рассказывал мне, что тогда он не решился писать на эту тему. Если не считать оперативной информации, за что и был объявлен персоной нон грата в Чечне. Причина профессиональной пассивности — в банальных заблуждениях. Срабатывал старый советский механизм ложной «региональной солидарности».

— Только позднее я понял, — говорил Гутнов, — что существуют, по крайней мере, две причины, по которым еще в 1994 году я обязан был предать гласности содержание пакета. Если не в центральных СМИ, то уж в региональных точно. Во-первых, следует раз и навсегда отказаться от благостного отождествления власти и народа. Далеко не все, что творят власти от имени народа, соответствует мнению народа. Во-вторых, из нашей новейшей истории рано или поздно придется делать выводы. Думается, они будут для нас малоприятными. Самые страшные из них проявились в национализме. Их можно объяснять, но не оправдывать.

Владимир Гутнов — журналист честный и принципиальный. Он сделал, как потом подтвердилось, правильные выводы. К сожалению, некоторые его коллеги, бывая в Чечне, преследовали зачастую меркантильные интересы.

И все же, несмотря на повсеместный разбой, в 1992 году

«национал-патриоты» в Грозном еще соблюдали некоторые нормы морали. Во всяком случае, к жертвам они обращались на вы. Вот один из образчиков такой «воспитанности»: «Мы за вами следим, знаем ваше расписание. И следим за каждым ваш им шагом. Даем вам 20 дней. Если вы не уберетесь за этот срок, то вы покойники. Привет вам от нашей малины».

Это почти поэма по сравнению с той прозой, которая началась позже. Летом же 92-го, не уяснив до конца суть происходящего, люди еще по наивности обращались к тамошним властям, просили защиты от беспредела бандитов. Но Дудаев и его сторонники лишь на словах ратовали за равноправие всех наций, проживающих в республике. Уже в середине 1994 года, по рассказам проживавших тогда в Чечне моих родственников, в Грозном пустовали тысячи домов и квартир. Заколоченные наглухо подъезды многоэтажек, прибитые к воротам частных домов таблички с надписями типа «Дом занят Ильясом» — это было уже повсеместно. Все знали, что брошенные квартиры и дома принадлежали когда-то русским, армянам, евреям. «Ильяс» занимал их позже, после вынужденного бегства хозяев.

По сведениям, собранным представителями русскоязычного населения Грозного, только в 1992–1993 годах Чечню по разным причинам (но в основном из-за шантажа и угроз) покинули около 45 тысяч русских. На следующий год эта цифра увеличилась вдвое. А сколько погибло русских, армян, евреев, представителей других национальностей за несколько лет кровавого бандитского режима, наверное, не подсчитает уже никто.

В 1991–1994 годах Дудаев каленым железом выжигал любое сопротивление со стороны «оппозиции», как окрестили ее многие журналисты. На самом деле происходили межтейповые разборки, которые приобрели массовый характер. В республике шла самая настоящая гражданская война. Мало кто знает, во всяком случае, в средствах массовой информации об этом даже не упоминалось, что дудаевцы в 1992 году совершили крупномасштабный бандитский рейд в Урус-Мартан. В результате кровавой разборки погибло около 500 человек ни в чем не повинных людей, в том числе русских. В 1993 году на одной из площадей Грозного расстреляли несколько сотен человек из артиллерийских орудий! Есть тому живые свидетели. Грозненские морги были завалены трупами. По телевидению и радио объявляли: «Заберите и опознайте своих людей!» Об этих вопиющих фактах мне рассказывали сами чеченцы.

Воровство и грабеж стали нормой жизни в республике. Не зря же чеченцы как популярный афоризм произносили фразу своего первого президента: «Не хочешь воровать — терпи». Поэтому

воровали много и охотно. У каждой банды была своя сфера влияния. К примеру, небезызвестный Салман Радуев с помощью личной «гвардии» первым ввел моду на грабежи проходивших через Гудермес в Дагестан и Азербайджан железнодорожных составов.

Бывший вор-рецидивист Руслан Гелаев, быстро сколотивший шайку из отпущенных из тюрем на свободу Дудаевым уголовников, контролировал «левый» чеченский бензин и солярку.

Дудаевцы умышленно уничтожали все, кроме нефтекомплекса. Им нужна была нефть, нужны были деньги для того, чтобы закупать оружие, вербовать наемников, которые стали прибывать в Чечню уже в начале 1994 года. А простой чеченский народ был доведен до отчаяния, особенно жители сельских районов. Чтобы прокормить свои семьи, люди вынуждены были воровать в колхозах и совхозах, тем самым разрушая сельскохозяйственную инфраструктуру.

Совершенно бесспорно также, что в Чечне «наследили» многие иностранные разведки. Особенно ближневосточные. Под «крышами» различных фирм они практически открыто вели свою работу, целью которой был не столько сбор разведданных, сколько подготовка к военному конфликту Чечни с Россией. Об этом свидетельствуют многочисленные перехваты агентурной информации и показания самих агентов.

Москва реагировала на эти обстоятельства вяло. Как заявил мне в Грозном один из высокопоставленных представителей правоохранительных органов России, равнодушие было связано с коррумпированностью некоторых чиновников верхних эшелонов федеральной власти и с неустойчивостью политической ситуации в стране в целом. Тем не менее, российские спецслужбы продолжали делать свое дело в Чечне. Так, например, выглядели характеристики некоторых чеченских лидеров в одной из справок.

> «Гелесханов Султан — министр департамента госбезопасности ЧР. Бывший работник МВД. Скомпрометировал себя. Совершил ряд уголовных преступлений. Руководил расстрелом парламента ЧР. Предан Дудаеву. Ярко выраженные антироссийские позиции. Один из организаторов и руководителей так называемого народного ополчения с привлечением штатных профессиональных военных наемников. Продажа и скупка оружия. Связан с иностранными спецслужбами…

Абубакаров Таймаз — министр экономики ЧР. Оказывает большое влияние на Дудаева. Один из темных правителей Чечни. Штатный сотрудник ЦРУ…

Хачукаев Эдуард — экономист, финансист. Высокообразованный человек. Один из богатейших в республике. Теоретик механизма перекачки нефтедолларов в ЧР и денег по фальшивым авизо из России. Руководитель этих операций. Связан с иностранными спецслужбами…

Идигов Иса — председатель парламента ЧР. Антироссийские позиции. Имеет влияние на некоторых депутатов Госдумы РФ. Большое влияние на депутата С. Ковалева, сопровождал его на территории Чеченской Республики, скрывал от русскоязычного населения Чечни».

«Рентген-анализ» спецслужб высветил все явное и тайное окружение Дудаева, но «молодой исламский тигр» продолжал спокойно пересекать на личном самолете воздушное пространство России, разъезжать на бронированном лимузине по югу страны.

В 1994 году, накануне ввода российских войск в Чечню, по Грозному было распространено воззвание вайнахского Комитета национального спасения.

«Граждане республики! Горцы-вайнахи! Над нами нависла опасная угроза национального позора, презрения и ненависти со стороны других народов соседних республик. О нас говорят, будто мы все головорезы, бандиты и разбойники. И это из-за преступной дудаевской клики, которая ради захвата власти посеяла межнациональную рознь, хаос и разгул анархии. При этом Дудаев вооружил угодных себе людей, способных прислуживать ему, опускаясь до холопской низости.

Неужели чеченцы, некогда гордившиеся, что среди них не было рабов-плебеев, теперь, потеряв национальное достоинство, ринулись прислуживать самозванцу Дудаеву, который, воспользовавшись всенародной ненавистью к коммунистической партократии, с громкими лживыми обещаниями просил стариков ради Аллаха приложить все усилия, чтобы посадить его в кресло президента. Все знают о позорной

фальсификации, с которой были проведены выборы. Даже говорят, что некоторые старики, которые громко пели хвалебные оды Дудаеву, были сотрудниками КГБ, и легко куплены им за сохранение тайны их доносов.

Вайнахский народ! Неужели ты не видишь, как нынешние «властители» растаскивают и разоряют республику, ради карьер и нажив наплевательски относятся к нашим обычаям и традициям, среди которых — дружба и добрососедство со всеми народами, проживающими рядом с нами?!»

В начале декабря 1994 года министр обороны России генерал П. Грачев встретился с Дудаевым в станице Слепцовская (Ингушетия). Наверное, это была последняя попытка усмирить мятежного генерала. Беседа длилась несколько часов. Павел Сергеевич прямо спросил у Дудаева: «Джохар, неужели ты не понимаешь — если ты не сложишь оружие, прольется кровь, народ тебе этого не простит?» — «Не я все решаю, — ответил Дудаев, — от меня теперь мало что зависит. Механизм запущен, его уже не остановить…»

Как сработал этот механизм — всем известно.

В апреле 1996 года в результате спецоперации новоявленный лидер Ичкерии был уничтожен.

Глава 3
Начало войны

С корабля на бал

В сентябре 1994-го я находился в длительной командировке в Приднестровье — в составе комиссии по урегулированию конфликта. Незадолго до этого танковая армия, где я был первым заместителем командующего, покинула территорию Германии и передислоцировалась в Смоленск.

Звонок командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковника Митюхина (с которым мы служили в Западной группе войск) застал меня в штабе в Бендерах. «Геннадий Николаевич, не засиделся ли ты в тылу? — шутливо начал разговор Алексей Николаевич. — Пойдешь ко мне командиром Владикавказского корпуса?» Я ответил: «Если вы считаете, что подхожу на эту роль, я благодарен за доверие». Говорю, а у самого в голове все перемешалось от столь неожиданного предложения. Командующий, словно почувствовав мои сомнения, продолжал: «Для тебя Кавказ не чужой, ты вырос здесь… Я знаю тебя хорошо и считаю — справишься. Долго не засидишься — скоро будет освобождаться перспективная должность…» Я спросил: «Сколько времени у меня на обдумывание?» — «Чем быстрей, тем лучше», — ответил Митюхин и, попрощавшись, положил трубку.

Я позвонил жене. Она сказала: «Как решишь сам. Я всегда буду рядом с тобой».

В тот же вечер снова связался с Митюхиным: «Я готов». А через три дня в Ростове уже докладывал ему о своем прибытии.

Мы друг друга хорошо знали. За несколько лет совместной службы у нас сложились доверительные отношения, хотя и не всегда было все гладко.

Митюхин отложил все дела, и мы улетели во Владикавказ. Он очень по-доброму отнесся ко мне. Несколько дней возил по расположению войск, представлял меня офицерам управления корпуса, личному составу 19-й мотострелковой дивизии, 136-й бригады в Буйнакске, 135-й — в Прохладном. Меня это, признаться, удивило. Обычно как бывает: представил на служебном совещании или на военном совете, и все. А тут такое внимание. Только позже понял, почему он так по-отечески опекал меня: знал, что скоро подразделения 42-го корпуса пойдут в Чечню. Но, разумеется, мне об этом ни слова, ни намека.

Я, конечно, знал, что обстановка вокруг Чечни накаляется с каждым днем. Да и угли осетино-ингушского конфликта продолжали тлеть. Достаточно сказать, что спустя полгода после завершения активных боевых действий мой предшественник на

должности командира корпуса генерал-майор А. Корецкий при загадочных обстоятельствах погиб на территории Северной Осетии. Мне рассказывали, как экстремисты пытались захватить наши склады с оружием и боеприпасами, брали в заложники офицеров, в числе коих оказался военный прокурор Владикавказского гарнизона. Словом, обстановка в регионе оставалась сложной и напряженной.

…В конце поездки Митюхин напутствовал: «Разбирайся, вникай. Что не понятно — звони». А через два месяца, в соответствии с указаниями Генерального штаба, войска округа приступили к подготовке и планированию операции. Она имела ряд особенностей:

— во-первых, необходимые мероприятия осуществлялись в крайне короткие сроки;

— во-вторых, для ее проведения создавалась Объединенная группировка войск, включавшая силы и средства различных министерств и ведомств, имеющих свою специфику в решении возложенных на них задач (соединения и части Министерства обороны, внутренних, пограничных и железнодорожных войск, силы и средства ФСБ, ФАПСИ, МЧС);

— в-третьих, поскольку боевую задачу предстояло выполнять на территории одного из субъектов Российской Федерации, предусматривались существенные ограничения в действиях войск;

— в-четвертых, требовался глубокий и многоплановый анализ ситуации, так как данные о внутреннем положении в Чечне и раскладе сил дудаевцев и оппозиции были очень противоречивыми.

Согласно директиве министра обороны, в соответствии с президентским Указом ставилась задача: «…действиями войсковых группировок под прикрытием фронтовой и армейской авиации выдвинуться по трем направлениям к Грозному, блокировать его и создать условия для добровольного разоружения незаконных вооруженных формирований. В случае отказа — провести операцию по захвату города и в последующем стабилизировать обстановку на всей территории республики».

Я часто вспоминаю те декабрьские дни, когда военные предприняли первые шаги по наведению конституционного порядка. Журналисты сразу окрестили локальную операцию войной, правозащитники — геноцидом чеченского народа, политики — авантюрой. У меня свой взгляд на те события, и в этой книге я стараюсь честно рассказать об увиденном и пережитом.

Любые войны начинают и заканчивают политики. Можно ли

считать принятое в декабре 94-го политическое решение о вводе войск авантюрой? В какой-то мере — да. Начиная с 1991 года, когда Д. Дудаев пришел к власти, в республике царили хаос и произвол. А после того, как Чечню покинули части Российской армии (1992 год), оставив огромное количество боевой техники, склады боеприпасов, стало ясно, что новый чеченский правитель рано или поздно воспользуется этим арсеналом. И действительно, генерал сразу же стал создавать свои вооруженные силы, исподволь готовиться к войне. А в Москве политики делали вид, будто ничего не происходит.

Уже к началу первой чеченской кампании Д. Дудаев располагал значительной боевой силой: две бригады, семь отдельных полков, три отдельных батальона. Личного состава: около 5–6 тысяч, а с доукомплектованием в короткие сроки (5–7 суток) — 15–20 тысяч человек. Солидно выглядело и техническое боевое оснащение: танков — 42; БМП, БТР — 66; орудий и минометов — 123; средств ПВО — 40; почти 42 тысячи единиц стрелкового оружия. Кроме того, в населенных пунктах были созданы отряды самообороны общей численностью до тридцать тысяч человек. Фактически целая армия, хорошо укомплектованная и вооруженная.

Как-то я прочитал в газете «Труд» своеобразную исповедь бывшего министра обороны П. Грачева. Есть там и рассказ о памятном заседании Совета безопасности (в конце ноября 1994 года), на котором фактически и было принято решение об использовании армии для разрешения «чеченской проблемы». Позволю себе привести выдержки из этой публикации.

> «Доклад о текущем моменте делал министр по национальным вопросам Егоров Николай Дмитриевич. Он говорил, что в Чечне все нормально: «в результате работы с населением» мы достигли прогресса — 70 процентов чеченцев ждут, когда войдут российские войска. Остальные тридцать в основном нейтральны. Сопротивление окажут только отщепенцы. Егорова тогда называли не иначе как «вторым Ермоловым» на Кавказе. На том заседании Совбеза меня просто взбесила его фраза о том, что чеченцы «будут посыпать нашим солдатам дорогу мукой»».

Позже Павел Сергеевич, как бы оправдываясь, говорил, что пытался убедить членов Совбеза в нецелесообразности ввода войск, особенно в декабре. Если уж и делать это, то только

весной. А до этого оказывать экономическое давление. Но такого рода варианты дружно отвергались. В штабы ушли директивы о подготовке и проведении операции.

Для выполнения намеченного были созданы группировки войск на нескольких направлениях. На Владикавказском — сводный отряд из подразделений моего корпуса. Руководил им мой заместитель генерал-майор В. Петрук. Маршрут выдвижения — Чермен, Новый Шарой, Алхан-Юрт. Задача формулировалась следующим образом: «С подходом к участкам сопротивления на маршруте выдвижения огнем артиллерии и ударами авиации нанести поражение вооруженным формированиям и продолжить выдвижение в указанный район». (Понимаю, что язык военных часто не вписывается в литературные каноны. Но ведь свой язык и у представителей других профессий. И не всегда он поддается упрощениям.)

На рассвете 11 декабря сводный отряд начал движение, но уже к полудню поступили тревожные доклады: на мосту при въезде в г. Назрань колонна остановлена местными жителями, которыми руководили вооруженные ингушские милиционеры. Сожгли 10 наших автомобилей, 6 перевернули. В 17 часов 15 минут начальник штаба доложил, что в районе Гази-Юрта со стороны леса по колонне машин открыта стрельба из автоматического оружия. Появились первые жертвы — убит рядовой Виталий Масленников.

Его фамилию я запомнил. Это был первый мой подчиненный (а может быть, первая жертва чеченской войны), который погиб даже не в бою, а от выстрела из-за угла. О чем я подумал тогда, слушая поступавшие доклады об убитых и раненых? Не буду кривить душой, не помню. Но было ощущение общей тревоги, какой-то неразберихи, полуправды. Впрочем, то же состояние испытывали многие офицеры нашего корпуса. На других направлениях выдвижения такая же картина: из-за живого щита, составленного из стариков, женщин, детей, выскакивали мужчины с заточенными металлическими штырями и протыкали колеса, специальными крючьями обрывали трубки бензопроводов и тормозов. Многие места на маршруте следования колонны минировались. В общем, в те дни Ингушетия превратилась в очаг сопротивления. Уже только по одному этому признаку стало понятно, что походным маршем в Чечню нам не войти.

Штабные «заморочки»

Не секрет, что многие командиры с большими звездами, начальники федерального уровня полагали, что достаточно выйти к Грозному, пальнуть пару раз в воздух и на этом все закончится. Именно метод устрашения лежал в основе спешно утвержденного плана операции. Как позже выяснилось, его одобрили на самом верху без единого замечания. Потому что никто толком в план и не вникал. В результате приходилось вносить существенные коррективы и, что называется, перестраиваться по ходу дела.

Вот лишь один штрих. Вся тяжесть планирования операции легла на штаб Объединенной группировки войск, созданный на базе штаба СКВО. А прикомандированные представители Генштаба (несколько сот человек!) выступали в роли консультантов, не неся никакой ответственности за свои «консультации». Мало того, что буквально задергали офицеров округа, мешая методичной работе, они не выполнили главную свою «функцию»: по существу, не предоставили штабу необходимых четких данных о вероятном противнике, степени его готовности, возможном характере боевых действий, «ориентировки» на командиров незаконных вооруженных формирований и т. п. Фактически планирование операции осуществлялось вслепую.

Могут возразить: но ведь добывать сведения о бандитах обязаны спецслужбы — Главное разведуправление (ГРУ), ФСБ (тогда Федеральная служба контрразведки)… Они, Мол, и есть главные виновники.

Этот довод в какой-то мере справедлив, но вовсе не снимает ответственности за головотяпство целой оравы понаехавших непонятно зачем московских генералов и полковников. Шумиха, суета, атмосфера «начальственного психоза» — все это явно не способствовало нормальной штабной работе.

Исходя из благого стремления максимально обезопасить личный состав и сохранить жизни мирного населения, командование приняло решение: на первом этапе операции осуществлять выдвижение и вести боевые действия, как правило, до 15–16 часов (пока светло), после чего части и подразделения должны были занимать районы сосредоточения, соблюдая все меры боевого обеспечения. Учитывая, что боевики будут держать на особом прицеле пункты управления, планировалось менять их местоположение через каждые 5–6 часов. Однако такая тактика не дала желаемых результатов. Наоборот, замедление темпа

продвижения наших войск позволяло противнику наращивать усилия на важных направлениях и наносить удары по расположению наших частей и подразделений.

Действия войск к этому времени приобрели шаблонный характер: 2–3 часа боевой активности днем, причем только при поддержке авиации, и полная пассивность в остальное время суток. Реальной становилась угроза уступить инициативу дудаевцам, которые постоянно держали в напряжении наши части. Очень скоро они приспособились к подобным стандартным приемам, заранее подтягивая дополнительные силы в опорные пункты, перед которыми останавливались наши колонны.

Проведенный через десять дней тщательный анализ действий ОГВ выявил существенные упущения и недостатки.

Во-первых, стало ясно, что войска просто не готовы действовать в подобных ситуациях, выполнять не свойственные им функции. Требовалась подготовка по специальной программе.

Во-вторых, сказывалось то, что все подразделения в составе сводных отрядов были сборными (на 80 %), не прошли полный курс обучения и боевого слаживания. А что такое боевое слаживание? Это значит, что экипаж танка или БМП должен быть единой крепкой семьей, где все понимают друг друга с полуслова. Тот же механик-водитель, например, обязан мгновенно улавливать, куда вести боевую машину, где остановиться, где поддать газу, как помочь наводчику точно прицелиться и выстрелить. Что происходит с семьей, когда супруги, знакомые всего несколько дней, попадают в сложнейший житейский переплет?! Неизбежны как минимум ссоры и истерики, а то и полный разлад. У боевого экипажа финал страшнее — смерть.

В-третьих, офицерский состав, особенно младший — от лейтенанта до капитана, не был подготовлен к управлению в нестандартной обстановке, психологически пасовал перед сложными обстоятельствами. К примеру, скопления людей на дороге офицеры воспринимали как признак борьбы всего местного населения против «агрессоров». Хотя зачастую дудаевцы под угрозой оружия сгоняли мирных людей на маршруты выдвижения наших войск.

В-четвертых, одним из слабых звеньев оказалось управление разнородовыми и разноведомственными силами и средствами (Министерства обороны, МВД, ФПС и проч.).

В-пятых, сказались и такие традиционные наши беды, как слабое использование возможностей боевой техники из-за постоянных поломок узлов и агрегатов. Что греха таить, старая у нас техника, по 20–25 лет от роду, а то и больше (например, танк Т-62, БМП-1, БТР 70).

Если говорить о войсковой разведке, то она проводилась от случая к случаю. Между тем разведывательные подразделения нередко использовались не по прямому их назначению (допустим, для охраны командных пунктов). Словом, из всего этого следовал вполне определенный вывод: необходимы кардинальные изменения. И они последовали…

Учитывая сложившуюся обстановку, министр обороны П. Грачев своим приказом от 20 декабря 1994 года назначил командующим Объединенной группировкой войск в Чеченской Республике первого заместителя начальника Главного оперативного управления Генштаба генерал-лейтенанта Анатолия Квашнина. И перемены к лучшему мы почувствовали сразу же. Квашнин перестроил работу штаба группировки, избавился от части генеральского балласта и ввел некоторые тактические новации. Чтобы активизировать свои войска и дезориентировать полевых командиров относительно истинных замыслов, командующий поставил задачу «на ведение маневренных действий». Что скрывалось за этой формулировкой?

На Восточном направлении сводный отряд парашютно-десантного полка, совершив 160-километровый марш в обход Грозного, выдвинулся в район западнее Аргуна и ночью завязал бой с бандитами, засевшими в хорошо подготовленном опорном пункте. Грамотные и решительные действия роты под командованием старшего лейтенанта В. Хохалева позволили сковать инициативу противника и ввести в бой главные силы полка. Десантники, разбив бандитов, к концу дня овладели стратегически важным рубежом.

Это оказалось полной неожиданностью для дудаевцев. Потеряв этот район, командование НВФ перебросило сюда крупные резервы из Грозного и Аргуна, в том числе отряды боевиков, усиленные танками, бронетранспортерами, ствольной и реактивной артиллерией. Но к этому моменту полк уже успел подготовиться к отражению атак боевиков. Скоординированная система огня, заминированные участки местности на опасных направлениях, а также удары нашей авиации и артиллерии по колоннам и боевым порядкам противника вынудили его отойти.

Это лишь один из эпизодов, иллюстрирующий существенные изменения в общей картине операции. Ценой больших усилий к концу декабря удалось выправить положение, даже перехватить инициативу. Организованная боевиками оборона населенных пунктов на Грозненском и Назранском направлениях заставила федеральные войска несколько изменить тактику: не занимать их с боями, а просто обходить. В результате тяжелых боев были заняты господствующие высоты и надежно прикрыты

коммуникации с севера, запада и востока от чеченской столицы. Войска, не дожидаясь поддержки авиации (она не могла действовать из-за сложных метеоусловий), вышли в назначенные районы и почти полностью блокировали Грозный. Город оставался открытым только с юга. И этот успех — в значительной степени заслуга нового руководства. Назначив Квашнина командующим Объединенной группировкой войск, министр обороны «попал в яблочко». Свое решение впоследствии он объяснял так (приведу текст из газетной публикации):

«Открыто с самого начала против ввода войск выступал только Борис Громов, но и он не подавал в отставку до поры до времени, выжидал.

Еще до ввода войск руководить операцией я назначил командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковника Митюхина Алексея Николаевича. А сам его подстраховывал. Но Митюхин, когда под станицей Слепцовской началась стрельба, запаниковал. Начал орать на подчиненных, растерялся. Я пробовал успокоить — не вышло. Потом позвонил ему: ты, говорю, видимо, «заболел», садись на вертолет и лети в Ростов.

Сам начал командовать. Но ведь я не мог, бросив все, заниматься только Чечней. Приглашаю первого заместителя командующего сухопутными войсками генерала Воробьева. В Моздоке он отвечал за подготовку частей к боям. На совещаниях в штабе всегда четко и очень толково делал доклады: товарищ министр, такие-то части готовы идти в наступление, такие-то еще готовятся… Он и сейчас в Государственной думе хочет выглядеть этаким бравым генералом — все знает, все умеет… Я объяснил ситуацию: Эдуард Аркадьевич, Митюхин заболел, сам бог велит вам возглавить операцию. И тут мой дорогой генерал Воробьев, сильно покраснев и помолчав секунд 15–20, вдруг заявил: командовать отказываюсь. Как так? Я вам приказываю! А он: войска не подготовлены. Как это? Почему раньше молчали? Вот ваши доклады, вы отвечали за подготовку. Значит, вы меня обманывали? Вы знаете, чем это грозит? 15 лет или расстрел… Как хотите, отвечает, так и оценивайте, командовать не буду. В общем, отправил его в Москву, пригрозив судом. Он щелкнул каблуками.

В Москве я обо всем доложил Ельцину, даже сказал,

что Воробьева надо судить. Б. Н. попросил подобрать руководителя операции. Генерал Кондратьев мне сразу сказал, что с него хватит октября 93-го года, не выдержит — больной. Миронову даже не предлагал — больной, еще в Афганистане сердце надорвал. Громов отказался, объяснил, что всегда выступал против ввода войск в Чечню, и тут же выразил готовность написать рапорт об отставке. Больше замов у меня не было… В мирное время все хорошие, умные, смелые, а когда начались боевые действия — в кусты. Такое бывает и у генералов».

То, о чем спустя годы рассказал Павел Сергеевич, и тогда уже живо обсуждали в войсках группировки, правда с оглядкой. А ведь наверняка командиры высокого ранга имели свое мнение, в том числе и относительно отстранения генерала Митюхина и назначения Квашнина. Но слухи слухами, а дела делами.

Не хотелось бы осуждать, критиковать тех или иных политиков, многозвездных генералов за просчеты, ошибки, но некоторых оценок и характеристик не избежать. Ибо, как человек военный, не могу, например, смириться с таким явлением, когда некоторые военачальники отказывались под любым предлогом выполнять приказ. Горько признавать это, но далеко не все показали на той войне высокий профессионализм, командирские качества, не все генералы смогли (или захотели) взвалить на себя бремя ответственности. И за все это пришлось дорого расплачиваться.

Павел Грачев. Штрихи к портрету

Кто бы что сегодня ни говорил о Грачеве, я думаю, уже за одно только смелое решение поставить командующим ОГВ Квашнина министр обороны достоин признательности. Ведь речь идет не просто о росчерке пера под приказом. Такая кадровая рокировка — шаг трудный, за ним знание ситуации и людей, способных управлять данной ситуацией. Не будем забывать, что новое кадровое назначение последовало уже через девять (!) дней после начала операции. Если бы тянул, сомневался, крови наших солдат пролилось бы несравнимо больше.

Я встречался с Грачевым несколько раз. И в Моздоке, и непосредственно в Чечне. Дважды — в декабре 1994 года и в феврале 95-го — докладывал ему свои соображения по той или иной операции. Помню, в грозненском аэропорту «Северный» он внимательно выслушал меня, задал несколько вопросов и утвердил мой план как командующего Южной группировкой войск. Просил беречь людей, не допускать напрасных потерь.

Мне импонировали его простота в отношениях, открытость с подчиненными. В отличие, скажем, от бывшего министра обороны СССР маршала Д. Язова, который хоть и пользовался уважением в войсках (его опыт, фронтовые заслуги были неоспоримы), но был суров и недоступен. И это вызывало у офицеров элементарное чувство страха. К чему министру обороны оцепенение подчиненных? В армии субординация предполагает авторитет должности и погон независимо от личных качеств их носителя. Стоит ли усиливать эффект внешних атрибутов власти еще и личной суровостью, а то и грубостью?

Не стану скрывать, Грачев мне нравился. Молод, решителен, смел, воевал в Афгане… Я даже простил ему невольный обман, или, по нынешней терминологии, «подставу». Вовсе не из каких-то шкурных соображений, но тем не менее. История эта требует детального рассказа.

Итак, был в первую чеченскую кампанию момент, когда я, исключительно по собственной инициативе, стал встречаться с Асланом Масхадовым. Свел меня с ним наш «переговорщик» — начальник штаба одного из полков. Этот офицер жив-здоров, закончил Академию Генерального штаба. Не стану раскрывать его фамилию, он был парламентером, «сводней» между мной и Асланом, поскольку хорошо знал масхадовского «сводню». Того, кажется, звали Иса. В общем, свели нас.

На первой встрече должны были присутствовать сам Масхадов, Шамиль Басаев и еще кто-то. Однако, явившись на

«свидание», я увидел только Аслана и Руслана Гелаева (после ранения он хромал). Басаева не было.

Короче говоря, начались переговоры. Я свою точку зрения изложил, Масхадов свою. Он настаивал на том, чтобы прежде вывести федеральные войска за пределы Чечни, а уж после этого садиться за стол переговоров. Я возразил: нет, этого не будет. И выдвинул несколько встречных требований. Первое — прекратить сопротивление, второе — сложить оружие, третье — передать пленных и только после этого приступить к полноценным переговорам.

В общем, получился обмен требованиями. Стало ясно, что мы лично ничего не решим, да и полномочий на это у нас никаких. Поэтому условились организовать встречу на более высоком уровне — Дудаева и Грачева. Пусть пообщаются. Может, это принесет какую-то практическую пользу, меньше людей погибнет… Такая была задумка.

Позже Масхадов рассказал мне, что Дудаев был абсолютно безразличен к таким переговорам. Но я-то наивно считал, что позицию Аслана разделяет Джохар! И, соответственно, переговорил с министром обороны: так, мол, и так, Масхадов хочет встретиться с вами. «Хорошо, — согласился Грачев, — мы пойдем с ним на переговоры». И назначил время.

Я взял с собой радиостанцию и выехал с охраной в условленное место. Мы свиделись в Новых Атагах. Я обеспечил Масхадову связь с Грачевым. Переговорив лично, они условились о предварительной дате встречи. А я должен был сообщить уже конкретный день и час.

Схема планировалась такая: я прилетаю в Новые Атаги на вертолете, остаюсь там, а Масхадова увозят к Грачеву на этом же вертолете. Я жду, пока Масхадов вернется живым и здоровым.

О своем «заложничестве» я ничего не знал, даже не догадывался. Мне сам Масхадов об этом рассказал, но никто из наших — ни Грачев, ни грушники, ни фээсбэшники — и словом не обмолвились по этому поводу. Держали в секрете.

П. Грачев один раз перенес срок встречи, второй, потом вообще не вышел на связь. И после этих «темных игр» Масхадов мне сказал (у нас тогда самая короткая встреча была): нет смысла больше встречаться, это ни к чему не приведет, нам с тобой при всем желании проблему не решить. Мы пожали друг другу руки, по традиции обнялись и разъехались. После этого долго не виделись. Но это, как говорится, дело десятое. Главное в том, что мой противник — Масхадов — вел себя со мной честнее, чем министр обороны. Неужели Грачев думал, что, узнав о своем «заложничестве», я струшу и откажусь ехать? Если это так, то

обидно. Я без колебаний согласился бы. Но только скажи мне об этом прямо, не темни! Это во-первых.

Во-вторых, мы с Масхадовым провели определенную работу ради того, чтобы прекратить кровопролитие. При этом рисковали, грубо говоря, собственными задницами. Аслан мог нарваться на гнев Дудаева, а я — на обвинение в сговоре с врагом. Тем не менее, старались использовать любой шанс для приближения мира. Почему же Грачев так повел себя? Если не верил в успех, зачем в таком случае обещал встречу? Допускаю, что такое решение было навязано кем-то сверху. Но тогда объясни и извинись… Но главный мотив его тогдашнего бездействия мне видится в другом: в тотальном разочаровании Павла Сергеевича в успехе чеченской войны и во многих серьезных и фундаментальных вещах.

Еще тогда, наблюдая за ним на совещаниях в Моздоке и Грозном, я обратил внимание на несоответствие потенциала Грачева тому, что он делал и говорил. Например, Павел Сергеевич никогда детально не вникал в наши тактические планы. Выслушает, кивнет, задаст пару несущественных вопросов и закончит какой-нибудь декларацией типа «Уничтожайте бандитов!», «Берегите людей!», «Побольше награждайте солдат!» и т. п. Все эти пожелания — дело хорошее, но мы, командиры, и без министра знаем, что врага следует бить, а своего бойца беречь и при любой возможности цеплять ему на грудь медаль.

Грачев — опытный вояка, все командные должности прошел, «духов» в Афгане громил, в отличие от большинства из нас, еще не живших боевого опыта, и от него мы ждали каких-то нестандартных решений, оригинальных подходов, в конце концов — полезной, «обучающей» критики.

Но, увы, свой афганский опыт он будто в запасник музея спрятал, не наблюдали мы у Грачева какого-то внутреннего горения, боевого азарта… Поставьте старого преферансиста рядом со столом, где идет игра, — он изведется весь от желания включиться в борьбу. А тут — какая-то индифферентность, даже отстраненность.

Причина мне видится именно в утрате веры в настоящие перемены. А ведь ради них в августе 1991-го он безоглядно пошел за Б. Ельциным, презрев приказы министра обороны. Головой рисковал, в прямом смысле слова. Настоящий герой! Но в политике наивный человек. Думал, что с победой новой власти начнется совсем другая жизнь. «Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья…» А тут такое началось! Беловежские закулисно-хмельные соглашения, распад СССР, безмозглые и безжалостные экономические реформы, повальное бегство

офицеров из армии, а дальше — кровавая, ломающая души и судьбы осень 93-го, и в довершение — требование срочно гнать войска в Чечню.

В общем, так и «не воспряв ото сна», Россия оказалась в глубокой коме. И Павел Сергеевич тоже в какой-то мере приложил к этому руку. Был герой-«афганец», популярный в армии человек, а стал «палачом» (как впрямую многие говорили и писали). Родной парламент из танков расстрелял, похвалялся Чечню одним парашютно-десантным полком взять за два часа…

Вот какие разговоры шли, какой ореол окружал эту фигуру в середине 1990-х. Такое не проходит бесследно… И на всю эту внутреннюю сумятицу теперь наслаивались другие переживания — от бесконечных наскоков прессы. Каких только собак на него ни вешали! То кличку «Паша-мерседес» прилепили, то депутат Юшенков в суд грозился потащить за оскорбление, то придумали «дело» об участии в разграблении им Западной группы войск, то пошли разборки вокруг генеральских дач… Словом, не министр, а сплошной скандал. Рехнуться можно!

А мы, воюющие в Чечне командиры, ждали от него какого-то горения, боевого азарта! До того ли…

Впрочем, министерская жизнь Павла Сергеевича закончилась закономерно. В конце концов Ельцин сдал своего преданного соратника в обмен все на те же голоса избирателей. Грачев не мог не подать в отставку после назначения А. Лебедя, его ярого противника, секретарем Совета безопасности. И миллионы не искушенных в политике людей радовались низвержению его с Олимпа. Известный актер Алексей Петренко так высказался по этому поводу: «Молодец Лебедь! Дураков сымает…»

Любимому мною артисту и многим другим, кто тогда аплодировал Лебедю и обливал грязью Грачева, я хочу сказать: будьте великодушны и мудры. Ведь путь от надежд и иллюзий через ошибки и заблуждения к разочарованию прошли сотни тысяч российских офицеров. Павел Сергеевич — слепок с армии. Мы вместе с ним верили и надеялись, ошибались и заблуждались, разочаровывались и стыдились, переживали за что-нибудь, содеянное по неведению. И если Грачев обозвал правозащитника С. Ковалева гаденышем, то (не в обиду будет сказано) абсолютное большинство военных так его и величало, да и до сих пор величает.

П. Грачев действительно был когда-то любим в Вооруженных Силах, особенно в десантных войсках. Но что любопытно, это чувство уважения к нему у военных спустя годы стало искреннее, сильнее. Потому что было с чем сравнивать.

Боюсь, многих это мое признание разочарует, но я

продолжаю утверждать, что во многом благодаря Грачеву армия не рассыпалась в прах в начале 90-х, как многое в тот период. Военные знают и помнят, что именно Павел Сергеевич понапридумывал массу хитростей, чтобы увеличить денежное довольствие офицерам: надбавка за напряженку, пенсионные накрутки, оплата за секретность и т. п. А разве не его заслуга, что не дал крушить армию под видом военной реформы, как того требовали младореформаторы? Уступи он тогда в главном, не было бы сегодня у России армии.

Это не мое мнение (я намеренно в данном случае дистанцируюсь от личных характеристик), так считает большинство моих сослуживцев, тех, кто носил и носит погоны.

…После отставки Грачева я не виделся с ним несколько лет. Но в августе 2000-го, через год после начала второй войны, он мне позвонил. Сказал, что помнит и гордится мною. Пригласил к себе на дачу. Я поблагодарил. Признаюсь, было приятно.

Обстоятельства тогда не позволили мне съездить к Павлу Сергеевичу. Но я знал: если он повторит приглашение, обязательно навещу. Не буду искать оправданий. И не позволю порочить его. Это мой командир. Под его началом я шел в первый в своей жизни настоящий бой. Такое не забывается…

Операция без названия

Около 10 тысяч хорошо вооруженных боевиков Дудаева готовы были стоять насмерть, защищая Грозный. На вооружении они имели до 25 танков, 30 боевых машин пехоты (БМП) и бронетранспортеров (БТР), до 80 артиллерийских орудий (в основном 122-миллиметровые гаубицы Д-30) и минометов. Несмотря на неоднократные обращения федерального командования с предложением прекратить сопротивление, дудаевцы продолжали укреплять оборонительные рубежи. Их было создано три:

— внутренний — радиусом от 1 до 1,5 км — вокруг президентского дворца;

— средний — на удалении до 1 км от первого в северо-западной части города и до 5 км в его юго-западной и юго-восточной частях;

— внешний рубеж проходил в основном по окраинам города.

На внутреннем рубеже обороны основу составляли сплошные узлы сопротивления вокруг президентского дворца с использованием капитальных каменных строений. Нижние и верхние этажи зданий приспособили для ведения огня. Вдоль проспектов Орджоникидзе, Победы, улицы Первомайская подготовили позиции, откуда можно было бить прямой наводкой по танкам.

Средний рубеж обороны — это опорные пункты в начале Старопромысловского шоссе, узлы сопротивления у мостов через реку Сунжу, в микрорайоне Минутка, на улице Сайханова. В дополнение к этому готовые в любой момент взлететь на воздух или загореться нефтеперерабатывающие заводы им. Ленина и Шарипова и химический завод.

Внешний рубеж составляли опорные пункты на магистралях Грозный — Моздок, Долинский — Катаяма — Ташкала, у Нефтянки, Ханкалы и Старой Сунжи — на востоке и у Черноречья — на юге города.

Даже беглая характеристика всех этих оборонительных сооружений не оставляла никаких надежд, что боевики легко сдадутся. Поэтому оставался один-единственный вариант — штурмом брать Грозный и разоружать дудаевцев. Руководство операцией осуществляла оперативная группа во главе с П. Грачевым. К 30 декабря были созданы группировки войск направлений: «Север» (командующий генерал-майор К. Пуликовский), «Северо-Восток» (генерал-лейтенант Л. Рохлин), «Запад» (генерал-майор В. Петрук), «Восток» (генерал-майор

Н. Стаськов).

Учитывая реальность активного сопротивления дудаевцев в условиях города, командование приняло решение о создании штурмовых отрядов в составе ударных группировок войск.

Основная задача командующим войсками группировок была поставлена еще 25 декабря. На этом этапе операции предусматривалось, что штурмовые отряды (наступая с северного, западного и восточного направлений) войдут в город и во взаимодействии со спецподразделениями МВД и ФСК захватят президентский дворец, здание правительства, телерадиоцентр, железнодорожный вокзал, некоторые другие важные объекты и блокируют центральную часть Грозного и район Катаяма. Расчет строился на внезапности действий наших войск, которые при самом худшем варианте развития событий должны овладеть городом в течение нескольких суток.

31 декабря 1994 года началась операция. По мнению некоторых генералов, инициатива «праздничного» новогоднего штурма принадлежала людям из ближайшего окружения министра обороны, якобы возжелавшим приурочить взятие города ко дню рождения Павла Сергеевича (кстати, день рождения у него 27 декабря!). Не знаю, насколько велика здесь доля истины, но то, что операция действительно готовилась наспех, без реальной оценки сил и средств противника, — это факт. Даже название ей не успели придумать.

Исходя из оперативных данных о группировке, оборонявшей город, для штурма необходимо было иметь как минимум 50–60 тысяч человек. У таких расчетов своя логика, проверенная историческим опытом. Например, во время Великой Отечественной войны, с 17 ноября по 16 декабря 1941 года наши войска освобождали город Калинин от фашистов, имея четырехкратное превосходство в живой силе. Это нормальное соотношение атакующих и обороняющихся. У нас же по состоянию на 3 января непосредственно в Грозном было не более пяти тысяч человек, а боевиков, напомню, насчитывалось в два раза больше!

Радиосвязь в подразделениях, штурмующих Грозный, была почти парализована из-за царившей в эфире неразберихи. Между подразделениями практически не было взаимодействия — сказывалась неопытность большинства механиков-водителей танков и БМП. После огневой подготовки образовались труднопроходимые завалы на ряде направлений выдвижения войск. Смешанные колонны (автомобили и бронетанковая техника) растягивались вдоль узких улиц, не имея пространства для маневра. В результате из зданий пехоту и технику

расстреливали в упор.

Командиры, начиная от комбата и ниже, фактически не имели карты Грозного, отсюда и частые сбои с маршрута, утрата ориентировки. А если у кого и были карты, то в лучшем случае образца 1980 года, сильно устаревшие, на которых отсутствовали целые микрорайоны.

По сути, боевики только и ждали появления бронетехники в городе, действуя по ставшей классической схеме, которую применяли душманы в Афганистане: огонь наносился по головной и замыкающей машинам в колонне, после этого следовал шквальный огонь из окружающих домов по остальной, «запертой» бронетехнике.

По основным городским магистралям танки и БМП прорвались в центр города, но, оставшись без поддержки мотострелков, в большинстве своем были подбиты из противотанковых гранатометов.

Фактически эффект внезапности был нами утерян, сложилась катастрофическая обстановка. В город смогли прорваться лишь группировки «Север» и «Северо-Восток», но они вели бои в окружении превосходящих сил противника.

Дважды командование Объединенной группировки войск (ОГВ) пыталось заставить командира 19-й мотострелковой дивизии полковника Кандалина наступать, но не действовали ни просьбы, ни приказы. Мотострелки продолжали стоять, а в это время у железнодорожного вокзала в полном окружении, захлебываясь в крови, вели смертельные бои подразделения 131-й бригады и 81-го мотострелкового полка. Отсутствие тесного взаимодействия с мотострелками и нерешительность генерал-майора Петрука, возглавлявшего оперативную группу 42-го армейского корпуса, парализовали активность десантников.

Утром 1 января поступил приказ Грачева командующим группировками войск Западного и Восточного направлений прорваться к блокированным подразделениям в районах железнодорожного вокзала и президентского дворца и попытаться спасти наших ребят. И эти задачи также не были выполнены.

Особо хочется сказать о сводном отряде 131-й майкопской бригады под командованием полковника И. Савина. До сих пор у многих журналистов преобладает точка зрения, согласно которой в тот первый день 1995-го на грозненском железнодорожном вокзале погиб почти весь личный состав бригады. А это далеко не так.

Сводный отряд, насчитывавший чуть больше трехсот (!) солдат и офицеров, должен был отсечь подход подкрепления боевиков в центр города из района Катаямы, но, не встретив

сопротивления, проскочил нужный перекресток, потерял ориентировку, вышел к железнодорожному вокзалу, где уже сосредоточился батальон 81-го полка. И тут роковым образом ошибся полковник Савин, посчитав, что в районе вокзала уже нет противника. Батальоны, встав колоннами вдоль улиц, не позаботились об организации обороны, не выставили блокпосты по маршруту движения (хотя эта задача ставилась подразделениям ВВ МВД РФ), не провели надлежащую разведку. Дудаевцы сразу же этим воспользовались. Сюда скрытно были переброшены отборные силы боевиков — «абхазский» и «мусульманский» батальоны численностью свыше тысячи человек.

Обстрел вокзала начался с наступлением темноты 31 декабря. Боевики атаковали с трех сторон, близко не подходили, а вели огонь из гранатометов, минометов и орудий. Более суток мотострелки отражали яростные атаки дудаевцев. Утром 2 января полковник Савин решился на прорыв. Мотострелкам при поддержке двух танков с трудом удалось вырваться из окружения, потери составили больше семидесяти солдат и офицеров. Погиб и сам комбриг Иван Савин. Но и боевики понесли ощутимые потери: свыше трехсот убитых. Об этом бое рассказывают много небылиц. К созданию мифов причастны и некоторые отечественные СМИ, озвучивавшие информацию чеченской стороны. Я же здесь привожу реальные факты.

Свою злую роль в те дни сыграл психологический прессинг, который боевики оказывали на наших военнослужащих. Выходя в эфир на радиочастоты федеральных войск, дудаевцы предлагали нашим солдатам большие деньги за дезертирство, огонь по своим, и особую мзду — за физическое устранение командиров.

Мовлади Удугов. Штрихи к портрету

Этот человек занимает особое место среди известнейших чеченских сепаратистов, его называют непревзойденным пропагандистом «чеченской национальной революции». Стало расхожим утверждение, что в 1994–1996 годах ему удалось в одиночку выиграть информационную войну у целого полка российских военных идеологических бойцов. Последнее, замечу, не так уж далеко от истины. Хотя вернее было бы сказать: не столько он выиграл информационные бои, сколько мы их проиграли, особенно в начале первой чеченской кампании.

Мовлади Удугов (настоящая фамилия Темишев) родился в 1962 году в Грозном. Во времена горбачевской перестройки — активист общественных движений «Кавказ» и «Барт», выступавших с антирусскими программами. В декабре 1991-го назначен министром информации и печати Чечни, а с февраля 1995-го становится фактически пресс-секретарем Д. Дудаева. Ярый сторонник построения на Северном Кавказе независимого от России исламского (ваххабитского) государства протяженностью от Каспийского моря до Черного. Лично знаком с влиятельными зарубежными лидерами ваххабизма. Крайне отрицательно относится к исламу традиционного для Кавказа суннитского толка. Поддерживал постоянные связи с ведущими иностранными корреспондентами, аккредитованными в России. По утверждению людей из его окружения, щедро одаривал некоторые наши центральные телекомпании и газеты за антиармейские материалы из Чечни.

Мовлади сызмальства мечтал стать известным журналистом. Еще в школьные годы активно сотрудничал в республиканской молодежной газете «Комсомольское племя». Сверстники и наставники не скупились на похвалы «талантливому» юноше, предсказывая ему блестящее журналистское будущее. Окончив школу, он поехал покорять Москву, однако две попытки поступить в престижный МГУ на журфак завершились провалом. Это был первый чувствительный удар по его амбициям.

Вернувшись домой, Удугов устроился работать в газету «Комсомольское племя». В 1988 году заочно окончил экономический факультет Грозненского университета. В период учебы попытался занять освобождающееся кресло редактора университетской газеты, но безуспешно.

Единственный номер, который ему доверили выпустить, был признан идеологически вредным. За националистические настроения Удугову даже отказали в приеме в КПСС. В прежнее

время с пропагандой не шутили.

Неизвестно, чем бы для вольнодумца все это закончилось, но наступила перестройка, обострившая националистические настроения, и пришла мода на сепаратизм. Для Удугова это была родная стихия.

Чем больше местных звезд журналистики русских, еврейских, армянских и других кровей покидали Чечню, тем громче звучал голос молодых чеченских репортеров-радикалов, успевших вкусить прелесть информационной власти.

Мовлади старался больше других, выступая на митингах с экстремистскими призывами, с утверждением превосходства чеченцев над другими народами Кавказа. Удугов понравился тогдашним республиканским лидерам, и его все чаще стали приглашать на сходки новой политической элиты. Иные воспользовались бы моментом, чтобы заполучить влиятельные посты, но он не стал суетиться в поисках «хлебного места». Его интересы лежали в другой плоскости — Мовлади всерьез готовился к информационным битвам.

Когда в Чечне запахло войной, Удугов явился к президенту Дудаеву с развернутым планом идеологических диверсий против Российской армии. Стержнем «концепции» был тезис об особой роли газет, радио, телевидения как боевых средств ведения идеологической войны: основным в предстоящей работе должно стать не информирование отечественной и зарубежной общественности о происходящих событиях, а «создание» событий. В переводе на язык спецслужб это означает сознательный обман, дезинформацию людей с целью формирования необходимых условий для жизнедеятельности местной элиты, сумевшей сосредоточить в своих руках власть, деньги и оружие. План Джохару понравился, и он дал добро на его осуществление.

В период первой чеченской кампании Мовлади активно использовал арсенал средств, очень напоминавших те, что применяла геббельсовская пропаганда (ее главный принцип: ложь, сказанная в тысячу первый раз, становится правдой). Он умело адаптировал к новым условиям и другой небезызвестный постулат: чем откровеннее ложь, тем охотнее в нее верят.

Многие журналисты ехали тогда на чеченскую войну в поисках славы и денег. Суточные российских телевизионщиков превышали сотню долларов.

В первые дни боев в декабре 1994 года у ворот КПП вблизи Моздока, где расположился штаб Объединенной группировки войск, толпились журналисты в ожидании информации, но московские идеологические чиновники всячески избегали таких встреч. И неудивительно, что вся пишущая и снимающая братия

бросилась искать новые источники новостей. Так многие из них оказались в кабинете Удугова. К встречам с «дорогими коллегами» он готовился основательно. К их услугам всегда были «свежие свидетели» зверств наших солдат, сомнительного вида «солдатские матери» с жуткими историями о службе сыновей, повергавшими в шок тысячи российских матерей.

Все было продумано до мелочей: кому — «виски», кому — «баксы», кому — краденую машину, кому — эксклюзив с Дудаевым. Всем — внимание, всем — информация, всем — вечная дружба.

Заслуги Удугова были оценены военно-политическим руководством мятежной республики, и вскоре после окончания боевых действий он возглавил так называемое министерство иностранных дел. А затем его назначают вице-премьером.

Многие аналитики, в том числе и западные, склонны считать ритуальное отрезание голов у граждан Великобритании и Новой Зеландии, которое было произведено после избрания Масхадова президентом Чечни и наделало много шума в мире, частью дьявольского плана противников Масхадова по его дискредитации и устранению с политической сцены. Одним из разработчиков этого проекта называли «серого кардинала Ичкерии» Мовлади Удугова. Хотя на фоне террористов-отморозков, способных без разбора казнить людей, отрезать у них уши, головы, он выглядит этаким просвещенно-рафинированным политиком.

Для создания новой цементирующей чеченское общество идеологии Удугов использовал идеи национализма и исламизма. Не без его активного участия организовывалось молодежное движение «Нохчи», чья деятельность базируется на идеях особой миссии чеченцев на Кавказе, их превосходства над другими кавказскими народами, не говоря уж о славянах. Но такой подход к переделу сфер влияния был пригоден только для «внутреннего потребления», у соседних народов он не мог вызвать понимания и поддержки, что и подтвердил кризис в бывшей Конфедерации народов Кавказа. Попытки чеченцев добиться в ней безусловного лидерства потерпели фиаско. Как известно, на Северном Кавказе в исламе суннитского толка наибольшим влиянием веками пользовались нечеченцы. Чтобы исправить эту «историческую несправедливость», Удугов идет на хитрый трюк. Во многом благодаря его стараниям создается новая Конфедерация народов Кавказа под зловещими знаменами ваххабизма. В качестве организационно-идеологического стержня выступает идея так называемой исламской нации. Правда, при этом замалчивается, что возглавлять эту нацию будут чеченцы, а пушечным мясом

станут ингуши, карачаевцы, кабардинцы. Даже Адолло Алиеву, одному из лидеров дагестанских ваххабитов, отводилась третьестепенная роль.

Провал агрессивного наступления чеченских террористов на Дагестан в 1999 году серьезно сказался на репутации Удугова. Информационное обеспечение бандитской акции на этот раз было не на высоте, слишком явными оказались просчеты. Чего стоит такой ляп: подготовленный боевик объяснял телезрителям, что питаются ваххабиты не ворованной у дагестанцев живностью, а якобы той, что подстрелена российскими солдатами. Такое сообщение вызовет только усмешку, ведь любой ребенок здесь знает, что мусульмане, а тем более последователи «чистого ислама», падалью не питаются. Такого рода проколы не могли остаться незамеченными, и авторитет Удугова как специалиста по психологической борьбе оказался серьезно подорван. Он редко дает интервью за рубежом, исчез с российских телеэкранов, на него уже не ссылаются уважающие себя СМИ.

Поговаривают, что нынче пороги арабских банков обивают чеченские политики «новой волны», готовые заменить дискредитировавших себя чеченских лидеров. И находят, как когда-то Удугов, поддержку и понимание. Восток, как известно, дело тонкое.

Кое-что о плене

В боях за Грозный появились первые пленные, вокруг которых развернулись баталии с участием московских политиков, правозащитников и журналистов. Особо недобрую роль в этом сыграл тогдашний уполномоченный по правам человека в РФ С. Ковалев, который открыто призывал наших солдат сдаваться в плен под его могучие гарантии освобождения. А о том, что ждет в плену у «добрых» чеченцев, особо и не задумывались. Приведу здесь слова капитана Сергея Н., томившегося восемь месяцев в яме под Шали: «Об одном просил Бога — быстрее умереть…» Об избиениях, садистских пытках, публичных казнях и прочих «прелестях» чеченского плена говорить можно долго — читателя этим не удивишь. Но вот отрубание голов, снятие кожи и скальпов с живых солдат, распятые тела в окнах домов — с таким федеральным войскам впервые пришлось столкнуться в Грозном.

К сожалению, мы не готовили наших солдат к тому, что их может ожидать в плену. Но почему? Боялись травмировать психику, вселить в сердца страх? Нет, по давней российской привычке надеялись на авось.

Одним из любимых зрелищ боевиков в первую войну были драки между невольниками. Думаю, особо стоит сказать и об этом. Боевики часто устраивали что-то вроде гладиаторских поединков: выиграешь — будешь жив, проиграешь — значит, сам выбрал смерть.

Чтобы сохранить жизнь, некоторые узники соглашались принять ислам. Потом «новообращенцы» в телевизионных интервью рассказывали, что быть мусульманином — значит служить истине, что Россия — агрессор и в Чечне занимается неправедным делом, а вот чеченцы (то есть бандиты) праведники, они ведут священную войну против гяуров. Не говорили только об одном нюансе: принятие ислама окроплялось кровью: перед тем как принять ислам, пленник должен был застрелить или зарезать своего же товарища-пленного. Так что смена вероисповедания в тех условиях была не только религиозным актом.

Но как ни старались дудаевцы морально сломить наших солдат и офицеров, им это не удалось. Даже в первые дни штурма Грозного, когда многих охватил страх и отчаяние от безвыходности ситуации, проявлено немало примеров мужества, стойкости. Танкист лейтенант В. Григорашенко (прототип героя фильма А. Невзорова «Чистилище»), распятый на кресте, навсегда останется образцом для нынешних и будущих защитников

Родины. Тогда в Грозном дудаевцы искренне восхищались офицером из бригады спецназа СКВО, в одиночку сдерживавшим натиск неприятеля. «Все! Хватит! Молодец! — кричали окруженному и раненному русскому воину. — Уходи! Мы тебя не тронем! Мы вынесем тебя к твоим!» — пообещали чеченцы. «Хорошо, — сказал лейтенант. — Согласен. Идите сюда!» Когда те приблизились, офицер подорвал и себя, и боевиков гранатой. Нет, ошибаются те, кто утверждал, что в результате «новогоднего» штурма федеральные войска были разгромлены. Да, мы умылись кровью, но показали, что и в нынешнее время — время размытых идеалов — в нас жив героический дух предков.

Возвращение на родину

В начале января 1995 года командующим группировкой войск «Запад» вместо отстраненного генерал-майора Петрука был назначен генерал-майор И. Бабичев, а командиром 19-й мотострелковой дивизии вместо снятого с должности полковника Г. Кандалина — полковник В. Приземлин.

На северном направлении две группировки были объединены в одну — «Север» — под общим командованием генерал-лейтенанта Л. Рохлина. Буквально в считанные дни кадровые перестановки дали свои результаты. Значительно улучшилась управляемость подразделений и частей. Но вместе с тем боевые действия в Грозном начали приобретать затяжной характер, мы все постоянно думали о том, как избежать больших потерь.

14 января в 4 часа утра (еще затемно) я выехал с колонной машин в Грозный. Привожу записи из дневника:

14.01.95 г.

4.00

Начал движение. Со мной полковники Шубин, Привалов, подполковник Зайчиков. Первые выводы по ходу марша:

— дорога очень тяжелая, особенно для колесных машин;

— часть пути (от брода до Грозного) опасна для движения без надежной охраны (на колонну из 10–15 машин необходимо для охраны 2 БТР; из 20–25 машин — 3–4 БТР; более 30 машин нецелесообразно иметь в колонне);

— связь в колонне обязательна;

— самое главное — хорошо знающий маршрут офицер (проводник).

14.00

Прошли огневые позиции и тыловой район всей группировки «Запад».

16.00

Вошли в город со стороны дач и сосредоточились в парке им. Ленина. Встретился с генералом Бабичевым, офицерами управления, уточнил обстановку, заслушал просьбы.

21.30

Доложил начальнику штаба Объединенной группировки войск генерал-лейтенанту Л. Шевцову о прибытии и решаемых вопросах.

22.00

Узнал о потерях за прошедший день:

— погибли офицер и журналист в районе рынка;

— убит снайпером командир батальона ВДВ;

— имеются случаи мародерства. По этой причине убито уже 4 солдата.

В течение всей ночи артиллерия боевиков вела огонь по группировке наших частей.

15.01

С утра переговорил с начальником штаба корпуса генералом Е. Скобелевым. Уточнил данные по вышедшей колонне с боеприпасами и людьми.

В Грозном наш командный пункт располагается на стадионе «Терек».

В этом городе прошло мое детство. Последний раз я был здесь в конце 1980-х — приезжал на могилу родственников. Здесь похоронены сестренка, бабушка, тетя и дядя. В январе 95-го я не смог попасть на кладбище, оно было заминировано, зато побывал в «своем» доме. В городе еще шли бои, поэтому пришлось сесть на броню и взять охрану. Знакомую улицу Коммунистическую нашел сразу. Там еще маршрут автобуса проходил. Остановка называлась «Деловая».

Подъехали к дому. Все забито, заколочено досками. Постучал. Дверь открыл молодой парень лет двадцати семи, чеченец. Он знал мою двоюродную сестру. «Я слово сдержал, сохранил, что смог, — сказал парень и пригласил в дом. — Только в сарай попал снаряд, угол снесло, а все остальное уцелело».

Пришли пожилые женщины, почему-то все черные, худые, заплакали. Одна из них меня узнала. Я когда позже матери это все рассказал, она тоже не сдержала слез.

Гвоздем застрял в памяти еще один эпизод. Молодая беременная женщина с Урала приехала в Грозный к матери, а тут война. Рожала под бомбежками, в подвале. Роды принимала соседка-старуха. Я помог женщине выбраться из города. Ее на бронетранспортере доставили на аэродром «Северный», затем переправили в Моздок, а оттуда — на Урал.

— Мы, товарищ генерал, обязательно увидимся, — трогательно пообещала она на прощание.

Не знаю, где она сейчас. Дай бог здоровья ей и ее дочери, родившейся под бомбежками в январский день 95-го.

В конце января меня назначили командующим группировкой войск «Юг». Позвонил генерал А. Квашнин:

— Почему не возглавляешь группировку?

— Какую группировку? — спрашиваю недоуменно. — Мне поставлена другая задача.

— Давай ко мне в Моздок, — приказал он.

На перекладных добрался до штаба ОГВ. Доложил обстановку, уточнил детали и тонкости. Тем более что я только что по своим войскам проехал. Прямо здесь, на совещании, узнал, что буду командовать «Югом». В Моздоке в эти дни планировались боевые действия на завершающем этапе. Причем привлекали к этой работе минимальное количество генералов и офицеров. Слава богу, хоть какие-то выводы сделали.

Замысел операции был такой: частью сил группировки «Юг» после маневра с северного направления перекрыть важнейшие транспортные коммуникации, захватить господствующие высоты и завершить полное блокирование Грозного с юга. А дальше вступали в действие штурмовые отряды группировок войск «Север», «Запад» и «Юг». Они по сходящимся направлениям завершали окружение и разгром отрядов Дудаева.

Этому способствовали реальные успехи федеральных сил накануне завершающего этапа операции: постоянно велась разведка и уточнялись места скопления боевиков, их основные опорные пункты и узлы сопротивления. К тому же войскам за месяц боев удалось стабилизировать и упрочить положение во всех районах города. Мы планомерно преодолевали упорное сопротивление фанатично настроенных боевиков и особенно так называемых спецотрядов. («Кавказские львы», «Волки» и другие банды воображали себя невесть кем; многие называли себя «камикадзе» и даже воевали с катанами — самурайскими мечами.) Наши войска захватили плацдармы на восточном берегу реки Сунжи, значительно расширили их, выставили блокпосты на основных перекрестках улиц, обеспечили тем самым продвижение штурмовых отрядов.

Завершающий этап операции начался 3 февраля. Двумя полками группировки «Юг» был осуществлен маневр из района Ханкалы на юг и юго-восток чеченской столицы. 324-й мотострелковый полк, совершив бросок под непрекращающимся артиллерийским и минометным огнем противника, «оседлал» дорогу на Пригородное — Гикаловский и обеспечил тем самым выдвижение 245-го мотострелкового полка и тыловых подразделений с боеприпасами. Затем полк блокировал дорогу южнее Гикаловского и перекрыл направление Шали — Грозный и Хасавюрт — Грозный.

Понимая, насколько важны транспортные коммуникации, боевики попытались сбросить наши войска с дорог. Они атаковали в течение трех суток, применяя танки, БТР, БМП, артиллерию (в том числе и реактивную). При этом стремились перебросить резервы в город с направлений Пригородное, Гикаловский и Чечен-Аул. Но все старания боевиков были

тщетны.

В эти же дни войска группировок «Север» и «Запад» приступили к ликвидации отрядов боевиков в зданиях, примыкающих к площади Минутка. Одновременно были захвачены плацдармы на восточном берегу реки Сунжи и осуществлен выход с боем наших подразделений к улице Сайханова.

Для расширения плацдарма требовались тяжелая техника и вооружение, но мост в этом районе был разрушен. Предпринятые попытки восстановить его не остались незамеченными: боевики отвлекли значительную часть сил с других направлений. Завязался бой. Генерал Бабичев и полковник Приземлин решили использовать это как отвлекающий фактор. Преодолев реку ниже по течению по двум переправам вброд и одной десантной переправе на плавтехнических средствах (ПТС), передовые подразделения группировки «Запад» без потерь разгромили противника и выполнили поставленную задачу.

В течение 5–7 февраля действиями штурмовых отрядов десантников (из района улицы Павла Мусорова) были захвачены больница, ряд высотных зданий и заблокирован район Минутка с запада.

Штурмовые отряды группировки войск «Север» (генерал Рохлин), наступая в направлении проспекта Ленина, захватили и взяли под свой контроль комплекс зданий на площади Борьбы. Затем из района трамвайного парка «северяне» совершили обходной маневр, выбили противника из высотных зданий на улице Гудермесская и завершили блокирование района Минутка с северо-востока и востока. Таким образом, в течение февраля Грозный был окончательно блокирован со всех сторон.

В боях за чеченскую столицу и на подходах к ней дудаевцы понесли значительные потери:

— свыше 7 тысяч убитыми, 600 пленных;

— уничтожено: танков — более 40, БМП и БТР — свыше 50, орудий и минометов — более 100, разбиты почти все имевшиеся самолеты и вертолеты;

— кроме того, захвачено 15 танков, 70 БТР и БМП, более 60 орудий и минометов.

Эти цифры, конечно, сильно разнятся с теми, которые я упоминал раньше, когда речь шла о силах дудаевцев накануне боевой операции. Объяснение тут простое. У противника постоянно шло пополнение за счет трофеев, то есть, увы, тех средств, которые были у нас захвачены или отремонтированы поврежденные.

К сожалению, немалые потери понесли и федеральные

войска, особенно в первые дни 1995 года. Погибли и пропали без вести более полутора тысяч солдат и офицеров. А если быть абсолютно точным, то всего с 31 декабря 1994 года по 1 апреля 1995 года, по данным Генштаба, в Объединенной группировке войск погибло 1426 и ранено 4630 военнослужащих, 96 солдат и офицеров оказались в плену.

Увы, не все потери на войне можно считать боевыми. Есть и так называемая «пьяная» статистика. Хотя ее специально тогда никто не вел. А жаль…

Вспоминается случай в августе 1996 года, когда боевики прорвались в Грозный. Штурмовые отряды 205-й мотострелковой бригады двинулись на помощь десантникам, в полном окружении оборонявшим Дом правительства. Но в одном из подразделений контрактники были пьяны, заплутали в городе, в результате подразделение вовремя не прибыло в указанный район. Когда виновников привели ко мне на командный пункт, я не мог сдержаться, закричал:

— Здесь война, а не кабак! Арестовать и немедленно расстрелять! — приказал командиру роты.

Контрактники, услышав такой «приговор», мгновенно протрезвели и буквально взмолились: «Пощадите!»

Выдержав паузу, я, конечно же, отменил свой приказ.

— Вы что, действительно хотели их расстрелять? — спросил у меня кто-то из штабных офицеров.

— Нет, конечно, — ответил я. — Но хотя бы диким страхом нужно выбить из них эту пьяную вольницу, иначе таких бед натворят…

Кстати, замечу тем, кто считает боевиков «трезвенниками»: они не только пьянствовали, но еще и наркотиками себя накачивали. И если оставаться в русле сравнений, надо подчеркнуть, что мы взяли Грозный зимой 95-го, не имея преимущества в живой силе и превосходства в технике, а это значит — головы наши были яснее, а сердца тверже, чем у противника.

Глава 4
Украденная победа

Чтобы не наступить на грабли дважды

По состоянию на 1 марта 1995 года общая численность личного состава незаконных вооруженных формирований, без учета потенциальных резервов в горных районах, достигала более девяти тысяч человек, из которых более трех с половиной тысяч — наемники и добровольцы из ближнего и дальнего зарубежья. На их вооружении имелось: более 20 танков, 35 БТР и БМП, 40 орудий и минометов, 5–7 установок «Град», 20 зенитных систем. При этом только за февраль количество бронетехники увеличилось вдвое в результате налаженного на промышленных предприятиях Шали и Гудермеса ремонта; возросли и поставки оружия через Азербайджан и Грузию.

Дудаевцы продолжали перегруппировку сил и средств, готовясь к дальнейшей борьбе. Основное внимание уделялось укреплению обороны на Гудермесском и Шалинском направлениях. Группировки боевиков в сложившейся ситуации становились здесь главными, поскольку центр активного противостояния федеральным войскам переместился в восточные и юго-восточные районы республики. Неудивительно поэтому, что возглавил шалинскую группировку сам Аслан Масхадов. Активно шли инженерные работы по созданию новых и усовершенствованию уже существовавших рубежей обороны. Боевики заранее позаботились о базах с оружием, боеприпасами, медикаментами и продовольствием, позволявших длительное время автономно вести боевые действия.

На востоке республики особо выделялись Аргунский, Шалинский и Гудермесский узлы обороны. Выгодное в военном плане географическое положение (господствующие высоты, ограниченные возможности для скрытого выдвижения «федералов»), а также множество разветвленных водных преград (горные реки, многочисленные каналы) — все это естественным образом укрепляло и без того мощные очаги сопротивления.

К примеру, Шалинский узел включал два хорошо подготовленных рубежа обороны. Один — на обоих берегах реки Аргун, на участке Чечен-Аул, Старые Атаги и Белгатой — Новые Атаги, второй — собственно Шали и его ближайшие пригороды, с развитой сетью подъездных путей, что позволяло противнику при необходимости оперативно осуществлять маневры. По нашим данным, здесь было сосредоточено до 1700 боевиков, танки, артиллерия и минометы, несколько реактивных установок. Не исключалось, что в любой момент к ним могли подойти отряды боевиков (до 500 человек) с техникой из Веденского района и

населенных пунктов Курчалой и Автуры.

А у нас? После взятия Грозного произошли серьезные изменения в руководстве. Генерал А. Квашнин был назначен командующим войсками Северо-Кавказского военного округа (СКВО) и улетел в Ростов-на-Дону принимать дела. Вместо него Объединенную группировку войск возглавил генерал А. Куликов, который до этого «по штату» был командующим внутренними войсками МВД. На него отныне возлагалось и планирование операций по разгрому незаконных вооруженных формирований в предгорьях Чечни.

Войскам моей группировки «Юг» предстояло действовать на Шалинском направлении. Операцию планировалось провести в три этапа. На первом — создать ударные группировки. На втором — в течение нескольких суток блокировать Шали и зарезервировать при этом необходимые силы и средства на тот случай, если на помощь окруженным поспешат боевики с других направлений. На третьем этапе — непосредственно осуществить разоружение боевиков в Шали. При этом строго предписывалось проводить выдвижение войск только после гарантированного поражения огневых средств противника в районе выполнения боевых задач.

13 марта А. Куликов утвердил мой план, а на следующий день с утра я вылетел вертолетом на рекогносцировку. Вернулся в Ханкалу только вечером. Не успел умыться, как появился начальник штаба моей группировки полковник В. Кондратенко.

— Товарищ генерал, офицеры штаба собрались в палатке и ждут вас, — как-то смущенно сообщил он.

— А по какому такому поводу собрались? — решил уточнить я.

— Как по какому? — удивленно переспросил полковник. — Вы что, забыли? У вас же сегодня день рождения…

Я действительно забыл — так вымотался, что из головы вылетело. Все мысли, естественно, только о предстоящей операции.

Это был мой первый день рождения на войне, поэтому помнится по-особому. Впервые мне ничего не подарили, не до того было. Но тогда, в палатке, один из офицеров (не помню кто) сказал:

— Пусть нашим подарком вам, Геннадий Николаевич, станет разгром бандитов в предгорьях Чечни…

Создав ударные группировки и завершив их выдвижение в исходные районы, войска («Севера» и «Юга») приступили к блокированию населенных пунктов Аргун, Гудермес, Шали, Герменчук, Новые Атаги. А началось все мощными ударами

авиации и артиллерии по опорным пунктам и базам боевиков…

Не могу не сказать несколько слов о боевом применении авиации в первой чеченской войне.

Специально предназначенная для ликвидации бандформирований авиационная группировка размещалась на нескольких аэродромах. Еще до того, как войска начали выдвижение на территорию Чечни, наши летчики нанесли бомбо-штурмовые удары по четырем аэродромам (Ханкала, Калиновская, Грозный — Северный и Катаяма). Было уничтожено 130 самолетов и 4 вертолета, склад ГСМ, антенное поле, — в результате ни один самолет чеченских ВВС так и не поднялся в воздух. Впоследствии мы постоянно чувствовали поддержку с воздуха. Летчики только в первые месяцы войны уничтожили и вывели из строя около 100 особо важных объектов, в том числе президентский дворец, телецентр, танкоремонтный завод, более 20 складов вооружения и боеприпасов, около 50 опорных пунктов противника, в частности укрепрайон вблизи Аргуна, базы в районах Бамута, Шали, Самашек, Черноречья. Ударами с воздуха уничтожено более 40 единиц бронированной техники, 150 автомобилей, 65 единиц зенитных средств. А как боевики боялись сброшенных осветительных бомб, какое сильное психологическое воздействие на них оказывали так называемые агитационные бомбы!

Результаты, безусловно, впечатляли, тем более что личному составу авиационных полков пришлось начинать подготовку к операции фактически с нуля. Из-за отсутствия авиатоплива, запчастей и других материальных средств летчики ударной авиации, особенно бомбардировочной, в течение 1994 года занимались в основном восстановлением утраченных навыков в технике пилотирования и лишь изредка выполняли боевые вылеты. Опыт имели лишь те, кто прошел через «горячие точки», например Таджикистан.

Кроме того, проведенные в последние несколько лет (в рамках военной реформы) сокращения и структурные реорганизации негативно сказались на боеспособности частей, органов управления, систем связи. Если к штурмовикам, действовавшим «по вызову», особых претензий не было, то у бомбардировщиков возникали немалые сложности. Например, отсутствие надежных агрегатов съемного вооружения самолетов не позволяло в полном объеме использовать боевые возможности СУ-24.

Многие авиаторы, как выяснилось, не имели новых топографических карт крупного масштаба, что затрудняло поиск и обнаружение наземных целей. Не было опыта «работы» в горной

местности. Давала о себе знать нестыковка с другими силовыми структурами в организации поисково-спасательного обеспечения боевых действий, а попытка создать единую систему не встретила поддержки в МВД и погранвойсках… В общем, масса проблем. Но и в таких условиях авиация делала свое многотрудное дело. Не случайно бандиты постоянно охотились за нашими летчиками и предлагали за их поимку большие деньги.

Теперь об артиллерии. При подготовке шалинской операции мы уделили ей особое внимание. До сих пор с благодарностью вспоминаю полковника А. Куадже, начальника ракетных войск и артиллерии 42-го корпуса. Всю первую войну он находился рядом со мной. Пушкарь от бога. Многие годы прослужил на Северном Кавказе, в том числе и на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР. Без него нашему штабу пришлось бы крайне трудно.

Нетрадиционный характер боевых действий потребовал от артиллеристов нестандартных подходов к выполнению тактических задач.

Мы, например, в своей группировке отработали в первую очередь вопросы взаимодействия артиллерийских, общевойсковых и других частей, участвующих в операции. Любые недочеты здесь могли привести к страшным ошибкам — выбору не тех целей, которых требовала тактическая обстановка, несвоевременному открытию огня, и даже обстрелу своих войск. Ведь у артиллерии нет собственных целей в бою, их им дают подразделения других родов войск.

Именно поэтому согласованности, тесного взаимодействия прежде всего добивался полковник Куадже. Еще свежи были в памяти январские бои в Грозном, когда, случалось, общевойсковые командиры, не задумываясь, вызывали огонь целого артиллерийского дивизиона по пулеметчику-одиночке или по двум-трем окапывающимся боевикам. И это при дальности стрельбы более 10 километров, да еще без пристрелки! Бывали и приказы открыть огонь по противнику, находящемуся от наших войск всего в 70–100 метрах. А это, как правило, верная гибель от своих же осколков… Нельзя было повторять трагические ошибки, вторично наступать на те же грабли.

Но вернусь к Шалинской операции. Боевики, как мы и предполагали, оказывали упорное сопротивление. Действовали по уже знакомой нам схеме. Опорные пункты в селах устраивались, как правило, в капитальных каменных строениях, где оборону держали одна или несколько боевых групп, по пять-шесть человек в каждой (снайпер, гранатометчик, два помощника гранатометчика, один-два стрелка). На подступах к населенному пункту оборудовали окопы для орудий и бронетанковой техники,

траншеи и укрытия.

Зная по опыту, что тяжелые огневые средства бандформирования применяют чаще всего «рассеянно» и крайне редко — в составе батареи, я приказал полковнику А. Стыцине (начальнику разведки корпуса) выявить, по возможности, все отдельные орудия, «кочующие» минометы (на автомобилях) и т. п. Понимал, как это трудно сделать, и тем приятнее было, что разведчики не подвели, помогли «пушкарям».

На этот раз артиллеристы сработали четко, и боевики понесли значительные потери.

Не могу не сказать еще об одной, пожалуй, самой главной особенности не только Шалинской, но и последующих операций. Дело в том, что, освобождая населенные пункты, мы не должны были допустить разрушений жилых домов, больниц, школ, детских учреждений (что, к сожалению, имело место в Грозном). Поэтому артиллерия вела огонь по выявленным целям в основном на подступах, а в самих селениях действовали штурмовые отряды и маневренные группы. Обычно это происходило следующим образом: армейские подразделения блокируют село, артиллерия и авиация подавляют огнем опорные пункты и места скопления боевиков, после чего в населенный пункт входят подразделения внутренних войск и спецназа для проведения «зачистки». Именно так действовали войска не только в Шали, но и в Гудермесе, и в Аргуне.

События развивались так: 23 марта мы штурмом взяли Аргун, 30-го — Гудермес, причем, замечу, с минимальными для нас потерями. Дольше и ожесточеннее других сопротивлялось Шали.

Штаб А. Масхадова располагался в подвале здания бывшего райкома партии. А мой командный пункт — на высоте Гойтенкорт, господствовавшей над населенным пунктом.

Кто-то из офицеров притащил на КП старое кресло-качалку. Я когда увидел, даже обиделся поначалу:

— Вы меня совсем как старика Кутузова упаковываете… Думаете, я буду сидеть и дремать на солнышке, когда вокруг «заруба» идет?!

А в ответ — только хитрые улыбки, будто что-то наперед знали. От чудовищной усталости я в какой-то момент действительно рухнул в кресло — передохнуть. Видимо, переоценил свои силы. Сорок восемь лет — возраст, когда без сна и отдыха уже невозможно работать сутками. Да и сердце временами стало напоминать о себе (война бесследно не проходит!).

В последние дни я постоянно был на ногах или на броне. Мотался вдоль переднего края, пытался получше изучить

характер обороны противника, иногда под самым носом у дудаевцев. И не потому, что такой бесстрашный. Страх присутствовал всегда. И в Грозном, когда я ездил на броне по простреливаемым насквозь улицам, и под Шали, когда проводил осмотр местности, где предстояло действовать нашим подразделениям. Признаюсь, холодок бежал за ворот, когда пули и осколки цокали по бортам. Но я просто обязан был показать «личную храбрость», чтобы, глядя на меня, ребята смогли преодолеть робость, особенно те, кто не прошел через штурм Грозного, но был наслышан об ужасе тех дней. Порой только личным примером командирам удавалось поднимать бойцов в атаку. Бывают на войне такие моменты, когда перед лицом страха бессильны самые суровые приказы и угроза трибунала…

С горы Гойтенкорт просматривалось все Шали — одно из самых крупных сел на Северном Кавказе. К югу от него начинался крутой горный массив. До 1992 года здесь базировался танковый полк и находился хорошо оборудованный полигон. Среди наших офицеров были и те, кто в свое время проходил здесь службу, хорошо знал местность и, значит, воевал не вслепую.

Не были мы и «глухими», как в грозненскую операцию. Совершенно другой была ситуация. Если тогда в эфире царила какофония и неразбериха, а боевики «сидели» на наших частотах, то теперь мы подавляли радиопомехами переговоры дудаевцев. У себя же в подразделениях продумали и ввели четкие правила радиообмена, особые позывные, кодировку команд и сигналов. Во многом это было личное творчество нашего начальника связи полковника К. Школьникова.

Не могу не выделить особо и командира 135-й мотострелковой бригады полковника С. Макарова. Под Шали его пехота по всем статьям переиграла боевиков. Кстати, мотострелки не имели значительного численного превосходства над обороняющимся противником. Мы потеряли всего нескольких своих людей, зато уничтожили множество бандитов. И при этом сохранили в целости село.

Сергей Макаров. Штрихи к портрету

С начала контртеррористической операции (1999–2002 годы) Объединенной группировкой войск командовали поочередно генералы В. Казанцев, Г. Трошев, В. Баранов и В. Молтенской. Пятым командующим стал генерал Сергей Макаров. Судьба свела меня с этим офицером осенью 1994 года. Я был назначен командиром армейского корпуса и прибыл во Владикавказ, где приступил к знакомству с личным составом соединений и частей.

На одном из служебных совещаний мне доложили, что присутствуют все офицеры командного звена, кроме командира 135-й бригады полковника Макарова (он заболел желтухой и находится в госпитале). В тот же вечер мы с начальником штаба генералом Е. Скобелевым, прихватив авоськи с фруктами, навестили Сергея Афанасьевича. Он, похоже, не ожидал, что вновь назначенный комкор познакомится с ним в больничной палате. Макаров был бледным, похудевшим из-за болезни. Но как личность мне очень понравился. Как водится у военных, заговорили о службе. Сразу произвели впечатление его высокая эрудированность, вежливость, тактичность, умение расположить к себе собеседника.

Говорят, что первое впечатление бывает обманчивым. Бывает. Человек меняется, особенно в сложных, критических ситуациях. А на войне и подавно. Но Макаров оставался таким же спокойным и рассудительным и в дальнейшем.

Через несколько месяцев я увидел его уже в реальной боевой обстановке. Весной 95-го началась активная фаза «горной» войны.

Несмотря на, казалось бы, хорошо продуманную и подготовленную операцию, на практике не все получалось гладко, особенно в первые сутки ведения боевых действий. На «макаровском» направлении войска забуксовали, встретив ожесточенное сопротивление боевиков. К исходу первого дня операции я вызвал на свой КП командиров трех направлений наступления и выслушал их доклады. Начал с Макарова. Он неторопливо и четко доложил обстановку:

— Мотострелковый полк, действовавший в районе Сержень-Юрта, правым флангом задачу выполнил, но его левый фланг был атакован противником и вынужден был отойти на исходный рубеж. Командир полка, судя по всему, растерялся, а появившиеся первые потери в подчиненных подразделениях разуверили его в решительности управлять боем.

— Срочно вылетай в расположение полка и разберись на месте, Сергей! — сказал я. — Командир должен взять себя в руки,

детально разобраться в сложившейся обстановке, при необходимости перестроить боевой порядок, но задачу обязан выполнить!

Прилетает Макаров в полк, а там ситуация аховая. Пошли потери. Один погиб и девятнадцать получили ранения различной тяжести. Командир полка и его замы, докладывал Макаров, в растерянности.

И вместо того, чтобы попросить у Макарова время на оценку сложившейся обстановки, принятие разумного решения, командование полка стало обвинять Макарова, а заодно и меня, якобы подгоняющего их полк бежать вперед.

Особенно завелся зам по воспитательной работе. Мол, зарабатываешь, полковник, генеральские звезды на нашей крови, Трошев не мог отдать такой приказ, все это выдумки…

Когда проявляют трусость солдаты — это полбеды, но когда паникуют офицеры — это «труба». Подразделения превращаются в неуправляемое войско, и гибель в таких случаях просто неизбежна. Могу только представить, что творилось в те минуты в душе Макарова. Но рубить сплеча он не стал, не запаниковал вместе с командованием полка и не стал докладывать мне на КП о «бунте на корабле». Спокойно, но в то же время с хладнокровной твердостью сумел убедить офицеров не опускать руки, собраться и продолжать выполнять поставленную боевую задачу. Кстати, сам Макаров, позвонив мне и спросив разрешения остаться на КП командира полка хотя бы на сутки, был рядом с этим командиром, помогая ему управлять боем. Задача была выполнена своевременно и без единой потери.

Весной 1996-го, уже будучи моим заместителем в 58-й армии, Макаров продолжал воевать в Чечне, участвуя в проведении операций в районах Новогрозненского, а в последующем Орехово, Старого Ачхоя и Бамута. Тогда были ликвидированы многие опорные пункты и базы боевиков.

Особо упорные бои завязались под Старым Ачхоем и Орехово. Батальоны никак не могли овладеть мощным укрепрайоном боевиков. Макаров доложил мне о создавшейся ситуации. В то время я уже не командовал группировкой, а возглавлял 58-ю армию. Внимательно выслушав доклад Макарова, по его голосу понял, что состояние у него тяжелое, но старается держаться спокойно, вида не подает.

— Сережа, — говорю ему, — ты что там разворачиваешь эти батальоны как дивизии при фронтовой операции? Поразмеренней все делай, не забывай про удары армейской авиации и артиллерии, а уж потом посылай в бой солдата, когда убедишься, что впереди остались лишь остатки недобитых бандюганов.

Посоветовал ему также использовать звуковещательную установку (я это уже делал при уничтожении боевиков на р. Аргун перед Шали). Макаров так и сделал. На полную мощность включил несколько звуковещательных установок. Создалось такое впечатление, что по меньшей мере танковая дивизия выходит на рубежи развертывания и переходит в атаку. Эффект был потрясающий. Представьте: одновременно два усиленных мотострелковых батальона атакуют позиции боевиков с фланга (то есть наносят удар противнику не «в лоб», а «в бок»), при мощной поддержке артиллерии и авиации. Боевики растерялись, не ожидая такого маневра, побежали, оставляя на поле боя десятки убитых и раненых.

Захватив Орехово, войска пошли на Старый Ачхой, но вновь встретили упорное сопротивление дудаевцев. Мне позвонил генерал А. Квашнин (в то время он был командующим войсками округа):

— У Макарова сложилось тяжелое положение. Лети к нему, помоги.

В тот же день я вылетел на «вертушке» в Чечню и к вечеру уже был на командном пункте. Макаров доложил обстановку и представил свой замысел предстоящего боя. Суть его сводилась к следующему: под покровом ночи скрытно отвести главные силы от линии соприкосновения, но при этом арьергардными подразделениями имитировать ведение ночного боя, тем самым вынуждая противника постоянно быть в напряжении.

— Товарищ командующий, разрешите начать отвод войск?

— Конечно, отводи, — говорю ему. — Другого выхода нет. Это лучшее, что можно в этой ситуации придумать.

Скрытно вывели два батальона и тут же нанесли удары авиацией и артиллерией. И только потом, на следующий день, когда в траншеях боевиков остались лишь дежурные силы и средства (ведь всю ночь боевики не спали, ожидая ночной атаки наших подразделений), снова атаковали противника главными силами. Поставленная задача была выполнена.

Наблюдая, как Макаров уверенно руководит подчиненными в бою, принимает разумные решения в той или иной создающейся сложной ситуации, я всегда удивлялся его спокойствию и хладнокровию. Никогда, даже в самые критические минуты (а их на войне предостаточно) не слышал от него крика, крепкого матерного слова. Конечно, он тяжело переживал потери, ходил мрачнее тучи, бледность на лице выдавала внутреннее волнение. Зато как ребенок радовался успеху. Помню один случай.

Когда наше инженерно-саперное подразделение проделывало проход в минном поле боевиков перед их опорным пунктом у

Старого Ачхоя, оно подверглось интенсивному обстрелу из ДОТа, оборудованного на одной из высоток в 400–600 метрах от нашего переднего края.

И вот пулеметчик и снайпер, выделенные для прикрытия наших саперов, открыли прицельный огонь по амбразуре этого ДОТа. То ли очередь пулемета, то ли меткий выстрел снайпера — трудно сказать, — но достигли цели. Взрыв был потрясающий, как в киношных боевиках. Оба стрелка аж вскочили от радости и стали подпрыгивать на месте. А как радовался Макаров! Может быть, впервые за все дни напряженных боев. Когда этих солдат привели к Макарову, каждый стал докладывать, что именно он поразил цель. Полковник Макаров по-отечески обнял их и поблагодарил за службу. В тот же день представил обоих к государственной награде, чтобы не нарушать принцип войскового товарищества. Лично позаботился о том, чтобы кадровики побыстрей подготовили наградные листы на них. Вскоре солдаты получили заслуженные награды.

Сергей Афанасьевич — один из немногих офицеров, кто еще в советские времена проходил службу в Чечено-Ингушетии. Он был командиром учебного танкового полка в Шали. Хорошее знание местности, обычаев и традиций местного населения очень пригодились ему на войне.

Не все получалось гладко. Случались и ошибки. Однако они характерны не только для Макарова, но и для других командиров, которые впервые воевали в чеченскую кампанию 1994–1996 годов. На практике никто не знал, как вести боевые действия в горно-лесистой местности, причем не против классически обороняющегося противника, а, по сути дела, против хорошо организованных партизанских отрядов.

Приходилось под огнем, на поле боя учиться самому и обучать подчиненных. И надо отдать должное Макарову: он не суетился, не терялся, а планомерно, с присущей ему настойчивостью искал наиболее верные решения в создававшихся ситуациях, а главное — старался делать так, чтобы добиться успеха с наименьшими потерями.

В 1996 году он стал генералом, поступил учиться в Академию Генерального штаба. Вскоре мы снова встретились в… госпитале. Я оказался на госпитальной койке с позвоночником. Признаться, теперь уже я не ожидал увидеть Сережу Макарова, да еще с Володей Шамановым и Костей Школьниковым (начальник связи 58-й армии). Все они на тот момент были слушателями Академии. Я искренне обрадовался. Мы обнялись. Разговор был очень теплым и доброжелательным. Беседа растянулась на несколько часов.

Хорошо помню, как Шаманов с Макаровым запальчиво рассказывали мне о том, что пробивают и доказывают всем в Академии необходимость осваивать новые принципы и методы ведения боя в современных условиях, стараются уйти от стереотипов и шаблонов. По сути, они в то время выступили застрельщиками и инициаторами изменений в тактике ведения общевойскового боя против бандформирований. И имели на это право!

Кстати, Шаманов с Макаровым в первой кампании воевали вместе. Война их сблизила, они подружились. И в Академии были, что называется, неразлейвода. Однако злые языки утверждали, что Шаманов по распределению якобы перешел дорогу Макарову. Будто бы Сергея Афанасьевича уже назначили на должность заместителя командующего армией в Воронеж, а Владимир Анатольевич позвонил Квашнину и упросил его, чтобы «назначиться самому». Может, так и было, не знаю. Во всяком случае, Макаров никогда об этом не говорил и вслух не высказывал никаких обид. Это не в его характере — ковыряться в интригах.

Я был очень рад через два года вновь увидеть и Шаманова, и Макарова в Северо-Кавказском военном округе. Это были проверенные войной генералы, которых в округе помнили и уважали. Они вернулись на Северный Кавказ в тяжелое для России время.

В Чечню вновь направлялись генералы и офицеры, которые имели боевой опыт, прошли суровые испытания первой войной, — Булгаков, Шаманов, Бабичев, Кондратенко, многие другие. Генерал Макаров в их числе. Я сам позвонил ему и предложил стать моим заместителем в Восточной группировке.

Сергей Афанасьевич вполне мог отказаться от подобного предложения. И был бы абсолютно прав. И вовсе не из-за трусости. В тот момент он находился в распоряжении командующего и ни на какой штатной должности в округе не числился. Но Макаров без промедления согласился на мое предложение. В конце нашего разговора как бы невзначай сказал: «Геннадий Николаевич, спасибо за доверие».

Не скрою, я был рад тому, что Макаров согласился, несмотря на все штатные заморочки, быть моим заместителем. Это проверенный, испытанный, надежный профессионал. Иметь рядом такого подчиненного на войне мечтает каждый командир.

В начале 2000 года, когда я возглавил всю Объединенную группировку войск, Сергей Афанасьевич стал руководить Восточной группировкой, продолжая решать ответственные задачи. И справился с ними успешно. В горах, на высоте свыше

двух тысяч метров, Макаров высадил шесть тактических воздушных десантов. Первый из них — в районе населенного пункта Дай. Боевики не ожидали такой дерзости. Как снег на голову свалились на них мотострелки, десантники и морские пехотинцы. Эту картину надо было видеть. На скалистых вершинах гор на высоте 2,5 тысячи метров — бронетранспортеры, а рядом матросы в бушлатах. Десантники сначала их окрестили «аквасолдатами», а позднее стали называть «горными матросами». Исключительно смело и мужественно проявили себя мотострелки 136-й бригады, морские пехотинцы Каспийской флотилии и Северного флота, подразделения воздушно-десантных войск. Затем, приблизительно по той же схеме, действовали войска группировки при уничтожении боевиков и захвате Ведено. В результате успешных, нестандартных действий федеральных сил боевики уже не могли активно противостоять нам в горах. Один за другим они теряли опорные пункты и базы хранения оружия и боеприпасов, несли ощутимые потери в живой силе.

После завершения активной фазы контртеррористической операции генерал Макаров возглавил армию, дислоцирующуюся в Воронеже. Но пробыл там недолго. Когда мой заместитель генерал В. Баранов уехал на новое место службы в Москву, опять встал вопрос: кто займет эту должность? Выбор снова пал на Макарова. Признаться, я еще раньше думал: как только освободится должность, буду ходатайствовать перед Москвой о назначении Сергея Афанасьевича.

С осени 2002-го генерал Макаров возглавил Объединенную группировку войск в Чечне. С 2005 года служит начальником штаба — первым заместителем командующего войсками Приволжско-Уральского военного округа. Он, как и я, танкист. Экипажная система службы в танковых подразделениях заставляет весь коллектив работать на одну цель и приучает к этому молодого солдата в учебном подразделении, курсанта в военном училище. Доверять друг другу, полагаться на товарища — это в крови. Непорядочные взаимоотношения между танкистами — большая редкость. И я не сомневаюсь в том, что генерал Макаров на любой ответственной должности принесет большую пользу нашим Вооруженным Силам.

Шалинский узел сопротивления был подавлен. Уже 31 марта над крышами домов развевался российский триколор. Меня этот «подарок» радовал еще и потому, что вражеской группировкой руководил А. Масхадов — главный военачальник боевиков. В отличие от бывшего советского летчика Д. Дудаева, решавшего

исключительно политические задачи, Масхадов сам руководил штабом, разбирался во всех тонкостях общевойскового боя. Выпускник Военной академии, он был настоящим профессионалом. Поэтому взятие Шали я расценивал отчасти и как личную победу над Масхадовым. Мое старенькое кресло-качалка на горе Гойтенкорт в прямом и переносном смысле оказалось на высоте в сравнении с его райкомовским подвалом.

Ведь это наши горы?..

К апрелю боевики были вытеснены к предгорьям Главного Кавказского хребта. Их основные базы располагались в Шатойском, Веденском и Ножай-Юртовском районах. Несмотря на потери и отсутствие сплошного фронта обороны, дудаевцы сумели выставить минно-взрывные заграждения, укрепить опорные пункты (расположив их в том числе и в жилых домах) и передислоцировали технику и артиллерию. Судя по этим деталям, они готовились к войне в горах. Готовились и федералы. В конце марта, когда еще шли бои в Шали, было решено создать Объединенную группировку войск Министерства обороны. Я еще не знал об этом, находясь на высоте Гойтенкорт. Неожиданно меня вызвал к себе А. Квашнин, который, хотя и принял командование войсками округа, большую часть времени по-прежнему проводил в Ханкале, оказывая помощь генералу А. Куликову в руководстве операцией «по наведению конституционного порядка в Чечне»… Причина вызова была мне непонятна, и всю дорогу я строил предположения, думал: что за срочность? Падение Шали — вопрос нескольких дней. Я размышлял: неужто Дудаев решил капитулировать и вызов объясняется именно этим? Но причина оказалась намного прозаичнее: А. Квашнин предложил мне возглавить группировку войск Миннобороны. «Добьешь Шали, а затем принимай под свое начало всех армейцев», — как о деле решенном, сообщил мне Анатолий Васильевич. Оставалось только одно — дать согласие.

После разговора Квашнин представил меня уже в новом качестве генералу А. Куликову. Он уже месяц как командовал всеми силовиками в Чечне. Завязалась любопытная беседа. После того как Квашнин рассказал Куликову обо мне (это обычная практика при назначениях), Анатолий Сергеевич спросил:

— Геннадий Николаевич, я знаю, что ты родом из этих мест. Не боишься ли, что твоим родным и близким начнут мстить?

— Вы же не боитесь, товарищ генерал, — ответил я ему. — И я не боюсь… Я пришел сюда не для того, чтобы уничтожать чеченский народ, который хорошо знаю, а чтобы спасти его от бандитов. Надеюсь, чеченцы поймут, что я им не враг. Это во-первых. А во-вторых, если вы с Квашниным мне доверяете, постараюсь не подвести…

Видимо, мой ответ понравился Куликову, потому что в дальнейшем у меня с ним установились добрые и доверительные отношения.

В апреле войска армейской группировки, которыми я стал

командовать, были готовы к действиям в горах. Однако передышка тоже была необходима. За несколько месяцев почти непрерывных боевых действий накопились неотложные проблемы, в частности, необходимо было восстановить поврежденную технику, провести техобслуживание, пополнить материальные запасы. Устали и люди. Мы хорошо понимали, что действия в горах потребуют огромных дополнительных усилий, тщательной подготовки. К тому же, по замыслу всей чеченской кампании, на разных этапах боевых действий предусматривались и меры политического характера, переговоры и иные мероприятия. Другое дело, что с какой-то дурной закономерностью повторялась одна и та же картина: все объявленные моратории (а их было за время первой чеченской войны несколько) наша сторона всегда строго соблюдала, а противник постоянно нарушал.

Так или иначе, но весной 95-го мы все же надеялись, что дудаевцев можно склонить к сдаче оружия и прекращению сопротивления. В переговорном процессе довелось участвовать и мне, я первым из командования группировки встретился с Масхадовым. Об этом событии я уже упоминал, но теперь хочется рассказать более подробно.

Масхадов дал согласие на встречу со мной. Но где? «Давайте на нейтральной полосе», — настаивал Аслан. О какой нейтральной полосе тогда можно было говорить? Наши войска стояли почти везде на равнине и в предгорьях, а в горах, куда мы еще не успели добраться, соответственно, располагались дудаевские отряды. Тогда Масхадов стал настаивать на том, чтобы встреча состоялась в Новых Атагах, на его территории. Пришлось уступить, хотя в этом был риск.

Уже тогда я знал, что у него с Дудаевым натянутые отношения. (Аслан в этом позже сам мне признался.) После чувствительных поражений на равнине Масхадов, выступая по местному телевидению, потребовал от ичкерийского лидера отказаться встретиться только с Президентом России и призвал его вести переговоры с министром обороны П. Грачевым. В противном случае Дудаев должен «закончить политические игры и лично встать с оружием в ряды бойцов». В общем, разногласия дошли до публичных ультиматумов…

…В Новые Атаги мы выдвинулись на двух бэтээрах: на одном — я, на втором — охрана. Когда въезжали в село, глазам своим не поверил, как чеченцы радовались нашему приезду. Приветливо махали руками, некоторые по-военному отдавали честь.

Встреча должна была состояться в доме Резвана — директора цементного завода.

Когда мы вошли во двор, полный народу, сразу прекратились всякое движение и суета. Масхадова еще нет. Я подумал: может, и не будет встречи?.. Ожидание было зловеще-томительным: вокруг вооруженные чеченцы, смотрят на нас зло, с нескрываемой ненавистью, того и гляди постреляют как куропаток…

Минут через пятнадцать — оживление. К дому подъезжают несколько автомобилей «Нива». На головной машине — флаг Ичкерии с изображением волка. Во двор входит Масхадов с вооруженной свитой. Здороваемся. С ним приехали Имаев (генпрокурор Чечни) и полевой командир Руслан Гелаев.

Переговоры велись в самой большой комнате дома.

Меня уполномочили предъявить следующие требования.

1. Незамедлительное прекращение боевых действий на всей территории Чечни.

2. Обмен всеми убитыми и пленными.

3. Сдача оружия боевиками.

4. Вывод федеральных войск с территории Чечни на административную границу.

Во время переговоров Масхадов все время смотрел вниз, на свои руки. Было заметно, что они слегка тряслись. Скажет два-три слова и опускает голову. Нервничал.

Я сразу довел до сведения переговорщиков, с какой целью прибыл. Масхадов по первому вопросу ответил утвердительно. Мол, прямо сейчас дадим команду остановить боевые действия. И тут же спросил: «А ты в состоянии дать команду на прекращение огня?» Я ответил: «Да, в состоянии. У меня такие полномочия есть».

По второму вопросу тоже договорились без каких-либо проблем.

Что касается третьего пункта, то Масхадов был категорически не согласен. Требовал: вначале вы выведите войска, а потом мы сами организуем сдачу оружия… Так и не смогли мы тогда обойти этот камень преткновения.

Через несколько дней вновь встретились. Теперь кроме Масхадова присутствовали Ширвани Басаев (брат Шамиля) и Мовлади Удугов. Мы проинформировали друг друга об обмене убитыми и ранеными. Затем Масхадов мне говорит:

— Геннадий, мы с тобой военные люди, мы можем договориться не стрелять друг в друга, обменяться пленными и ранеными. Но вывести войска и сдать оружие — нет, не наш с тобой уровень…

Последняя встреча с Масхадовым проходила в начале апреля. Сначала обменялись мнениями официально, за столом переговоров, затем уединились и часа два беседовали с глазу на

глаз.

— Я советский офицер, — говорил Масхадов, — воспитывался в советских традициях… Но как вы могли в мирное время прийти в Чечню и убивать народ?

— Нет, Аслан, я пришел не лично с тобой бороться, не с народом, и даже не с Дудаевым, а с теми бандитами, которые взялись за оружие. Где ты видел, чтобы в мирной стране вооруженные люди собирались в банды и безнаказанно грабили и убивали других?..

Мы долго спорили, потом разговор зашел о семьях. Аслан рассказал о своей жене, детях.

— А как отреагировал Дудаев на наши с тобой переговоры? — поинтересовался я.

— А никак. Он даже не спросил, о чем мы с тобой говорили. Думаю, ни ему, ни Ельцину не нужен мир…

26 апреля 1995 года Президент Б. Ельцин подписал Указ «О дополнительных мерах по нормализации обстановки в Чеченской Республике». Мы понимали, что объявление моратория носило чисто политический характер — страна готовилась к празднованию 50-летия Великой Победы, в Москву прибывали многочисленные зарубежные делегации. Причем соответствующие приказы стали поступать в войска уже за неделю до опубликования Указа.

Но боевики не собирались соблюдать мораторий. Гибли наши солдаты и офицеры, гибли лояльные к нам чеченцы… Дудаевцы использовали передышку для пополнения и перегруппировки своих сил. Многие реальные достижения федералов таяли на глазах, как поздний весенний снег…

В мае мы наконец получили добро на проведение операции в горах. Ее подготовку жестко контролировал лично А. Квашнин, о деталях знали только несколько человек. Кроме него самого — А. Куликов, В. Булгаков и я.

Были созданы три горные группировки. Шатойской руководил генерал Булгаков, Веденской — полковник Макаров, Шалинской — генерал Холод. Чтобы ввести противника в заблуждение, на все три направления одновременно были выдвинуты войска, чтобы у дудаевцев сложилось впечатление, будто их станут атаковать с трех сторон.

Они не ожидали, что мы сунемся в горы. Еще тогда, в марте, я говорил Масхадову: «Аслан, я своих солдат в горы не пошлю. Они плохо знают горы, в отличие от твоих, которые здесь родились и выросли. Я буду доставать вас дальнобойной артиллерией и самолетами». Не знаю, поверил ли он моим словам, но, судя по радиоперехватам и оперативной информации,

боевики считали, что федеральные войска сделают ставку именно на авиацию и артиллерию.

Однако на нашей последней встрече в апреле речь вновь зашла о горах. Уже прощаясь, Масхадов заметил с нескрываемым лукавством:

— Я знаю, что ты пойдешь в горы… Ты здесь вырос. Но остальные как? Как технику протянете?

— Найдем способ…

Масхадов усмехнулся. Он не предполагал, что у нас уже все готово к проведению горной операции…

Вначале войска действовали одновременно в трех местах. Особенно ожесточенные бои развернулись на Шатойском и Веденском направлениях. Например, боевики цепко держались за цементный завод, этот своеобразный замок на входе в Аргунское ущелье. Переговоры о том, чтобы завод оставить целым, ни к чему не привели. Пришлось штурмовать. Несколько суток войска группировки наносили удары по противнику и в конце концов почти без потерь овладели важным объектом обороны дудаевцев, которые каждый день недосчитывались по нескольку сот человек.

Общие потери противника, по состоянию на 31 мая, оценивались в 12 тысяч человек! Донесения из Чечни в период «горной войны» напоминают сводки с фронтов Великой Отечественной.

29 мая

Уничтожены в ходе боевых действий за 27 и 28 мая 1995 года: 294 боевика, 1 танк, 4 БТР, 23 автомашины, гранатомет, пулемет, ПТУР, наблюдательный пункт, 6 опорных пунктов и склад боеприпасов. Потери федеральных войск составили трое убитых и шестеро раненых.

30 мая

Потери боевиков за истекшие сутки: 88 убитых, 1 БТР, 8 автомашин, зенитная установка, гранатомет, ПТУР. Кроме того, изъяты 3 гранатомета, 201 килограммов взрывчатых веществ, более 4 тысяч единиц различных боеприпасов. Наши потери — трое погибших и восемь раненых.

31 мая

Федеральные войска вплотную подошли к горловинам Аргунского и Веденского ущелий и продолжают методичный обстрел позиций НВФ огнем артиллерии и авиации. Ожесточенные бои идут в предгорьях и горах. Основная задача — расчленение группировок, сконцентрированных на Шатойском и Веденском направлениях. Боевики создали первые батальоны «смертников», готовых к выполнению любого задания и осуществлению диверсионно-террористических операций.

1 июня

За истекшие сутки федеральные войска в Чечне потеряли в общей сложности 10 человек убитыми и 13 ранеными. Уничтожено 123 боевика, танк, артиллерийское орудие, зенитная установка, 4 базы. Ожесточенные бои идут по всей линии фронта в районе населенных пунктов Бамут, Агишты, Сержень-Юрт, Ножай-Юрт. По утверждению чеченских источников, федеральные силы в районе селения Сержень-Юрт, применив тактику обхода, взяли господствующие высоты 312 и 319, закрепились на них и ведут постоянный артиллерийский обстрел позиций противника в окрестностях населенных пунктов Ведено, Шатой, Бачи-Юрт, Мехкеты.

Прежде чем войска двинулись в горы, вперед направили специальные штурмовые группы, которым ставилась задача: овладеть господствующими высотами и обеспечить выход главных сил. На Шатойском направлении такие группы в основном выделялись от подразделений ВДВ. Они грамотно, лучше других действовали в горах, захватывали высоты и выставляли блокпосты.

Упорное сопротивление дудаевцы оказали в районе Ярышмарды. Атаковать в лоб — значило понести большие потери. Стали искать выход. Напрашивалось два варианта. Первый — найти обходной маршрут, что в той ситуации было весьма сложно, второй — поменять направление главного удара, перенацелить войска на Ведено. К тому же противник начал подтягивать большие силы в Аргунское ущелье, чтобы удержать Шатойское направление. Итак, Ведено — вотчина братьев Басаевых.

Генерал Булгаков предложил решение: главные силы 245-го полка провести вдоль реки. Таким образом, группировка бандитов рассекается надвое и появляется возможность захватить два базовых района боевиков. Я утвердил это решение.

Согласно плану, части и подразделения выдвинулись к Ведено с двух направлений: Дачу-Борзой — Агишты и Дачу-Борзой — Мехкеты. За один день командир 245-го полка полковник С. Морозов по каменистому руслу реки сумел вывести свои главные силы в район населенного пункта Эдистанжи. И тогда возникла идея высадить тактический воздушный десант.

Еще в 1942 году в этих местах, в районе населенного пункта Мехкеты, немцы планировали высадить десант. Профашистски настроенные чеченцы оборудовали здесь аэродром. Сюда затем немцы доставляли своих инструкторов, создавали запасы оружия, боеприпасов, продовольствия. Чечня должна была стать опорной базой для последующего выхода немцев к бакинской нефти. Этот

план не был осуществлен — помешали успехи нашей армии. Кто бы мог подумать тогда, что спустя пятьдесят три года здесь будут идти настоящие бои и придется высаживать российский десант?!

…Двое суток изучали обстановку. Внесли коррективы по результатам аэрофотосъемки. Но этого показалось мало. Хотелось лично убедиться, своими глазами посмотреть на то место, где спланировали высадку десанта.

Сели с В. Булгаковым на штурмовики (на место второго пилота) и поднялись в воздух. Полет длился минут 30–40. Сделали три круга над окрестностями Ведено. Вдруг внизу я увидел «Ниву». Она двигалась по горной дороге в сопровождении еще двух машин. И летчики их сразу заметили: я слышал их переговоры с землей.

Позже один из них-рассказал мне, что за этой «Нивой» они давно охотятся. По агентурным данным, это была машина Дудаева. Но «земля» запретила штурмовикам работать по автоколонне, так как в кабинах находились мы с Булгаковым. Выходит, мы с Владимиром Васильевичем помешали тогда уничтожению чеченского лидера.

Высадка десанта прошла успешно. Подразделения 245-го полка и десантники ударили по противнику одновременно с двух сторон. На некоторых участках обороны врага началась паника, бандиты бросали свои позиции и позорно бежали.

3 июня древняя столица Чечни — Ведено — была уже в руках федеральных войск. Пленные дудаевцы признавались, что основной удар ожидали по Шатою, поэтому и подтягивали туда резервы. Однако у селения Агишты их связала боями морская пехота, а в ущелье — 506-й полк. И тыл боевиков оказался оголенным.

В боях за Ведено федеральные войска потеряли погибшими 17 человек, ранеными — 36. А у бандитов только убитых более трехсот. Плюс ко всему уничтожено 8 танков, 9 БМП, 1 БТР, 2 зенитные установки, одна установка залпового огня «Град», 2 гаубицы, 6 минометов, 28 автомобилей с боеприпасами — фактически остатки их тяжелого вооружения. Наголову был разгромлен печально знаменитый «абхазский» батальон. Шамиль Басаев был в шоке от происшедшего. И, видимо, именно после «Веденской катастрофы» задумал он кровавый рейд на Буденновск. От отчаяния…

Не давая противнику времени на передышку, войска двинулись на Шатой. Туда вела только одна дорога — вдоль реки Аргун. Слева — отвесные скалы, справа — десятиметровый обрыв. Никакой возможности для маневра. К тому же разведчики обнаружили на пути следования множество управляемых мин,

фугасов. Идти по дороге — значит положить людей, потерять технику. Нас возьмут в огневой мешок и перещелкают, как в тире. Генерал Булгаков принял решение: основные силы «перетаскивать» по хребту, чтобы скрытно выйти к Большим Варандам, от них спуститься к Шатою.

Хребет шириной от 4 до 6 километров — и только узкая тропа, по которой с незапамятных времен горцы ездили лишь верхом на лошадях. Но начальник инженерной службы 166-й бригады подполковник А. Степанов со своими людьми за трое суток пробил дорогу, расширил ее под технику. Чуть ли не на руках несли боевые машины.

А чтобы противник не обнаружил основные силы, на главной дороге подразделения 245-го полка сымитировали атаку: небольшой рейдовый отряд (разведвзвод, мотострелковая рота, инженерно-саперное отделение с машиной разграждения и танк с тралом во главе с майором Н. Звягиным) двинулся вдоль реки Аргун. Уже при входе в ущелье боевики открыли шквальный огонь. Солдаты и офицеры стояли насмерть в течение двух суток, приковывая к себе силы бандитов. А когда поняли, что противник «клюнул» на приманку, командир полка приказал по радио Звягину отходить…

Спаслись немногие, прыгнув с обрыва в реку. Большинство погибло. Я склоняю перед ними голову. Ценой своей жизни герои обеспечили общий успех операции.

Такие ситуации нередки на войне. К сожалению, командирам иногда приходится принимать жесткие решения: жертвовать малым, чтобы спасти большее. Прости меня, Господи!

Благодаря отряду майора Звягина мы сумели вытащить к Шатою по хребту 245-й полк. А вечером 11 июня с другой стороны Шатоя был высажен десант. Несколько вертолетов один за другим подлетали в указанное место. Десантники выпрыгивали и сразу уходили в лес, чтобы с рассвета перекрыть возможные пути отхода боевиков. Один вертолет, завалившись на хвост, скатился в обрыв. К счастью, никто не погиб, было только несколько раненых. Однако сдрейфил обычно хладнокровный и мужественный командующий авиацией группировки генерал В. Иванников: «Все, прекратить высадку!» — нервно закричал он в эфир. Пришлось его отстранить. «Ты что, — говорю, — все погубить хочешь?! Спасуем сейчас — в крови умоемся! Все рухнет!» Я вырвал микрофон: «Продолжать высадку! Не останавливаться!»

В конце концов все закончилось благополучно. И 13 июня Шатой был полностью блокирован. Боевики вновь запаниковали (не ожидали внезапного удара федеральных войск), прекратили

сопротивление и спешно оставили свои позиции.

С падением Ведено и Шатоя фактически могла завершиться последняя фаза «горной войны». Замысел федерального командования был почти полностью реализован. За Шатоем открывался путь через перевал на Грузию. Теперь же, после блокирования ключевого населенного пункта, его удалось перерезать, неподконтрольными оставались только скалистые горы, где можно было ударами с воздуха и дальнобойной артиллерией добивать остатки бандитов.

Однако в очередной раз наступление остановили — опять федеральный центр объявил мораторий на ведение боевых действий. Так было после блокирования Грозного, после успешного наступления на Шали, после форсирования Аргуна… Я считаю, что тогда можно было окончательно дожать бандитов. И сейчас, когда Шатойская операция набрала полный ход, нам вставляли палки в колеса.

Кое-что разъясняет перехват разговора Масхадова с одним из полевых командиров. Последний сообщал, что его отряды больше не могут сдерживать русских. «Выручайте, срочно!» Масхадов ответил буквально следующее: «Продержись до девяти утра. Все будет нормально. Мы договорились: объявят мораторий». Ни я, ни Куликов не знали еще об этом, а Масхадов уже знал.

Вечером на меня вышел начальник Генштаба генерал М. Колесников и сообщил, что в адрес А. Куликова послана шифротелеграмма, предписывающая прекратить применение авиации. Я связался с Куликовым: «Анатолий Сергеевич, как же так?» Он тоже опешил: «Как прекратить? Люди же ведут бои в горах!»

Одновременно с ним выходим на Колесникова. «Что я могу сделать? — слышим в ответ. — У меня на столе приказ Верховного Главнокомандующего. Вам его уже послали».

Действительно, после полуночи получаем приказ, снова выходим на Москву, пытаемся объяснить ситуацию. Бесполезно.

Эти, будто врагом спланированные остановки, равно как украденные у армии победы — самая острая после людских потерь боль. Как воевать, если достигнутый кровью успех напрочь перечеркивается совершенно ненужными «переговорами»? «Кто наш главный противник: бандиты в горах или предатели в сановной Москве? — распалился Булгаков, узнав о моратории. Плечи у боевого генерала опустились, желваки пошли ходуном. — Мне просто плакать хочется, Геннадий Николаевич. Что же они творят?»

На следующий день после взятия Шатоя состоялась очередная встреча Масхадова с представительной делегацией

федерального центра (Керимов, Зорин, Месарош и Пайн).

Анатолий Куликов. Штрихи к портрету

Глубокой ночью, после получения приказа из Москвы о прекращении огня, командующий Объединенной группировкой войск А. Куликов связался с начальником Генштаба генералом М. Колесниковым. Куликов попытался уговорить, чтобы отменили предательский приказ. «Это не в моей компетенции, — уперся Колесников. — Обращайся выше». Тогда Куликов стал звонить Черномырдину. Премьера в Москве не было. И Анатолий Сергеевич поднял всех на ноги, чтобы разыскали. Оказалось, Виктор Степанович отдыхает где-то на Черноморском побережье. Нимало не смущаясь тем обстоятельством, что, во-первых, глава правительства в отпуске, а во-вторых, уже глубокая ночь, он заставил обслугу разбудить премьера.

Сонный, измотанный за последние дни Виктор Степанович взял трубку. Он был, конечно, раздражен. Мало того что ему не дают спокойно отдохнуть, так еще и проблему такую задали, выходящую за рамки его компетенции. Черномырдин еще не успел отойти ото сна, а Куликов в ухо дятлом долбит:

— …Нельзя прекращать огонь, Виктор Степанович! Трошев высадил десант, люди находятся в горах. Если прекратим поддерживать их авиацией и артиллерией, то обречем ребят на погибель!..

Виктор Степанович слушал-слушал и наконец сорвался:

— Это решение Верховного! Ваше дело — выполнять приказ, а не обсуждать его! В девять ноль-ноль прекращайте огонь артиллерии, авиацию — на прикол! Максимум, что я вам разрешаю, — отвечать автоматным (только автоматным!) огнем на огонь противника. Все! Разговор закончен!..

Куликов бросил трубку, чертыхнулся, но сдаваться не собирался: решил дозвониться до Ельцина. Но его убедили, что это дело бесперспективное. Казалось, все — «труба» нашему десанту, «труба» идее, за которую сложили головы воины майора Звягина, «труба» замыслу добить бандитов в районе Шатоя… Другой на его месте давно спасовал бы перед такой безысходностью, но Анатолий Сергеевич продолжал упорствовать. Связавшись со мной, сказал:

— Значит, так, Геннадий Николаевич. Я — командующий группировкой войск, и я беру всю ответственность на себя. Бей их, гадов, всеми средствами! Нужна авиация — поднимай в воздух, нужна артиллерия — круши бандитов снарядами. Не бойся. Я за все отвечу. Москва далеко, а нам тут, на месте, виднее…

У меня сердце подскочило в груди, я готов был расцеловать Куликова. Но одновременно и страшно стало за него, как бы не сняли.

Утром наш десант обрушился с гор на головы боевиков, как снежная лавина. В 9.00 полным ходом работали артиллеристы, в небе стрекотали вертолеты. В стане бандитов началась настоящая паника.

Но одновременно радиоэфир накалили вопли чеченских лидеров, жаловавшихся своим благодетелям в Москве на своенравие генералов ОГВ — дескать, Куликов неуправляемый, проигнорировал приказ Верховного. «Эдак он скоро и Кремль будет бомбить. Дождались Бонапарта?!» — звучали по космической связи провокационные тирады…

Ближе к полудню на меня вновь вышел Анатолий Куликов:

— Все, Геннадий, стой! Больше держаться не могу. Давят, сил нет. Останавливай всех и закрепляйся.

— Понял вас, — отвечаю. — Даю команду «Стоп».

— Успел что-нибудь? — поинтересовался Куликов.

— Успел, — говорю. — Добить уже не смогу, расползлись по щелям, но зато Шатой наш, а главное — люди целы.

— И то хорошо, — облегченно вздохнул командующий ОГВ. — Спасибо тебе, ребят поблагодари.

— Это вам спасибо.

Те несколько часов, которые отвоевал у политиков Куликов, фактически решили исход дела в нашу пользу.

Москва не забыла его упрямства. В конце концов его сместили с должности командующего ОГВ… путем повышения — назначили министром внутренних дел. Лишь бы от Чечни подальше. Надеялись, что захлебнется в потоке текущих дел. А он не утонул. Будоражил правительство, боролся с политикой полумер в отношении Чечни, открыто выступал против сторонников замирения с боевиками. Мало того, развернул войну с коррупцией внутри МВД — наверное, одну из самых безнадежных российских войн.

По-офицерски прямолинейный, он не умел хитрить и ловчить в извилистых коридорах власти. Быстро нажил себе врагов. Боевые генералы, знавшие его по Чечне, искренне переживали, что его подставят где-нибудь, вынудят уйти в отставку. В конце концов так и случилось, но Анатолий Сергеевич успел сделать для государства немало доброго.

Впрочем, уже одно только присутствие в правительстве таких людей оказывает благотворное влияние на ход событий. Так, к примеру, присутствие в актерском ансамбле В. Высоцкого или В. Шукшина — некая духовная гарантия того, что фильм —

приличный. Для меня в те времена министр внутренних дел РФ А. С. Куликов — нравственная и политическая гарантия того, что поведение государства будет предсказуемым и «чистоплотным».

Он не способен предать товарища. Достаточно вспомнить, как на протяжении всех последних лет он поддерживал тяжело раненного в Грозном генерала Романова и его семью. Даже договорился с мировым светилом (нейрохирургом из Японии) о сложнейшей операции. Своих друзей он в беде не бросает.

Я познакомился с Куликовым в феврале 1995 года. Невысокого роста, крепыш, со скупыми жестами, он оставлял ощущение основательности. Его фигура, речь, поступки — все было каким-то капитальным, несуетным, выверенным. Его взгляд сквозь очки, казалось, проникал в самые глубины души человека. Трудно, наверное, приходилось тому, кто хотел утаить от него дурные намерения.

Анатолий Сергеевич напоминает мне лучших представителей царской армии — широко образованных, интеллигентных офицеров, для которых святыми были понятия «честь», «верность присяге», «благо Отечества»…

У Куликова не было той гусарской лихости, той легкости, с которой отдавал приказы П. Грачев. Анатолий Сергеевич не торопился, как иные политики, демонстрировать свое мнение.

В отличие от многих генералов, он пренебрег личной карьерой во имя спасения солдатских жизней и победы над неприятелем. И, что немаловажно, показал российскому народу, что есть люди в генеральских мундирах, которых невозможно запятнать даже мутной и грязной водой военно-политических игрищ.

Глава 5
Время набегов

Чехарда замирения

К середине июня активные боевые действия в основном были завершены. Оставшиеся боеспособные группы дудаевцев находились на востоке республики (Дарго, Беной), а также в западной части, в районе Бамута. Единое управление бандформированиями было нарушено, многие чеченцы стали покидать свои отряды.

Однако рейд Ш. Басаева на Буденновск резко изменил ситуацию. Москва уступила, и начались переговоры.

В Грозном делегацией Правительства РФ и представителями боевиков был подписан блок документов, относящихся к военной сфере, определен механизм добровольной сдачи боевой техники и вооружения участниками НВФ, «ополченцами» и частными лицами. Предусматривалось прекращение боевых действий, террористических актов и диверсий, освобождение пленных (как с одной, так и с другой стороны), разоружение бандформирований, поэтапный отвод, а затем и вывод с территории республики частей федеральных войск (кроме тех, кто оставался на постоянной основе). Контроль за выполнением договоренностей и соглашений возлагался на специальную наблюдательную комиссию.

Директивой командующего ОГВ (на то время руководил группировкой генерал-лейтенант А. Романов) предписывалось с 00. 00 часов 2 августа прекратить ведение боевых действий, одновременно с началом сдачи оружия в населенных пунктах начать отвод войск на расстояние 2–4 километров. Впоследствии для выполнения мероприятий по разоружению боевиков было принято решение о создании в пределах административно-территориальных районов Чечни базовых центров, состоящих из армейских частей, подразделений внутренних войск, ОМОНа и СОБРа.

Однако вновь от переговоров выиграла лишь чеченская сторона. Отказавшись от прямого противоборства и используя договоренность о взаимном прекращении огня, боевики сделали ставку на тактику партизанской борьбы и диверсионно-террористическую деятельность. Многие мужчины-чеченцы снова взяли в руки оружие. В горах формировались группы для проведения диверсий, создавались новые базы боевиков, где проходили обучение диверсанты. Такие «школы» находились в окрестностях Бамута, Орехова, Рошни-Чу. Один учебный центр функционировал на территории соседней Ингушетии — при районном отделении внутренних дел Джейрахского района, на

базе санатория «Армхи».

За время действия моратория командованию боевиков из разрозненных и деморализованных отрядов удалось собрать четыре относительно крупные группировки, пополнить их добровольцами, вооружением, боеприпасами, восстановить систему управления, развернуть новую сотовую систему связи.

К концу августа бандитские группировки, общей численностью до 5 тысяч человек, концентрировались в четырех основных районах: Восточном, Южном, Западном и Центральном. На вооружении они имели: 10 танков, 12–14 БМП и БТР, 15–16 орудий и минометов, несколько реактивных установок залпового огня и два десятка зенитно-ракетных комплексов. Техника и вооружение поступали из-за рубежа через Азербайджан, Грузию и Ингушетию.

Западная группировка (командующий Джаниев) насчитывала около 700 человек.

Южная (командующий Р. Гелаев) — до 1000 человек.

Центральная и Восточная (командующие С. Гелисханов и Ш. Басаев) — до 2000 человек.

Главный штаб боевиков размещался в Дарго. Связь между пунктами управления боевиков осуществлялась в ультракоротковолновом (УКВ) диапазоне на семи фиксированных частотах с использованием радиостанций фирмы «Моторола». Чтобы обеспечить скрытность управления подразделениями, командование боевиков сменило позывные должностных лиц и полевых командиров, работавших в радиосети оперативного управления.

Кроме «корреспондентов» в самой Чечне, абоненты работали и с территории Дагестана, Ингушетии, Ставропольского края. Полевые командиры пользовались как собственными средствами космической связи, так и принадлежавшими иностранным журналистам.

Пока наши войска находились в горах, противник начал выводить свои отряды на равнину, в том числе и в Грозный.

Не прекращались обстрелы блокпостов, базовых районов «федералов» из стрелкового оружия, минометов, гранатометов. Широко развернулась «минная война».

Даже процесс сдачи оружия населением боевики постарались использовать с максимальной выгодой для себя: несли в основном старое или неисправное оружие и получали за каждый ствол приличное денежное вознаграждение. Затем доверенные люди боевиков за эти деньги покупали на базарах новое. Это типичная картина. Мы все отчетливее понимали, что подписанные договоренности для лидеров бандформирований

были формальностью и практически не соблюдались.

Я очень болезненно переживал утрату того, что завоевывалось кровью российских солдат и что так легко отдавалось нашими «переговорщиками».

Со второй половины июня 1995 года я стал непосредственно заниматься созданием 58-й армии, командующим которой был назначен еще в мае. Однако организационные заботы, которые обычно целиком поглощали меня, на этот раз не могли отвлечь от тягостных мыслей.

Длительное пребывание федеральных войск в пунктах дислокации, пассивность в разоружении бандгрупп и возросшее число так называемых небоевых потерь угнетающе действовали на личный состав. Участились случаи мародерства, все чаще стали увольнять контрактников за пьянство. Такие факты не упоминаются в официальных сводках и крайне редко предаются огласке. Здесь есть о чем поговорить.

В Великую Отечественную войну хорошо знали, что такое трофеи и как с ними поступать. Существовали далее трофейные команды, которые шли за наступающими войсками и подбирали все, что следовало подбирать: оружие, боеприпасы, награды, знамена… На этот счет существовали четкие инструкции. «Военный урожай» сортировали, отправляли на склады. Кое-что из собранного на полях сражений можно сейчас увидеть в музеях.

Закончилась Великая Отечественная, исчезли и трофейные команды. Начались новые войны и локальные конфликты, а новых трофейных команд не возникло. Зато всплыло немало оружия и боеприпасов на таможнях, вокзалах, в аэропортах. Часть трофеев попадала в руки криминальных элементов. Короче, работы правоохранительным органам прибавилось.

Однако хоть времена и меняются, кое-что в законах войны остается незыблемым. Например, отношение к мародерству. Но если термин этот когда-то относился только к личному имуществу павших в бою, то теперь он распространяется на всякие материальные ценности в зоне боевых действий. Присваивать себе чужой скарб, не относящийся к военной сфере, — не просто дурной тон, а преступление. Тем более, если грабится мирное население.

В Чечне не все воюющие с обеих сторон знают «трофейные законы». Чего они еще не знают? Как ни странно, они не знают, на какой территории действуют. А это принципиально важно во всякой войне: кто на чьей земле воюет. «Дома и стены помогают», — гласит поговорка. И это правда, потому что симпатии местного населения в конечном счете решают исход вооруженного противоборства.

Сколько же будет длиться конфликт в Чечне? Бесконечно, если считать эту землю ничейной, а тем более чужой. С того момента, когда все федералы станут относиться к Чечне как к своей, война быстро завершится, а со временем и мир воцарится. О чем идет речь? Прежде всего о том, что офицеры и солдаты должны четко уяснить, не только против кого они воюют, но и как воюют (в этическом плане).

Во время боевых действий, особенно в первую войну, многие местные жители-чеченцы говорили нам без стеснения, что после того, как армейцы уйдут из села, они примутся за нечистых на руку ментов.

Призывы к достойному поведению на подконтрольной территории останутся благими намерениями, если не будет отлаженной системы, не побоюсь сказать, репрессивных мер против тех военнослужащих, которые не хотят брать в толк, где трофеи, а где грабеж.

О каких этических нормах можно говорить, если жители некоторых населенных пунктов классифицируют федеральные силы на свой манер — «по эшелонам».

Первый «эшелон» преимущественно бьет бандитов и делится с мирными людьми сухарями и консервами (это в основном армейцы). Второй «эшелон» делает «зачистку», ничем не делится, зато в дом не заходит, пока гранату не бросит, на всякий случай сокрушая вокруг себя все (внутренние войска). Третий «эшелон» проходит село с большими сумками через плечо и забирает все ценное у тех же местных жителей (это в основном милиция).

Такое «эшелонирование», повторюсь, придумали не я и не штаб группировки федеральных сил. Это терминология мирных жителей Чечни.

Не хочется очернять представителей внутренних войск и милиции (это наши братья по оружию), но и закрывать глаза на подобные факты не имею права, поскольку грабежи в один момент сводили на нет огромные усилия и победы всех федеральных сил, в том числе и МВД, добытые в боях с бандитами.

На первой войне мирные жители встречали федеральные войска отнюдь не цветами. Они видели в российских солдатах оккупантов и насильников. К тому же любые их негативные действия, как говорилось выше, сразу же раздувались удуговской пропагандой и некоторыми нашими ангажированными СМИ до вселенских масштабов.

Но в первую очередь натерпелись мирные жители от «своих». В некоторых селах порой далее рисковали жизнью, но не пускали к себе бандитов. Засевшие в горах боевики постоянно, в течение

всего периода активных боевых действий, опустошали селения: вывозили продовольствие, одежду, скот. А наемники со всего света и вовсе устраивали беспредел.

Даже некоторые главари бандформирований пытались их урезонить. Только по официальным сводкам МВД Чечни, с июня по август 1995 года было совершено около 1400 (!) тяжких уголовных преступлений (убийства, изнасилования, грабежи). Царил полный хаос. Напомню только один случай. В грозненский филиал банка «Менатеп» самолетом доставили 2 миллиарда рублей. В первую же ночь бандиты из гранатометов расстреляли здание банка, перебили охрану и унесли деньги. Милиция была в двух кварталах от места происшествия, но бездействовала. Пропали деньги, погибли люди! Однако грабители остались безнаказанными.

И все же о бандитах много говорить не хочется. Их сущность настолько очевидна, что не требует каких-то комментариев. А вот состояние духа и дисциплины войск заслуживает особого упоминания. К сожалению, летом 95-го оно порой вызывало тревогу. Наблюдалось снижение общего морально-боевого тонуса наших солдат и офицеров.

Между тем даже после кровопролитных январских боев за Грозный отмечался высокий боевой настрой.

Шамиль Басаев. Штрихи к портрету

Шамиль Басаев трижды пытался поступить на юридический факультет МГУ, однако не проходил по итогам конкурсных экзаменов. В 1987 году поступил в Московский институт инженеров землеустройства. Занятия по компьютерной технике в институте вел преподаватель К. Боровой, который питал к Шамилю большую симпатию. Не случайно во время чеченской войны он с политической трибуны грудью стал на защиту своего «одаренного» ученика (кстати, отчисленного потом из института за академическую неуспеваемость).

Как ни хотелось идти неудавшемуся студенту в армию, но пришлось. Басаев демобилизовался в самый разгар исторических перемен в стране. И подхватил его вихрь политических катаклизмов.

Молодая российская демократия обязана своей победой и Шамилю Басаеву. Во время подавления мятежа ГКЧП в августе 1991 года он был одним из вооруженных защитников Белого дома. С той поры демократические игры настолько увлекли впечатлительного чеченца, что больше он автомат из рук не выпускал.

Большое видится на расстоянии, и чтобы осмыслить происходящее в стране, Басаев вернулся домой. В Грозном на предвыборных митингах задиристо выступал против избрания президентом генерала Дудаева, «ставленника Москвы». Затем в ноябре 1991-го напомнил о себе угоном пассажирского самолета.

В начале 90-х, когда Советский Союз затрещал по швам и пролилась первая кровь, Басаев решил испытать себя в Карабахе. Старательного вояку приметили в рядах азербайджанской армии — армян он убивал хладнокровно. Хорошо зарекомендовавшего себя чеченца через некоторое время командируют на спецподготовку в Пакистан, на базу моджахедов. Овладевать «наукой убийства» помогали наставники из пакистанской военной разведки.

В июле 1992 года «взорвалась» Абхазия. Уже через пять дней после начала боевых действий Шамиль вместе с двадцатью своими чеченскими единомышленниками выехал в Абхазию. Но по дороге, в Пятигорске, случилась осечка. На подозрительных молодых людей обратили внимание сотрудники милиции и попытались их задержать. Тогда «солдаты удачи» захватили рейсовый автобус, объявив пассажиров заложниками, и под их прикрытием выехали на территорию Карачаево-Черкесии, откуда, не без помощи местных властей, ушли через перевал в Абхазию.

Первое время Шамиль командовал в Абхазии взводом, затем его назначили командиром интернациональной разведывательно-диверсионной роты, считавшейся лучшей в абхазских частях. Здесь пригодились «уроки» пакистанских разведчиков. По пятам бежала за ним военная слава. И не только военная.

В январе 1993 года на совместном заседании президентского совета Абхазии и парламента Конфедерации народов Кавказа Шамиля назначили командующим «экспедиционным корпусом». Ему вменялось в обязанности «координировать, объединять, направлять в одно русло и контролировать прибывающий поток чеченцев».

Басаевских «янычар» (а их было пять тысяч) отличала на той войне бессмысленная жестокость. Осенью 1993 года в окрестностях Гагры и поселка Лиселидзе сам «командующий» лично руководил карательной акцией по уничтожению беженцев. Несколько тысяч грузин были расстреляны, вырезаны сотни армянских, русских и греческих семей. По рассказам чудом спасшихся очевидцев, бандиты с удовольствием записывали на видеопленку сцены издевательств и изнасилований.

По возвращении в Чечню в феврале 1994 года Басаев занял обособленное место, на некотором удалении от тогдашних «авторитетов». В отличие от Р. Лабазанова и Б. Гантамирова, Басаев включился в борьбу за особое политическое и экономическое влияние в Чечне. Пока шли кровавые разборки, он безо всякого шума застолбил за собой такой доходный бизнес, как грабеж проходящих через республику железнодорожных составов.

Но наступил момент, когда хочешь не хочешь, а надо сделать выбор. Летом 1994 года «абхазский батальон» выступил на стороне Дудаева, яростно повел бои с группировками Руслана Лабазанова. Отряд Шамиля сыграл ключевую роль в провале попытки оппозиции штурмом взять Грозный. Наградой за эту услугу стало назначение в личную охрану Дудаева бойцов из «абхазского батальона». В Чечне это дорогого стоит.

К началу боевых действий с «федералами» под командованием Басаева было две тысячи боевиков. Но после разгрома в Ведено (май-июнь 95-го) в «батальонном» строю осталась лишь десятая часть бойцов.

Никогда не забудется Шамилю день 3 июня, когда ракетно-бомбовым ударом был уничтожен дом Басаева, в котором погибли 11 членов его семьи, в том числе официально зарегистрированная жена и дети. Через 11 дней последовал акт мести. Захват больницы в Буденновске сделал его самым знаменитым на Западе «чеченским волком», тогда как все нормальные люди с

осуждением отнеслись к этой чудовищной акции.

Во время чеченской войны 1994–1996 годов Басаев занимал должности командующего Юго-восточным, а позже и Центральным фронтом. В его активе, кроме рейда на Буденновск, операция по захвату Грозного в августе 1996 года, в пассиве — позорные поражения в Ведено, Ножай-Юрте, Центорое.

Власти проявляли к нему то гнев, то милость. Басаева в упор не замечал Зелимхан Яндарбиев (сменивший убитого Дудаева), который принадлежит к конкурирующему тейпу Мелхи. Сменивший его А. Масхадов, напротив, приглашает Шамиля в правительство, на должность вице-премьера, а затем исполняющего обязанности премьера.

Но словесно-политические баталии, подковерные интриги явно тяготили опытного вояку, и он возвращается к привычному делу — со своим другом Хаттабом начинает подготовку к новой «священной» войне. С этой целью они создают «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», в полевых лагерях растят новых воинов-ваххабитов.

В редкие дни отдыха Шамиль наведывается в абхазский аул Лыхны, в пяти километрах севернее Гудауты, где живет его новая жена — абхазка Джения Индира с их ребенком.

У Басаева, как и у Хаттаба, был весьма прибыльный бизнес — производство и продажа наркотиков, им принадлежали плантации мака и конопли в Курчалойском, Гудермесском, Ножай-Юртовском, Веденском районах. Известно, что родной брат Шамиля — Ширвани прикупил за бесценок для расширения дела здание грозненской школы № 40. Завод огражден был колючей проволокой под электронапряжением. Германское оборудование, в консультантах — индийские профессора-фармакологи. За день предприятие «имени братьев Басаевых» могло производить до трех килограммов чистого героина, а на черном рынке один грамм этого зелья стоил 200 долларов.

Новоявленные наркобароны открыли свои «представительства» в Санкт-Петербурге, Волгограде, Краснодаре, Уфе, Калуге. Деньги текли рекой.

Но наступил «мир», и весной 1999 года, заскучав по военным делам, Шамиль послал гонцов в Албанию, чтобы предложить помощь командованию косовских боевиков. Те деликатно отказались от услуг «чеченского волка». А вот в Турции влиятельные ваххабитские лидеры сделали Басаеву такое предложение, от которого, как говорится, невозможно отказаться. Договоренность скрепила весьма крупная сумма. По словам Ахмата Кадырова (еще при А. Масхадове возглавившего в республике борьбу с ваххабизмом), еще один миллион долларов в

целях «укрепления дружбы между народами» прямо накануне дагестанского похода «спонсировал» Борис Березовский.

От таких денег у кого хочешь голова пойдет кругом, но не у Басаева. Он-то прекрасно понимал: чтобы начать в Дагестане победоносный джихад («священную» войну), ему необходимо получить фетву — благословение высших духовных лиц, почитаемых в мусульманском мире.

За полтора месяца до начала августовских событий 1999 года в Ботлихском районе Басаев и Хаттаб пригласили в Грозный лидеров дагестанских ваххабитов — Тайфура Эльдарханова, Багаутдина Магомедова и упоминавшегося уже Адолло Алиева и предложили им дать фетву. Но те, предвидя ужасающие последствия, такого благословения не дали. Раздосадованные Ш. Басаев и М. Удугов тайно обратились за фетвой к известным в Дагестане алимам, но снова получили категорический отказ. Так кто же дал благословение на вторжение в соседнюю республику?

Как сообщили компетентные источники, «добро» на оккупацию Дагестана чеченские боевики получили от ярых ваххабитов со стороны — от амина Абдуль Омара из Саудовской Аравии и амина шейха Абдуллы из Пакистана.

Кто платит, тот и заказывает музыку. Согласно бухгалтерским книгам Басаева, накануне вторжения около 500 дагестанцев получили только в качестве аванса по 150 долларов каждый — за обещание влиться в ряды ваххабитов. Правда, когда «труба позвала в поход», к Шамилю пришли лишь 17 добровольцев.

Позже Басаев предпочитал раздавать по 700 долларов новообращенным «борцам за веру» непосредственно в окопах. Семьям погибших обещалась успокоительная одноразовая пенсия в 1500 «зеленых». Особые надбавки к «зарплате» устанавливались для тех, кто вел разведку, собирал сведения о перемещениях российских войск. Но при всем своем бедственном материальном положении дагестанцы (за редким исключением) отказались помогать «чеченскому Шамилю».

Басаев явно просчитался, надеясь на поддержку горцев. Против «мусульманского экспедиционного корпуса» поднялось практически все население Дагестана. Жители захваченных дагестанских сел первыми ощутили на себе все «прелести» правления сторонников «ваххабитского ислама». Чеченские «освободители» и даже женщины-чеченки из «корпуса» Басаева первым делом срывали с груди горянок традиционные мешочки с деньгами и драгоценностями. А когда «чистые» мусульмане стали убивать «нечистых» мусульман, 25 тысяч дагестанских добровольцев за считаные дни пополнили ряды народного

ополчения, помогая Российской армии очистить родную землю от непрошеных гостей.

Просчитался Басаев и в другом. Никто из чеченских полевых командиров, кроме Хункара Исрапилова и брата Ширвани, не откликнулся на его призыв участвовать в этой авантюре. Разве что примчавшийся на запах крови из Пакистана Салман Радуев, но в последний момент его остановила обида на Шамиля. Тот накануне боев в Ботлихском районе прилюдно заявил, что не собирается воевать рядом с этой «истеричной женщиной» (так он назвал Радуева).

В Дагестане Басаев потерпел свое самое сокрушительное военное поражение. Это был удар по репутации нового «непобедимого имама Шамиля». Позже, в феврале 2000 года, во время прорыва из окруженного Грозного, он был тяжело ранен, пришлось даже ампутировать ногу. На чеченских кладбищах появилось множество свежих могил. И все больше чеченцев стали посылать проклятия «национальному герою», трусливо прячущемуся где-то высоко в горах. Его смерть в 2006 году на территории Ингушетии стала закономерным итогом кровавой биографии.

Кизляр, Первомайское. Новый теракт

На рассвете 9 января 1996 года в Кизляре было совершено вооруженное нападение на военный аэродром, блокированы воинская часть внутренних войск, городские больница и роддом. Об этом мне сообщил по телефону заместитель командира 136-й бригады подполковник Дианов. Я сразу же доложил ситуацию А. Квашнину.

— Возьми с собой оперативную группу (несколько офицеров) и немедленно вылетай в Кизляр. Разберись с обстановкой на месте и доложи мне по телефону, — приказал командующий войсками СКВО.

Перед вылетом я распорядился перебросить в Кизляр один мотострелковый батальон 136-й бригады на бронетехнике, который, совершив 150-километровый марш, уже к исходу дня сосредоточился на южной окраине Кизляра.

Когда я с группой офицеров прибыл на аэродром, там еще догорали несколько уничтоженных боевиками вертолетов и выносили раненых. Встретивший меня генерал внутренних войск (фамилии не помню) доложил обстановку. Общая картина была следующей. Отряд С. Радуева — свыше трехсот бандитов, вооруженных автоматами, гранатометами, минометами, — пытался захватить аэродром и военный городок. Получив отпор, они отошли, захватив больницу и роддом, объявили всех больных и медперсонал заложниками. По предварительным данным, банда включала в себя порядка ста с лишним человек.

Ближе к вечеру мы перебрались в местное отделение милиции, где уже действовал оперативный штаб. Здесь же был и председатель Госсовета Республики Дагестан М. Магомедов. Начались переговоры с бандитами. Те требовали предоставить им десять автобусов и два грузовых «КамАЗа».

Вечером позвонил директор ФСК М. Барсуков, потребовал: во-первых, задержать любыми способами выход колонны с боевиками до 9. 00 10 января; во-вторых, или уничтожить бандитов на месте, или сопровождать их, но не упустить; в-третьих, не допустить, чтобы в колонне оказался Магомедов или кто-либо из правительства; в-четвертых, постараться уничтожить самого Радуева.

Ночью прибывшие из Буйнакска мотострелки рассредоточились по моей команде вдоль трассы Кизляр — Хасавюрт, готовые блокировать колонну автобусов.

Ситуация накалялась. Когда затребованный транспорт подъехал к больнице, бандиты вдруг решили прихватить с собой

заложников. Вновь возобновились переговоры. Члены правительства и парламента республики предложили себя вместо женщин и детей. Бандиты согласились, но женщин и детей не отпустили, да к тому же взяли с собой нескольких журналистов.

На рассвете 10 января колонна в сопровождении милицейских машин начала движение из Кизляра на Хасавюрт. Было принято решение колонну не уничтожать, а блокировать ее по пути следования и провести спецоперацию силами группы «Альфа».

Однако, отъехав, боевики неожиданно потребовали изменить маршрут движения и в районе Бабаюрта свернуть вправо, по направлению к Первомайскому (это в полутора километрах от административной границы с Чечней).

Около 10 часов утра колонна, проследовав через село Первомайское и блокпост внутренних войск, подошла к границе. И здесь начались удивительные вещи. Неожиданно для всех по головной машине сопровождения («уазик» с милиционерами) с воздуха ударили вертолеты. Автобусы остановились, а затем, быстро развернувшись, направились в село. По пути боевики разоружили блокпост на окраине Первомайского и взяли в плен более двух десятков новосибирских омоновцев, которые почему-то не оказали никакого сопротивления.

Возобновленные переговоры затянулись и вновь не дали результата. Ситуация приобрела драматический характер. Все три дня, пока продолжался диалог на разных уровнях, боевики готовились к обороне села, заставив заложников из местных жителей рыть окопы. А федеральные войска подтягивали артиллерию, дополнительные подразделения, проводили рекогносцировку. Под Первомайским была сосредоточена разнородная группировка, в которую входили спецподразделения «Альфа», «Витязь», отряды СОБРа, мотострелковый батальон 136-й бригады, рота спецназа 58-й армии… Мне было поручено руководить действиями подразделений Минобороны.

После серии переговоров было принято решение вытащить как можно больше заложников, а затем в ходе спецоперации уничтожить банду. В конце концов нам удалось освободить всех женщин и детей.

По замыслу операции, создавалось два кольца блокирования. Внешнее кольцо составляли: усиленный мотострелковый батальон (730 человек), который должен был блокировать село с северо-востока, востока и юго-востока; две тактические группы ВДВ (60 человек) — с северо-запада, а маневренная группа погранотряда (80 человек) во взаимодействии с мотострелковой ротой заблокировала бы Первомайское с севера. Внутреннее

кольцо составляли подразделения внутренних войск и МВД. Планировались ракетные удары с вертолетов по «КамАЗам» с боеприпасами и оружием, а также по штабу Радуева, расположенному в подвале дома, уничтожение боевиков из снайперских винтовок и огнеметов. И после всего — «зачистка» села.

15 января в 9. 00 в действие вступили боевые вертолеты. Затем в атаку пошли штурмовые группы, но встретили упорное сопротивление. Ближе к полудню штурмовая группа СОБРа вошла в село и захватила первую линию обороны радуевцев. На левом фланге в районе кладбища атака захлебнулась. Были подбиты два БМП, два человека погибли, семеро получили ранения. К вечеру были освобождены восемь заложников. Среди них оказались два солдата внутренних войск, которые заявили, что находились в отряде Радуева в качестве пленных. Ими занялись сотрудники спецслужб.

Все попытки прорвать на следующий день вторую линию обороны боевиков также оказались безуспешными. Мы потеряли 15 человек убитыми и ранеными.

Операция затягивалась, в том числе из-за погодных условий (туман, непролазная грязь, снежные заносы).

17 января наступила кульминация. Три реактивные установки «Град» выставили на прямую наводку и произвели несколько выстрелов по зданиям, в которых размещались бандиты. А по всем каналам связи пустили «дезу», что с рассветом село будет сожжено дотла. И вот тут-то в бандитском стане началось шевеление.

В ночь с 17 на 18 января со стороны Азамат-Юрта (Чечня) в направлении Первомайского группа боевиков попыталась деблокировать банду Радуева. Однако решительные действия федеральных сил не позволили бандитам осуществить задуманное. Оставив на снегу десять трупов, враг отступил.

В 3 часа ночи на северо-западной окраине Первомайского разведка засекла выдвижение большой группы боевиков. За 200–250 метров до блокирующих село подразделений бандиты провели мощный трехминутный огневой налет, а затем с криками «Аллах акбар!» бросились в атаку. На валу, где находились наши траншеи, дошло до рукопашной. Рубились ножами и лопатками. Около ста пятидесяти боевиков пытались прорваться на этом участке, где им противостояли не более пятидесяти спецназовцев из 22-й бригады СКВО. С ними находился начальник разведки 58-й армии полковник А. Стыцина.

Понимая весь драматизм ситуации, Александр Михайлович приказал Спецназовцам отойти на промежуточный рубеж, а сам,

оставшись с двумя солдатами, прикрывал их отход, отвлекая огонь боевиков на себя. Уже будучи дважды ранен, продолжал руководить боем, когда выстрел из ручного противотанкового гранатомета (РПГ) сразил отважного офицера, — он геройски погиб, но помог сохранить жизнь многим подчиненным. Вместе с ним пали смертью храбрых два разведчика и военный врач. А всего в этом неравном бою погибли семеро спецназовцев. Их подвиг впоследствии был отмечен высокими наградами Родины.

За мужество и героизм полковник А. Стыцина посмертно удостоен звания Героя России.

Противник потерял при попытке прорыва более ста (!) человек, в том числе был убит телохранитель Радуева. Мы захватили спутниковую связь, более 100 единиц стрелкового оружия и около 10 тысяч патронов. При «зачистке» села обнаружили еще сорок трупов бандитов, среди которых было немало арабских наемников.

И все же небольшой группе боевиков, в том числе Радуеву, удалось прорваться. Он уходил, прикрываясь заложниками — новосибирскими милиционерами, захваченными на блокпосту. Понимая, что всем не уйти, Радуев приказал своим бойцам добраться до Терека и уходить по воде. Впоследствии лодки с ними накрыла армейская авиация. Видя всю безнадежность положения, главарь углубился в лес, спрятался. Отсиделся здесь несколько суток, а затем ушел на территорию Чечни. Наша ошибка состояла в том, что мы не выставили на границе «секреты». Будь это сделано, Радуева наверняка схватили бы. Увы…

Еще в период проведения операции, а тем более по ее завершении, в средствах массовой информации поднимались волны истерии. Обвиняли всех и вся (в первую очередь Барсукова и Куликова) в том, что боевики чуть ли не беспрепятственно ушли в Чечню. Я не мог понять некоторых журналистов, ссылавшихся в своих публикациях на малодостоверные или заведомо ложные источники. В те дни уважаемая мною газета «Известия» опубликовала материал «Кому выгодна версия о «коридоре» для Радуева?», в котором события в Первомайском подавались шиворот-навыворот. Меня, непосредственного участника операции, публикация возмутила, и я обратился с открытым письмом к средствам массовой информации. Многие газеты его опубликовали (кроме «Известий», конечно). Не буду анализировать допущенные газетчиками ошибки, а лучше еще раз попытаюсь ответить по существу вопроса: почему удалось прорваться части боевиков?

Радуев прекрасно понимал, что в населенном пункте его ждет

вернейшая гибель. Единственный маленький, но все же шанс выжить — это собраться на последний бой и ударить всеми силами в одном месте. Таков инстинкт поведения раненого зверя. Это, кстати, позже подтвердил участник бандитского рейда Х. П. Исрапилов: «Из радиоперехвата мы узнали, что под утро по селу ударят из «Градов». Выбора не было, пошли на прорыв».

Боевой дух террористы поднимали наркотиками и надеждами на Всевышнего. В результате боя, только по нашим сведениям, было уничтожено более 160 бандитов, 30 взято в плен. А сколько еще неучтенных — кого террористы унесли с собой, кто затонул в реке. И только небольшой группе удалось уйти. Темная ночь, разветвленная сеть арыков, канав, заросших высоким камышом, и лесистая местность — все это помогло спастись буквально единицам.

Последующее выступление по телевидению и на страницах газет уцелевшего Радуева — не повод для обвинений в плохо продуманной и проведенной федеральными силами операции. Больше того, по мнению полевых командиров, Салман провел «операцию» крайне бездарно, бросил раненых и убитых на поле боя, а сам трусливо скрылся. Со слов Радуева, его отряд насчитывал 256 человек, а уничтожено и пленено более 200. Арифметика, как видим, довольно красноречивая.

А вот еще одно свидетельство того же Х. П. Исрапилова: «Уже на территории Чечни, когда рассвело, нас настигли вертолеты. И пошла охота. «Вертушки» пикировали на разбегающихся наших людей и в упор расстреливали их из пулеметов…» Добавлю от себя, что авиацией здесь были уничтожены три лодки, четыре автомобиля и одна повозка бандитов.

Не могу не задать и такой вопрос, многих волновавший и до сих пор оставленный без ответа: почему колонна оказалась в Первомайском, а не была остановлена в безлюдном месте для проведения специальной операции?

Нет вразумительных объяснений и тому, почему боевикам предоставили возможность вернуться в Первомайское и спокойно разоружить сотрудников новосибирского ОМОНа.

Обычно пытаются объяснить все несогласованностью в руководстве и действиями силовиков (что, безусловно, имело место). Боюсь, что ответ лежит в другой плоскости: а может быть, кому-то был выгоден успех такого рейда, как и в случаях с неожиданным мораторием на прекращение огня в Шатойской операции, «походом» Басаева на Буденновск?

И еще. Готовясь к рейду в Кизляр, бандиты заблаговременно нарастили системы радиосвязи на направлении своих действий, установив три радиотранслятора. В отряде имелась и станция

космической связи «Инмарсат», с помощью которой Радуев контактировал с руководством бандформирований. Обращает на себя внимание и заблаговременное создание на территории Дагестана обширной сети разведывательных и боевых бандгрупп. Была зафиксирована работа радиостанций боевиков из населенного пункта Советское, из других точек Хасавюртского района. Непосредственное управление и координация действий отряда Радуева и других групп, находящихся за пределами Первомайского, осуществлялись представителями главного штаба боевиков (позывной «Саддох»). Они тоже имели станцию космической связи «Инмарсат». На контакт с блокированной бандой выходили Ш. Басаев (позывной «15-й»), М. Удугов («33-й»), командир группы боевиков «Ангел».

Таким образом, в ходе операции нами была вскрыта система радио-и спутниковой связи боевиков, велся полный радиоперехват их переговоров. То, что радиоподавление было эффективным, подтверждается докладами того же абонента «Саддох»: «У меня нарушилась телефонная связь».

Как ни стремились боевики, повторения Буденновска у них в этот раз не получилось.

Салман Радуев. Штрихи к портрету

В Советской Армии рядовой Радуев сделал для себя важный вывод: комсомол — великолепный трамплин для карьеры. Поэтому на комсомольских собраниях смышленый Салман энергично и складно призывал сослуживцев к «ударному ратному труду и образцовой службе». Язык у него был подвешен.

В политотделе дивизии оценили его «политическую благонадежность», и вскоре молодой чеченец забыл, что такое наряды, караулы, занятия в поле. Зато его часто видели на различных комсомольских мероприятиях… Радуев знал, что идеологическая лояльность приносит неплохие дивиденды — служебные льготы и послабления, неплохие стартовые возможности для карьеры.

Заканчивал он военную службу заместителем секретаря комитета ВЛКСМ части. Под самый «дембель» вступил в партию, чувствуя, что на «гражданке» это может пригодиться.

В родном Гудермесе его послужной список произвел впечатление, и Радуева направили возглавить комсомольцев городского СПТУ-24. Через некоторое время он получил должность инструктора Чечено-Ингушского обкома ВЛКСМ, а это означало, что отныне он в номенклатурной обойме.

Общеизвестно, что у комсомольских вожаков какой-то особый нюх. Не случайно они раньше других сумели заскочить в горбачевский поезд перестройки. Радуев не был в этом плане исключением. Руководитель гудермесского «центра добровольных трудовых объединений» превратился в преуспевающего бизнесмена.

А поскольку новая сфера деятельности требовала определенных знаний, Радуев не поленился закончить высшую школу менеджмента при Болгарской академии наук в городе Варне. Однако не успел реализовать свой предпринимательский дар. Изменилась политическая конъюнктура. Поскольку перестройка медленно, но верно переходила в стадию «перестрелки», лучше держаться ближе к военным. У чеченцев тогда было два именитых генерала: А. Асланов, работавший в центральном аппарате МВД, и командир соединения стратегической авиации Д. Дудаев — ярый сепаратист. Режим «великого Джохара» Радуев поддержал не только на словах, но и на деле — женился на его любимой племяннице Лизе. Своего первенца экс-комсомолец, разумеется, назвал Джохаром.

На Кавказе правители в борьбе за власть и деньги всегда опираются на родовые кланы. Неудивительно, что своего нового

молодого родственника президент Чечни назначил префектом Гудермесского района. И здесь Радуев проходил «свои университеты» первоначального накопления капитала. В этом ему активно помогала личная гвардия, «президентские береты» (будущий 6-й батальон чеченской армии). Именно они ввели моду на грабежи проходивших через Гудермес в Дагестан и Азербайджан железнодорожных составов.

Продавать налево ворованные цистерны с бензином, платформы с песком, стройматериалами — теперь все это выглядело мелковато, и к привычным средствам добычи денег прибавился рэкет. Дудаев одобрительно отнесся к «экономическим экспериментам» зятя. Ведь не зря же чеченцы как популярный афоризм произносили фразу своего первого президента: «Не хочешь воровать — терпи». В республике воровали много и охотно.

В начале первой чеченской войны командующий «Северо-восточным фронтом» Радуев поставил под ружье около восьмисот боевиков. Но боевые дела, в отличие от криминальных, у него не заладились. Он с какой-то животной ревностью относился к успехам «товарищей по борьбе», особенно Шамиля Басаева, который после Буденновска стал «героем Чечни». Поэтому, когда план захвата дагестанского Кизляра был утвержден, Салман сделал все для того, чтобы возглавить эту операцию. Некоторые авторитетные командиры не одобрили его кандидатуру, справедливо считая, что им движет только тщеславие. Однако Дудаев отдал предпочтение родственнику.

Вернувшийся после злополучного рейда в Кизляр Салман вместо восторгов услышал слова негодования. Ему дали презрительную кличку «гинеколог». Полевые командиры были единодушны: операцию Радуев провел бездарно. Сам Шамиль Басаев бросил ему в лицо: «Ради славы непримиримого борца против России ты пожертвовал своими друзьями и родными».

Правда, так считали не все. 28 февраля 1996 года «за беспредельное мужество и героизм» президент Дудаев наградил зятя высшим орденом «Кьоман Сий». Родственники погибших под Первомайским боевиков приготовили ему свою награду, изрешетив пулями. Салман выжил чудом. Исчезновение Радуева после покушения земляков породило массу слухов. Не меньший переполох вызвало и его внезапное возвращение.

В Москве и в штабе Объединенной группировки войск долго не могли поверить в чудесное «воскрешение» Радуева, но это действительно был он, хотя и с изменившейся до неузнаваемости внешностью. Салман снова с головой (правда, подбитой) погрузился в политический круговорот Чечни, которой уже

правил З. Яндарбиев. По верноподданнической традиции, Радуев назвал своего второго сына Зелимханом. Яндарбиев в долгу не остался, присвоил ему звание бригадного генерала.

Но в январе 97-го президентом Чечни избрали А. Масхадова, который никогда не питал симпатий к этому честолюбцу, не забыл он и военных провалов Салмана.

Масхадов попытался было дискредитировать Радуева через прессу. Тогда тот, примкнув к оппозиционным ваххабитам, ответил президенту огнем критики через подконтрольный ему телеканал «Маршо» («Свобода»). И далеко не случайное совпадение, что кровавый путч ваххабитов против президентской гвардии произошел летом 1998 года именно в Гудермесе — вотчине Радуева.

Терпение главы республики лопнуло. В октябре того же года по предложению президента верховный шариатский суд Ичкерии приговорил Радуева к четырем годам тюрьмы. Затем, через две недели, Масхадов разжаловал «бригадного генерала» в рядовые. Была и неудавшаяся попытка его ареста. Положение Салмана становилось опасным. И тогда ему на помощь пришла жена Масхадова Кусама (она, как и Радуев, принадлежит к тейпу Гордалой, который тогда вместе с масхадовским тейпом Аллерой занимал ключевые посты в Чечне). Пришлось президенту Ичкерии сменить гнев на милость и официально простить бунтаря «ввиду его особого состояния здоровья».

В то время Чечня и Грузия, несмотря на взаимную вражду после абхазской войны, нашли общие интересы. Через соседнее государство в Ичкерию потоком шла «гуманитарная помощь» (оружие, боеприпасы, наемники). Но в начале 1999 года неизвестные организовали в центре Тбилиси покушение на грузинского лидера Э. Шеварднадзе, который сразу же обвинил в причастности к преступлению российские спецслужбы. Враги Москвы не скрывали удовлетворения. И вдруг на телеэкранах появляется позабытый Радуев и берет на себя ответственность за этот теракт. Он снова в центре внимания мировой общественности, он просто светится от счастья. У главарей чеченских бандитов эти откровения вызвали ярость. Басаев заявил, что «у Радуева вместо мозгов стальные пластины и вообще в голове — пуля». Салман демонстративно обиделся и укатил в Пакистан.

Когда страсти улеглись, обнаружилось, что после его отъезда исчезла и касса «армии генерала Дудаева», которой он «командовал».

В конце сентября 1999 года Радуев вновь объявляется в Грозном. Многие тогда связывали его приезд с желанием

поддержать вторжение в Дагестан. Но Басаев уже до этого отказался от такой помощи. Салман не стал устраивать истерики, наоборот, на удивление многих, говорил на митингах спокойно, логично, выступал против того, чтобы «чеченский народ пытался покорить другие народы, в том числе и дагестанские». С чего бы такая метаморфоза? Скорее всего, в очередной раз сработало политическое чутье. Ему, конечно же, было известно, что афганское движение «Талибан», которое на словах было готово даже принять «чеченское правительство в изгнании», на деле не исключало и другой приемлемый для России вариант. Ну, например, такой: «Вы перестаете поддерживать нашего врага Ахмад Шаха Масуда, а мы — ваших чеченцев». Возможно также, закулисные игры и стали настоящей причиной появления открытого письма Радуева в «Независимой газете» командующему войсками СКВО, в котором террорист запросил гарантии безопасности для себя и своих людей, а также миллион долларов за голову Басаева.

В общем, сначала продавал левый бензин, затем заложников и в конце концов — старых друзей.

Карьера Радуева завершилась в конце 1999 года, когда он оказался в Лефортовской тюрьме. Его выследили и захватили ночью в туалете в одном из селений. Только в Махачкале (перед отправкой в Москву) до него наконец-то дошло, что он арестован. Но конец жизни Радуева прошел тихо, без обычного скандала. Он умер в тюрьме при загадочных обстоятельствах.

Глава 6
Триумф и трагедия 1996 года

Ингушетия: «полоса препятствий»

В соответствии с распоряжением командующего войсками СКВО, 20 февраля 1996 года из Владикавказа в Чечню для замены частей и подразделений, входящих в состав Объединенной группировки федеральных сил, выдвинулись два мотострелковых батальона. Один — в направлении станицы Ассиновская, другой — в направлении чеченского села Бамут (оно расположено на административной границе с Ингушетией).

21 февраля один из батальонов из-за резкого ухудшения погоды сосредоточился на ночной привал вблизи ингушских селений Галашки и Аршты.

Основные события развернулись утром следующего дня, 22 февраля.

Привожу их в хронологии буквально по часам и минутам.

8.20

На меня вышел генерал-майор В. Приземлин (командир 19-й мотострелковой дивизии), находившийся непосредственно в колонне подразделения. Он сообщил, что на маршруте выдвижения бандиты атаковали его батальон, завязался бой. Есть потери. Попросил срочную помощь армейской авиацией (вертолетами).

8.30

Я связался со штабом группировки в Ханкале. Подробно объяснил ситуацию. Пообещали помочь вертолетами огневой поддержки, но из-за плотного тумана вертолеты так и не вылетели.

10.20

Звонит вице-президент Ингушетии Борис Агапов:

— Геннадий Николаевич, подразделения вашей армии находятся на территории нашей республики в районе Галашек и Аршты. Люди обеспокоены. Прошу вас на территории Ингушетии боевые действия не вести!

— Борис Николаевич, — стараюсь говорить как можно сдержаннее, — несколько часов назад на территории Ингушетии (а не Чечни!) боевики обстреляли колонну нашего батальона, и до сих пор идет ожесточенный бой. Как это понимать? Выходит, что на территории Ингушетии свободно передвигаются и в открытую воюют не просто одиночки, а целые банды боевиков?!

— Я знаю, что к нам просачиваются боевики, однако мы их вылавливаем. Но я вас, Геннадий Николаевич, официально предупредил, — сказал Агапов.

Каждые два часа со мной связывался генерал Приземлин.

Докладывал обстановку. Я приказал ему в сложившейся ситуации закрепиться на выгодных рубежах, занять круговую оборону и готовиться к ночным боевым действиям.

В это время президент Ингушетии Р. Аушев, находившийся в Москве, совершенно по-другому интерпретировал события в республике. Он сообщил журналистам, что 21 февраля — в первый день священного для всех мусульман праздника Рамадан — без согласования с ним в республику были введены российские войска, которые блокировали расположенные вблизи чеченского селения Бамут ингушские села Аршты, Даттых, Галашки и Алхасты. По его сведениям, эту военную операцию осуществляют подразделения 58-й армии, штаб которой дислоцирован во Владикавказе. В районе блокированных войсками сел находятся до сорока бэтээров, десятки грузовиков с солдатами. И будто бы жители Аршты обратились к руководству республики с посланием, в котором предупреждают, что если правительство Ингушетии не может их защитить, то они будут защищаться сами (до чего договорился!).

22 февраля Аушев огласил в Совете Федерации заявление руководства республики, в котором выражался протест против ввода войск и блокирования ряда приграничных с Чечней населенных пунктов.

Такая обостренная реакция двух генералов — президента (Р. Аушева) и вице-президента (Б. Агапова) Республики Ингушетия — заставляла задуматься об объективности оценок политика и военного человека. Любому событию политик должен давать политическую оценку, а военный — военную. Другой вопрос, насколько они объективно совместимы. Но здесь был особый случай. Бывший военачальник генерал Р. Аушев стал политиком. И, как представлялось мне, теперь должен давать оценки происходящему с точки зрения интересов Российского государства, членом Совета Федерации которого он, к слову сказать, тогда являлся. Между тем Руслан Султанович чуть ли не ультимативно требует «избавить территорию Ингушетии от присутствия российских войск». Как будто его республика не субъект Российской Федерации! Более того, в то время территория Ингушетии была «зоной повышенного внимания и ответственности Северо-Кавказского военного округа», что предполагало тесное взаимодействие местной власти и военных, проявление государственной заботы о защитниках нашего единого Отечества. На мой взгляд, как политик Аушев повел себя неадекватно ситуации. При вполне объяснимом и естественном желании оградить население от бед и превратностей войны, он, понимая сложность происходящих на Северном Кавказе

процессов, обладая определенной властью над республиканскими силовыми структурами (МВД, ФСБ), наконец, используя знания, полученные в Военной академии имени Фрунзе, и опыт боев в Афганистане, мог бы обеспечить беспроблемное продвижение федеральных войск по территории своей республики. Как военный человек Аушев должен был предвидеть возможность вооруженных провокаций в приграничных с Чечней районах и упредить такое развитие ситуации. Увы, ничего подобного сделано не было. Зато едва раздались первые выстрелы у селения Аршты и наш мотострелковый батальон начал отражать провокационное нападение боевиков, тут же посыпались обвинения в адрес российского военного и политического руководства и даже угрозы предъявить судебный иск Министерству обороны за ущерб, якобы нанесенный пребыванием на территории республики подразделений 58-й армии.

Тяжело об этом вспоминать еще и потому, что все эти политические разборки происходили в те дни (и далее часы!), когда мотострелки вели бой с бандитами, численность которых доходила до трехсот человек!

В этой смертельной схватке, продолжавшейся почти двое суток, военнослужащие проявили стойкость, настоящее мужество. Ни один солдат не покинул поле сражения.

Меня в свое время часто спрашивали: почему так долго длился этот бой? И тогда говорил, и теперь отвечу. Представьте дорогу в горах, на высоте почти 700 метров над уровнем моря. По ней и обычная техника не пройдет. Прибавьте к этому моросящий дождь, густой туман. И вот военную колонну стали обстреливать с близлежащих высот, с заранее подготовленных позиций. Нельзя повернуться ни вправо, ни влево, ни отойти назад. Наши ребята без оборудованных траншей и окопов, без подготовленной обороны. Из-за непогоды мотострелков не могли поддержать ни авиация, ни артиллерия… Конечно, в таких условиях батальон понес потери: было убито 12 и ранено 32 военнослужащих. Погиб командир батальона майор Э. Теникашвили, который, чтобы сохранить жизни своих солдат, приказал им отходить, а сам остался прикрывать их отход под шквальным огнем наседавших бандитов…

Боевикам был нанесен ощутимый урон: 20 человек бандиты оставили убитыми, несколько взято в плен. Уничтожено 4 расчета АГС-17 (автоматический гранатомет), минометный расчет, белая «Нива», приспособленная для перевозки миномета, ряд мощных огневых точек…

Мотострелки тогда наткнулись на хорошо оборудованный в инженерном плане и тщательно замаскированный опорный пункт

боевиков. Бандиты вели огонь из всех видов стрелкового оружия, минометов, огнеметов, применяли даже артиллерию. Они, как оказалось, продумали все до мелочей — от путей подхода подкрепления до мест эвакуации. Так, в частности, по свидетельству очевидцев, в ингушских селениях Галашки и Мужичи в местных больницах был организован прием раненых бандитов. В полной готовности находились санитарные машины и медперсонал. Многие факты в очередной раз подтвердили, что боевики получали поддержку с территории Ингушетии. На это же указывали и радиоперехваты переговоров боевиков, которыми руководил Аслан Масхадов.

И это в «мирной» республике! Мало того, федералов тут же обвиняют в захвате якобы «чужих земель», убийстве мирных граждан, попытке втянуть Ингушетию в войну! И кто? Высшие руководители республики (входящей в Российскую Федерацию), люди, большую часть жизни посвятившие армейской службе. Вот и думай что хочешь. Более того, абсурдно-обвинительный тон этих заявлений поддержали в своих публикациях некоторые наши средства массовой информации. Словно их редакции и не в Москве вовсе, а где-нибудь в Брюсселе или Исламабаде.

А что же сама государственная власть? Почему промолчали российское правительство, парламент, администрация Президента? Или, может быть, нападение на колонну федеральных сил на российской территории — это не государственная проблема?

24 февраля я был приглашен на экстренное заседание Совета безопасности Республики Ингушетия. Проходило оно, прямо скажу, в накаленной обстановке. Руслан Аушев стал обвинять военных во всех тяжких грехах: мол, спровоцировали конфликт, подорвали этим авторитет самого Президента России… Его поддержал Борис Агапов. Я понял, что вступать в полемику бесполезно, и ограничился несколькими конкретными вопросами:

— Вы, Руслан Султанович и Борис Николаевич, оба генералы и, думаю, должны разбираться в военных вопросах. Как могли подразделения блокировать села, если находились от них на расстоянии нескольких километров, да и располагались к тому же на горной дороге?.. Мы ни одного выстрела не произвели по селам, а вы говорите о якобы убитых жителях. Почему бы вам не показать их журналистам, в том числе и иностранным, которые собрались там, внизу, у входа в здание? Я хоть сейчас могу показать тела убитых — комбата и солдат. Это во-первых. Во-вторых, на вашей территории свободно передвигаются большие группы боевиков. И не просто передвигаются, а оборудуют укрепленные опорные пункты. Как это понимать?..

Не удержался и от упрека:

— Не надо прикрываться сомнительными лозунгами и втягивать нас, военных, в политические игры! Мы выполняем приказ и действуем на своей территории. Или, уважаемый господин президент, Ингушетия уже не является территорией России?

Четких и вразумительных ответов от Аушева я так и не получил. Однако в конце заседания Совета безопасности все же удалось прийти к компромиссу. Я сказал, что отведу батальон и он будет двигаться по другому маршруту. Но сделаю это только потому, что не хочу напрасной гибели людей.

Во время переговоров при закрытых дверях мы условились пока не давать никакой информации для прессы. Увы, Аушев тут же первым нарушил договоренность. Когда я вернулся во Владикавказ, то уже через пару часов увидел его выступление по телевидению. И опять Аушев говорил о вторжении российских войск на территорию Ингушетии, о гибели мирных жителей. Все это меня неприятно поразило: не по-мужски, не по-офицерски как-то…

В тот же вечер подполковник Г. Алехин (в то время редактор газеты 58-й армии «Защитник России») в прямом эфире программы «Время» подробно рассказал о том, что на самом деле произошло у ингушского селения Аршты. Продемонстрировал конкретные доказательства нападения: документы убитых боевиков, оружие, боеприпасы, береты с символикой «черных волков» (именно так назывался отряд, напавший на колонну). Преодолевая мое внутреннее сопротивление и раздражение, Алехин настойчиво убеждал меня провести пресс-конференцию и публично ответить на обвинения Аушева.

Я долго сопротивлялся, поскольку на том этапе старался избегать общения с прессой — как и многие другие генералы, настороженно относился к так называемой четвертой власти. Раздражало болезненное стремление некоторых журналистов публично поизгаляться над военными, а то и просто поскандалить. Ведь в то время общий тон публикаций в российских СМИ (не говоря уж о зарубежных) был откровенно антиармейским. Многие газеты и телеканалы с нескрываемой симпатией вели речь о сепаратистах, представляя их этакими «борцами за независимость», а нас унижали.

Алехин меня убеждал: такая ситуация в информационном мире оттого, что боевики открыты для прессы, а мы молчим даже там, где нужно трубить во все трубы, делаем военную тайну из любой мелочи. В общем, убедил меня. И на следующий день, 25 февраля, мы провели во Владикавказе пресс-конференцию.

Народу была тьма. Я подробно ответил на все вопросы журналистов. Присутствовали на ней и непосредственные участники боя генерал-майор Приземлин и полковник Еремеев. Нам, судя по последствиям, удалось избежать худшего, а общество узнало правду о событиях в Ингушетии.

Руслан Аушев. Штрихи к портрету

В марте 1993 года Аушев был избран президентом Ингушетии. За него проголосовали более 95 процентов избирателей. В республике, несмотря на свежие раны после трагических событий осени 92-го (когда разразился вооруженный осетино-ингушский конфликт), царил душевный подъем. Инаугурация обещала стать всенародным праздником.

Он появился в зале не в своей любимой генеральской форме, а в обычном костюме, но со звездой Героя Советского Союза. Первоначально сценарием предусматривалось, что текст президентской клятвы он будет произносить по-ингушски, положив руку на Коран. Однако в последний момент решили не дразнить гусей. Все речи выступавших звучали на русском языке.

Зал был забит до отказа. Вдруг с шумом распахнулись двери… и присутствующие расступились, сжавшись как пружина. Вошел Джохар Дудаев. Он проследовал по «живому коридору», поднялся на сцену, прервав речь официального представителя российского правительства (тот безропотно сошел с трибуны), обнялся с Аушевым и резко начал говорить. Говорил по-чеченски минут пятнадцать, эмоционально жестикулируя. Зал завороженно слушал чеченского лидера и, когда тот закончил, взорвался истерической овацией.

Аушев светился счастьем. Сейчас ему было не до посланника Москвы — тот униженно дожидался окончания ритуала где-то в углу… С той поры отношения президентов соседних республик походили на крепкую дружбу. Кстати, позднее и с Асланом Масхадовым у Аушева сложились особые отношения.

Эпизод второй. Весной 1998 года, в антракте между двумя чеченскими кампаниями, в Назрани состоялась встреча двух министров внутренних дел — Сергея Степашина (МВД России) и Казбека Махашева (МВД Ичкерии) — при посредничестве Руслана Аушева. В тот период Чечня уже окончательно превратилась в «черную дыру» России, где бесследно исчезали люди, деньги, общественное и личное достояние наших сограждан, процветала преступная торговля людьми. Степашин пытался как-то решить эти проблемы с помощью чеченских властей. Встреча эта ничего не дала. Но бросилась в глаза одна любопытная деталь финальной сцены.

Из президентского дворца вышел Махашев в сопровождении Аушева. Руслан Султанович бережно придерживал (или приобнимал) его за спину, что-то говорил ему, улыбаясь, а сзади, в двух метрах, одиноко семенил российский министр, словно

забытый двумя «державными мужами». Толпа зевак наблюдала эту трогательную картину расставания. Через несколько минут президентский кортеж машин уже проводил Махашева до административной границы с Чечней.

Эпизод третий. История эта довольно старая. Но тем более любопытная, потому что говорит о хроническом симптоме.

В ту пору Руслан Аушев только что стал Героем Советского Союза, приехал в отпуск в родные края из Афганистана и отмечал высокую награду Родины (полученную действительно заслуженно). В их доме в Грозном, в районе «Березка», собралось много гостей (один из них и посвятил меня в некоторые подробности), в том числе старейшины — уважаемые люди. Они обычно сидят за столом своим кругом, без молодежи, а тем более без женщин (такие нравы). Обслуживает стол младший в семье мужчина. Им в тот день оказался Руслан, поскольку его младший брат Багаутдин отсутствовал. Виновник торжества подавал блюда сам, не присаживаясь к столу. То есть все шло, как и предписано вековыми традициями. Однако потом решили: а почему бы не сделать единственный раз исключение, ведь событие эстраординарное — впервые в истории ингуш стал Героем Советского Союза.

— Садись с нами, Руслан! — пригласил один из старейшин.

— Для меня обычаи наших предков важнее даже самой высокой награды Родины. Поэтому сесть за ваш стол я не могу, — извинился виновник торжества и скромно продолжил подавать блюда на стол.

Красиво сказал, гости были довольны.

За дословную точность слов не ручаюсь, но смысл фразы был именной такой: дескать, Родина (то есть Советский Союз) с ее наградами — это одно, а национальные традиции — нечто другое. И советский офицер выбрал то, что сердцу ближе. Ближе оказались обычаи предков.

То, о чем я веду речь, — материя тонкая. Сразу и не разберешься. При других обстоятельствах такого рода нюансы можно было бы и опустить. Но в том-то и дело, что во всем, что Руслан Аушев делал и говорил в последние годы, постоянно, вольно или невольно, присутствовал этот нюанс. А именно: разделение чего-то общего (советского, российского, федерального и т. п.) с чем-то помельче, но зато кровным (вайнахским, ингушским, родовым и т. п.). А вместе с этим неизбежно приходила необходимость выбора, альтернативы. Во всех упомянутых эпизодах просматривается его выбор в пользу голоса крови. Ничего дурного в этом в общем-то нет, если бы не одно обстоятельство: Аушев являлся государственным деятелем и

слушать должен был не только подсказки сердца, но еще и голос разума.

Не хочу принижать больших личных заслуг тогдашнего президента Ингушетии в решении многих социально-экономических, культурно-национальных проблем. Он немало доброго сделал для республики. Кто бывал в те годы в Назрани или в Магасе, мог в этом убедиться. Однако некоторые действия Аушева для меня остаются необъяснимыми.

Взять ту же проблему беженцев из Чечни. Известно, что в лагерях в Ингушетии проживали немало родных и близких тех, кто воевал с оружием в руках против федералов в отрядах Басаева и Хаттаба. Известно, что гуманитарная помощь (продукты, одежда, медикаменты), поступавшая сюда со всей страны и из-за рубежа, зачастую прямиком шла к боевикам. Известно, что непрерывная миграция, когда беженцы курсируют из Чечни в Ингушетию и обратно, серьезно осложняет поиск террористов и прочего отребья. Известно, что возвращение беженцев на места постоянного проживания способствовало бы скорейшему восстановлению разрушенной войной республики. Известно, насколько это серьезная социально-экономическая проблема для самой Ингушетии.

Тогда почему же Аушев, его администрация так сопротивлялись возвращению людей к родным очагам? Даже если у кого-то разрушили дом, неужели так трудно было перевезти палатку с одного места на другое? А не объяснялось ли все это более жестким режимом контроля в Чечне? В Ингушетии Аушев — полновластный хозяин, ему подчинены и местные «силовики», — так почему же тогда здесь так вольготно чувствовали себя боевики из Чечни? Они получали медицинскую помощь, им были созданы условия для отдыха. Через Ингушетию почти без проблем шли наливники с «паленым» горючим. В некоторых машинах обнаруживали оружие и боеприпасы. Порой возникало ощущение, что здесь нет федеральной власти. Это своего рода буферная зона между так называемой Большой Россией и Чечней, где свои законы (вспомним нашумевший в свое время закон о многоженстве). Бесконечные упреки Аушева по поводу того, что Центр не учитывает национальных особенностей горцев, больше похожи были на дымовые шашки, скрывающие реальную картину, на отвлекающий маневр.

Резонно спросить: а так ли уж считаются в Ингушетии с национальными особенностями веками проживающих здесь славян? А учитываются ли особенности цивилизации как таковой? Кровная месть — это что, та национальная специфика, которую следует пестовать?

Руслан Султанович не раз публично заявлял, что чеченцы и ингуши — это почти один народ — вайнахи, связанный кровными узами, а помогать попавшим в беду родным — это святой долг и прямая обязанность порядочного человека. Позиция понятная, но базируется она больше на эмоциональных началах. Возьму смелость утверждать: если бы Аушев был более рационален (а это значит — и более федерален), мы сообща быстрее бы разделались с бандитами, и в Чечне скорее воцарился бы подлинный мир. Разве это противоречит голосу крови?

Представим на минуту, чисто гипотетически, что у всех россиян (а это представители более ста наций и народностей) вдруг взыграл бы голос крови, обострились националистические чувства. Что ожидало бы нас? Участь бывшей Югославии, если не хуже. Прислушиваясь только к голосу крови, можно утонуть в крови. Неужели Аушев не понял этого на примере раздираемых распрями (в том числе и по национальным мотивам) афганцев, с которыми в свое время воевал? Конечно, понял. На рациональном уровне он давно сделал выбор в пользу федерализма, Ингушетия без России немыслима. Но, глядя на то, как федералы громят чеченских сепаратистов, видимо, непросто ему сдерживать крик вайнахского сердца: «Наших бьют!».

Допускаю, что я излишне придирчив к Аушеву, и это вполне объяснимо. Я человек военный, федеральный, давно привык глушить в себе национально-эмоциональные всплески и считаю: государственный человек высокого ранга не имеет права на национальные слабости и пристрастия. Выбирая между общим и частным, между федеральным и региональным, между нацией и родом (тейпом), между общенародным и индивидуальным — он обязан отдавать предпочтение первому.

По моему глубокому убеждению, военные по самой сути своей, по призванию являются сословием людей государственных. В истинном и самом высоком понимании этого слова. Увы, постоянно находясь в ситуации выбора, легко спутать ориентиры. Отсюда временами двойственная политика, отсюда противоречивость заявлений и поступков.

Я склоняю голову перед героическим прошлым Руслана Султановича, за честь считал бы в былые времена служить с ним под одним боевым знаменем. В армейской жизни все и сложнее, и проще, чем на «гражданке», потому что здесь слишком многое определяется четко и ясно, независимо от характера и качеств личности. А в политике не так; там свой устав, который трудно усваивать кадровому военному, тем более в зрелом возрасте.

Информационная война

Ингушское противостояние заставило задуматься о многом. И в первую очередь о так называемой информационной войне. Уже не один год журналисты и политики с особым пристрастием обсуждают проблемы: насколько российское общество способно «переварить» чеченскую войну и ее последствия, так ли объективны и бескорыстны СМИ в освещении событий на Северном Кавказе, как должны вести себя «силовики», непосредственно возглавляющие контртеррористическую операцию, чтобы удовлетворять сполна спрос на правду о Чечне.

Информационный компонент в современных вооруженных конфликтах способен серьезно влиять на развитие событий. Мы имеем в этом отношении свой опыт. И горький, и положительный. Я, например, свой первый личный опыт, как читатель уже знает, получил во время конфликта в Ингушетии. Хорошо, что я тогда обратился за помощью к прессе. Это пошло во благо делу. Но ведь не у всех моих товарищей и далеко не всегда так было.

Неоперативное, некачественное, порой сумбурное информирование общественности в первой чеченской кампании сегодня практически возведено в ранг хрестоматийного примера порочной работы силовых ведомств с прессой. Что бы там ни говорили о войне 1994–1996 годов, убежден: проиграли ее не военные, которые находились в окопах и боролись с бандитами, а политики и те, кто отвечал за информационное обеспечение операции «по восстановлению конституционного порядка».

Какие только сказки и небылицы ни рождались в той войне! Увы, информационные «утки» почти никто не опровергал. Потому и живучи мифы о бездарности Российской армии. Военные, за редким исключением, боялись журналистов (по себе могу судить). А те, в свою очередь, нередко выплескивали на страницы своих изданий и на экраны телевизоров, мягко говоря, непроверенную, а то и откровенно лживую информацию.

Отсутствие здесь четкой системы взаимодействия, подчеркну еще раз, приводило к информационной вакханалии, когда у каждого журналиста была «своя правда». Сейчас, по прошествии времени, я спрашиваю себя и других моих коллег: а справедливо ли обвинять во всем корреспондентов, если они вынуждены добывать факты из недостоверных источников?

Одно время, когда я возглавлял СКВО, меня нередко упрекали за частое появление на телеэкране: несолидно, мол, командующему войсками округа комментировать далеко не самые громкие события; для чего пресс-секретарь тогда,

соответствующие специалисты-аналитики? Когда-то, повторюсь, я думал примерно так же. Но информационные бои, сопровождавшие события в районе Аршты, заставили по-другому взглянуть на проблему, оценить важную роль прессы. Понимаю, сам прочувствовал, как тяжело публично говорить о тактических просчетах и боевых потерях. Но и молчать о беде нельзя. В противном случае общество просто перестанет доверять официальным источникам. К сожалению, этого не понимают или не хотят понимать некоторые руководители-«силовики». Их поведение напоминает позицию страуса, прячущего голову в песок…

Вместе с тем доброжелательность к прессе не следует путать с беспринципностью. Что я имею в виду? Армия должна уметь защищаться не только от огня противника, но и от информационных атак недобросовестных журналистов. Причем не только с помощью СМИ, но и юридически, как это принято в цивилизованном мире, где давно привыкли к судебным процессам по защите чести и достоинства личностей, организаций, фирм… Наши силовые ведомства тоже имеют право на защиту от лжи, клеветы. Тем более что защищать будут не товарную марку или прибыльный бизнес, а, как бы громко это ни звучало, интересы государства, нравственное здоровье общества, честь своих солдат, спокойствие их родных и близких. От кого? От нечистоплотных политиков и их журналистской «обслуги», от тех, для кого не существует правил приличия и элементарной профессиональной этики.

Я знаком со многими журналистами, с некоторыми установились дружеские отношения. Среди них Ирина Таболова (ИРИНФОРМ), Александр Сладков (РТР), Владимир Сварцевич («Аргументы и факты»), Валерий Матыцин (ИТАР-ТАСС), Руслан Гусаров, Кирилл Набутов (НТВ). Список можно продолжить. Это настоящие мастера-профессионалы. Их всегда отличала сдержанность, корректность, а это, согласитесь, важное условие добрых взаимоотношений прессы и армии. И еще — несколько слов о пресс-службах силовых ведомств. Глядя на некоторые «говорящие головы», комментирующие те или иные события, чувствуешь, что все это делается не для широкого информирования людей, а ради интересов своего ведомства, спасения имиджа высокопоставленного начальника. А защищать от лжи они должны прежде всего огромную массу людей, имеющих непосредственное отношение к защите Родины.

Должны, потому что, во-первых, человек в форме и при погонах — тоже человек. И не всегда хуже того или иного журналиста, а зачастую наоборот. Во-вторых, у него есть родные и

близкие, неравнодушные к его судьбе и авторитету. Они заинтересованы в том числе и в чистоте его имени и мундира. В-третьих, молодое поколение, готовящееся надеть погоны, а тем более ехать служить на Северный Кавказ, должно не только знать правду, но и верить, что вражеская пуля и грязное слово журналиста его не убьют и не доведут родню до инфаркта. Иначе — безысходность. Иначе мы не только не переварим обе чеченские войны, но и доведем дело до третьей.

«Победа над дудаевцами»

Переговоры не принесли никаких результатов. Боевики постоянно нарушали договоренности о прекращении огня, участились случаи нападения на наши подразделения, и поэтому было решено ввести на территорию Чечни войсковые маневренные группы (ВМГ), сформированные на базе 58-й армии. В марте-апреле 1996 года были проведены успешные операции в районах Новогрозненского, Серноводска, Самашек, Орехова, Старого Ачхоя, ликвидированы многие опорные пункты и базы боевиков. А в мае центр боевых действий переместился к Бамуту.

С самого начала чеченской кампании здесь базировалась мощная бандгруппировка — более тысячи боевиков, в том числе около двухсот наемников, — имевшая на вооружении, кроме стрелкового оружия, танки, бронетранспортеры, орудия и минометы, реактивные и зенитные установки. Ядро ее составляли так называемый галанчошский полк под командованием Х. Хачукаева, батальон Р. Хайхароева, отряд «Асса» А. Амриева и десятки афганских моджахедов. Командующим всей группировкой являлся житель ингушского селения Аршты Ширвани Албаков, который впоследствии был убит. Финансировал боевиков родственник Албакова — Адам, в недалеком прошлом директор грозненского завода по производству и реализации нефтепродуктов.

Оборонительные сооружения в Бамуте готовились боевиками фактически с начала боевых действий, еще с осени 1994 года. Были созданы рубежи, подготовленные к ведению длительной обороны, способные выдерживать мощное воздействие авиации и артиллерии. Наиболее укрепленным районом являлась высота 444,4 (северо-восточные склоны), где располагались четыре опорных пункта — тщательно замаскированные, с перекрытыми блиндажами в шесть накатов (!) бревен диаметром до 0,6 метра. Часть огневых точек укрыта железобетонными колпаками. Подходы к опорным пунктам заминированы, а вся местность перед ними пристреляна с использованием ориентиров, закрепленных на деревьях и других объектах. Кроме того; в районе Бамута в советские времена дислоцировалась ракетная часть, и после нее остались заброшенные шахты и заранее подготовленные доты.

В результате успешно проведенных федеральными войсками операций в Урус-Мартановском и Шатойском районах часть бандгрупп перебазировалась в Бамут. Мало того, для пополнения отрядов НВФ были организованы вербовочные мероприятия на

территории Ингушетии. К примеру, в станице Орджоникидзевская набор добровольцев проводил Руслан Хайхароев. В довершение всего в мае в Бамут прибыла еще и группа наемников из Грузии.

По замыслу руководителя операции генерал-майора В. Шаманова (на тот момент он был командующим группировкой Минобороны в составе ОГВ), захват базового центра боевиков в Бамуте был спланирован и проводился в три этапа. В соответствии с решением командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковника А. Квашнина была сформирована войсковая маневренная группа (ВМГ) в составе 131-й бригады, усиленных батальонов 136-й и 166-й бригад, подразделений внутренних войск.

Для огневого поражения опорных пунктов боевиков были созданы две артиллерийские группы. Для нанесения бомбоштурмовых ударов с воздуха использовались 18 самолетов СУ-24 и СУ-25. Огневую поддержку осуществляли также вертолеты и огнеметы.

На первом этапе разведгруппы провели детальную доразведку намеченных маршрутов выдвижения наших войск и опорных пунктов боевиков, а затем были произведены огневые авиационно-артиллерийские точечные удары по выявленным позициям бандитов. К исходу дня 19 мая основные силы ВМГ, завершив перегруппировку, сосредоточились в исходных районах в двух километрах севернее Бамута.

На следующий день авиация и артиллерия накрыли огнем вновь выявленные огневые средства и опорные пункты НВФ. Преодолевая жесточайшее сопротивление, наши подразделения ВМГ блокировали Бамут по господствующим высотам и тактически выгодным рубежам, что позволило перекрыть пути переброски резервов и отрезать отход боевиков на территорию Ингушетии и в горные районы Чечни.

Во второй половине дня 23 мая, ближе к вечеру, спецназовцы после интенсивной огневой подготовки ворвались на северную окраину селения, продвинулись к центру почти на два километра и за полночь закрепились на достигнутых рубежах.

Боевики сопротивлялись с особой яростью. В их тактике появились новые элементы. Так, для обнаружения еще на подступах наших разведгрупп стали использовать специально обученных собак, привязывая их вблизи позиций. Не раз бандиты предпринимали психологические контратаки: шли в бой в полный рост под плотным прикрытием огня. Они были в новом камуфляже, как выяснилось, иностранного производства, многие находились под действием наркотиков. По всему чувствовалось, что их действиями руководит опытный военный, — он громко

подавал команды на чистом русском языке. Весь этот антураж должен был морально надломить наших ребят. И еще один тактический прием противника. При нанесении нашей артиллерией ударов бандиты стремительно сближались с наступающими подразделениями до 100–150 метров, что, естественно, резко снижало эффективность артогня.

И тем не менее боевое мастерство и мужество спецназовцев сделали свое дело. 24 мая стал днем окончательного разгрома бандформирований в Бамуте. Тщательно спланированная, а главное, четко проведенная операция развеяла миф о неприступности «крепости» (ведь федеральные войска ранее уже дважды безуспешно штурмовали ее).

Противник понес ощутимые потери: только убитых около трехсот пятидесяти, уничтожено несколько танков, БМП, минометов, захвачено много оружия и боеприпасов. К сожалению, не обошлось без потерь и в наших войсках. В тех боях за Бамут мы потеряли 20 военнослужащих.

Тогда многие считали, и вполне оправданно, что необходимо развить этот успех и в кратчайшие сроки завершить уничтожение бандитских группировок. Однако федеральная власть вновь изменила весь сценарий, вступила в диалог с сепаратистами, руководствуясь политическими соображениями, — предстояли президентские выборы. 27 мая Б. Ельцин и чеченский лидер З. Яндарбиев подписали соглашение о прекращении боевых действий на территории Чеченской Республики с ноля часов 1 июня. На последовавшей за этим встрече командующего армейской группировкой генерала В. Шаманова, председателя правительства Чеченской Республики Н. Кошмана, заместителя представителя Президента России в Чечне В. Страшко с администрацией и старейшинами села Шали стороны договорились о мирном урегулировании конфликта. Старейшины дали согласие на проведение операции по точечному задержанию боевиков по месту их жительства. Это был первый серьезный совместный шаг на пути к миру.

28 мая в Чечню неожиданно для всех прилетел российский президент. Выступая перед личным составом 205-й бригады, Б. Ельцин заявил: «Война окончилась. Победа за вами. Вы победили мятежный дудаевский режим».

Но мы, военные, понимали, что это заявление носит исключительно конъюнктурный характер и преследует единственную цель — привлечь голоса избирателей. Большинство из нас к тому времени уяснили очевидную истину: миротворческие усилия противник расценивает как нашу слабость; следовательно, надо кардинально решать проблему. В

атмосфере эйфории, поддерживаемой в обществе некоторыми пропрезидентскими силами, мало кто мог предположить, что уже через два месяца после объявления «победы над дудаевцами» те захватят Грозный, а войска вынуждены будут покинуть республику.

30 мая З. Яндарбиев отдал приказ о прекращении боевых действий, но уже через несколько дней стало ясно, что полевые командиры не собираются его выполнять. В Грозный начали просачиваться мелкие группы боевиков. Понимая, что в создавшейся политической ситуации широкомасштабные операции федеральных войск исключены, они вернулись к тактике партизанской войны. В горных районах бандгруппы активно использовали тайм-аут для перегруппировки и восстановления боеспособности.

Ультиматум генерала Пуликовского

К началу августа произошли некоторые кадровые изменения в руководстве федеральных сил. Генерал-майор В. Шаманов уехал учиться в Москву — в Академию Генштаба, его место занял генерал К. Пуликовский (командир существовавшего тогда 67-го корпуса СКВО), а командующим Объединенной группировкой войск стал генерал В. Тихомиров (по штату — один из замов командующего войсками СКВО), который в конце июля уехал в отпуск, и руководство всей ОГВ фактически легло на плечи Пуликовского. Ему пришлось нелегко в тех обстоятельствах…

По данным разведки, чеченские вооруженные формирования приурочили ко дню инаугурации Президента РФ (9 августа) серию террористических акций в Грозном. Работая на опережение, Координационный центр МВД в Чечне наметил 6–8 августа специальную операцию по уничтожению баз, складов и мест сосредоточения боевиков. Однако утечка информации на этапах планирования и подготовки позволила руководству боевиков сдвинуть свою акцию на еще более ранний срок. Видимо, чувствовали себя настолько уверенно, что уже могли не считаться с «расслабившимся» противником.

В Москве — ельцинский триумф, а у нас — трагедия.

Скопление боевиков в пригородах Грозного началось задолго до августа, часть из них проникала в город под видом мирных жителей и беженцев. Таким образом, к началу операции они успешно выполнили первую задачу — блокировали части внутренних войск и подразделения милиции в местах дислокации, умело использовав недостатки в обороне города. Так, например, большинство блокпостов оказались зажатыми в узком пространстве между близлежащими домами, поэтому отряды боевиков могли свободно перемещаться по маршрутам, которые фактически не прикрывались блокпостами. Это позволило неприятелю сосредоточить внимание на захвате важнейших объектов города.

Почему А. Масхадов решился на такой шаг? Ведь наверняка понимал, что, стянув в город основные силы, может все равно оказаться в кольце (так в дальнейшем и получилось). С военной точки зрения — чистейшей воды авантюра. А вот с политической — верный козырь, учитывая затяжной характер конфликта, склонность Москвы к мирным переговорам и, что самое главное, стремление некоторых лиц из ближайшего президентского окружения (наивно полагавших, что если федералы перестанут стрелять, война сама собой закончится) любыми способами

остановить войну, вплоть до полного вывода наших войск… Думаю, здесь уместно обратиться к внешне бесстрастной хронике тех трагических дней.

6 августа в 5.00 боевики вошли в город с нескольких направлений — со стороны Черноречья, Алды и Старопромысловского района.

5.50

Группа боевиков (около 200 человек) захватила товарный двор железнодорожного вокзала. Часть боевиков начала движение по улице Павла Мусорова к центру города.

12.30

Ведется огонь по зданию УБОП, Дому правительства. Интенсивная стрельба идет практически по всему городу. Боевики окружали и обстреливали блокпосты, КПП, комендатуры, устраивали засады на маршрутах выдвижения наших частей. Тяжелая обстановка сложилась вокруг зданий Дома правительства и территориального управления (где находились представители различных силовых структур: МВД, ФСБ и проч.), здесь оборону держала рота ВДВ под командованием старшего лейтенанта Киличева.

Генерал К. Пуликовский отдал распоряжение о введении в город штурмовых отрядов из состава Минобороны и внутренних войск, однако они завязли в тяжелых уличных боях и еле-еле продвигались вперед. Только к исходу 7 августа бойцам капитана Ю. Скляренко удалось добраться до Дома правительства. Другой отряд во главе с капитаном С. Кравцовым дважды пытался пробиться к блокированным в центре города подразделениям. Сам командир погиб. Такая же участь постигла и подполковника А. Сканцева, руководившего третьим отрядом…

О напряженности боев в Грозном свидетельствует дневник заместителя командира мотострелкового батальона 205-й бригады Сергея Гинтера. В составе штурмового отряда он был в районе правительственных зданий, где вместе со своими товарищами держал оборону. На глазах офицера гибли боевые друзья. Не зная, выживет ли он сам, Сергей стал вести эту смертельную хронику. Лист бумаги вобрал в себя всю жестокость и курьезность тех событий. Сложив листок в квадратик, Сергей написал просьбу нашедшему это поедание — отправить его жене и дочери по указанному адресу. Приведу этот своеобразный дневник дословно:

«Дорогие мои девочки! Пишу из здания правительства. Нас обстреливают со всех сторон. При

прорыве сюда ночью сожжены 3 машины (две БМП и танк).

Уже сутки ведем бой. Что будет дальше — не знаю. Пока потеряли 5 убитыми и 20 ранеными. Вот еще один прибавился. Продолжу после, жарко становится.

Время 12.20. Плюс 2 убитых, о раненых не знаю. Ждем артиллерию. Что-то задерживается, хотя и обещали. Пуликовский просил держаться сутки.

15.00. Получил приказ с группой в 18 человек занять соседний дом. Пошел.

16.05. Пишу уже из этого дома. Выбили 8 дверей в двух подъездах на 1, 2,3 этажах. Сейчас сижу в офисе какого-то фонда. Все хорошо, но нет ни капли никотина. Страдания ужасные. Ждем сумерек и ночи с опаской. Периодически раздаются выстрелы и разрывы.

В моей группе пока никто не пострадал. Как в здании правительства — не знаю.

18.10. Периодически стрельба стихает. Сейчас такой момент. Прошло сообщение по связи, с воздуха засекли чеченский танк, двигавшийся в нашем направлении.

Это я писал 8-го. Сегодня десятое августа. За два дня многое изменилось. Здание правительства полностью сгорело. Дом, что я занимал со своей группой, тоже. Техники почти не осталось. Сколько людей потеряно — не знаю. Связи нет. Ни одна колонна до сих пор к нам не пробилась. Сейчас перебазировались в частное 12-этажное здание. Весь город горит. Опять стрельба, разрывы. Здание ходуном ходит. Пару раз наши «вертушки» нас зацепили.

11 августа. Сегодня ночью, часа в два, в нас что-то врезалось: то ли танк, то ли САУ. Пару квартир разнесло. Пара ребят контужены, но легко. Потушили уже утром. Сожгли еще одну БМП. Время 8.40 утра. Все еще хочется жить, хотя это чувство уже слегка притупилось.

12 и 13-го не писал. Наш самодельный флаг сбили. Ночью вешали его обратно. Полная неизвестность. С вечера близко слышны вопли «Аллах акбар!», около 11–12 дня боевики предложили нам сдаться. Мы отказались. Потом стрельба.

Сегодня уже утро 14-го. Боялись, что эта ночь будет самой тяжелой. По радиоперехвату стало известно, что боевики хотели все закончить к 8 утра, до начала действия перемирия.

Сейчас около 7 утра. Тихо, но периодически

стреляют. В нашей группе из Ханкалы на сегодня убиты 9 и около 30 раненых. Из пяти танков осталось 2. Из 11 БМП — шесть. Еще неизвестно, сколько пропало без вести. Это потом. Ах да, 12-этажку оставили после того, как ее расстреляли из гранатометов и подожгли из РПО (огнемет).

Сегодня 15 августа. Держимся. Пришли минометчики — как всегда, под вечер. 12-этажку еще раз заняли. Результат — одна половина наша, под красным флагом. Другая — их, под зеленым…»

Слава богу, этот офицер и его несколько солдат остались живы. После деблокирования Дома правительства Гинтер смог выбраться в Ханкалу за пополнением, боеприпасами, продовольствием, вывезти раненых. Пробыв там один день, он снова стал прорываться к своим, к тем, кто продолжал удерживать занятые позиции.

Между тем к 13 августа федеральным войскам удалось выправить положение — разблокировать несколько КПП и блокпостов (за исключением пяти). К тому же некоторые отряды боевиков понесли значительные потери и оказались в трудном, даже безвыходном положении.

В течение недели после начала боев к городу стягивались войска, блокируя Грозный с внешней стороны. Все дороги из города (а их более 130) минировались.

Генерал К. Пуликовский обратился к жителям с предложением покинуть город в течение 48 часов по специально предоставленному «коридору» через Старую Сунжу. В беседе с журналистами командующий изложил свое видение решения чеченского конфликта: «Мы не намерены дальше мириться с наглыми и варварскими действиями бандформирований, продолжающими сбивать наши вертолеты, совершать дерзкие диверсии, блокировать российских военнослужащих. Из сложившейся сегодня ситуации я вижу выход только в силовом методе».

Он подтвердил, что по истечении срока ультиматума и выхода гражданского населения «федеральное командование намерено применить против бандитов все имеющиеся в его распоряжении огневые средства, в том числе авиацию и тяжелую артиллерию». И резюмировал: «Мне больше не о чем говорить с начальником штаба НВФ А. Масхадовым, который выдвигает неприемлемые для нас условия и считает Россию врагом Чечни».

Как рассказывал мне позже Константин Борисович

Пуликовский, официальное заявление, с которым он выступил по телевидению и которое вызвало столь бурную реакцию в стране и за рубежом, предполагало следующее: федеральное командование вовсе не собиралось стереть с лица земли город, приносить новые страдания мирным жителям. Это было жесткое требование к боевикам: «покинуть город с поднятыми вверх руками».

В решимости генерала бандиты не сомневались, его слова по-настоящему напугали многих полевых командиров, которые тут же прибыли на переговоры, просили предоставить «коридор» для выхода в горы. «Не для того я вас окружал, чтобы выпускать. Или сдавайтесь, или будете уничтожены!» — ответил командующий.

Не мог скрыть смятение и А. Масхадов. В те дни он особенно охотно и много общался с журналистами: «Реализация угроз генерала Пуликовского не принесет славы российскому оружию, а лишь еще больше усугубит ситуацию, загнав ее в тупик».

20 августа вечером из краткосрочного отпуска возвратился генерал-лейтенант В. Тихомиров, который готов был вновь возглавить Объединенную группировку войск. Он заявил представителям прессы, что главную свою задачу на этом посту видит в полном освобождении города от боевиков: «Для этого мы готовы использовать все средства: как политические, так и силовые». Он также подчеркнул: «Ультиматума Пуликовского я пока не отменял, но могу сказать однозначно — против сепаратистов будут применены самые серьезные меры, если они не покинут Грозный».

И здесь на военно-политической арене появился новоиспеченный секретарь Совета безопасности России А. Лебедь, наделенный к тому же полномочиями представителя Президента РФ в Чеченской Республике. Александр Иванович прибыл в тот момент, когда, по сути, решалась судьба всей чеченской кампании.

Он критически отнесся к ультиматуму, заявив журналистам, что не имеет к этому никакого отношения, и вообще дистанцировался от всего, что говорит и делает генерал. Стало понятно, что после подобного заявления Пуликовскому уже не на что рассчитывать.

Тем не менее Константин Борисович попытался отстоять свою позицию. Его поддержал Тихомиров. Увы, их упорство было сломлено А. Лебедем и приехавшим с ним Б. Березовским, пользовавшимся, как известно, особым расположением президентской администрации. Два столичных чиновника установили в Ханкале свои порядки, как бы утверждая на практике принцип: «Война слишком серьезное дело, чтобы

доверять его военным». Впрочем, государственная власть негласно, но с завидной последовательностью проводила его с первого дня первой чеченской кампании, отстраняя под различными предлогами генералов от кардинального решения военно-политических проблем. Попытался что-то самостоятельно сделать генерал-полковник Куликов (июнь 95-го) — дали по рукам; поднял голову генерал-лейтенант Пуликовский — так хлопнули по шапке, что чуть шею не свернули… Пожалуй, никогда еще в России генералы не были так бесправны и беспомощны на войне из-за давления гражданских лиц — полных дилетантов в военных вопросах. Профанация чеченской кампании достигла своего апогея. Боевиков и на этот раз не удалось добить. Уже через несколько дней после приезда Лебедь подписал с Масхадовым в Хасавюрте соглашение «О неотложных мерах по прекращению огня и боевых действий в Грозном и на территории Чеченской Республики», которое по сути своей было не более чем пропагандистским блефом и которое сразу же стала грубо нарушать чеченская сторона.

Войска, поспешно погрузившись в эшелоны, покидали пределы Чечни. В декабрьские дни 1996 года последние части федеральной группировки были выведены из республики. Самопровозглашенная Ичкерия приступила к созданию своих регулярных вооруженных сил. «Независимость» де-факто закрепили состоявшиеся в Чечне с согласия Москвы президентские выборы 27 января 1997 года, на которых один из лидеров чеченских боевиков А. Масхадов получил большинство голосов избирателей…

Константин Пуликовский. Штрихи к портрету

Направляясь в Чечню, Борис Березовский (в тот момент официальный представитель федерального центра) сначала поехал к Масхадову, а только потом прилетел в Ханкалу, в штаб ОГВ.

Выслушав облеченного высокой властью Березовского, Пуликовский побледнел, но тут же, собравшись, начал чеканить слова:

— Я как командующий группировкой не согласен с такой позицией и считаю, что вы должны были прежде всего встретиться с руководством Объединенной группировки войск. Мы здесь давно собрались и ждем вас. Нам есть что сказать. Неужели перед встречей с Масхадовым вас не интересовало наше мнение, наша оценка ситуации?

— Ты, генерал, можешь считать все, что угодно, — сверкнул глазами столичный визитер. — Твоя задача: молчать, слушать и выполнять то, что тебе мы с Лебедем говорим. Понял?

— Вы говорите, не думая о тех людях, которые сейчас в Грозном в полном окружении кровью харкают, — закипал Пуликовский. — Они ждут моей помощи. Я обещал…

— Я тебя, генерал, вместе с твоими людьми, вместе со всей вашей дохлой группировкой сейчас куплю и перепродам! Понял, чего стоят твои обещания и ультиматумы?..

Офицеры, невольные свидетели разговора, опустили головы. Пуликовский с трудом сдержал себя. Стиснул кулаки, круто развернулся и пошел прочь, чувствуя спиной «расстрельный» взгляд Бориса Абрамовича…

В тот же день в Москву, Верховному, было доложено, что жесткая позиция командующего объясняется не военной необходимостью, а личными мотивами: дескать, в Чечне у генерала погиб сын-офицер, и теперь им движет жажда мести, ради удовлетворения амбиций он готов весь город стереть с лица земли. По коридорам власти в Москве поползли слухи о генерале, заразившемся чеченской «бациллой кровной мести». Пуликовского, мягко говоря, отодвинули от руководства группировкой войск. Все это происходило за несколько дней до подписания в Хасавюрте соглашения «об окончании войны».

После случившегося Константин Борисович продержался в армии чуть больше полугода. Последний раз в военной форме я его видел в марте 97-го на своем 50-летии. А в апреле, будучи уже

заместителем командующего войсками СКВО по чрезвычайным ситуациям, он написал рапорт об увольнении из рядов Вооруженных Сил. Его непосредственный начальник генерал-полковник А. Квашнин дал согласие. Константин Борисович стал гражданским человеком и уехал в Краснодар, но дома не сиделось. Пошел работать в администрацию края. С военным руководством практически не поддерживал никаких контактов. Однако со мной иногда созванивался, мы даже встречались семьями, но о Чечне старался не говорить.

«Сломали мужика», — сочувственно отмечали в штабах при упоминании его имени. Злые языки даже утверждали, что отставной генерал стал пить. Я знал, что это неправда…

Мы познакомились зимой 85-го в Москве, на курсах усовершенствования командного состава при Академии бронетанковых войск. Стажировались в должностях командира и начальника штаба дивизии. За короткий срок успели подружиться. Даже разъехавшись, старались поддерживать связь, изредка созванивались.

Вновь судьба свела нас в феврале 95-го, после взятия Грозного. Пуликовский командовал Восточной группировкой, я — «Югом». Вместе с Квашниным мы приехали в Ханкалу, чтобы на месте посмотреть базу под штаб ОГВ, состояние аэродрома — насколько пригоден для использования нашей авиацией. Там и свиделись с Костей. Крепко обнялись, расцеловались. Кругом непролазная грязища, пронизывающий ветер. Мы сами — чумазые, продрогшие, а на душе тепло, радостно, как бывает при встрече с родным человеком.

Чуть позже я стал командующим 58-й армией, а он — командиром 67-го армейского корпуса. У каждого свои заботы и проблемы, своя сфера ответственности… Виделись редко.

Спустя время я узнал, что у Кости погиб сын: офицер, старший лейтенант, заместитель командира батальона. Служил в Московском военном округе и по замене приехал в Чечню. Всего неделю пробыл в полку, только-только должность принял. В апреле 1996 года под Ярышмарды Хаттаб со своими головорезами расстрелял нашу колонну, погибло почти сто человек. В колонне шел и его сын. Страшное известие потрясло генерала.

Ему не составляло больших хлопот избавить сына от командировки в Чечню. Я знаю людей (их, к сожалению, немало), которые с готовностью шли на все, лишь бы «отмазать» своих детей, племянников, братьев от службы в «горячей точке». Генерал Пуликовский был другого склада: сам служил Родине честно, никогда не искал «теплых мест», того же требовал и от других, включая родного сына.

Из той же когорты, кстати, Георгий Иванович Шпак (ныне губернатор Рязанской области, в прошлом — командующий ВДВ) и Анатолий Ипатович Сергеев (в прошлом — командующий войсками Приволжского военного округа), также потерявшие сыновей на чеченской войне. Воевали дети погибших генералов А. Отраковского и А. Рогова. Через Чечню прошли дети (слава богу, остались живы) генералов А. Куликова, М. Лабунца и многих других.

Тяжелая утрата — смерть сына — подкосила генерала Пуликовского, но не сразила. Добило то, что так спешно замирились с сепаратистами, похерив его план уничтожения боевиков в Грозном — тщательно продуманный, грамотный с военной точки зрения. Многое из задуманного им было реализовано в январско-февральской операции 2000 года. Тогда город удалось полностью заблокировать — мышь не проскочит. Предусматривался «коридор» для выхода населения, задержания тех бандитов, кто замарал себя кровью ни в чем не повинных людей. По отказавшимся капитулировать — огонь из всех средств. Операция подтверждала бы решимость и последовательность федеральных властей в борьбе с бандитизмом и терроризмом. Я уверен, если бы ультиматум Пуликовского был осуществлен, не распоясались бы позже басаевы и хаттабы, не было бы ни криминального беспредела в Чечне, ни терактов в Буйнакске, Москве, Волгодонске, Владикавказе, ни агрессии в Дагестане, ни вообще второй войны на Кавказе.

Кто-то из великих сказал: «Восток любит суд скорый. Пусть даже неправый, но скорый». Что-то в этом есть…

Почувствовав, что федеральный центр «буксует», бандиты обнаглели: бесконечные переговоры воспринимали не как стремление Москвы к миру, а как слабость государства. И в чем-то, видимо, были правы. Один из показателей этого — сознательно сформированное ложное общественное мнение. Возьмем тот же сбор подписей (весной 1996-го) в Нижнем Новгороде и области против войны в Чечне. Не хочу обвинять его инициатора Бориса Немцова, а тем более людей, ставивших свои автографы на подписных листах, однако смею с уверенностью предположить, что если бы даже политики намного популярнее Немцова надумали организовать подобные акции на Кубани или Ставрополье, им бы в первой же станице дали от ворот поворот. На Юге России люди на своей шкуре испытали, что такое криминальная Чечня. Им не надо было глядеть в телеэкран или в газеты, выясняя те или иные нюансы конфликта на Кавказе. Их твердая позиция выстрадана жизнью. А на Средней Волге многие

верили ангажированной (иногда и искренне заблуждавшейся) прессе, откликались на сомнительные призывы политиков, далеких от проблем Чечни.

Пуликовский знал Кавказ, знал, как следует поступать с одуревшими от безнаказанности «абреками», знал, как прийти к настоящему миру — через уничтожение тех, кому мир, по большому счету, не нужен. Его трудно было обмануть нижегородскими подписями, на которые охотно «клюнул» Б. Ельцин. И уж совсем невозможно было купить, как хвастливо грозился Б. Березовский.

В тот не лучший период российской истории боевой опыт, порядочность, солдатская верность присяге не были в особой цене. Отцовские чувства Пуликовского грязно извратили, использовав в корыстных целях, его генеральскую честь запятнали, принудив нарушить слово, не выполнить своего обещания. Какой нормальный боевой офицер это выдержит? Конечно, Константин Борисович надломился внутренне, замкнулся в себе, ушел из армии, которой отдал лучших три десятка лет жизни. Мне казалось, что он потерял все на этой войне. Я, признаюсь, боялся, что он больше не поднимется. Но, слава богу, пришли другие времена.

Идею назначить Пуликовского полпредом в Дальневосточном федеральном округе подсказал В. Путину А. Квашнин, поскольку мог со спокойной совестью поручиться за боевого генерала, высокопорядочного человека, к тому же обладающего огромным организаторским опытом.

Мы встретились с Константином перед его отъездом в Хабаровск, на место новой службы. Был июнь двухтысячного года. Уже разгромлены были основные силы бандитов в Грозном, в Комсомольском уничтожена огромная банда Р. Гелаева. Президент вновь твердо заявил: «Уважающая себя власть с бандитами переговоров не ведет. Она их или изолирует от общества, или уничтожает…»

Пуликовский был на эмоциональном подъеме, не скрывал радости. Мы не говорили о плохом, вспоминали из прошлого только приятные моменты. Шутили по поводу того, как нас путали. Мы чем-то похожи с Костей, прежде всего, видимо, тембром голоса и манерой говорить… Однажды даже моя жена, увидев на экране телевизора короткое интервью Пуликовского, поначалу приняла его за меня.

Мы от души смеялись тогда — наверное, впервые за последние четыре года.

Александр Лебедь. Штрихи к портрету

Я дважды встречался с Лебедем. Первый раз это произошло в 1994 году в Приднестровье, куда по приказу министра обороны я был направлен на шесть месяцев в командировку. Меня включили (от Минобороны) в состав трехсторонней комиссии — Россия, Приднестровье, Молдова — по урегулированию конфликта.

Вот в связи с этой своей работой я и встретился с Александром Ивановичем. Я был, конечно, наслышан о нем. Говорили о Лебеде только комплиментарно: решительный, смелый и так далее. Более того, рассказывали, что он в Приднестровье чуть ли не самый главный и единственный герой. В ликвидации конфликта, дескать, сыграл основную роль. Я верил.

Первая встреча случилась в один из воскресных дней августа. Лебедь из Тирасполя приехал в Бендеры, чтобы утихомирить экстремистов, которые начали выступать на границе. Бендеры были как бы разграничителем между приднестровцами и молдаванами.

Когда генерал Лебедь вошел в комнату, где мы (члены комиссии) находились, я испытал разочарование. Я представлял его помощнее, покрепче. На самом деле Лебедь оказался немножко не таким, каким мне его описывали, — помельче калибром.

Мы вели разговор буквально в течение 30 минут. В беседе, естественно, касались событий на границе. Тонкостей разговора не помню. Помню только первое впечатление — разочарование, разлад между образом, созданным народной молвой, и тем, что я увидел.

Второй раз я встретился с Лебедем на военном аэродроме в Тирасполе, когда улетал из Приднестровья. Меня ждало назначение на должность командира корпуса во Владикавказе. Был уже сентябрь 1994 года. Самолетом, на котором я должен был улететь, отправлялась в Москву семья генерала — жена, сын. Лебедь приехал их провожать… Ни о чем особенном мы не говорили. «Здоров!», «Привет!» — вот и все.

Это один Лебедь, которого я знал. Был и другой — образца 1996-го года, «триумфатор».

Накануне трагических событий в Чечне, сразу же после назначения секретарем Совета безопасности России, Лебедь послал в войска «депешу»:

«…1. Войскам заниматься плановой оперативной и боевой подготовкой, блюсти Конституцию РФ.

2. Господам генералам казенных денег на телеграммы «соболезнования» не тратить — взыщу!»

Я когда это прочитал, аж содрогнулся внутренне; будто змея по душе проползла. Думаю: что же ты творишь, Александр Иванович? Люди (твои сослуживцы) искренне рады за тебя, хотят поздравить, связывают с твоим восхождением на политический Олимп надежды — что об армии в высших эшелонов власти станут наконец заботиться, что Москва будет «рулить» операциями в Чечне более компетентно… Разве речь шла об азиатском холуйстве, верноподданническом заглядывании в глаза новому баю? Нет, армейские генералы и офицеры искренне радовались, что их достойный представитель возглавил важнейшую федеральную структуру. И тут на тебе — обухом по наивной башке: «…денег на телеграммы не тратить — взыщу!» Я сразу понял: генерал пытается «работать» под Петра I, хочет продемонстрировать военной «льстивой челяди» державную строгость и деловитость.

Мои плохие предчувствия усилились, когда вместо ушедшего в отставку Павла Грачева (ярого противника Лебедя) Министерство обороны возглавил Игорь Родионов — порядочнейший человек и опытный генерал. Я ничего не имею лично против него. Однако, обязанный своим взлетом Лебедю, Родионов целиком был зависим от него. Неудивителен поэтому первый пункт «депеши» Лебедя насчет того, чем войскам нужно заниматься. Как будто секретарь Совбеза — главнокомандующий, поважнее министра обороны…

Помню, генералы на Кавказе удивлялись: как же так — в армии новый министр, а в Чечню глаз не кажет, зато Березовский и Лебедь то звонят, то телеграммы шлют, то сами прилетают? Родионов словно изолирован был от Объединенной группировки войск. Хотя по всем писаным и неписаным правилам, даже исходя из здравого смысла, уже в первую неделю должен был прилететь в Ханкалу и познакомиться с обстановкой. Ведь до этого он (что греха таить) засиделся в Академии Генштаба, оторвался от войск, тем более что в Чечне у ОГВ были свои особенности.

В общем, мы поняли: Лебедь просто не пускает его на Кавказ, показывает, кто истинный хозяин в Вооруженных Силах. У всех на слуху была фраза Лебедя, сказанная в одном из телеинтервью: «Должность министра обороны мне не нужна. Я ее уже перерос».

Ну, думаю, вундеркинд! Толком и армией еще не покомандовал, окружной уровень вообще не прошел (ни начштаба, ни тем более командующим войсками округа не был), а пост министра уже, видите ли, перерос! Меня тогда эта его напыщенная самоуверенность просто покоробила, да и не только

меня. Стало ясно: генерал хочет «если славы — то мгновенной, если власти — то большой».

Знал ли Лебедь Чечню и ситуацию, сложившуюся там? Конечно, нет. И вот приехал туда в новом качестве впервые. Офицеры и генералы думали, что он попытается вникнуть в обстановку, поговорит с ними, проведет серьезное совещание… Ничего подобного! Проехался один раз по маршруту (спешил на встречу с лидерами незаконных вооруженных формирований), увидел на блокпосту чумазого солдата и сделал вывод: армия, дескать, деморализована, не готова к боям, устала от войны. А значит, следует быстро ставить точку, чего бы это ни стоило.

Ну увидел ты замурзанного бойца, к тому же оробевшего перед высоким московским чиновником. Он что — показатель боеспособности? Александр Иванович, видимо, ожидал встретиться с вымытым и отполированным гвардейцем, как в кремлевской роте почетного караула… Да я (генерал!) порой на войне по нескольку суток не мылся и не брился. Не всегда была возможность, а главное — некогда. Поесть и то не успеваешь. И какой у меня после этого вид? Московский патруль арестовал бы! Не поверил бы, что генерал, — бомж какой-то… И ничего удивительного тут нет. Война — занятие грязное, в буквальном смысле слова…

Офицеры в курилке в Ханкале возмущались: как же так — даже не пообщался с нами Лебедь, а ведь мы можем говорить с ним на одном языке, он бы все понял, если бы выслушал… Наивные люди! Он и не хотел слушать! Он и не хотел понимать! Если ему до лампочки мнение командующего — генерала Пуликовского, что уж там говорить о полковниках!

Лебедю хотелось сиюминутной славы «миротворца». Вот, дескать, никто проблему Чечни разрешить не может уже почти два года, а он — сможет. Одним махом, одним росчерком пера, одним только видом своим и наскоком бонапартистским. Мы все — в дерьме, а он — в белом. Ради непомерного честолюбия, ради создания имиджа «спасителя нации» он предал воюющую армию, предал павших в боях, их родных и близких, предал миллионы людей, ждавших от государства защиты перед беспределом бандитов…

Помню один из его аргументов в пользу немедленного прекращения войны (он базировался все на том же впечатлении от чумазого солдата): дескать, армия в жутких бытовых условиях. И решил Александр Иванович эти условия улучшить. И знаете, как улучшил? Спешно выведенные в морозном декабре войска расположились в чистом поле в палатках!

205-ю бригаду, к примеру, выбросили под Буденновск на

пахоту. Треть личного состава слегла от простуды. Ни воды не было, ни тепла, ни горячей пищи. Все с нуля начинали. В общем, стало хуже, чем на войне. А если оценивать моральную сторону дела, то тут и слов подходящих не подберешь. Потому что в Чечне боец был чумазым только сверху, зато внутри чистым. Он осознавал себя защитником единства и достоинства Родины, его враги боялись, он их бил под Шатоем, под Бамутом, под Шали, в Грозном…

Он свой чумазый нос мог от гордости держать высоко. А после бегства из Чечни (под палкой Лебедя и Березовского) чувствовал себя оплеванным и опозоренным. Над ним весь мир смеялся. «Крошечная Чечня разгромила великую Россию!» — вот какая молва шла по свету. Спасибо «сердобольному генералу» — «умыл» солдата (в прямом и переносном смысле)! Так умыл, что до сих пор очиститься, отскоблиться не можем!

Спустя время, когда Лебедь баллотировался на пост губернатора Красноярского края, я встретился с известным московским тележурналистом. Он мне рассказал, что ездил в Сибирь, был в предвыборном штабе Александра Ивановича.

— Я обалдел, — говорит, — у него там в штабе чеченцев больше, чем русских!

— И чего ты удивляешься, — отвечаю, — долг платежом красен…

Нехороших разговоров о Лебеде после Хасавюрта ходило много. Я не встречал, например, ни одного военного, кто бы не «кинул камень» в «миротворца». Офицеры, служившие с ним в Афганистане, рассказывали даже, как Лебедь, жаждавший быстрой военной славы, обрушил огонь на кишлак дружественного нам племени. Увидел людей с оружием в руках — и давай их свинцом поливать. А ведь предупреждали: не трогай их, они к себе моджахедов не пускают и нам выдают всю информацию о бандитских караванах. Не послушал или не понял… Видно, стремился начальству доложить о быстрой победе над басурманами: столько-то моджахедов убито, столько-то стволов захвачено… В общем, сделал из союзников злейших врагов. Кое-кто из офицеров полез с Лебедем драться. Еле разняли.

Это похоже на армейскую сплетню, можно было бы пропустить мимо ушей. Но после всего содеянного Лебедем в 1996 году я верю в афганскую историю. Допускаю, что нечто подобное могло быть: просто вписывается в характер Александра Ивановича.

Позже не только мне, но и абсолютному большинству армейских офицеров было стыдно, что этот генерал — наш

бывший сослуживец. На тот момент казалось, что никто не нанес Российской армии большего вреда, чем Лебедь. Однако его нелепая, случайная смерть мигом оборвала не только жизнь генерала и губернатора, но и почти все претензии к нему. В таких случаях счеты не сводят, а просто склоняют голову.

Глава 7
Ни войны, ни мира

Свобода и рабство

Хасавюртские соглашения еще сильнее затянули узел кавказских проблем. Ставя свою подпись, А. Лебедь вряд ли мог полагать, что боевики пойдут на разоружение и прекратят противозаконную деятельность. Наши воинские части еще находились на территории Чечни, а лидеры Ичкерии уже приступили к восстановлению своей армии, в диверсионных школах и лагерях разворачивалась подготовка будущих террористов.

В середине 1997 года состоялся выпуск в одной из таких школ в Грозном. Перед выпускниками выступил Салман Радуев. Привожу его речь почти полностью, ибо она весьма символична и имела программный характер.

«Братья, сегодня вы выходите из стен нашей школы. Четыре месяца ваши учителя обучали вас искусству диверсий, подкупа, распространения слухов и многому другому. Вы все принимали участие в святой войне за независимость Ичкерии, и не важно, что среди вас не только чеченцы и мусульмане. Ичкерия стала их настоящей родиной, в борьбе за свободу которой они проливали кровь. Живут они по законам шариата. Они наши братья.

Сейчас Москва пытается убедить всех в том, что она подарила нам мир. Я этому не верю, как не верит в это ни Шамиль, ни Аслан, ни многие другие, которые с оружием в руках добывали независимость. Все обещания Москвы о финансировании — не более чем разговоры для дураков. Деньги, переведенные через русские банки, осядут в карманах чиновников. Аслан — молодец. Он водит Ельцина за нос и, наверное, сможет получить деньги на наш национальный банк. А если даже не получит, ничего страшного. Нам русские деньги не нужны. Нам дадут некоторые европейские страны, а также Пакистан, Афганистан и Иран. От них мы получим и деньги, и оружие, и технику, чтобы вооружить нашу армию. Да и среди высших русских чиновников много таких, которые готовы нам продать оружие, продукты, обмундирование…

Наши требования:

— полная политическая независимость Ичкерии;

— Россия, как проигравшая войну, обязана выплатить контрибуцию, всю до копейки, без всяких условий;

— с теми, кто в войне поддержал Москву, разберемся по законам шариата…

Уже завтра некоторые из вас приступят к выполнению своих заданий. Ваша задача — сеять смертельный ужас среди тех, кто продал Аллаха. Они каждый час должны чувствовать холодную руку смерти. Среди всех военных, которые пока находятся на нашей территории, необходимо посеять растерянность и страх. Захватывайте их в заложники и убивайте. Аллах все простит, а на крики политиков внимания не обращайте — это не более чем шумовая завеса.

Особое задание тем, кто осядет в России и соседних государствах. Ваша задача — внедриться во властные структуры, административные и финансовые органы. Ваша задача — дестабилизировать обстановку, экономику и финансы. Создавайте базы, подбирайте людей, ждать долго не придется. Если до весны Ичкерия не получит полной свободы и независимости, мы нанесем удары практически во всех крупных промышленных городах.

В своей работе обращайте внимание на казачество. Это наши давние и самые страшные враги. Но Аллах милостив — большинство атаманов продажны и алчны. За деньги они могут продать не только казаков, но и мать родную. Под крышей казачества создавайте совместные предприятия и затягивайте их в финансовую яму. На Ставрополье уже есть атаманы, которые прямо работают на нас. Теми выпускниками школы, кто будет действовать в казачьих структурах, уже получены ярлыки и компроматы на атаманов.

Необходимо обратить внимание на районы, где находятся войска (солдаты и офицеры — голодные, они продадут любое оружие), — это Кочубеевский район, Невинномысск, Шпаковский район, Ставрополь, Буденновск, Нефтекумский район. Необходимо составить списки тех офицеров, контрактников и особенно казаков, кто принимал хоть самое малое участие в войне. Они подлежат уничтожению в первую очередь.

Вам необходимо обливать грязью тех русских, которые настроены патриотически. Их очень легко обвинить в фашизме, антисемитизме и национализме.

Тех иноверцев, которые захотят встать под Святое знамя Пророка, необходимо вязать кровью. У них нет тогда пути назад.

Необходимо расширять сеть мусульманских школ и принимать туда не только правоверных. Дети — тесто: кто лепит, тому и будут служить. Используйте бездуховность русских.

На территории национальных республик сейте национальную рознь. Стравливайте националов и русских. Любую беду сваливайте на русских. Тех националов, которые не хотят жить по законам шариата, — уничтожать, а вину валить на русских.

Те, кто внедряется во властные структуры, должны всячески дезорганизовывать работу административных органов. Но творите не своими руками, а руками русских — пусть они отвечают перед своим законом. Вы должны быть вне всяких подозрений. Тем, кто будет работать в банках, — прилагать все силы для затяжки платежей, выплат зарплат и особенно пенсий, вызывая тем самым недовольство русских русскими же.

Русские (как властные, так и финансовые структуры) коррумпированы, многие находятся на содержании местных мафий. Необходимо занимать лидирующие роли в этих мафиозных структурах. В своей работе на местах опирайтесь на чеченские, цыганские, дагестанские, корейские общины. Через них вы будете получать все необходимые инструкции и деньги.

Больше не хочу утруждать ваше внимание, братья. Тем более что каждый из вас имеет подробнейшие инструкции».

Получая подобные наставления, их исполнители нагло и дерзко Действовали не только в Чечне, где царила бандитская вакханалия, но и в соседних регионах — в Дагестане, Северной Осетии, Ингушетии, Ставропольском крае. В течение трех лет после восстановления так называемого мира гремели взрывы в Пятигорске и Владикавказе, Каспийске и Махачкале, гибли ни в чем не повинные граждане. Широкое распространение получило похищение людей, в том числе и военнослужащих, нормой стали террористические акты.

16 апреля 1998 года на перевале дороги Малый Малгобек — Старый Батакоюрт, вблизи осетино-ингушской административной границы, группа боевиков почти в упор расстреляла колонну

автомобилей, в которых находились генералы и офицеры Генштаба и Северо-Кавказского военного округа с группой охранения.

В результате нападения из двадцати человек на месте погибли четверо военнослужащих, пятый скончался по пути в больницу, восемь получили ранения различной степени тяжести. Среди погибших: генерал-майор Виктор Прокопенко — представитель Главного оперативного управления Генштаба, полковник Сергей Гречин — начальник группы Главного управления воспитательной работы, полковник Виктор Еремеев — заместитель командира соединения по воспитательной работе (СКВО), рядовые Виктор Олейников и Максим Шмальц.

Получили ранения: генерал-лейтенант Николай Мухин — заместитель начальника ракетных войск и артиллерии МО РФ, полковник Владимир Бандура — заместитель начальника штаба СКВО, старший лейтенант Алексей Чагин — командир разведвзвода, сержанты Дмитрий Волков и Виталий Гавриленко, младший сержант Сергей Сапожников, рядовые Виктор Воеводин и Владимир Дрындин.

В. Бандура после тяжелейшего ранения около двух лет пролежал в госпиталях, мужественно перенес все операции и сегодня продолжает службу в звании генерал-майора в штабе СКВО. От него я узнал все подробности тех трагических событий на перевале Хурикау. Приведу свидетельство очевидца.

> «В марте 1998 года я был направлен в Моздок исполнять обязанности заместителя командующего временной оперативной группировкой войск на Северном Кавказе. Как раз в это время было принято решение об усилении взводных опорных пунктов по периметру административной границы с Чечней. Вместе с генералами других силовых ведомств мы отрабатывали вопросы организации взаимодействия подразделений МВД и Минобороны. С проверкой должна была прилететь комиссия из Генерального штаба во главе с генералом А. Квашниным. Согласно первоначальному плану, работать им предстояло в Дагестане, затем во Владикавказе и конечный пункт пребывания — Моздок.
>
> Получилось все наоборот. Самолете генералами и офицерами Генштаба сел вначале в Моздоке (Махачкала из-за непогоды не принимала). Комиссию возглавил генерал Прокопенко. После обеда я предложил ему изменить график и отработать намеченные вопросы

сначала на моздокском направлении, а затем в Дагестане. Виктор Григорьевич наотрез отказался и вскоре вылетел в Дагестан. Проверку опорных пунктов, в том числе и в районе перевала Хурикау, наметили на 15 и 16 апреля.

Через несколько дней комиссия вернулась в Моздок. Вечером, накануне того трагического дня, Прокопенко провел совещание: определились с количеством машин, охраны. Позже, в более узком кругу, уточнили детали. Выезд наметили на 8 утра.

Ближе к полуночи 15 апреля мне пошли какие-то непонятные звонки. Например, приказали спланировать два вертолета из Моздока на Беслан. Стал разбираться, кто именно поставил такую задачу. Выяснил вначале, что якобы звонил заместитель начальника оперативного отдела 58-й армии и через дежурного передал распоряжение. Чье распоряжение? Непонятно. Сразу возникли сомнения. Почему кто-то через кого-то передает непонятные команды? В 6 часов утра дежурный сообщил: все предыдущие команды отставить, действовать по плану, принятому вечером.

В 8 утра колонна в составе трех машин — двух «уазиков» и автобуса — тронулась в путь. Погода стояла прекрасная. В головном «уазике» на переднем сиденье рядом с водителем расположился я, сзади — генералы-Прокопенко и Мухин. Хотел еще сесть генерал Герасимов (заместитель командующего 58-й армии).

— Нечего трем генералам сзади толкаться. Оставайтесь здесь, мы скоро вернемся, — сказал я Герасимову.

В этот день должны были прилететь начальник Генерального штаба А. Квашнин и командующий войсками округа В. Казанцев. Герасимов остался их встречать.

Все шло по плану. За нашей машиной двигался автобус с охраной. Замыкал колонну «уазик». В нем находились водитель, рядовой В. Олейников, полковники С. Гречин и В. Еремеев. Миновали милицейский КПП № 16. Еще тогда я удивился: почему милиционеры нас не остановили, чтобы проверить документы? Сколько раз проезжали там раньше — всегда останавливали, а сейчас беспрепятственно пропустили. Метров за сто до перевала я остановил колонну. Погода стала портиться, спустился туман. Видимость —

минимальная.

Вышли из машин, перекурили. Я сказал, что осталось метров пятьсот и мы подъедем к опорному пункту, как только минуем перевал.

Буквально через несколько минут после того, как колонна продолжила движение, справа и слева от дороги я увидел людей в черных масках, с автоматами. Они стояли в полный рост (по 6–7 человек с каждой стороны). Одеты в новую камуфлированную форму серого цвета. В руках у всех автоматы «Кедр», спецназовские, с глушителями.

Почему-то сразу подумал: по нашу душу. Водителю Володе Дрындину крикнул: «Дави!» Он свернул и стал давить тех, кто слева стоял на обочине. Боевики отскакивали в сторону. Почти в ту же секунду с правой стороны по «уазику» открыли огонь. Я этого не видел, только слышал. Мне почти сразу пуля попала в ногу. Я попытался достать пистолет. Не помню, стрелял или нет (но когда очнулся на перевале внизу, пистолет был зажат в руке). Хорошо помню, как по обшивке салона цокали пули.

— Уходи на перевал, — кричу водителю.

И в тот же момент — сильный удар в спину. Потерял сознание…

Позже мне рассказали, что водитель получил три пули: в руку, ногу и спину. Превозмогая боль, он все-таки сумел вывести машину из-под обстрела и добраться до ближайшего блокпоста милиции. Только благодаря самоотверженности этого парня мы с Мухиным остались живы. Увы, Прокопенко погиб.

На блокпосту я пришел в сознание. Лежал на земле. Кто-то пытался разжать мне пальцы на пистолете. Вижу: Дрындин в шоке — бегает и материт милиционеров. А съемочная группа НТВ снимает на камеру все происходящее. И это через 20–30 минут после нападения на колонну! Поразительная оперативность».

Нет сомнения, что произошла утечка информации или от нас, или из Генштаба. Нападение боевиков было тщательно спланировано.

Подтверждает эту версию и рассказ офицера Генштаба полковника Александра Степанова, находившегося в автобусе.

«После первых выстрелов группа сопровождения среагировала сразу. Разведчики не растерялись, действовали профессионально и полностью нас прикрыли — ведь все мы были без оружия. Поэтому только благодаря им в нашей машине ни один офицер не погиб и не был ранен.

Удивила, конечно, наглость нападавших: они не прятались, стояли в полный рост и, очевидно, не ожидали получить отпор. А встретив яростное сопротивление, тут же скрылись.

Но через полчаса после боя (!) в радиоэфире было запеленговано их обращение к нам (!) с требованием сообщить о своих потерях! Такого хамства я не упомню за всю историю войн…

Горячка после боя постепенно спадала. Начали разбираться, кто где находится, и вдруг обнаружили, что ни на одном из блокпостов нет «уазика», в котором ехали офицеры-«воспитатели». В тумане никто не заметил, куда он пропал…»

Детали апрельской драмы дополнил начальник медицинского пункта полка майор Валерий Французов.

«Подняли по тревоге бронегруппу, и мы на МТЛБ выдвинулись на поиски товарищей. Показывать дорогу вызвались я и трое уцелевших разведчиков. Не доезжая до места, где было совершено нападение на колонну, остановились — второй раз нарываться на засаду не хотелось. Решили, что впереди, пешком, пойдут разведчики, затем наша группа, а уже за ними три машины с милицией… Через некоторое время после того, как старший лейтенант Чагин с подчиненными ушли, впереди начался бой. Милиционеры, услышав пальбу, запрыгнули в машины и уехали обратно к блокпосту — драпанули. А мы знали, что там наши товарищи, поэтому, не раздумывая, пошли им на помощь.

Добрались до вершины сопки. Здесь пули прижали нас к земле. Пришлось быстро занять оборону на возвышенности. Ответный огонь не открывали, потому что из-за сильного тумана не видели, куда стрелять, и могли попасть в своих разведчиков… Когда туман рассеялся и бой прекратился, мы увидели ужасную

картину: на противоположной вершине сопки стоит БТР, а в низине — покореженный «КамАЗ» с чеченскими номерами. Подав бронегруппе сигнал «не стрелять», на МТЛБ начали спускаться вниз, к изуродованной машине. Навстречу двинулся бронетранспортер.

Тогда только мы поняли, что боевиков здесь давно уже нет: по нам вела огонь местная милиция…»

Позднее эту картину дополнили некоторые важные детали: старший лейтенант Чагин с двумя солдатами остановил проходивший мимо «КамАЗ» с песком, чтобы на нем продолжить поиски пропавшего «уазика». Но навстречу вылетел милицейский БТР, и милиционеры, не разобравшись в ситуации, начали палить из крупнокалиберного пулемета по машине, в которой были замечены люди в камуфляже.

Цена этого недоразумения чудовищна: Алексей Чагин и сержант Виталий Гавриленко были ранены в ноги, а рядовой Максим Шмальц по дороге в госпиталь от полученных ран скончался.

Отправив раненых на попутной «санитарке», майор Французов решил во что бы то ни стало найти пропавшую машину. И нашел «уазик» приблизительно в том же месте, где колонна подверглась обстрелу. К сожалению, помощь запоздала. В изуродованной машине уже не было живых. Спустя четыре часа врач, обследовавший тела полковников В. Еремеева и С. Гречина и водителя В. Олейникова, констатировал: «Нападавшие сделали контрольные выстрелы в голову каждой из жертв».

Позже специалисты-эксперты установили по пробоинам в машинах и интенсивности огня, что боевиков было не больше десяти (как будто знали, что колонна пойдет без охраны). По всей видимости, засаду организовали профессионалы, которые продумали не только расположение огневых точек, но и пути отхода. Поэтому, несмотря на попытку группы быстрого реагирования МВД сразу же оцепить район и организовать с помощью трех вертолетов поиск бандитов, тем удалось скрыться в Чечне, вне зоны досягаемости.

Вооруженные нападения бандитов на наши войска, уже за пределами республики, стали регулярными. Но если бы только эта единственная беда! Невиданные масштабы приняло похищение людей и торговля ими. Без большой натяжки можно сказать, что этот промысел занял ведущие позиции в экономике республики. В предгорьях и горах у большинства чеченских семей были свои невольники — дармовая рабочая сила.

На пороге третьего тысячелетия в самом центре Грозного, в районе так называемой площади «Трех богатырей», несколько лет, вплоть до осени 1999 года, исправно работал крупнейший на Северном Кавказе (а может, и в мире) невольничий рынок, где за сходную цену молено было купить раба на любой вкус. И торг здесь был вполне уместен. Даже местные дети знали: самый выгодный товар — это «нечеченец». Так что с иностранцами, независимо от их политических симпатий, в «свободолюбивой» Ичкерии особо не церемонились. «Свобода — это, конечно, хорошо, — утверждали работорговцы. — Но ею сыт не будешь».

Пленники в Чечне давно рассматривались в качестве объекта купли-продажи. Их можно выгодно сбыть заинтересованным лицам, можно на время одолжить соседу за оказанную услугу, можно, наконец, обменять на заключенного под стражу в России родственника. Вариантов много. Как и положено всякому товару в условиях рынка, пленники делились по категориям: социальному статусу, материальному положению.

По высшей шкале ценились иностранцы, известные журналисты и политики: за них можно было получить крупные суммы — до нескольких миллионов долларов. Содержались такие пленные в относительно нормальных условиях. Это, правда, не касалось порядков в банде Арби Бараева, где мучили всех пленников, даже «сверхприбыльных».

Похитители попроще предпочитали «работать» с гражданскими специалистами. А так как в Чечне с ними была напряженка, заложников приходилось вылавливать в соседних республиках — Ингушетии, Дагестане, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии. За них не обязательно брать долларами, можно договориться об обмене на стройматериалы, автотранспорт, продовольствие… Так что многие чеченцы, проживавшие в других республиках, ездили за дешевым сахаром или лесом на историческую родину.

Самой мелкой монетой на невольничьем рынке платили за российского солдата. В силу разных обстоятельств и причин товар этот после Хасавюрта не защищался ни федеральной властью, ни казначейством. Правда, отдельные регионы порой пытались вытащить своих земляков из плена. Так, например, администрация Краснодарского края заплатила за прапорщиков Солтукова и Москалева 50 тысяч долларов, а за освобождение рядовых Бережного и Ватутина краснодарцы отдали 40 тонн муки. Но эти факты скорее исключение из правил.

Сотни российских офицеров и солдат несколько лет гнули спину на чеченских хозяев. В Веденском и Итум-Калинском районах они выращивали горный чай; у селения Аллерой

обрабатывали маковые плантации, в Ножай-Юртовском районе пасли скот, многие строили дорогу на Шатили. Их содержали в ужасных условиях: каторжная работа от зари до зари, холод, голод, побои… Не все выдерживали такие испытания. Как заметил один из местных работорговцев: «Попавшие в плен будут сидеть долго… если, конечно, останутся живыми». Эти слова подтверждаются статистикой: за десять месяцев из чеченского плена был отпущен только один военнослужащий, принимавший участие в боевых действиях, а ведь Хасавюртовскими соглашениями предусматривалась выдача всех пленных.

Восьмой пункт 2-й статьи Закона Российской Федерации «О статусе военнослужащих» гласит: «За военнослужащими, захваченными в плен или в качестве заложников, сохраняется статус военнослужащих. Органы государственной власти и военное командование обязаны принимать меры по освобождению указанных военнослужащих в соответствии с нормами международного права». Но эти нормы, как показала жизнь, не распространялись на Чеченскую Республику, где, несмотря на демонстративные усилия А. Масхадова, в неволе оказывалось все больше «солдатских душ». Любители легкой наживы хватали людей в погонах за воротами воинских частей во Владикавказе, Буйнакске. Брали группами и поодиночке. Правда, официальный Грозный предпочитал слову «раб» термин «незаконно удерживаемые лица». Масхадов произносил как заклинание, что борьба с работорговлей будет беспощадной, а бандиты продолжали преспокойно вести этот доходный бизнес.

Что касается пленных, то во всякой войне они были, есть и, к сожалению, будут. И долг государства, ведущего войну, вызволять своих попавших в беду солдат, заботиться о них. В противном случае любой проходимец, подвизающийся на этом поприще, будет выглядеть героем: вот, глядите, каков я, — державе нашей до лампочки судьбы пленного воинства, а я «бойца» из неволи вызволил. А кого именно и как, за счет чего или кого — нам и невдомек. Кого купил, кого продал, кого на кого обменял — черт его знает! Темное дело. И как-то особо не задумываемся об этом. Да и что тут думать: ведь главное — ребята наши на свободе! «Спасибо! — говорят растроганные до слез родители освобожденных пленников. — Нашлись вот энтузиасты-спасатели…» И то правда.

Однако меня до сих пор терзают сомнения вот по какому поводу. Когда осенью 1998 года вчерашних узников начали не поштучно, а целыми партиями доставлять из Чечни, подумалось: наконец-то! Пресса в аэропорту интервьюировала Бориса Березовского, который рассказывал об очередной операции по

освобождению пленников. А сколько они находились у чеченцев, на каких условиях освобождены — телезрители так ничего и не поняли. Молчали и сами освобожденные, быстро нырявшие из самолета в автомашины и исчезавшие в неизвестном направлении. А олигарх на различных политических тусовках с гордостью объявлял об очередном успешном освобождении из чеченских застенков…

Позже журналисты газеты «Военный вестник Юга России» провели собственное расследование. Как выяснилось, за полторы недели, начиная с 10 октября, освобождено около двух десятков военнослужащих. Но больше всего поражал кадровый состав и даты пленения. Вырисовывалась любопытная картина. Оказалось, что рядовые Алиев, Ержанов, Степанов были захвачены в плен 11 октября (когда они за вознаграждение разгружали ящики с водкой) и уже через три дня освобождены.

Рядовые Афанасьев и Юлинский попали в плен 10 октября, находясь в самоволке, выпущены через два дня.

Младший сержант Фильченков, рядовые Иванов и Смирнов похищены из расположения части 14 октября. Освобождены через два дня.

Рядовой Михайлов провел в плену всего одни сутки.

Все они проходили службу в мотострелковой бригаде, расположенной в дагестанском Буйнакске. Следователи Главной военной прокуратуры, выяснявшие обстоятельства похищения солдат, обратили внимание на такую закономерность: если раньше от момента попадания в плен до освобождения проходило минимум 10 дней, то с 10 октября интервал сократился всего до 1–3 дней.

Лишь один-единственный солдат из «осенней группы» освобожденных оказался настоящим пленным из Чечни, томившимся в неволе долгие месяцы. А сотни других так и остались догнивать в «зинданах» еще со времен первой войны. Дай бог, чтоб они выжили! Я имею в виду именно тех, кто участвовал в первой чеченской кампании.

Между тем тогда создавалась иллюзия массового возвращения российских военнопленных. На деле все было не так, а сама освободительная операция больше походила на махинацию. Что за этим стоит? Отчего некоторых попавших в плен перед выдачей сотрудникам российского РУБОПа в бандитских штабах Гудермеса и Грозного успокаивали: мол, не волнуйтесь, не вы первые, не вы последние… через несколько дней мы вас отпустим? Такого рода факты и многие другие данные позволяют предположить, что «миротворческая октябрьская акция 1998 года» действительно была хорошо

спланирована, если действия похитителей и освободителей выглядели на редкость скоординированными. Более того, штаб СКВО располагал доказательствами сговора бандитов и отдельных структур МВД. И, думаю, не случайно сотрудники РУБОПа в Нальчике категорически отказали представителям командования округа во встрече с освобожденными солдатами перед отправкой их в Москву.

Подозрения подкрепили показания одного из солдат, попавших в плен вместе со своим командиром. Они возвращались пешком из дагестанского селения Гиралах к себе в часть, когда их нагнала милицейская машина и милиционеры по-товарищески предложили подвезти ребят… Так военнослужащие попали к бандитам в Гудермес, где их принуждали письменно засвидетельствовать, что их захватили в плен именно они, а не сотрудники МВД.

Быстрое освобождение нескольких групп российских солдат поставило больше вопросов, нежели дало ответов. И на этом фоне как-то в тени осталось очередное высказывание тогдашнего министра по делам национальностей Рамазана Абдулатипова, который заявил, что в расцвете торговли людьми на Северном Кавказе во многом виноваты те, кто пытается показать, сколь велико их влияние в Чечне. Это был явный намек на Бориса Березовского.

Вскоре из источников, близких к Аслану Масхадову, стало известно, что штабы Салмана Радуева, Шамиля Басаева и других полевых командиров оснастились самой современной аппаратурой, оргтехникой. Да и финансовые дела у тогдашних масхадовских оппозиционеров явно поправились.

А что же российские военнопленные, годами томившиеся «во глубине чеченских руд»? К сожалению, многих так и не удалось вызволить. Их стоны не услышали ни в Грозном, ни в Москве. Масхадов пытался спасти имидж Ичкерии перед Западом, некоторые высокопоставленные чины из МВД примеривали на себя тесноватые мундиры миротворцев, а некоторые ведущие политики поднимали рейтинги перед очередными парламентскими и губернаторскими выборами. А наши солдаты оставались в их глазах теми пешками, которыми можно пожертвовать, чтобы выиграть партию. И никто из участников политических игрищ, похоже, не вспомнил об известном принципе: «Война продолжается до тех пор, пока из плена не вернулся последний солдат».

Держава, умеющая начинать войну, должна уметь и достойно ее заканчивать. Иначе за нее впредь никто не станет воевать. Между тем назревала новая война. Фактическая независимость

Чечни обернулась разбоем, разрухой и всеобщим обнищанием рядовых жителей. Благоденствовали только бандитские стаи, прикрывавшие свои постыдные деяния ваххабитской риторикой.

Убийства и грабежи, наркомания и проституция стали в «правоверной мусульманской республике» обыденными явлениями. Молодых голодных волчат Ичкерии уже не сдерживали ни добрые традиции отцов и дедов, ни суровые законы шариата.

Местная интеллигенция против такой независимости «проголосовала ногами». Многие талантливые ученые, врачи, инженеры, преподаватели вынуждены были покинуть родные места. Чеченский народ оказался в тяжелом положении: реальными стали угроза деградации, всеобщая разруха, нищета, массовая безработица. Старики годами не получали пенсии. А убийцы, преступники жили в роскошных домах, ни в чем не испытывая нужды.

Три года «независимости» привели республику к катастрофе: у массы людей отняли право на достойную жизнь. Снабжение населения практически прекратилось, школы закрылись, хотя в селах оставались преподаватели. Зарплату учителя не получали с 1995 года. В больницах и поликлиниках отсутствовали необходимое оборудование и медикаменты, во многих случаях нечем было оказать даже первую медицинскую помощь.

Пенсию выдавали крайне нерегулярно. Например, последний раз пенсионеры получали деньги в июле-августе 1997 года в размере 300–350 рублей. И без того бедственное положение населения усугублялось нехваткой электроэнергии, газа, которые раньше поставлялись из Дагестана и Ставропольского края.

Большинство предприятий простаивало. А та продукция, что производилась, например, в равнинных районах, просто «экспроприировалась» официальными властями Грозного.

Главной мишенью ошалевших от вседозволенности сепаратистов стали «инородцы»: 350 тысяч русских, побросав годами нажитое, покинули Чечню. Те же, кто остался, сполна испили горькую чашу. Но часто ли слышали и читали мы о кровавых расправах над «нечеченцами»?

А здесь своя чудовищная хроника. Зверски убит атаман Сунженской линии Подколзин, отрублены головы всем казачьим старейшинам в Червленной, публично растерзан в Урус-Мартане настоятель православной церкви отец Анатолий. Тысячи русских подвергнуты избиениям, изощренному изнасилованию… Вот только одна из множества подобных историй. Светлану М. и Ирину П. боевики во время войны держали в горном лагере в районе Бамута. Более шестидесяти чеченских бандитов сделали

двух русских девушек «мутаа» — временными женами. Не забывали ими «угощать» и уставших от боев арабских террористов.

По иронии судьбы родные Ирины, долгое время проживавшие в Казахстане, буквально спасли от голодной смерти три депортированных чеченских семьи — делились с ними последним куском хлеба. И ее, естественно, связывала с чеченцами традиционная искренняя дружба. Теперь при упоминании слова «чеченец» Ирину охватывают приступы истерики, женщина несколько раз пыталась покончить жизнь самоубийством.

Особо недоброе внимание распоясавшиеся бандиты проявляли к казакам Наурского и Шелковского районов, которых Н. Хрущев поселил в Чечне. Именно казаки в 1957 году помогли возвращавшимся из депортации вайнахам обжиться на пустом месте. Равнинные чеченцы не забыли добра, чего не скажешь о горцах из тейпов Беной и Мелхи, спустившихся с кавказских круч на благодатные надтеречные земли.

Еженедельно все русские общины Наурского, Шелковского и Надтеречного районов обязаны были отдавать бандитам по две коровы. В казачьих станицах, сопротивлявшихся новым порядкам, проводились этнические чистки. По официальным данным Министерства по делам национальностей, после первой войны в Чечне казнены более двадцати одной тысячи русских.

Летом 1999 года зверски замучен последний русский житель станицы Шелковской. Девяностолетнего старика молодые «дипломированные» террористы из учебных лагерей после долгих пыток зарезали ножницами для стрижки овец — видно, хотели растянуть удовольствие.

За последние годы чеченские бандиты захватили более 100 тысяч квартир и домов, принадлежавших русским, дагестанцам, людям других национальностей. Почти 50 тысяч своих соседей чеченцы обратили в рабство. А сколько рабов гнули спины на строительстве высокогорной дороги через Главный Кавказский хребет в Грузию, ишачили на самодельных нефтеперегонных заводах, обрабатывали маковые и конопляные плантации?! И тут невольно напрашивается вопрос: почему к подобным фактам геноцида безучастны были наши правозащитники-профессионалы Боннэр, Шабад, Ковалев и другие? Наверное, защита русских не входит в реестр щедро финансируемых дел.

На гербе самопровозглашенной республики Ичкерия красовался одинокий волк. Он считается на Кавказе самым зловещим хищником, опасным как для своих, так и для чужих. Кровь — его стихия. Волков на кавказских кручах отличает беспощадная жестокость к человеку. Именно эти качества

становятся родовыми для чеченских головорезов, воюющих под «волчьими» знаменами.

Арби Бараев. Штрихи к портрету

Первыми сделали себе имена на зверствах в отношении пленных и заложников полевые командиры Абу Мовсаев и Султан Гелисханов. Но вскоре их по всем статьям обошел молодой «талантливый» ученик из Алхан-Калы Арби Бараев. Его «за твердость к врагу» ценили зарубежные богословы-ваххабиты, с ним считались лидеры Ичкерии. На него равнялись многие чеченские юноши. Удуговская пропаганда создала из Арби национального героя.

Впрочем, надо отдать должное целеустремленности Бараева. Человек он был по-своему уникальный: за пять лет поднялся по карьерной лестнице от старшины ГАИ до бригадного генерала (аналог нашего звания генерал-лейтенанта)! Впору заносить в Книгу рекордов Гиннесса. Причем столь стремительным восхождением 27-летний чеченец обязан не блистательному уму, талантам или доблести сердца, а пролитой им человеческой крови: с января 1995 года он собственноручно замучил более двухсот человек! Причем с одинаковой садистской изощренностью издевался и над русским священником, и над ингушом-милиционером, и над дагестанским строителем, и над подданными Ее Величества королевы Великобритании.

«Палач — это не профессия, это — призвание», — откровенничал Бараев. И чем грязнее работу поручали ему политики, тем охотнее он брался: ведь за нее платили по двойному тарифу.

В советское время Арби Бараев служил в Чечне старшиной ГАИ. Работа скучная, но прибыльная. Он научился ловко брать взятки с любителей полихачить, был строг с нарушителями, но отходчив за соответствующую мзду. Начальству демонстрировал смирение и безропотно отсчитывал причитающуюся долю от поборов. Но считал, что достоин лучшего. Того, кого увлек демон честолюбия, разум уже не в силах сдержать. Приход к власти Д. Дудаева Арби воспринял как большую личную удачу, поскольку, как и многие другие чеченцы, делал ставку именно на него.

Вскоре он оказался в личной охране родственника Дудаева Султана Гелисханова (бывшего начальника Гудермесской ГАИ), которого сепаратисты назначили верховодить на северо-востоке республики. Конечно, доверие шефа к его охраннику основывалось не на пустом месте. Во-первых, их объединяла принадлежность к одному тухкуму. Гелисханов был из тейпа Ялхарой, Бараев — из тейпа Мулкой. Во-вторых, «безупречная»

служба в коррумпированной чеченской ГАИ. И в-третьих, желание выбиться наверх.

С началом первой чеченской кампании Бараев создает свой небольшой отряд который затем разросся до крупного самостоятельного подразделения.

В начале 1995-го Дудаев издает секретный указ о создании группы по захвату «языков». Руководить ею назначили Ваху Арсанова, который и вовлек своего родственника Бараева в новую сферу деятельности. Надо сказать, Арби проявил недюжинную смекалку и творческий подход: вместо российских военнослужащих стал похищать богатых чеченцев, сотрудничавших с федеральной властью. Если за них отказывалась платить официальная Москва, деньги отсчитывала родня заложников из чеченской диаспоры в России. Бизнес процветал. Самый крупный куш Бараев надеялся получить, похитив сына заместителя председателя РАО ЕЭС Нурды Усманова, которого содержал в одной из своих тюрем в Урус-Мартане.

Если деньги он делал на заложниках, то славу заслужил пытками. Особое наслаждение испытывал, издеваясь над ранеными российскими пленными. Все свои садистские изыски, по сложившейся у боевиков моде, записывал на видеопленку. Потом, обмениваясь видеокассетами, друзья-душегубы смаковали особо пикантные подробности. Именно Бараеву приписывается изобретение «чеченского лото». Для несведущих поясню: это такая игра для живодеров. Берутся три-пять (в зависимости от настроения и дозировки наркотиков) российских пленных солдат. Выходит с пулеметом в руках чеченец-«банкомет» и объясняет правила игры. На счет «раз-два» все начинают отжиматься от пола или приседать. Кто сходит с дистанции — получает пулю в голову, а победитель участвует в следующем туре.

Согласно официальной статистике, бандитами были захвачены несколько десятков тысяч человек, а освобождены только около тысячи. Конечно, каждый пленник пережил личную трагедию. Но те, что побывали в лапах Бараева, стоят особняком: им действительно пришлось пройти все круги ада.

После окончания первой чеченской кампании Бараев при негласной поддержке своего родственника В. Арсанова, вице-президента Чечни, поставил работорговлю на широкую ногу. Как считают специалисты, доходы от похищения людей в Чечне превысили даже доходы ичкерийских наркобаронов.

Через доверенных лиц он сумел установить крепкие «неформальные» связи с людьми, близкими к властным структурам в Москве. По мнению многих аналитиков, именно

Бараев стал главным торговым партнером высокопоставленных федеральных чиновников и бизнесменов, занявшихся таким прибыльным делом, как выкуп заложников.

Согласно «джентльменскому соглашению» сторон, Бараеву полагалось не более 25 процентов суммы выкупа. Большая его часть доставалась российским «освободителям». Но и этих процентов хватало, чтобы не особо стеснять себя в желаниях. Утверждают, что только от похищенного в свое время представителя Президента России в Чечне Власова он получил 7 миллионов долларов, а начальник УФСБ по Республике Ингушетия Грибов и его заместитель Лебединский были проданы за 800 тысяч долларов.

Я уже упоминал, что абсолютное большинство работорговцев гуманно относились к прибыльным заложникам. Ведь хорошую цену можно просить только за здорового ухоженного пленника. И это неписаное правило соблюдалось всеми. За исключением Бараева. Тот мог неожиданно сорваться и ради удовольствия отбить заложнику почки, а потом и замучить, наплевав на коммерческий интерес.

Когда Яндарбиев, Удугов и Басаев вознамерились расстроить «союз» Масхадова с Лондоном, проявлявшим просто неприличный интерес к Чечне и каспийской нефти, они задумали ужасный план: убийство троих захваченных в плен подданных Великобритании и гражданина Новой Зеландии. На роль главного исполнителя пригласили Арби Бараева. Он не просто убил пленных иностранцев, а отрезал им головы. Все это снималось на видеопленку.

На Западе демонстрация этих жутких кадров вызвала шок. Изнеженные гуманизмом европейцы никак не могли понять, почему так азартно соревнуются в сверхжестокости чеченские полевые командиры. Между тем Бараев старался не зря. За удовольствие посмотреть подобный «боевик» международный террорист № 1 Усама бен Ладен платил миллионы долларов.

Арби был одним из тех, кто возглавлял в июле 1998-го мятеж в Гудермесе против подразделения верной президенту национальной гвардии. Ваххабиты с земляками особо не церемонились. 13 гвардейцев были убиты в перестрелках, десятки ранены. В ответ А. Масхадов распустил «исламский полк», лишив Бараева воинского звания и наград. Арби не остался в долгу и организовал покушение на главу Ичкерии. По счастливой случайности президент не пострадал. Уже через четыре часа шеф министерства шариатской безопасности А. Арсаев по заданию Масхадова планировал акцию по уничтожению молодого да раннего ваххабитского «вождя» (настоящие лидеры ваххабизма

тем временем с интересом наблюдали за развитием событий). Но замысловатая операция пробуксовывала, пока к ней не подключился по личным мотивам заклятый друг Арби — рецидивист Р. Гелаев. Именно его охранники почти в упор расстреляли из пистолетов Бараева, но, на удивление, тот остался жив.

Своей причастностью к похищениям людей Арби наживал все новых врагов в среде влиятельных чеченских тейпов. Так, в мае 1999-го на выезде из Грозного он был ранен в спину людьми из тухкума Терлой. Каждый пятый чеченский тейп объявил ему чир (кровную месть), так что появление во многих чеченских селениях означало бы для Арби неминуемую смерть. Впрочем, не только чеченских. Такой же приговор вынесли ему и некоторые ингушские тейпы. В частности, «вендетту» объявили родственники ингушского милиционера, захваченного в июле 1997-го на КПП «Алмаз-2».

Впрочем, на неприятности этот ваххабит позволял себе нарываться и тогда, когда грубо нарушал традиции и обычаи горцев. Отмечая рождение второго сына в Урус-Мартане, счастливый отец так разошелся, что стал палить не только из автомата, но и из подствольника. Одна из гранат угодила во двор соседа и ранила подростка. Когда дедушка раненого мальчика попытался вразумить «буйствующего исламиста», тот приказал связать и избить старика. Соседи поклялись на Коране смыть это оскорбление кровью Бараева.

Поразительно, но даже после этого ему еще долго удавалось выигрывать у смерти. Пуля нашла его в конце июня 2001 года при проведении федеральными силами спецоперации в Апхан-Кале. В своем родовом селе кровавый садист был убит. А вслед за этим удалось разгромить и всю его банду.

Пришествие ваххабизма

В ночь с 21 на 22 декабря 1997 года вооруженные боевики совершили дерзкое нападение на военный городок мотострелковой бригады, дислоцированной в Буйнакске. Нападавшие (по разным источникам их насчитывалось от 40 до 60 человек) действовали группами по 8–10 человек, имели на вооружении гранатометы, пулеметы, автоматы. Они прибыли на окраину Буйнакска на «КамАЗе», «Волге» и «Жигулях» с намерением захватить технику в парке боевых машин бригады.

Бдительность проявили часовые на постах, первыми принявшие на себя огонь. Бой длился больше часа. С расстояния 400–500 метров боевики вначале обстреляли парковую зону и территорию военного городка с двух сторон. Им удалось уничтожить несколько единиц боевой техники и транспортных средств. Поднятые по тревоге дежурные подразделения не допустили прорыва боевиков в парк боевых машин. Во время боя был ранен лейтенант М. Козырев и контужен рядовой А. Совенко.

Под утро бандиты, выйдя на связь, запросили автотранспорт и стали отходить, унося тела своих убитых. По данным радиоперехвата, переговоры в эфире вели как на чеченском, так и на языках некоторых народов Дагестана.

В 7.30 утра в районе селения Инчхе бандиты у блокпоста захватили в заложники пятерых местных милиционеров. В населенном пункте бросили «КамАЗ», подожгли его, а сами пересели в захваченный ими рейсовый автобус с пассажирами (в основном женщинами) и на нем попытались прорваться в сторону Чечни.

Поднятые по тревоге подразделения внутренних войск, а также группы дагестанского спецназа перекрыли транспортные артерии, вынудили в конце концов боевиков оставить автобус и отпустить женщин. Бандиты захватили с собой в качестве живого прикрытия дагестанских милиционеров (до этого такую роль выполняли местные жители). При прорыве бандгруппы к административной чечено-дагестанской границе один террорист был убит и трое ранены.

В населенном пункте Дылым банда разделилась на две части. Основная, используя горную местность и сильный туман, ушла в Чечню, другая скрылась в горах.

Власти Дагестана официально затребовали у Грозного выдачи преступников, совершивших нападение на воинскую часть в Буйнакске. Председатель Госсовета Магомедали Магомедов специально связался по этому поводу с руководством Чечни.

Здесь есть одна любопытная деталь: всего за четыре дня до этого состоялся «круглый стол» «Дагестан — Чечня: мирные инициативы», где стороны в лице первых заместителей глав правительств двух республик высказали решимость совместно бороться с преступностью. Но, как и следовало ожидать, никакой реакции со стороны Масхадова по поводу этой провокационной акции чеченских боевиков не последовало.

Стоит отметить, что Хасавюртовское направление на административной границе с Чечней в то время считалось самым напряженным. Именно здесь было совершено большинство терактов против российских военнослужащих, особенно подрывов бронетехники. Появление же боевиков в Буйнакске объясняется в первую очередь тем, что заставы федеральных сил вдоль административной границы с Чечней находились зачастую на удалении 10–15 километров друг от друга и просто физически не могли контролировать все приграничное пространство. Сказалось, видимо, и то, что прилегающие к Буйнакску территории почти наполовину заселены чеченцами-аккинцами, — некоторые из них оказывали активную помощь бандгруппам.

Что касается мотострелковой бригады, дислоцированной в Буйнакске, то в тот период она оказалась в центре внимания не только чеченских боевиков, но и дагестанского уголовного мира: незадолго до этого там было взорвано офицерское общежитие. Лишь по счастливой случайности никто не пострадал. Солдатам и офицерам бригады, преимущественно русским, открыто угрожали расправой, на территории военных городков разбрасывались листовки с требованиями убираться из Буйнакска. Нередки были случаи избиения военнослужащих. А массовые похищения солдат осенью 1998 года еще больше обострили ситуацию.

Чего греха таить, подобное происходило при попустительстве местных властных структур и правоохранительных органов; безнаказанные террористические акты и похищение людей, взрывы на вокзалах и рынках, угоны автомобилей и скота к тому моменту на Северном Кавказе стали обыденным явлением.

Все 1990-е годы здесь набирало силы новое радикальное религиозное течение — ваххабизм, которое очень скоро приобрело отчетливую политическую окраску. И немудрено: Чечня превращалась в своеобразный инкубатор по выращиванию ваххабитов. Их представители укрепляли свои позиции во власти. А. Масхадов, поначалу боровшийся с «радикалами», вынужден был смириться с религиозным экстремизмом, по крайней мере на деле. А те все активнее расширяли зоны своего влияния и к концу 1997 года уже не скрывали своих претензий на приход к власти в Дагестане и ряде других северо-кавказских республик.

В многонациональном Дагестане ваххабиты появились после первых массовых паломничеств местных мусульман к святым местам в Мекке и Медине. И хотя ваххабитское учение чуждо религиозному мировоззрению дагестанских мусульман-суннитов, община «чистых мусульман» росла как на дрожжах. На долларовых «дрожжах» из Саудовской Аравии — государства, где ваххабизм является официальной идеологией.

Надо заметить, аравийские шейхи сделали удачный выбор в сложной геополитической игре. Массовая безработица среди — молодежи на Кавказе, утрата достойных жизненных ориентиров, унизительное материальное положение — все это создавало благодатную почву для любых разновидностей радикализма. А тут еще каждый новообращенный на первых порах получал от бородатых ваххабитов подарок в тысячу долларов. Пять тысяч «зеленых» весила премия за приобщение к новой вере еще пятерых человек. Ежемесячная зарплата активистов составляла от 300 до 700 долларов. Только в 1995 году всевозможные радикальные исламские центры затратили на пропаганду ваххабизма в Дагестане 17 миллионов долларов. Ведь традиционный для Кавказа ислам суннитского толка, подчеркну еще раз, не годится в качестве «революционной базы», плацдарма для наступления экстремизма.

Можно вспомнить, как в республике развернулось сражение за души мусульман между Духовным управлением мусульман Дагестана и сектой ваххабитов, обвинявшими друг друга в ереси. Первые убеждали словом истинной веры, вторые совали в руки бедняков деньги, за что ваххабизм и был назван в народе «долларовым исламом».

Если раньше сектантам хватало терпения вести с суннитами научно-религиозные споры, то позже они избрали другую тактику. Ваххабиты направляли основные усилия на разложение ислама изнутри, всячески дискредитировали мулл и имамов традиционного толка. А стоило уважаемому в республике религиозному деятелю выступить с отповедью ваххабизму, его заставляли замолчать навсегда. Так, в 1998 году был подло убит муфтий Дагестана Саид Мухамед-Хаджи Абубакаров, посмевший с трибуны Народного собрания открыто критиковать ваххабитов за раскольничество. Приблизительно в то же время был зверски убит бывший глава села Карамахи, откуда после кровавых столкновений изгнали мусульман-суннитов.

Всего за три года небольшая группа карамахинцев (8 человек) разрослась до нескольких тысяч хорошо вооруженных боевиков, которые в 1999 году создали в Дагестане свою «независимую территорию», куда входили селения Карамахи, Чабанмахи, Кадар.

Лидеры «Исламского сообщества Дагестана» («Джамаат»), созданного ваххабитами, своей конечной цели не скрывали — выход из состава России и построение совместно с Чечней исламского государства нового типа. При этом рассматривались два сценария прихода к власти: первый — через выборы, второй — вооруженным путем. Согласно второму варианту, повстанческие отряды занимают несколько районов республики, а затем сформированное правительство ваххабитов от имени народов Дагестана обращается к Чечне за помощью в борьбе с Россией. Ожидалось, что немедленную военную помощь — открыто или тайно — окажут повстанцам Пакистан, Саудовская Аравия, а также Турция, заинтересованная в транзите каспийской нефти через свою территорию.

Для реализации силового варианта «Джамаат» имел собственные «боевые соединения». Около шестисот боевиков этого отряда получили боевое крещение во время первой чеченской войны. Почти все они воевали под началом полевого командира Хаттаба. Наиболее способные террористы прошли стажировку в Пакистане: утром штудировали Коран, днем и вечером повышали диверсионное мастерство.

Между боевыми соединениями ваххабитов и так называемой армией генерала Дудаева во главе с С. Радуевым был подписан военный договор о содействии «в освобождении Кавказа от Российской империи». На радуевских базах проходили подготовку не только солдаты «Джамаата», но и чеченцы-аккинцы, проживающие в Хасавюртовском районе Дагестана.

Возглавляя в свое время Гудермесский райком комсомола, Радуев обзавелся хорошими связями в соседнем районе. Во всяком случае, чувствовал он себя здесь, по словам чеченцев-аккинцев, не гостем, а хозяином. И не скрывал раздражения, когда встречал аварцев, которых не любил.

Наибольшее распространение ваххабизм получил в Кизилюртовском районе, где располагался крупнейший в России центр «долларового ислама» — «Центральный фронт освобождения Дагестана». От кого ваххабиты собирались освобождать республику, объяснять не приходится. Причем слова их не расходились с делами. «Освободители» создали несколько «фронтов» в республике. Они были прекрасно оснащены технически — имели спутниковую связь, склады с боеприпасами и оружием, издательство, специализирующееся на выпуске антирусской и антиармейской литературы, которую распространяли прежде всего там, где располагались российские военные объекты.

Вот цитата из обращения «Центрального фронта»: «О братья-

мусульмане! Если мы сейчас не изгоним российских собак со своей территории, то можем потерять наш народ навсегда, как это случилось в других республиках, где побывали эти русские сволочи… Мы решили идти путем джихада, и перед нами два пути: или победа, или шахадат».

Эта экстремистская организация взяла на себя ответственность за нападение в декабре 1997 года на мотострелковую бригаду в Буйнакске. После этой наглой вооруженной вылазки кизилюртовские сектанты во главе со своим духовным лидером Бугаутдином Магомедовым вынуждены были перебраться в новую столицу северокавказских ваххабитов — в чеченский Урус-Мартан.

Любопытно откровение полевого командира Шамиля Басаева, который назвал кровавые бои объединенных чеченских и дагестанских ваххабитов с масхадовскими силами «битвой за душу Дагестана».

Именовавший себя командующим повстанческой армией дважды судимый М. Тагаев объявил 1999 год «годом очищения Дагестана от всех русских».

Показательна военная иерархическая лестница ваххабитов, где высшие ступени отводились исключительно чеченцам. А дагестанские парни, похоже, должны были выполнять всю грязную кровавую работу. И уже одним этим им давали понять, что в «кавказской семье» ваххабитов Чечня — «жених», а Дагестан — «невеста». И женщина должна знать свое место.

Многие на Северном Кавказе упрекали З. Яндарбиева, М. Удугова, Ш. Басаева, С. Радуева за поддержку ваххабизма, имеющего арабские корни. Ведь если исходить из интересов чеченского народа, то не следовало поощрять исламских «ультра». Однако сведущие люди знали, что у чеченских лидеров иные приоритеты. Во-первых, наиболее авторитетные полевые командиры давно и прочно связали судьбу с интересами своих арабских хозяев. Не идет каспийская нефть через Турцию или через Россию — значит, еще больше прибыль арабских шейхов от аравийской нефти. А что может быть милее шелеста денег?

Во-вторых, только ориентируясь на арабов, можно сыграть «свадьбу» с Дагестаном и прорваться к морю. Вплоть до осуществления этих планов интересы чеченских полевых командиров полностью совпадали бы с интересами ближневосточных нефтяных монархий.

Успешное завершение объединения двух соседних республик позволяло не только выйти из «союзнических планов», но и упразднить деятельность ваххабитских организаций. Поскольку в этом случае для развития экономики чеченцам нужна была не

только дешевая рабочая сила из даргинцев, лезгин, русских, но и бесперебойно работающая нефтяная труба. Куда должна идти нефть? Нет, не в Новороссийск, а в грузинский порт Супсу… Несколько лет в большой тайне по руслу реки Аргун строилась новая горная дорога через Главный Кавказский хребет в направлении Итум-Кале — Шатили. По ней-то и планировалось пустить нефте- и газопроводы в Грузию. Так что действия чеченских сторонников ваххабитов были последовательны и логичны.

В этой связи интересно высказывание А. Масхадова на одном из митингов в Грозном:

> «В войну, будучи начальником Главного штаба, я думал, что мы знаем о том, что происходит в Афганистане и Таджикистане. Что и там, наверное, начиналось так же. В тяжелые дни войны они, щедро финансируемые, проводили свою идеологию. После войны, не поняв этой идеологии, мы занялись дележом должностей. Желая сделать из них единомышленников, мы заигрывали с ними, потакали им. Теперь мы пожинаем плоды нашего поведения. Сегодня, разбираясь с последствиями этого религиозного течения, мы должны сказать, что недооценили его роль. А потому пришли к сегодняшнему итогу».

Увы, Масхадову не хватило мужества побороть ваххабизм. Он сдался под напором оппозиции.

Ваххабиты обычно ведут аскетическую походную жизнь. Война с неверными и плохими мусульманами до победного конца не предусматривает сантиментов. Но когда разговор заходит о Хаттабе, лица суровых «моджахедов» светлеют: это их путеводная звезда. К каждой машине ваххабитов Хаттаб велел прикрепить черные флаги — знаки «священной войны» с неверными. Публично он выступал крайне редко, но накануне вторжения в Дагестан объявил эту республику очередным фронтом, где развернется «газават».

Чечня давно привлекала внимание и другого арабского террориста — Усамы бен Ладена. Во-первых, масхадовская оппозиция в лице Удугова, Басаева, Яндарбиева готова была на альянс с любым богатым дядей, если он борется с «евреями и крестоносцами». Во-вторых, здесь обосновалось немало друзей Усамы по Афганистану, другим «горячим точкам».

Весной 1999 года в пакистанском Пешаваре прошли

переговоры Радуева и людей бен Ладена. А вскоре в столицу афганских талибов Кандагар поспешил представитель «чеченского МИДа», который обсуждал вопрос переезда саудовского миллионера-террориста в Чечню. По мнению издающейся в Лондоне арабской газеты «Хаият», в случае необходимости проблема предоставления убежища бен Ладену была бы решена.

Именно Усама больше других приложил руку к агрессии чеченских ваххабитов по отношению к Дагестану. Его тесть мулла Омар дал благословение (фетву) на нападение. Сам бен Ладен не только перевел Басаеву и Хаттабу более 30 миллионов долларов, организовал поставки оружия и боевую подготовку, но и лично посетил диверсионные лагеря под чеченским селением Сержень-Юрт накануне вторжения в Дагестан. Об этом со ссылкой на ведущих американских экспертов сообщила газета «Филадельфия инкуайрер».

По словам одного из советников конгресса США Ю. Богдански, признанного специалиста по бен Ладену, саудовский миллионер-террорист участвовал в планировании военных действий в Дагестане еще с весны 1998 года вместе с Басаевым, высокопоставленными офицерами пакистанской разведки и лидером суданских исламистов Хасаном аль-Гураби.

Претензии ваххабитов на высшую государственную власть отвергаются во всех странах (за исключением Саудовской Аравии и Пакистана). Даже в случае победы на выборах радикальных исламистов их стараются не допускать к рулю управления государством. Так было в Алжире в 1992 году, так было в Турции, когда военные вынудили уйти в отставку получившую большинство голосов избирателей «Партию благоденствия», как только она попыталась наладить контакты с мусульманскими радикалами. В Египте ведется беспощадная борьба с ваххабитскими группировками.

Мы же, увы, никак не могли избавиться от комплекса неполноценности, робели, стеснялись нанести по ваххабизму мощный удар (прежде всего юридический и политический). Россия решила ускоренно цивилизоваться, опираясь на базовые ценности и Запада, и Востока, а значит, не должна забывать и выстраданный ими опыт: сначала приходит миссионер, затем купец, затем солдат.

Между тем долгое время миссионерская деятельность ваххабитов у нас почти никем не контролировалась. В мечетях регулярно выступали заезжие служители «чистого ислама» из Турции, Саудовской Аравии, Иордании, обливая грязью местное мусульманское духовенство, поощряя смуту и раздор.

В Кабардино-Балкарии вдохновлял правоверных мусульман египтянин Терик, в Карачаево-Черкесии ему вторил некий Биджи-улу, объявивший себя «имамом Карачая». Росли как грибы после дождя «приходы» ваххабитов на Ставрополье, в Ростовской (Новошахтинск) и Волгоградской (Волжский) областях, в Астрахани. А в дагестанских селениях Карамахи и Чабанмахи они открыто, чуть ли не официально, установили свою власть.

А что же Москва? Да ничего. В то время премьер-министр С. Степашин посещает логово ваххабитов в Дагестане («Кадарская зона») и остается вполне доволен. «Хорошие, добрые парни, — успокаивает он общественность. — Труженики». Мало того, глава правительства послал дагестанским ваххабитам гуманитарную помощь! В Махачкале только руками развели. Что тут скажешь? Комментарии излишни.

Через полгода эти сельские «труженики», используя годами подготовленную и хорошо укрепленную оборону, полмесяца сдерживали удары авиации и артиллерии федеральных войск…

Парадокс! Видимо, такое, к сожалению, может случиться только у нас. Масхадов в Чечне больше двух лет (!) боролся с ваххабизмом, дошло до вооруженных стычек, а Москва не только не ударила палец о палец, чтобы ему помочь, но и для уничтожения экстремистских группировок в глубине своей территории ничего не сделала. В общем, на Юге России были созданы все условия для распространения ваххабизма по всему Кавказу. Все было готово для войны.

Аслан Масхадов. Штрихи к портрету

Российские либералы долго пытались найти среди одиозных чеченских сепаратистов хоть одно человеческое лицо, пока не остановились на Аслане Масхадове. Они считали его той политической фигурой, с которой вполне можно иметь дело без особого ущерба для своей репутации. Со временем, разочаровавшись, многие из них признали, что сделали не тот выбор: внешне импозантный, рассудительный ичкерийский лидер оказался прямым соучастником кровавых преступлений. К тому же с годами он стал сдавать и ослаб настолько, что напоминал волка Акелу, промахнувшегося на охоте и ожидающего пинка от молодого и наглого конкурента-вожака.

Аслан Масхадов родился 21 сентября 1951 года в Казахстане, в селе Шанай Карагандинской области. Через шесть лет вместе с семьей вернулся в Чечню. Окончив среднюю школу в ауле Зебир-Юрт, он по воле старейшин поступил в Тбилисское высшее военное артиллерийское училище.

После окончания в 1972 году военного вуза Масхадов по распределению уехал служить на Дальний Восток в должности командира взвода. Профессионализм, старательность, требовательность к себе и подчиненным быстро вывели офицера в категорию перспективных. Он уверенно шагал вверх по карьерной лестнице.

По окончании в 1981 году Военной артиллерийской академии имени М. И. Калинина Масхадова назначают начальником штаба артполка, дислоцировавшегося в венгерском городе Сегед (Южная группа войск). С 1986 года служба полковника Масхадова проходила в дивизии, размещавшейся в Вильнюсе (Прибалтийский военный округ). Сначала, в течение четырех лет, он командовал самоходным артполком. По свидетельству сослуживцев, Масхадов выделялся на общем фоне особым стилем работы.

Его часть всегда была на хорошем счету: в 1989 году стала первой в дивизии, а в следующем году признана лучшей в Прибалтийском военном округе по боевой и политической подготовке. Однако в дивизии о его полку говорили так, как говорят обычно об отличнике-зубриле — уважительно, но без душевной симпатии. Не могло оставаться незамеченным чрезмерное увлечение командира строевыми смотрами и тотальное давление на сослуживцев через партийное бюро и офицерское собрание. За любое упущение с подчиненных он спрашивал по всей строгости.

С уходом Масхадова в декабре 1990 года на повышение некоторые подчиненные облегченно вздохнули. Однако новая должность начальника ракетных войск и артиллерии дивизии не принесла особой радости. И дело даже не в рабочих перегрузках, — тяготила сама обстановка в республике.

Драматические январские дни 1991 года его соединение встречало в полной готовности по первому же приказу Верховного главнокомандующего подавить мятеж сепаратистов, провозгласивших независимость Литовского государства. «Не понимаю, — говорил он сослуживцам, — ну чего этим литовцам не хватает?..»

Но события приняли другой оборот. Президент СССР поспешно ретировался. Силовое решение «литовского вопроса» отложили. Дивизию, где служил Масхадов, решено было передислоцировать и расформировать. Масхадов понял, что союзная власть уже не та, что раньше. Пойдя на уступки одной национальной республике, она вынуждена была делать это и по отношению к другим.

На этом неспокойном политическом фоне разгорался, словно костер на ветру, конфликт председателя совета Офицерского собрания дивизии Масхадова и нового комдива Фролова.

Дивизии предстояло перебираться в Ленинградскую область, чуть ли не в чистое поле. Естественно, многим офицерам не особо хотелось менять европейский Вильнюс на провинцию, да еще с неясной перспективой. «Непонимание ситуации», которое прикрывалось требованием социальной защиты военнослужащих, грозило вылиться в огромный скандал. Масхадов открыто демонстрировал руководству соединения свой особый взгляд на возникшую проблему. Ехать на новое место, без карьерного продвижения, ему не хотелось. В конце концов комдиву Фролову надоели выкрутасы подчиненного, и он прилюдно назвал Масхадова трусом и саботажником. На что тот немедля подал рапорт об увольнении и был исключен в конце 1991-го из списков части и уволен.

К слову, жена, дочь и сын Масхадова уже давно ждали его в Чечне, к тому моменту провозгласившей независимость.

Дудаев очень нуждался в кадровых офицерах, поэтому сразу же назначил Масхадова начальником гражданской обороны ЧР. На самом деле это ведомство курировало хищения из арсеналов Российской армии вооружения и техники.

Не без участия руководителей этого ведомства были захвачены десятки тысяч единиц стрелкового оружия, танки в Шали, самолеты в Ханкале и много чего другого, интересовавшего боевиков. А если есть оружие, оно должно

стрелять. «Воинствующий национализм» заслонил все обычные житейские проблемы, кажется, он пропитал сам воздух чеченской столицы. Демобилизованный полковник включился в борьбу с отрядами оппозиции в Надтеречном, Урус-Мартановском, Гудермесском районах, но славы не добился, чинов не заслужил. Все мимо.

Звездный час Масхадова пробил после ввода российских войск в Чечню. За грамотную организацию обороны президентского дворца Дудаев назначил его в конце 1994 года начальником главного штаба чеченских вооруженных формирований. Неудачный новогодний штурм наших войск Грозного еще больше укрепил его репутацию военачальника.

Судьба неоднократно выказывала ему знаки расположения. Однажды мощная авиабомба, пройдя, словно нож через масло, сквозь здание дворца, зацепилась за потолок бункера в нескольких метрах от Масхадова и не разорвалась. В этом бункере, кстати, он допрашивал пленных российских солдат и офицеров, после чего многих из них расстреляли.

Он закупал вооружение для мятежников, распределял новоприбывших добровольцев и наемников.

Некоторые отечественные и зарубежные СМИ «сотворили» из Масхадова этакого благородного рыцаря сопротивления, будто не он отдавал приказы произвести террористические акты в Ставропольском крае, в Ингушетии и Дагестане и не он автор кровавых рейдов на Буденновск и Кизляр. На одном из совещаний полевых командиров он заявил: «Мы сделаем так, что Россия будет сама просить о мире».

Как известно, его подчиненные постарались на славу: сняли кожу с живого прапорщика-мусульманина в буденновской больнице, замучили роженицу в Кизляре… Их кровь на руках «гуманиста» Масхадова. Для него на войне все средства были хороши. Но это выяснилось позже. А поначалу мало кто, в том числе и я, знал, какова его настоящая сущность.

В первую чеченскую кампанию он, как помнит читатель, выступил в качестве переговорщика-замиренца, но одновременно пресекал любые попытки контактов полевых командиров и местной общественности с российскими военными. Так, в феврале 1996-го по его приказу был арестован в Шатое за ведение мирных переговоров командир батальона спецназа «Борз» Таус Багураев, который по-настоящему хотел мира и готов был разоружиться. А вот Масхадов, по большому счету, этого мира не хотел и на переговоры и моратории смотрел (и это теперь понятно) исключительно как на методы продолжения войны с Россией в новых условиях.

Масхадов вслух возмутился по поводу фактов работорговли, а на практике прямыми указаниями поощрял захват заложников. Серьезный спор относительно дальнейшей судьбы многочисленных чеченских рабов произошел у него с Басаевым. Басаев — бандит откровенный — предлагал рассматривать их в качестве гаранта безопасности чеченских боевиков, находящихся в российских тюрьмах. Масхадов же осмотрительно отстаивал возможность шире использовать известных заложников в торгах с Москвой. Как в этой связи не вспомнить о похищении в Грозном полномочного представителя Президента России В. Власова или генерала Г. Шпигуна?

Чтобы укрепить позиции националистов соседних республик и отвлечь боевиков от междоусобицы, А. Масхадов после первой войны попытался выступить в роли освободителя всех северокавказских народов и распространить таким образом очаг сепаратистских волнений на весь Юг России.

Согласно заявлению, опубликованному в чеченской прессе, он видел Кавказ «единым, свободным и объединенным». Союз горских народов представлялся ему в виде Кавказской конфедерации, естественно, со столицей в Грозном.

После подписания Хасавюртских соглашений его авторитет возрос не только среди боевиков, уважавших начштаба за профессионализм и заботу о личном составе при проведении операций, но и среди обычных жителей, видевших в нем победителя. Даже в пророссийски настроенном Урус-Мартановском районе (здесь проживали представители тейпов Д. Завгаева и Б. Гантамирова) Масхадова считали наиболее приемлемой фигурой для руководства республикой.

Существовал и еще один важный для чеченского общества аргумент, который сделал Масхадова в глазах населения республики наиболее предпочтительным претендентом на президентский пост, — это знатное происхождение. Он принадлежит к одному из самых больших чеченских тейпов Аллерой, входящего в тейп Нохч-Махкхой. Тейп Аллерой наряду с тейпом Эгхашбатой еще председатель КГБ СССР В. Крючков называл оплотом сепаратизма.

Родовое гнездо клана Масхадовых находится в селении Аллерой, что на границе с Дагестаном. Оно хорошо известно не только из истории кавказских войн прошлого века, но и в новейшей истории. Именно Аллерой стал первой «демилитаризованной» зоной, где не велись боевые действия в 1994–1996 годах, благодаря чему масхадовские мини-заводы по переработке «левой» нефти, расположенные в окрестностях поселка, приносили его клану прибыль в полторы тысячи

долларов ежедневно.

Именно через Аллерой ваххабиты в августе 1999 года вели нападение на соседний Дагестан. Вряд ли это простые совпадения.

У тейпа Аллерой была даже своя «карманная» политическая партия — «Чеченское исламское государство», образованная в августе 1997-го с целью укрепления политических позиций своего лидера.

Победе Масхадова на президентских выборах старейшины тейпа Аллерой, говорят, радовались как дети. Кроме морального удовлетворения это обещало и вполне конкретные, осязаемые материальные блага.

И не случайно свои первые серьезные кадровые удары он нанес по главным соперникам во внутриполитической борьбе — тейпам Мелхи (Х. Яриханов) и Беной (Ш. Басаев). В результате кадровой «зачистки» на главных постах в ичкерийском правительстве остались главным образом представители тейпов Аллерой и Гордалой (тейп жены Масхадова).

В обычной стае за вожаком спокойно следуют и остальные особи. Но только не в волчьей, где своя социальная организация, свои законы. Здесь вожак должен бежать быстрее других, так как многие самцы норовят схватить за задние лапы и занять его место. Может, поэтому волчьи «авторитеты» так недолговечны.

Многие иностранные государства видели в Масхадове правопреемника Дудаева и не скупились на выражение солидарности. Но особые симпатии к новому хозяину Чечни выказывала Великобритания, вернее — часть влиятельных представителей промышленно-политических кругов. За симпатиями, разумеется, скрывался корыстный интерес — нефть. Английские джентльмены так увлекли президента Ичкерии планами возрождения экономики республики, что тот допустил серьезную ошибку, имевшую для него роковые последствия: забрал то, что не принадлежало ему, а именно «Южную нефтяную компанию» (ЮНК), которую уже давно контролировал тейп Мелхи.

В тот момент компания уже почти оформила взаимовыгодный контракт с Россией. А это не входило в планы ребят с берегов туманного Альбиона. Поэтому, по их подсказке, Масхадов компанию расформировал, а ее председателя Х. Яриханова уволил. Тут-то все и началось.

После такой пощечины бывший лидер Чечни З. Яндарбиев спешно отправился за рубеж в поисках влиятельных союзников. И нашел понимание в Саудовской Аравии, Омане, Турции. За спинами его новых друзей маячила тень вездесущего Дядюшки

Сэма.

Столкнулись нефтяные интересы партнеров по НАТО — Англии и США. Дружба дружбой, а табачок врозь. Конечно, просто так не раскошеливаются и сверхбогатые арабские шейхи, даже по просьбе друзей-американцев. Им, как и любому инвестору, нужен был свой интерес в чеченской политической игре. А заполучить его они рассчитывали с помощью такого идеологического оружия массового поражения, как ваххабизм.

Масхадов слишком поздно понял эту опасность. В одном из публичных выступлений он заметил: «Самое страшное нарушение Конституции — это когда существует две идеологии: традиционная мусульманская вера и ваххабизм. Страшнее нет». Но воевать с бывшими однополчанами не хотелось. Попытался было, но столкнулся с ожесточенным сопротивлением. До конца идти не решился. Хотя тогда его многие бы поддержали — и муфтий Чечни (в то время А. Кадыров), и Духовное управление мусульман России, и многие полевые командиры.

Масхадов пытался перехватить инициативу, но фортуна на этот раз отвернулась от него. Бывший коммунист-безбожник даже вынужден был отрастить бороду, как того требовал Ш. Басаев.

Раскол в рядах чеченских сепаратистов с каждым днем становился все глубже. Боевики разделились на две враждующие группировки: проанглийскую во главе с Масхадовым и проарабскую, в которую вошли Э. Хаттаб, М. Удугов, З. Яндарбиев, Х. Исрапилов, С. Радуев, Ш. Басаев. К последней примкнули позже и многие полевые командиры.

На угрозы Масхадова разоружить вконец зарвавшихся ваххабитов последовал незамедлительный и очень расчетливый ответ: похищение и ритуальная казнь троих англичан и новозеландца. После случившегося ни о каких дальнейших контактах с Лондоном не могло быть и речи. И вообще, на Западе заметно охладели к официальному Грозному, проявившему полное бессилие…

Отныне внутриполитическая ситуация становилась все более неуправляемой. Опытный воин оказался слабым политиком. И этим обстоятельством не преминули воспользоваться проходимцы, люди сомнительной репутации, а то и просто уголовники. Правительство погрязло в коррупции, но стоило Масхадову отправить какого-нибудь министра в отставку за злоупотребление служебным положением, как он тут же перебегал в лагерь противника. Республику, оказавшуюся де-факто независимой, захлестнул вал уголовного беспредела (похищение людей, убийства, грабежи, подпольный нефтебизнес). Обнаружилась полная экономическая и правовая

недееспособность власти. Обострился кризис на межтейповой основе. Можно было только посочувствовать незавидному положению А. Масхадова.

А между тем оппозиция перешла в открытую атаку, выдвигая против ичкерийского президента все новые и новые обвинения. Громче других звучали возмущенные голоса Басаева, Исрапилова, Радуева, которые предложили парламенту за «тягчайшие преступления, совершенные Масхадовым против чеченского народа и государства» отстранить президента от должности. «Пока Масхадов не уйдет — мы не успокоимся», — заявил однажды Басаев.

От слов ваххабиты перешли к делу. 13 июля 1998 года они предприняли первую попытку государственного переворота в Гудермесе. Через десять дней они же организовали покушение на жизнь Масхадова. Президент Ичкерии уцелел, но потерял стратегическую инициативу и в конце концов сдался на милость победителей.

Когда все ожидали от него решительного осуждения агрессии ваххабитов против Дагестана, он промолчал и фактически оказался заодно с бандитами. Мало того, вскоре четко обозначил свою позицию, позволив себе вопиющую для правоверного мусульманина дерзость: приговорил к смертной казни муфтия Чечни А. Кадырова за то, что тот так и не смирился с ваххабитами и высказался против их действий в Дагестане, — другими словами, за то, что действительно желал мира своей земле. Никогда еще в истории не случалось такого, чтобы магометанин, тем более высшее духовное лицо, нес наказание за стремление к миру. Говорят, за это Масхадову предстоит держать ответ перед судом Всевышнего. Так или нет, живые не знают, а Масхадов сегодня мертв. Суд человеческий, к великому сожалению, он уже никогда не испытает.

Глава 8
Вторжение в Дагестан

Жаркий август

В начале августа 1999 года я оставался в Ростове-на-Дону за командующего войсками округа — Казанцев находился в отпуске, и я, его штатный заместитель, исполнял обязанности «первого лица».

Я давно начал вести дневник. Не всегда получалось, правда, выдерживать каждодневную хронологию: времени не хватало, и масса других причин. Но тогда мне удалось подробно зафиксировать драматические события в Дагестане. Привожу свои записи практически дословно, без купюр. Изменен только (по вполне понятной причине) позывной агента, работавшего в то время в стане боевиков.

3 августа

9.00

На меня вышел начальник Генерального штаба (НГШ) А. Квашнин. Приказал в течение двух суток провести рекогносцировку в районе населенных пунктов Ботлих, Агвали, Хунзах. Перебросить туда один парашютно-десантный и один мотострелковый батальоны. Генерала В. Булгакова (в то время заместителя командующего войсками СКВО по чрезвычайным ситуациям) отправить в Каспийск готовить эти батальоны к совершению марша.

10.45

Звонит Квашнин. Я уточнил задачу по выдвижению батальонов.

11.00–12.00

С аэродрома Буденновска ушли на Каспийск в личное распоряжение Булгакова один вертолет МИ-8 и два МИ-24 — для сопровождения колонн.

12.05

Лично переговорил с командиром дивизии десантников генералом Кривошеевым и командиром 136 омсбр полковником Эдиадзе и довел до них задачу, поставленную НГШ, на перебазирование батальонов в Ботлих.

12.55

В Каспийске сел самолет с генералом Булгаковым.

14.00

На меня вновь вышел НГШ: запросил о прибытии Булгакова в Каспийск. Я доложил ему о постановке мною задач Кривошееву и Элиадзе на перемещение батальонов.

14.45

Вышел на связь по телефону генерал А. Сидякин (в то время командующий 58-й армией), доложил о своем прибытии в Каспийск. Сообщил, что через 30 минут убывает в Агвали для оценки обстановки и проведения рекогносцировки района.

16.20

Вышел по телефону НГШ. Приказал добавить на время выдвижения батальонов два МИ-8 и два МИ-24. Запретил производить дозаправку вертолетов и их базирование в селе Хунзах. Напомнил: перед началом и в ходе выдвижения не забудьте на господствующих высотах высадить небольшие группы спецназа для пропуска колонн. Отыскать хорошее место в районе для посадки вертолетов.

4 августа

8.05

Переговорил с генералами Булгаковым и Сидякиным. Приказал им провести рекогносцировку обоих маршрутов, но нижнего — очень аккуратно, чтобы не вызвать подозрений. Обязательно встретиться с министром внутренних дел Дагестана и обговорить с ним все вопросы, а затем позвонить НГШ.

9.20

Вышел на связь по телефону НГШ. Я доложил ему обстановку по делам в округе. (Часовой рядовой Мальков уснул на посту. Проснувшись, обнаружил пропажу автомата и магазина с патронами.) Получил от НГШ соответствующее внушение. По Дагестану — 10 обстрелов за ночь.

Доложил, что Булгаков и Сидякин убывают на рекогносцировку маршрутов.

НГШ приказал:

— Булгакову, Сидякину и Тинамагомедову (военком Дагестана) встретиться с руководством МВД Дагестана и обговорить все вопросы по Ботлиху;

— создать в Ботлихе и Махачкале временные пункты управления (ВПУ). Там должны быть только офицеры от оперативного управления округа, артиллерии и армейской авиации, инженер, связист и разведчик (лишних не должно быть!);

— обязательно привлечь офицеров внутренних войск МВД России и местной милиции;

— район ВПУ создать в виде укрепрайона — с блиндажами, укрытиями, ходами сообщений, окопами и траншеями. Там же оборудовать опорный пункт с огневыми позициями для артиллерии и место стоянки для вертолетов. Выбрать места для складов, в том числе для ГСМ, боеприпасов и продовольствия;

— предусмотреть управляемые минные поля, колючую проволоку, а где надо — напрочь заминировать (огородить, чтобы свои не подорвались);

— на их инженерное оборудование даю 20 суток.

13.45

Позвонил НГШ:

— один пункт управления — в Ботлихе. На первые 10–15 дней руководство возложить на Булгакова, а затем решением командующего войсками округа назначить кого-либо из замов командующего 58-й армии. Второй пункт управления — в Махачкале;

— в Цумадинском районе сядет батальон внутренних войск. От него одного офицера забрать к себе на ВПУ для организации взаимодействия;

— сам буду в Ботлихе в понедельник 9 августа (секрет!).

13.50

Получил шифрограмму об усилении разведки на всей территории округа и особенно в Дагестане.

17.30

Получена шифровка из Москвы. В ней говорится, что избран президиум так называемого «Кавказского дома по освобождению Чечни и Дагестана» (во главе с Удуговым, братьями Басаевыми и Хачилаевыми), утвержден ими план проведения мятежа в Махачкале. Начать его они предполагают в период с 5 по 8 августа. Согласно этому плану, город будет разбит на зоны ответственности чеченских полевых командиров и дагестанских ваххабитов. Боевики намерены прибегнуть к захвату заложников в наиболее людных местах, после чего официальным властям Дагестана будет предъявлен ультиматум о добровольном уходе в отставку. Осуществлена переброска 600 боевиков через чеченское село Кинхи в дагестанский Ботлих с последующим проникновением в Махачкалу и ее пригороды. Боевики намерены активизировать отвлекающие маневры на чечено-дагестанской границе, а также совершить отдельные диверсионные акты на различных объектах, в том числе и в пункте перегрузки нефти в Избербаше.

22.45

Получил от начальника разведки округа информацию о том, что сегодня днем в селе Верхний Годобери автомобиль УАЗ-469 с шестью боевиками попал в засаду. Сотрудники патрульно-постовой службы МВД Дагестана в результате перестрелки убили 2 боевиков и захватили автомобиль.

5 августа

6.00

Начали марш в указанный район колонны усиленных батальонов десантников и мотострелков (личного состава более 800 человек и около 300 единиц боевой и другой техники).

7.15

Переговорил с Сидякиным.

7.30

Переговорил с Булгаковым.

8.20

Вышел НГШ:

— доложил ему обстановку по Дагестану;

— он выслушал мой доклад по выдвижению колонн и потребовал периодически докладывать по ходу марша.

9.00

Командир 136-й бригады полковник Элиадзе доложил о своевременном прибытии батальона в назначенный район. Проблем пока нет.

В течение всего дня поступали доклады от Булгакова о прохождении колонны десантников. Несколько раз звонил НГШ. Торопил с выдвижением второго батальона.

21.30

Вышел на меня НГШ. Сообщил, что Указом Президента РФ генерал В. Шаманов назначен командующим 58-й армией. Дал информацию, что сегодня возможны нападения на блокпосты вдоль границы, особенно в Цумадинском районе. На 2. 00 якобы объявлен сбор боевиков на окраине Ведено с последующей переброской в Ботлих.

21.45

Сориентировал в этом вопросе Булгакова и Элиадзе.

22.30

Дежурный по 136-й бригаде (Буйнакск) доложил, что обстрелян из миномета парк боевых машин.

6 августа

9.00

Вышел на меня по телефону командующий войсками округа генерал В. Казанцев. Доложил ему обстановку по обстрелу военного городка в Буйнакске, по ситуации в Дагестане и совершении марша батальоном. Он приказал довести до Булгакова некоторые вопросы по оборудованию ВПУ, проработке совместно с комбригом вопросов прочесывания прилегающей местности к военным городкам, паркам, складам в Буйнакске, потребовал незамедлительно ввести во всех подразделениях бригады трехсменное ночное дежурство.

11.45

Комбриг доложил уточненные данные по обстрелу военного городка. Обстреливали 82-мм минами. Всего выпущено 9 мин:

— 8 по жилому городку (одна не разорвалась);

— 1 по парку (прямое попадание в БМП).

14.00

Булгаков доложил о выходе разведки в район Ботлиха.

15.00

Он же доложил: колонна десантников сосредоточилась в заданном районе. Марш прошел успешно.

7 августа

7.20

Сообщение Булгакова по поступившей информации из отделения милиции Ботлихского района: от озера Голубое к Ботлиху выдвигается группа боевиков численностью до 200 человек.

8.20

Булгаков уточняет: информация не подтверждается. По другой информации — банда боевиков (100 человек) сосредоточилась в селе Ансалта (8 км северо-западнее Ботлиха).

8.30

Сидякин доложил, что население Ботлиха федералов встретило очень хорошо. Он выступил по местному телевидению, объяснил ситуацию. Ополченцы с охотничьими ружьями и карабинами готовы воевать против бандитов рядом с десантниками.

9.15

Генерал А. Меркурьев (начальник штаба 58-й армии) докладывает: по информации из МВД Дагестана, боевики захватили села Рахата и Ашино и выдвигаются на Ботлих.

9.45

Доложил Сидякин:

— лично облетел район Ансалта, Шадрода, Рахата. Видел группу боевиков в камуфляжной форме с оружием. Шли из «зеленки» в село Рахата.

10.45

Доложил Булгаков:

— при пролете над селом Рахата с северо-западной окраины по вертолету открыли огонь из РПГ-7 (3 выстрела);

— развернул артиллерию, сделал привязку;

— глава администрации района выезжает в Рахату разобраться, что там творится. Просил пока не открывать огонь.

10.55

Сообщение генерала Клименкова (начальник штаба Северо-Кавказского округа внутренних войск):

— до 1000 боевиков идут на Ботлих;

— около 100 боевиков в «зеленке» у села Ашино;

— 100–150 боевиков двигаются с юга на Агвали.

11.55

Прошла информация: в отделение милиции Ботлиха позвонили неизвестные и сообщили, что к исходу сегодняшнего дня будет введено ваххабитское правление в Ботлихе. Боевики разоружили милицию в селах Ансалта и Рахата.

12.10

Доложил Булгаков:

— появились первые беженцы из Ансалты и Рахаты. Рассказывают, что пришли боевики из Чечни и с ними вооруженные ваххабиты разных национальностей, их много… На окраине сел копают окопы и траншеи;

— он готов нанести удар, но там находится глава администрации на переговорах.

12.30

Повторный доклад Булгакова:

— прибыл с переговоров глава администрации. Он сообщил, что боевики действительно разоружили милицию, заняли оба села и готовят опорные пункты на западных окраинах. Командует Шамиль Басаев. На требование покинуть территорию Басаев сказал: «Мы не для того сюда пришли, чтобы уходить! Стрельбу открывать не будем, если россияне стрелять не будут. Нападать не будем, если россияне не нападут, а уйдем в Чечню только тогда, когда федералы уберут эти два батальона».

Булгаков принял решение:

— нанести авиационный и артиллерийский удары по высоте, на которой находятся боевики, и их опорному пункту у села Рахата;

— впредь уничтожать только видимые цели;

— начать подготовку к ночным действиям;

— одновременно заминировать пути отхода боевиков в горной части (на границе Чечни и Дагестана);

— войсковую маневренную группу 136-й бригады в составе усиленного мотострелкового батальона в Буйнакске привести в готовность — «полная». Совершить марш в район Ботлиха;

— перебросить из Каспийска ОМОН.

12.40

Булгаков доложил обстановку НГШ и свое решение. Квашнин утвердил решение. Приказал хорошо готовиться к ночи, организовать надежную охрану и оборону, подсветку местности.

Главное — не прозевать!

16.15

Сообщение Булгакова:

— нанесен удар по высоте и разведгруппе боевиков, по командному пункту Басаева (здание поселкового отделения милиции), по опорному пункту в селе Рахата.

Огонь наносился вертолетами и артиллерией. Отважно действовали экипажи вертолетов. Один вертолет получил пробоину в маслопроводе, но смог вернуться и сесть в Ботлихе.

17.05

Вышел на меня НГШ:

— не забудьте хорошо подготовиться к ночи;

— заминируйте подступы к занимаемому батальоном району;

— дай команду перебросить в Каспийск дополнительно вертолеты МИ-8 и МИ-24. Пустыми не гнать. Загрузите их авиационными боеприпасами, НУРами, ПТУРами;

— помоги завтра внутренним войскам по переброске личного состава в Ботлих;

— позвони Магомедову (председатель госсовета Дагестана) и передай, что он обещал давать керосин для вертолетов — хотя бы по тридцать тонн в сутки!

19.50

Позвонил «Руслан» (агент). Сказал о том, что есть радиоперехват (Ш. Басаев кому-то сообщал о проведенных мероприятиях):

— выселение жителей из сел прошло нормально;

— местное руководство и население признали нашу (ваххабитскую) власть;

— местная милиция оружие сдала добровольно, без единого выстрела;

— часть руководства и милиции ушла из сел, а часть осталась;

— женщин и детей, которые хотели уйти, отпустили, не препятствовали;

— оборудуем опорные пункты для обороны сел от русских войск.

Добавил, чтобы всех мужиков, пришедших из этих сел в Ботлих (а тем более в район расположения батальона), не пускать! Пусть милиция и ФСБ пропускают их через «фильтры». Среди них могут быть лазутчики и провокаторы.

21.25

Доложил генерал Посредников (начальник штаба воздушной армии): минирование производить небезопасно — очень плотная облачность, надо ждать погоды.

Я приказал ему через каждые два часа проводить пробный вылет и, по возможности, минировать.

21.50

Позвонил Сидякину и проинформировал его, что из-за погоды минирование пока откладывается. Напомнил, чтобы не забывали периодически обстреливать из минометов прилегающие высоты.

22.00

Доложил дежурному генералу на центральный командный пункт (ЦКП) ВВС и ПВО, что обстановка контролируемая, обстрелов нет, минирование из-за низкой и плотной облачности откладывается.

8 августа

6.30

Переговорил с Сидякиным. Обстановка нормальная, обстрелов не было. Но авиацию больше не слышали.

8.05

Запросил генерала Ефименко (оставался за командующего воздушной армией):

— Почему не выполнили поставленную задачу по минированию путей отхода боевиков?

— Не было погоды. Пока не будет боевого распоряжения (письменного) от главкома (ВВС), задачу выполнять не будем!

8.20

Позвонил генерал Тинамагомедов (военком Дагестана). Доложил, что в целом обстановка в республике нормальная, хотя всех тревожит горный район. Я попросил его подойти к заместителю главкома ВВС генералу Михайлову и передать ему, что задачу по минированию летчики выполнять отказываются, ссылаясь на отсутствие письменного распоряжения главкома.

8.45

Сообщил дежурному генералу ЦКП ВВС и ПВО о том, что задача, поставленная НГШ, не выполнена. Попросил, чтобы он довел разговор до генерала Корнукова (главком ВВС).

8.50

Доклад Булгакова:

— авиация задачу по минированию не выполнила;

— если бандиты готовят опорные пункты прямо у крайних домов сел, то они не собираются уходить и знают, что открывать огонь из вертолетов и орудий по селам мы не будем;

— значит, будут входить в близлежащие села, разоружать милицию и устанавливать свою ваххабитскую власть, как это сделали в Ансалте и Рахате, и тоже начнут рыть окопы и траншеи.

Лично я думаю так (мое решение по сложившейся в тот момент обстановке):

1. Немедленно во все близлежащие села, где еще нет боевиков, необходимо ввести ОМОН и спецназ.

2. Села, в которых уже находятся боевики, блокировать на удалении до 2 км (кольцо).

3. Заминировать все дороги, ведущие от этих сел в Чечню (на самой границе), чтобы перерезать боевикам пути отхода и маршруты подвоза боеприпасов и подтягивания резервов.

4. Любыми путями вытащить мужиков из этих сел или обязать их бороться с боевиками самим.

5. Объявить ультиматум Басаеву. Дать время, чтобы ушли, а затем артиллерией и авиацией нанести удары по боевикам, если не сдадутся.

14. 25

НГШ сел в Каспийске.

14.34

Вышел на меня Булгаков. Сообщил, что в районе сел Верхние Годоберы и Анди обнаружены группы боевиков. Я продиктовал ему свое решение из пяти пунктов, чтобы доложил его Квашнину.

14.40

Дежурный генерал ЦКП вышел на меня и сообщил, что НГШ приказал Казанцеву в Каспийск пока не вылетать, а оставаться в отпуске. Об этом я тут же доложил командующему.

15.30

Генерал Посредников доложил, что авиация готова выполнять задачу по уничтожению групп боевиков.

16.45

Посредников сообщил: авиация начала наносить первый удар по указанным районам расположения боевиков.

20.20

От Булгакова поступила информация о якобы нанесенных авиацией ударах по своим (местной милиции) в районе Верхние Годоберы. Есть раненые и убитые.

9 августа

7.15

Заслушал доклад Булгакова:

— ночь прошла спокойно, без обстрелов и нападений;

— имел ночью неприятный разговор с НГШ («…Много говоришь, наносишь какие-то непонятные удары авиацией, в результате которых гибнет милиция. Завтра буду у тебя в Ботлихе»);

— звонил дежурный генерал с ЦКП, пытался стращать: мол,

почему не докладываете по авиационному удару, по гибели милиции;

— ответил, что группировка подчинена генералу Голубеву (МВД) и все доклады идут к нему.

7.20

Посредников поясняет по поводу нанесения ударов по своим: по времени не совсем точно сообщило МВД, да и место почему-то не указывают. Что-то темнят. Непонятно.

8.40

Доложил министру обороны маршалу И. Сергееву по обстановке, по текущим задачам. Он задал мне несколько вопросов:

— Что случилось в Тарском (полигон 58-й армии под Владикавказом)?

— Как могла авиация нанести удары по милиции?

— Обстановка и какие задачи будет решать сегодня батальон в Ботлихе?

9.00

Посредников по поводу удара по своим сообщил: авиация в том районе задач не выполняла. Где этот район — не знаем. Над территорией пролетали «бомберы», но задачу по минированию они выполнили за 10–12 км от указанной точки (то есть на границе с Чечней, что в 4 км северо-западнее села Ансалта).

9.45

На меня по телефону вышел НГШ:

— нахожусь в Ботлихе, у Булгакова на КП;

— отругал его за то, что не все высоты, прилегающие к району, заняты боевым охранением, наблюдателями и «секретами» (хотя об этом он с самого начала говорил);

— постоянно одна пара штурмовиков должна быть в воздухе и непрерывно держать связь.

11.30

Довел до Посредникова, что НГШ приказал постоянно держать в воздухе пару штурмовиков СУ-25.

Он еще раз напомнил, что не может добиться от МВД Дагестана указания точного места гибели милиционеров. (Это уже о чем-то говорит. Какая-то «деза» идет.)

12.05

Булгаков доложил:

— в 10.40 с одной из горных вершин боевики обстреляли ПТУРами (4 ракеты) вертолеты на стоянке. В результате два боевых вертолета МИ-24 от прямого попадания взорвались и сгорели, два вертолета МИ-8 и один МИ-26 получили незначительные повреждения. Погибли два офицера и ранены

четыре солдата.

13.50

Позвонил Сидякин. Возмущался: если бы омоновцы вчера «оседлали» высоту, с которой сегодня уничтожили вертолеты (и погибли люди), беды бы не произошло. А Булгаков такую задачу милиции ставил!

16.00

Посредников уточнил по нападению на ботлихский аэродром. Взорвались и сгорели два вертолета (МИ-8 и МИ-24). Погибли подполковник Наумов (заместитель командира полка), старший лейтенант Гаязов (летчик-штурман) и сержант Ягодин. Первые наши жертвы ваххабитской агрессии.

17.45

Сидякин доложил, что второй батальон 136-й бригады готов совершить марш из Буйнакска.

10 августа

7.00

Запросил обстановку у Булгакова. Доложил, что все нормально.

В 4 утра батальон начал выдвижение.

До обеда поступали доклады о продвижении батальона.

16.45

Позвонил генерал Михайлов (зам. главкома ВВС). Попросил передать Булгакову, чтобы точнее давали цели. И самое главное, чтобы одновременно обозначали местонахождение своих войск. Сообщил, что сегодня в районе Голубого озера уничтожено 2 танка боевиков.

16.50

Довел до Булгакова просьбу Михайлова. Булгаков подтвердил, что разведка обнаружила выдвижение колонны боевиков по дороге Ведено — Ботлих у перевала Харами в составе:

— танков — 3;

— зенитных установок — 1;

— грузовиков с боевиками — 3.

В результате нанесенного авиационного удара были уничтожены два танка и зенитная установка.

17.00

Переговорил по телефону с генералом Посредниковым. Он также подтвердил уничтоженные цели и показал на карте это место. Сориентировал меня, что с наступлением темноты авиация будет минировать местность.

22.10

Вышел на Булгакова. Он попросил перезвонить попозже: идет обстрел КП.

22.30

Позвонил из Махачкалы Казанцев (все-таки Квашнин отозвал его из отпуска). Приказал прислать к нему офицеров управления округа (перечислил пофамильно нужных ему людей).

11 августа

7.50

Позвонил Посредников. Доложил, что за минувшую ночь бомбардировщики СУ-24 совершили 18 вылетов по указанным районам. Убедительно просил давать более точные координаты целей. Жаловался на нехватку керосина.

8.20

Булгаков сообщил, что все идет по плану. Захватываем господствующие высоты. Колонна батальона полностью зашла в район, кроме одной БМП (перевернулась, жертв нет).

9.40

Представитель оперативного штаба МВД сообщил, что в период ведения боевых действий на территории горного района Дагестана получил огнестрельное ранение Хаттаб, а его переводчик (чеченец) убит. Боевики пытаются создать «коридор» для выхода тех групп, которые в начале августа зашли на территорию Дагестана, для чего с территории Чечни в срочном порядке переброшены дополнительные силы (1,5 тыс. человек). Около 50 дагестанских ваххабитов отказались воевать на стороне боевиков и с оружием вернулись в свои селения. Вчера в Урус-Мартан (Чечня) привезли 40 неопознанных трупов.

15.00

Переговорил с Булгаковым: обстановка сложная. Боевики обкладывают со всех сторон, никак не можем сбить их с горы Элилэн.

Я ему посоветовал:

1) с воздуха ударить зажигательными бомбами;

2) пристрелять артиллерию и бить (периодически);

3) заслать одну-две группы спецназа со снайперами.

15.45

Пришла информация с КП, что вертолет внутренних войск МИ-8 подбит ПТУРом, имеются раненые.

Также довели до нас, что из радиоперехвата стало известно о планируемом боевиками ударе по нашему КП.

17.30

Уточнение подробностей. МИ-8 запросился на посадку в район Ботлиха, но авианаводчик запретил, так как площадка

простреливается боевиками. Команду экипаж не выполнил. И только вертолет сел, как по нему был выпущен снаряд. В результате погиб один офицер ФАПСИ, ранены 3 генерала — Якунов, Кузнецов и Ракитин. Летчик и штурман сильно обгорели. (Через несколько дней оба скончаются в госпитале.)

Сегодня первый замминистра внутренних дел генерал В. Колесников по телевидению сообщил, что за 10 дней ведения боевых действий с российской стороны погибло 10 и ранено 27 военнослужащих и милиционеров. А если считать с сегодняшними потерями, то погибло 11, ранено 32.

19. 10

Вышел на меня НГШ:

— Не мешайте Булгакову! Не звоните ему!

Я сказал, что он сам позвонил и попросил совета по уничтожению боевиков на этой высоте.

21.20

Позвонил полковник В. Тимченко (начальник оперативного управления СКВО). Передал приказание командующего: мне пока не вылетать из Ростова, а заняться подготовкой к отправке в Дагестан двух батальонов (из Ставрополя и Буденновска).

12 августа

8. 50

Позвонил Казанцев. Приказал взять на контроль погрузку и отправку двух батальонов. Особое внимание обратил на следующие моменты:

— при следовании эшелонов по территории Дагестана быть в готовности к ведению огня с ходу. Организовать наружную разведку и охранение, обеспечить перевозку батальонов вертолетами прикрытия;

— отправить в Дагестан офицеров для несения дежурства, связистов и др.;

— еще раз напомнил про систему управления;

— приказал отозвать из отпусков своих заместителей (генералов Московченко, Недорезова и Шатворяна, полковника Серова) и направить их в Буйнакск.

10. 45

Повторно вышел Казанцев. Сообщил, что еще один батальон будем формировать. Приказал сделать его усиленным, включить в него роту спецназа.

11.00

Доложил генерал Кривошеев (ВДВ):

— загружены и сейчас взлетают четыре Ил-76 на Махачкалу;

— на подлете из Таганрога еще четыре Ил-76. Вылет по

графику.

12. 30

Доклад начальника штаба 205-й бригады (Буденновск): мотострелковый батальон загружен и готов к отправке.

14. 50

На меня вышел Казанцев:

— прислать к нему офицеров для несения службы;

— обязательно Серова и с ним его офицеров-воспитателей;

— в Ростове оставить минимум офицеров;

— Московский и Уральский округа готовят еще батальоны.

14. 40

Позвонил генерал Рукшин (Генштаб) и сообщил, что чеченцы по радио выходят на Ил-76 и грозятся уничтожить его «стингерами». Попросил усилить охрану морпехами, поднять в воздух МИ-24.

13 августа

8. 00

Позвонил Казанцев. Я вкратце доложил о выполненных задачах. Он еще раз напомнил о прибытии сегодня перечисленных офицеров. Затем проинформировал меня по обстановке за ночь:

— захватили с боем гору Элилэн, приступили к зачистке территории, прилегающей к району и селам, захваченным боевиками. Сегодня будем освобождать Тандо.

8.20

Вновь вышел на меня Казанцев. Приказал еще раз довести до командующего 4-й воздушной армией о перебазировании части авиации в Моздок и подготовке площадки на аэродроме Махачкала.

11.50

Попытался переговорить с Казанцевым, но его не оказалось в штабе. Передал через оперативного дежурного информацию по погрузке и отправке батальонов.

16.30

Вышел на меня по телефону Казанцев:

— перенести запланированные учения на месяц позже;

— в Моздоке должны сидеть 2–3 эскадрильи;

— срочно прибыть начальнику службы ракетно-артиллерийского вооружения.

В конце разговора сообщил, что сегодня при взятии высоты есть погибшие и раненые в парашютно-десантном батальоне (как позже выяснилось, 24 человека).

16.40

Оперативный дежурный передал приказ командующего: подготовить и немедленно отправить в Буйнакск железнодорожным транспортом артиллерийские подразделения (перечислил конкретно).

16.50

Полковник Тимченко (начопер) передал приказ командующего: готовить взводы снайперов, в каждом взводе 10 групп по 3 человека (снайпер, гранатометчик, автоматчик (пулеметчик), и через неделю отправить в Буйнакск.

19.20

Командир соединения десантников доложил, что при штурме высоты с отметкой 1622,5 погиб командир батальона майор Костин и еще 7 военнослужащих, ранены 22 человека.

14 августа

6.50

По поручению командующего позвонил генерал Тимченко. Доложил обстановку за ночь в районе Ботлиха. Рассказал о бомбардировке села Тандо и прилегающих высот.

Я передал информацию для командующего по перелетам, перевозкам, а также по подготовке еще трех батальонов.

8.40

Позвонил Посредников и сообщил, что генерал Казанцев назначен «самым главным».

9.20

Доложил генерал Кучерявый (начальник управления кадров округа):

— Казанцев назначен командующим объединенным штабом по проведению спецоперации в Республике Дагестан;

— командный пункт перемещается в Махачкалу;

— вводится военное положение для управления округа, 58-й армии, а также для всех частей и подразделений, прибывающих на территорию Дагестана из других округов.

В течение всего дня поступали доклады о прохождении эшелонов к пунктам назначения.

15 августа

7.30

Вышел на меня Казанцев:

— ночью по Дагестану эшелоны не гонять; обеспечить надежное охранение; выделить бронепоезд;

— развернуть в Ростове (при госпитале) пункт приема и отправки погибших.

8.15

Позвонил НГШ, расспросил о положении дел с погрузкой эшелонов, отправкой боеприпасов и подразделений в Дагестан. Я детально доложил обстановку по всем заданным им вопросам, а потом поздравил его с днем рождения.

В течение всего дня поступали доклады о погрузке эшелонов, их прохождении через различные населенные пункты на территории Северного Кавказа.

16 августа

8.00

Доложил Казанцеву обстановку по отправке техники и боеприпасов.

16.50

НГШ ввел меня в обстановку по Пригородному району Северной Осетии. По имеющейся информации, сегодня ночью ожидается нападение боевиков со стороны Ингушетии. Могут проникнуть в этот район на «уазиках» и БТРах с нанесенными знаками, характерными для внутренних войск. Приказал:

— довести информацию до Сидякина (пока еще командующего 58-й армией); пусть организует взаимодействие с командиром 99-й дивизии оперативного назначения (ДОН) по недопущению проникновения боевиков в Пригородный район;

— уточнить боевые расчеты;

— занять завтра взводные опорные пункты вдоль границы с Республикой Ингушетия подразделениями внутренних войск;

— нам подготовить резерв в составе войсковой маневренной группы (ВМГ) 503-го полка; перевести офицеров и прапорщиков на казарменное положение;

— артиллерии занять огневые позиции в парках и вблизи них, выставив хорошее охранение, определить цели;

— все это провести в тесном контакте с командиром 99-й ДОН.

Немедленно переговорил с Сидякиным. Довел до него приказ НГШ. Дал два часа на встречу с командиром 99-й дивизии для организации взаимодействия.

Переговорил с министром внутренних дел Северной Осетии генералом Дзантиевым.

Довел приказ до генерала Клименкова (начальник штаба Северо-Кавказского округа внутренних войск).

Сориентировал Казанцева по всем этим вопросам, на что он сказал: «Рули, но подразделения 58-й армии в это не втягивай! Наши ВМГ — резерв. Не забудь про наши полигоны».

17.30

На меня вновь вышел НГШ:

— данные достоверны — боевики идут со стороны Ингушетии;

— не завтра, а сегодня к исходу дня подразделения 99-й дивизии вывести во взводные опорные пункты и «зарыть» (окопаться);

— артиллерию свою вытащить в парки (вблизи них), определить цели и пристрелять;

— хорошая дублированная связь должна быть во всех звеньях, в том числе и связь взаимодействия;

— выйди в Кизляре на командира тактической группы ВВ и скажи, что ожидается проникновение боевиков, переодетых в форму наших военных. Всем быть очень внимательными, не прозевать! Если что — уничтожать (!);

— продумать «секреты» и засады, блокпосты и т. п.

18.00

Переговорил по этим вопросам с генералом Клименковым. Он сказал, что ни главком внутренних войск, ни министр внутренних дел задачи по применению 99-й дивизии перед ним не ставили. А потому приказа никакого отдавать не будет! Да, меры он примет: в тридцатиминутной готовности будут находиться дежурные силы и средства, а также выставят «секреты» и разведдозоры.

20.00

Я вышел на генерала Овчинникова (главком ВВ). Доложил ему приказ, который отдал мне НГШ по Пригородному району, в том числе и по применению подразделений 99-й ДОН.

Овчинников мне ответил:

— Мы, Геннадий, военные люди и должны выполнять приказы тех, кому по службе подчинены. Мне мой министр (МВД) никаких задач не ставил. А насчет того, что НГШ якобы говорил по этому вопросу с нашим министром, тот ответил: «Никакого разговора с Квашниным я не имел!» В этой зоне несет ответственность лично министр внутренних дел Северной Осетии — Алании, то есть генерал Дзантиев, и посему он принимает решение на применение сил и ставит им задачи. Вот пусть он это и делает. Он там на месте, ему видней. Я дивизию выводить в районы не буду, чтобы не спровоцировать ингушей на начало бойни.

20.15

Я вновь вышел на НГШ и доложил разговор с Овчинниковым. Квашнин выругался и сказал, что очень тяжело с ними (МВД) разговаривать. А мне приказал предупредить генерала Сидякина: «Только попробуйте проморгать бандитов!»

22.10

Сидякин доложил о выполненных мероприятиях по этой информации. По дивизии ВВ:

— выставлены «секреты»;

— разведка выслана в районы селений Тарское, Джейрах, Ольгинское;

— на случай нападения спланированы заградительные действия;

— усилены блокпосты;

— подготовлены резервные подразделения.

По подразделениям 58-й армии:

— усилена охрана всех военных и жилых городков;

— высланы дозоры на несколько направлений;

— артиллерия развернута в парках.

17 – 18 августа

Занимался отправкой воинских эшелонов в Дагестан, подготовкой личного состава, техники и боеприпасов.

19 августа

Срывов по погрузке боеприпасов, отправке эшелонов и транспорта нет! Все идет по плану.

16.30

На меня вышел «Руслан» (агент). Сообщил, что, потерпев неудачу в горной части Дагестана, Басаев намерен провести ряд терактов на территории России, в том числе в Астрахани и Ростове. Маршрут выдвижения спланирован через Моздок и Ставрополье. Главная цель — захват заложников из числа военнослужащих.

Я немедленно довел это до командования 58-й армии.

22.30

Переговорил с Казанцевым. Доложил ему обстановку по войскам округа, по ж/д эшелонам, транспортам и автоколоннам. Он дал указание на продолжение плановых занятий и учений, в том числе гранатометчиков и снайперов.

20 августа

1.20

Получил шифровку. В ней говорится, что группа боевиков планирует выйти на территорию Северной Осетии через Ингушетию с целью проведения терактов в районе селений Тарское и Верхний Ларс.

Довел немедленно шифровкой до командующего 58-й армией. Затребовал прислать копию его решения.

21 августа

6.45

Переговорил с Посредниковым. Он сообщил, что ночью и днем авиация продолжала выполнять боевые задачи по уничтожению объектов боевиков. Уничтожены:

— штаб в селе Нохуч-Келой;

— колонна из трех машин по дороге у села Макажой;

— группа боевиков в районе озера Арджи.

7.00

Заслушал обстановку по региону, по задачам, выполняемым авиацией, железнодорожным транспортом, автоколоннами.

11.45

Позвонил из Генштаба Рукшин. Проинформировал о планах боевиков, по возможным их действиям на кизлярском, хасавюртском, северо-осетинском направлениях. Посоветовал продумать вопросы ведения разведки на этих направлениях.

12.30

Собрал всех, кто отвечает за прием, обработку, отправку погибших. Поставил задачу до 22. 00 доложить и представить мне:

— оргштатную структуру;

— пофамильные списки должностных лиц;

— задачи, возлагаемые на них;

— образцы справок-докладов за сутки и списки погибших и раненых.

18.10

Казанцев приказал готовить одну штатную роту для разгрузки боеприпасов в Ботлихе.

18.40

Доложил генерал Тимченко, что в районе перевала Харами была уничтожена колонна боевиков:

— убито — 28;

— взято в плен — 5;

— сожжено машин — 5;

— захвачено большое количество автоматов, гранатометов, боеприпасов.

22 августа

В целом обстановка в округе и на территории Северо-Кавказского региона контролируемая. В Дагестане (горная часть) ведутся боевые действия.

Сегодня была сорвана задача (?!) по переброске мотострелковой роты в Каспийск. Суть дела. Накануне (21 августа) была подана заявка на выделение Ил-76. Самолет должен

был прибыть за людьми на аэродром Лебяжий. Однако в 10. 45 он не только не прибыл, но даже не был заправлен! Экипаж на аэродром не явился!

Лично несколько раз выходил на ЦКП ВВС и ПВО, однако сдвигов никаких. То говорят, что нет распоряжения, то нет керосина, то время вылета назначено на 13. 00. И только после того, как я заявил дежурному генералу, что сейчас позвоню Корнукову, зашевелились.

В обед Ил-76 все-таки взлетел и пошел на Каспийск. Но где-то через час мне сообщили, что самолет возвращается обратно на аэродром Лебяжий. В воздухе произошел отказ одного двигателя.

Вынужден был отправить в срочном порядке дежурные самолеты АН-12 и АН-26. После загрузки личного состава роты оба самолета в 20.00 ушли на Каспийск.

20.45

Переговорил с Тимченко. Он сообщил, что в Ботлих два батальона прибыли с нерабочими радиостанциями. Казанцев приказал вызвать к нему в Ботлих начальника штаба дивизии и связистов.

23 августа

7.20

Тимченко доложил:

— заканчивается блокирование трех сел (Ансалта, Рахата, Шадрода);

— очень много чеченских снайперов. Их нечем взять. Выстрел — и в пещеру (щель);

— командующий приказал готовить (подбирать) офицеров, прапорщиков и сержантов на доукомплектование подразделений (много раненых).

11.50

На меня вышел НГШ. Расспросил об обстановке на территории округа, как обстоят дела с отправкой боеприпасов, топлива и другого имущества. Приказал:

— впредь Ил-76 для перевозки боеприпасов не использовать;

— все перевозки осуществлять только ж/д транспортом;

— продумать и доложить решение по недопущению проникновения боевиков в Моздок и Тарское.

12.45

Позвонил Казанцев из Ботлиха, сказал, что некоторые военнослужащие проявляют трусость. (А кому же хочется умирать?) В целом же поставленные задачи выполняются нормально. Приказал:

— готовить резервы (по одному усиленному батальону от

мотострелковых полков, артиллерийские подразделения, авианаводчиков);

— упор на снайперов; в каждом взводе должна быть подготовлена «тройка» (снайпер, гранатометчик, стрелок);

— готовить подразделения так, чтобы рота могла действовать самостоятельно, в отрыве на отдельном направлении;

— тренировать личный состав до седьмого пота, с полной выкладкой. Чтобы умели двигаться в горах, совершать переходы по 3–5 километров.

22.20

Доложил НГШ по выполненным мероприятиям, отданным указаниям, а также по результатам воздушной разведки аэродрома «Калиновский» (Чечня).

24–25 августа

Пришла директива Генштаба о формировании мотострелковых рот от других военных округов.

Вышло Постановление Правительства РФ от 20.08.99 года «О дополнительных гарантиях и компенсации военнослужащим, выполняющим задачи по обеспечению, правопорядка в Республике Дагестан»:

— месяц — за три;

— офицерам — 950, прапорщикам — 850, сержантам — 830, солдатам — 810 рублей (за каждый день).

26 августа

8.10

Переговорил с Казанцевым. Он приказал мне подобрать себе группу офицеров и сегодня в 17 часов убыть в Махачкалу для приема дел и должности командующего Объединенной группировкой войск в Республике Дагестан.

9.15

Позвонил НГШ. Сказал, чтобы я завтра был в Махачкале.

17.30

Я вылетел в Махачкалу.

Виктор Казанцев. Штрихи к портрету

Поначалу служба в Северо-Кавказском военном округе у Виктора Германовича не заладилась. Прибыв 1996 году из Забайкалья с должности начальника штаба Забайкальского военного округа, в Ростове он стал заместителем командующего войсками СКВО. И сразу же начал показывать пренебрежение к «чеченскому опыту» и к тем офицерам, кто прошел через Чечню. Разговоры о только что закончившейся первой войне его раздражали. Это все заметили, в том числе и командующий войсками СКВО Квашнин. Естественно, Квашнин дал понять Казанцеву, что тот пока еще чужак в этом воюющем округе.

Пошли разговоры о конфликте командующего с новым замом. Сплетничали о том, что они, видимо, не сработаются.

На самом деле никаких принципиальных разногласий не было. Квашнин просто-напросто настраивал Казанцева на особый ритм работы, давал понять, что в СКВО — своя специфика, что здесь прежде всего ценятся офицеры, прошедшие Чечню, и существуют другие приоритеты — авторитет зависит не от должности, а от боевого опыта и т. п.

Кстати, Виктор Германович это вскоре понял и сам. С Квашниным у него со временем сложились нормальные отношения. Настолько нормальные, что уже через год, в июле 1997-го, Анатолий Васильевич, уходя в Москву на должность начальника Генштаба, рекомендовал назначить командующим именно Казанцева.

* * *

Хотя сам Виктор Германович в первой войне и не участвовал, но не избежал тяжелой участи тех родителей, чьи дети пострадали в Чечне. Его сын Сергей — храбрый и мужественный офицер — получил на войне тяжелейшее увечье, стал инвалидом и впоследствии уволился из Вооруженных Сил. Мы все понимали отцовские чувства Казанцева-старшего, его критическое отношение к первой чеченской кампании 1994–1996 годов, желание избежать новых военных конфликтов.

Это стремление его было настолько сильным и глубоким, что привело однажды к серьезным разногласиям с руководителями МВД. Разногласия эти возникли летом 1998-го из-за того, что эмвэдэшники хотели в первую линию окопов вокруг Чечни посадить армейцев, а себе отводили скромную роль «второго

эшелона».

— Так нельзя! — возмутился Казанцев. — У армии — мощное вооружение, широкие возможности применения силы. И если чеченцы пойдут на провокацию, любой армейский военачальник просто обязан будет использовать все имеющиеся у него средства (даже авиацию) для подавления и уничтожения противника. А в горячке боя кто там разберет: идет ли речь о провокации или о широкомасштабной акции бандитов? Армейцы, если раздухарятся, сметут пол-Чечни с лица земли. Опять война!

Командующий был прав. В первой линии окопов должны были сидеть подразделения МВД. Они, кстати, и подготовку проходили именно для борьбы с мелкими отрядами бандитов. Эта специфика милиции ближе. А вот во втором эшелоне, в опорных пунктах уместнее были бы армейцы с их пушками, танками, ракетами, авиацией и т. д. Вполне нормальный расклад. Увы, руководство МВД, пользуясь близостью к тогдашнему Президенту России, попыталось все поставить с ног на голову. Из Москвы пошли указания о замене «внутренников» и милиции в первой линии «санитарного кордона» на части и подразделения СКВО. Казанцев звонил в Минобороны и Генштаб, доказывал, отстаивал свою правоту.

— Сколько можно нашими руками жар загребать?! Если менты при их огромных силах не справляются с мелкими бандами чеченцев, то при чем здесь мы? До каких пор мы будем исправлять их ошибки?! Пусть привыкают действовать самостоятельно, творчески! — убеждал командующий своих московских абонентов.

Разгорался конфликт, внешне походивший на межведомственную разборку, а это уже серьезно. Дошло до того, что Казанцева вызвали в Москву. Ельцину представили все таким образом, что командующий войсками округа боится чеченцев и поэтому предпочитает не конфликтовать на границе. Это во-первых. Во-вторых, по-хамски, грубо, оскорбительно ведет себя с руководством МВД. В президентской администрации был подготовлен указ об отстранении генерала Казанцева от должности — за все мыслимые и немыслимые грехи…

Мы возвращались из Москвы в одном самолете. Как его заместитель я был в курсе всех нюансов конфликта. Виктор Германович находился в крайне подавленном состоянии. Прямо на борту выпили водки, чтоб загасить стресс. Казанцев сказал:

— Геннадий, я знаю — ты на моей стороне. Включи все свои связи, помоги отбиться от этого наката. Иначе снимут. Дело не только во мне. Если эмвэдэшники здесь воцарятся — всему округу несдобровать. Как пить дать, подставят нас…

Я обещал помочь. Звонил, просил, доказывал, обещал… Не уверен в личной своей заслуге, что президентский Указ не был подписан, но знаю только, что решающее слово сказал А. Квашнин. Именно он тогда отстоял командующего, а значит, и округ.

Казанцев действительно хотел мира на Северном Кавказе и готов был тушить даже не разгоревшиеся еще очаги конфликтов. Зная о дружеских контактах Р. Аушева с А. Масхадовым, он полагал, что если наладить добрые отношения с ингушским президентом, это сразу улучшит политический климат в регионе. В принципе, одна из болевых точек была определена верно. Но некоторые моменты, признаюсь, мне были не по нутру. Не стоило так уж потакать. Захочет Руслан Султанович «своих» военкомов в Ингушетии — пожалуйста, захочет Горский кадетский корпус — имейте и радуйтесь… А какую линию проводят в республике эти военкомы, кого воспитывают из юных горцев — это уже неважно.

Правда, в организации корпуса Виктор Германович принимал живейшее участие еще и потому, что сам с детства-малолетства учился в Суворовском училище, получив прекрасное начальное военное образование. Кроме военного дела хорошо знает литературу, пишет стихи, играет на рояле и гитаре.

Помню вечера отдыха, которые стали проводиться в частях нашего округа при новом командующем. Чествование лучших солдат и офицеров, концерты, застолья. По себе знаю, как хорошо, душевно проходили такие мероприятия, хотя к ним меньше всего подходит этот казенный термин. Виктор Германович старался сдружить офицерские коллективы, побудить людей вместе радоваться и огорчаться, вместе преодолевать невзгоды.

Безусловно, это было правильно, потому что общеполковой праздник и офицерское застолье, как ни парадоксально звучит, исключают пьянство. Наоборот, пьянство процветает там, где пьют втихаря — в каптерках, канцеляриях и казарменных сушилках. Или взять такую многоплановую проблему, как офицерское собрание. До его прихода эти собрания действовали от случая к случаю. Казанцев их расшевелил, заставил работать на оздоровление атмосферы в коллективах. Это было очень актуально в конце 1996-го, да и в последующие годы: в войсках очень болезненно переживали драму первой чеченской войны, бегство из республики после «Хасавюртского пакта».

Меня, не хочу скрывать, поначалу поражали резкие контрасты характера Казанцева. Заботясь о нормальной морально-психологической обстановке в частях округа, он был порой и первым же ее возмутителем. Его грубость с

подчиненными временами заходила за «критические отметки». Стучал по столу кулаком так, что подскакивали телефонные аппараты, а крепкий мат не глушили даже дубовые двери кабинета. И ожидавшие в приемной офицеры начинали бледнеть еще до встречи с генералом. Такой стиль общения, даже при всей «крутизне» нынешних нравов, некоторые просто не могли перенести (его ближайшие заместители, вначале генерал А. Потапов, а затем и генерал Б. Дюков, написали рапорты и перевелись из округа). Увеличилось количество инфарктов у офицеров.

Когда Казанцев однажды «наехал» на меня, я не выдержал: «Если вы будете разговаривать со мной в таком тоне, я буду отвечать тем же…»

С тех пор грубости со мной он не допускал, хотя с другими по-прежнему срывался. Спасало одно: все знали, что командующий делает это без всякого зла, нет в нем мстительности. Да, мог нашуметь, обругать, но тут же, как ни в чем не бывало, по-дружески хлопал по плечу. Он был как климат в Забайкалье — резко-континентальный: изнуряющая жара днем и леденящий холод ночью. Вспыльчивый, но быстро отходит.

Зачастую эти качества проявлялись там, где требовались особая выдержка, хладнокровие. Когда боевики из Чечни прорвались на Новолакском направлении, в один из моментов Казанцев проявил нетерпение. Было это в день, когда федералы атаковали высоту с ретранслятором. Командующий торопил, гнал подразделения вперед, не дождавшись поддержки авиации. В результате четкого взаимодействия не получилось. Удар с воздуха чуть запоздал. Пошли неоправданные потери…

Так было и когда я руководил войсками в Кадарской зоне. Казанцев все торопил, требовал в считанные дни покончить с ваххабитским анклавом Дагестана. Я, конечно, возмущался и отвечал, что мне на месте виднее: невозможно одной-двумя атаками разрушить мощную (годами создаваемую) систему обороны в Карамахи и Чабанмахи. Здесь требуется методичная и неспешная работа. Но за нашими радиопереканиями не было каких-то глубинных разногласий. Так, рабочий момент, нормальное явление. Это все равно что пожелание пассажира таксисту ехать быстрее. Но ведь и у водителя свои резоны — светофоры, дорожные знаки, ГИБДД…

Меня удивило поначалу, что в те трагические дни ваххабитской агрессии А. Квашнин не стал отзывать командующего из отпуска: «Пусть догуливает». Подумалось: как же так? Там настоящая война, а начальник Генштаба дает указание командующему войсками округа сидеть дома, греться на

солнышке — мол, обойдемся без тебя. Ерунда какая-то получается… Однако, прокрутив в памяти основные события последних двух лет, я, кажется, догадался, в чем причина. Видимо, А. Квашнин углядел в Казанцеве сильное миротворческое начало, способное помешать жестким действиям в откровенно навязываемой нам войне. Желание Казанцева избежать обострения ситуации в Чечне могло обернуться в августе 1999-го пассивностью и примиренческой позицией. Хотя кто знает, что там было на самом деле? В конце концов Квашнин приказал ему прервать отпуск и вылететь в Дагестан. И в Ботлихе, и в Новолаке Казанцев руководил действиями войск решительно, хотя порой неоправданно жестко.

Впоследствии, когда Казанцев руководил Объединенной группировкой войск в Чечне, он сумел столь же решительно преодолеть мучительный «синдром Чечни». Например, когда возникли сложности со взятием Грозного в декабре 1999 года и наверху вздумали заменить генерала В. Булгакова (проводившего операцию), он уперся: нет, только Булгаков должен брать Грозный, ему просто нужно помочь. Он убедил в этом начальника Генштаба и, в конечном счете, оказался прав.

Казанцев тогда был удостоен высокой награды Родины. Не к нему одному пришла военная слава в дни контртеррористической операции. Но где много славы, там, увы, много и тщеславия, а это создало поле притяжения для интриганов, которые используют человеческие слабости ради достижения своих корыстных целей.

Не буду скрывать, уже к весне 2000 года нас с Казанцевым стали стравливать. Например, когда решался вопрос о назначении Виктора Германовича полпредом Президента, а меня вместо него — командующим ОГВ, а затем и командующим войсками СКВО, появились шептуны.

— А знаете, Геннадий Николаевич, что Казанцев пообещал ходатайствовать о вашем назначении, а в Москве называл другую фамилию?.. Он ведет двойную игру…

Мне передавали, что Виктор Германович плохо относился к моим военным успехам, к дружбе с некоторыми региональными лидерами северокавказских республик, краев и областей. Короче, ему плели что-то про меня, мне — про него. Казалось бы, глупость: плюнуть и позабыть. Но беда в том, что эти интриги не прошли бесследно. Помню, у Казанцева был день рождения. Меня, его боевого соратника, его правую руку на войне, посадили где-то на задворках огромного стола и два часа (!) не давали слова для поздравления (конечно же, с его подачи). Я все понял, обиделся и ушел, не попрощавшись.

Мы не раз пытались объясниться. «Ну, давайте спокойно

разберемся, — пробовал я снять напряженность. — Разве я вам враг, в чем мой интерес, зачем мне подрывать ваш авторитет?» Вроде бы шли на мировую, но червячок недоверия все же точил душу. Я очень болезненно переживал появление этой трещины в нашем в общем-то монолитном сотрудничестве, пытался понять, в чем причина. Одной из самых достоверных версий мне казалась следующая: появилась группа генералов-героев, популярных в армии и в народе и обладающих определенной политической силой. А вдруг, объединившись вокруг большой единой цели, станут этаким «Южным декабристским обществом», опасным для властей предержащих. Жив был еще страх после выступлений покойного генерала Л. Рохлина, который ополчился на Кремль и призывал свой волгоградский армейский корпус к «походу на Москву». Но Рохлин был такой один, созданное им Движение в поддержку армии (ДПА) не пошло за лидером. А этих много (Казанцев, Трошев, Шаманов, Булгаков и другие), они — победители, они решительны и храбры… За ними не то что армия — весь народ пойдет.

Отсюда — политика «разделяй и властвуй». Не исключаю, что воду мутят прежде всего отдельные региональные руководители, не заинтересованные в сильной федеральной власти. Боясь лишиться своего ханско-байского положения, они переключают внимание Центра с себя — на нас, военных: займутся нами — не тронут их. Это во-первых. Во-вторых, именно военные на Юге страны не хотят мириться с сепаратистской политикой отдельных северокавказских князьков, потому что по опыту знают, какие горькие плоды она приносит. Вот и вбивали клинья между последовательными государственниками: между Казанцевым и Трошевым, между Казанцевым и Шамановым.

Надо ли говорить, что все эти страхи — от больного воображения. Но если некоторые силы действительно целенаправленно стравливали армейское руководство, это грозило бедой. Страшно должно быть не тогда, когда генералы действуют в одной связке, а тогда, когда они ссорятся. Межведомственный, межличностный конфликт больших руководителей всегда наносил колоссальный ущерб России — не только в далеком историческом прошлом, но и в новейшую эпоху.

Однако, как впоследствии выяснилось, все эти интриги даром не прошли.

Став полпредом Президента РФ на Юге страны (а я — командующим войсками округа), Казанцев, все по тем же причинам, но уже открыто, стал метать критические стрелы в мой адрес.

Как в свое время А. Лебедь, будучи секретарем Совета

Безопасности РФ, выпалил в одной из телепередач на всю страну: «Два пернатых не могут ужиться в одной берлоге» (?!), имея в виду бывшего министра обороны П. Грачева и «птичье» происхождение их фамилий, так и Казанцев стал воспринимать Северный Кавказ как некую «берлогу», где ему стало тесновато со мной.

Вот тогда и придумали в Министерстве обороны так называемую «ротацию» для командующих войсками округов. Трошева с Северного Кавказа — в Сибирь, а Болдырева из Сибири — на Юг России.

В этих кадровых манипуляциях чувствовалась рука Казанцева. И я не стал участвовать в таких закулисных маневрах — от предложенного назначения отказался, фактически ушел из армии, согласившись на предложение Президента России стать его советником.

Казанцев откровенно радовался тому, что у меня в какой-то момент возникли проблемы. А я спокойно воспринял весть о том, что его отправили в отставку с поста полпреда. Видимо, Богу так было угодно…

Местный колорит

В начале августа 1999-го ваххабиты, чеченские боевики и наемники вошли в села Ботлихского района Дагестана, где проживают преимущественно андийцы и аварцы. До сих пор среди аварцев остались незыблемыми горские обычаи и законы (адаты), которые соблюдались несмотря ни на что. Поэтому неудивительно, что реакция населения на захват чеченскими бандитами высокогорных селений Рахата, Ансалта, Тандо, Шадрода была крайне отрицательной. Чеченцы нарушили адаты.

В 1994–1996 годах в этих селениях нашли пристанище убежавшие от войны чеченцы. В каждой аварской семье — до пяти семей беженцев. Хотя население само жило в бедности, занимаясь тяжелейшим террасным земледелием, они кормили, одевали чеченских беженцев. Басаев за оказанную помощь даже обещал газифицировать район. Аварцы мне рассказывали, что хотя многие боевики пришли в масках, они без труда узнали тех, кому в свое время предоставляли кров и пищу, лечили раненых.

Сразу после входа в Ансалту Басаев оповестил местное население о возможном начале бомбардировок и предложил эвакуироваться. Когда первые автомобили с женщинами и детьми выходили из села, бандиты под их прикрытием тут же стали выдвигаться на боевые позиции, подготовленные на окраине населенного пункта.

В разговорах с ансалтинцами они хвастались, что получают по 10 тысяч долларов в месяц и будут отрабатывать эти деньги. Основную массу боевиков составляли арабы, выходцы из Средней Азии, было несколько чернокожих и снайперша из Прибалтики. Когда один из старейшин попытался было образумить ее, напомнив об истинном предназначении женщины — хранительницы очага, та выхватила пистолет и, приставив его к голове старика, приказала заткнуться. Слава богу, не выстрелила. Вооруженные пришельцы старались держаться более или менее пристойно, но как только жители ушли, началось повальное мародерство — взламывали двери и замки, резали скот, забирали все мало-мальски ценные вещи. Особенное рвение проявляли молодые чеченцы, которые накануне рассказывали аварцам, как свято чтут они законы шариата (по которым воровство есть тяжкий грех).

Среди аварцев особенно выделялись андийцы — жители селений Анди, Гагатли, Риквани. За всю минувшую историю враг ни разу не ступил на их землю. Тем более возмутили соседи-чеченцы, попытавшиеся силой установить здесь новые порядки.

Поэтому неудивительно, что именно представители этой народности проявили себя достойными защитниками Отечества.

21 августа на позиции андийских ополченцев прибыл посланец от чеченского полевого командира Х. Исрапилова, который в ультимативной форме предложил пропустить боевиков к селению Муни, но получил категорический отказ. С этого момента боевики, подключаясь в радиосеть отрядов самообороны, обвиняли андийцев в том, что те продались неверным.

Жители сел Анди, Гагатли, Риквани объявили чеченцам, что в случае появления со стороны Чечни вооруженных или даже безоружных людей они будут стрелять без предупреждения.

Андийский отряд самообороны сыграл решающую роль в захвате основного маршрута выдвижения боевиков — перевала Харами. Ополченцы даже сумели взять пленных с оружием и боеприпасами.

Интересно, что и чеченцы-аккинцы оборудовали в Хасавюртском и Новолакском районах боевые позиции для обороны от возможного нападения чеченских боевиков. Как видим, даже братьев по крови возмутила наглая бандитская акция.

27 августа, уже после боев, в селах Ансалта и Тандо были обнаружены трупы наемников из Средней Азии, Ближнего Востока, а также из стран Африканского континента. Словом, какой-то международный бандитский синдикат.

При проведении «зачисток» в Рахате и Ансалте были также обнаружены личные и финансовые документы чеченских боевиков, из которых, например, явствовало, что ваххабитами через «штаб тыла джамаата Чечни и Дагестана» выплачены компенсации 63 погибшим и 122 раненым из числа бандитов. Цифры явно занижены — потери агрессоров были гораздо большими. Дело в том, что платили не всем, а только чеченцам. Ваххабиты-дагестанцы и иноземные наемники остались без компенсации.

Еще 19–20 августа, когда федеральные силы добились определенного перелома в боевых действиях, Басаев и Удугов почувствовали необходимость усилить идейное влияние и планировали провозгласить нового имама Чечни и Дагестана. На эту роль определили уроженца и жителя села Гири Унцукульского района Гази-Магомед Магомедова, одного из лидеров ваххабитской, так называемой «прикаспийской республики». Однако тот отказался от предложения Ш. Басаева и при этом высказал недовольство, что Шамиль не согласовал с ним свои военные планы. После этого даже Хаттаб перестал, кажется, доверять дагестанским ваххабитам, которых готовил в

своих лагерях и которые не поддержали его на земле Дагестана.

К вторжению вооруженных чеченских соседей — «знатоков шариата» — горцы Дагестана отнеслись резко отрицательно. Прежние отношения, основанные на взаимном уважении и поддержке, были перечеркнуты вероломством и предательством.

Кроме того, большинство духовных лидеров мусульман Дагестана стали открыто заявлять, что без поддержки России исламский мир может остаться один на один с религиозными экстремистами. Они осудили бандитизм последователей «чистого ислама». Ведь в Коране — священной книге всех мусульман — сказано: «А если кто убьет верующего умышленно, то воздаяние ему — ад для вечного пребывания там». Истинные мусульмане никогда не забывают этой заповеди. Чеченцы забыли. И не только чеченцы.

Эмир Хаттаб. Штрихи к портрету

Эмир ибн аль-Хаттаб, в переводе с арабского — Черный араб (он же — Однорукий Ахмед), родился в 1966 году в богатой иорданской семье чеченского происхождения. Родственники прочили Эмиру светлое будущее. Но он избрал опасный путь терроризма.

Его имя значилось во всех криминальных картотеках западных стран. Более десяти лет сильно хромающий при ходьбе Хаттаб путешествовал по свету с автоматом наперевес. Ему было все равно, с кем воевать. Главное — под черными знаменами джихада. В Афганистане иорданец сражался против советских войск, в Ираке — против натовцев. Долгое время в качестве инструктора учил афганских моджахедов в пакистанских лагерях.

В январе 1995 года Хаттаб привез в Грозный банду из восемнадцати профессиональных убийц. Пришла пора воевать с Россией. Но война — дело жестокое, и ряды хаттабовского отряда быстро поредели. Двух арабских «командос» отправили на небеса ребята из армейского спецназа. «Братана» Абузабара убили во время нападения на мотострелковую бригаду в Буйнакске. В августе 1999-го в бою возле одного из селений Ботлихского района отошел в мир иной «правая рука» Однорукого Ахмеда — Хабиб, начальник штаба так называемой ваххабитской армии. Пали в боях с русскими и другие.

Одноруким прозвали Хаттаба не случайно. На каждом пальце его правой руки не хватает одной-двух фаланг. Но и левой рукой он стреляет искусно. Любовь к оружию, видимо, болезнь семейная. Сестра террориста, например, владеет большим оружейным магазином в США. Однако навестить сестру Хаттаб не мог, потому что западные спецслужбы много лет вели за ним охоту: «Рост 174–176 см, моложавого вида, смуглый, носит бороду, длинные до плеч волосы…» И стоило только Хаттабу пересечь границу, на его руках сразу защелкнулись бы наручники: за Черным арабом тянулся шлейф зверских убийств.

Хаттаб просто обожал, как и некоторые его дружки, показательные казни, особенно над иноверцами. Медленно отрезать у пленных уши, носы, снимать скальпы… И чтобы при этом все записывалось на видеопленку. Эти кинодокументы он затем демонстрировал влиятельным заграничным мусульманским «ультра» в подтверждение своей верности курсу на построение нового ваххабитского государства от Каспийского моря до Черного.

Иорданский чеченец приказывал снимать на видео все

проведенные лично им операции и теракты. При нем постоянно находились два кинооператора. Среди наиболее известных операций Хаттаба — теракт в Буденновске (из отряда Хаттаба участвовало 70 боевиков и все остались живы), обеспечение «коридора» банде Радуева у села Первомайское, расстрел колонны 245-го полка у селения Ярышмарды, засада у села Сержень-Юрт, нападение на мотострелков в Буйнакске (там он был ранен в плечо). Эти документальные записи были проданы зарубежным телекомпаниям за огромные деньги. Причем на всех них Черный араб без ложной скромности демонстрировал личные успехи в стрелковом, минновзрывном, пыточном деле.

Подчиненных он держал в ежовых рукавицах. За малейший проступок следовало жестокое наказание. Накануне нападения на Дагестан, например, за ослушание были казнены два наемника-таджика. Как всегда, момент казни опять же засняли видеокамерой.

Деньги у Хаттаба водились, и немалые. Не секрет, что и Дудаев, и Яндарбиев, и Масхадов пользовались его финансовыми услугами еще во время первой чеченской войны. Помимо солидной валютной подпитки из Саудовской Аравии, Пакистана, Турции Хаттаб и его «соратники» активно зарабатывали деньги похищениями людей, производством и реализацией наркотиков. Его заводы по производству опия и переработке героина, как и заводы братьев Басаевых, были расположены в Веденском районе, в пионерском лагере «Зорька» под Шали и в других местах.

Хаттаб был очень религиозен. Правда, это не мешало ему заниматься запрещенной исламом торговлей наркотиками. Чечню он считал землей Аллаха. Готов был, по его словам, с удовольствием вырезать всех русских на Кавказе. И одновременно крайне нетерпим к последователям традиционного ислама (суннитам и особенно шиитам). После кровавого сражения в Гудермесе между масхадовцами и ваххабитами, которых поддержал Черный араб, Ваха Арсанов (вице-президент Чечни) предложил Однорукому Ахмеду уехать домой, в Иорданию. Известный террорист ответил отказом. В Чечне у него авторитет, влияние, деньги. А что в Иордании? Кроме родины — ничего. А главное, там скучно — нет войны.

Под свое кровавое ремесло Хаттаб подводил идейную базу. В его распоряжении был так называемый Исламский институт «Кавказ», который на деле являлся филиалом международной экстремистской организации «Братья-мусульмане». В институте «работали» 40 преподавателей — афганцы и арабы. 160 слушателей по утрам изучали арабский язык, догматы ваххабизма, а после обеда оттачивали мастерство терроризма.

Лучшие юные богословы-экстремисты из институтского лагеря «Саид ибн Абу Вакас» отправлялись шлифовать знания дальше — в спецлагеря Пакистана и Турции.

Учебные центры Хаттаба, превратившись в конце 90-х в базу подготовки международных террористов, занимали особое место в планах мировых экстремистских организаций. Вместе с юношами из Средней Азии, Поволжья, Северного Кавказа в них обучались молодые люди из Саудовской Аравии, Иордании, Китая, Египта, Пакистана, Малайзии, других стран.

Основная база Хаттаба располагалась у селения Сержень-Юрт, на территории бывших пионерских лагерей, на левом берегу реки Хулхулау. Семь учебных лагерей носили имена пакистанцев-инструкторов. В Центральном, которым руководил непосредственно Хаттаб, обучались около ста иностранных наемников и несколько особо отличившихся чеченцев. «Абуджафар-лагерь» делал упор на обучении методам ведения партизанской войны, «Якуб-лагерь» специализировался на освоении тяжелого вооружения. В «Абубакар-лагере» растили асов-диверсантов. «Давгат-лагерь» готовил кадры идеологов, пропагандистов. Одновременно в семи лагерях обучалось около двух тысяч человек.

Учебные группы комплектовались по пять человек, пятерками они потом и воевали. В программу обучения входили ежедневные стрельбы, рукопашный бой, минно-подрывное дело, ориентирование на местности, выживание в экстремальных условиях… Особое внимание уделялось отработке вопросов взаимодействия, организации связи, захвату важных городских объектов и, конечно же, заложников.

Кроме того, под опекой Хаттаба находилось медресе в селе Харачой, где обучались террористы.

Во имя укрепления «дружбы между двумя народами» женился он на даргинке из села Карамахи и чеченке из Веденского района. Перед вторжением в Дагестан его часто видели на джипе «Тойота» с символикой миссии ОБСЕ. Черный араб любил также показывать заезжим журналистам свое удостоверение корреспондента одной из арабских газет.

В конце июля 1999 года в большинстве диверсионных лагерей Хаттаба состоялся выпуск молодых специалистов. А в августе их отправили «защищать диплом» в Ботлихский район. Прикаспийскую республику он давно объявил очередным фронтом борьбы с неверными. Но здесь Хаттаба ждал провал. Не мог похвастаться Черный араб победами и позже — во второй чеченской кампании. Особенно в горных районах. Отборные силы Хаттаба, состоявшие в основном из наемников, понесли

значительные потери в ходе контртеррористической операции. Постепенно карьера наемника №1 на Северном Кавказе двигалась к закату. Его действия вносили все больший раскол в ряды боевиков. Многие полевые командиры свои военные неудачи напрямую связывали с присутствием чужаков-наемников, для которых Хаттаб служил своеобразной «крышей». Большинство дагестанцев отшатнулось от «непримиримых» именно из-за нелюбви к чужеземцам. Предпочло «своих» федералов. Но Хаттаба это обстоятельство, похоже, мало смущало: он надеялся на свою постоянную спутницу — удачу. Увы, удача — штука капризная. В конце концов она отвернулась от Хаттаба. Его смерть — закономерный конец бандита-наемника.

Глава 9
Снова в поход

Кадарская зона

Кадарской зоной стали называть территорию двух населенных пунктов Буйнакского района Дагестана — Карамахи и Чабанмахи, которые образовали самопровозглашенную «независимую исламскую республику», живущую по законам шариата. На всех ведущих к ним дорогах стояли шлагбаумы, посты местных боевиков и щиты зеленого цвета с предупреждающей надписью: «Стой! Здесь действуют законы шариата!»

Федеральные и республиканские законы тут отменили еще несколько лет назад. Главу администрации и начальника милиции в селе Карамахи ваххабиты расстреляли без суда и следствия (полный беспредел!). Всех сельчан, не желавших принимать ваххабизм в качестве вероисповедания и образа жизни, просто изгнали из домов, лишив крова и имущества.

Бацилла исламского экстремизма, занесенная извне, постепенно заразила и жителей других окрестных сел. Правда, далеко не всех. Мулла соседнего Кадара (откуда, собственно, и название «Кадарская зона»), побывав на богослужении в Карамахи, призвал односельчан не общаться с ваххабитами.

— Они не мусульмане — они враги ислама!..

В итоге лишь несколько жителей Кадара и небольшого селения Ванашимахи приняли ваххабизм. Однако и без учета «примкнувших» исламские сектанты представляли собой серьезную силу. Свои возможности и истинные намерения они продемонстрировали еще весной 1998 года, когда под предводительством одного из своих лидеров, Надира Хачилаева, хорошо организованным большим отрядом приехали в Махачкалу (до которой всего час езды), захватили и разграбили здание Госсовета, выдвинув ряд политических условий.

Сложилось критическое положение: органы правопорядка проявляли нерешительность и без приказа «сверху» не собирались давать жесткий отпор. Видя это, лидеры Общественного движения Дагестана собрали отряды народного ополчения для защиты конституционного строя в республике. Ополченцев (противников ваххабизма) поддержало местное духовенство. Фактически в республике сформировалось нечто вроде народного фронта против исламских «ультра»: люди готовы были раз и навсегда покончить с рядившимися в религиозные одежды бандитами.

Федеральный центр в лице тогдашнего министра внутренних дел Сергея Степашина рассматривал сложившуюся ситуацию как угрозу масштабной гражданской войны. Во избежание

кровопролития отказались от силовых мер и начали переговоры. В результате бандитов отпустили с миром из Махачкалы. В Карамахи и Чабанмахи их встречали как победителей. Фактически беспорядки и вандализм, учиненные ими в столице Дагестана, попытка изменения конституционного строя республики остались безнаказанными. Мало того, федеральная власть никак не прореагировала на обращение духовенства Дагестана о запрещении ваххабизма (имамы и муллы требовали поставить экстремистское сектантство вне закона).

В довершение всего — неожиданный «визит доброй воли» С. Степашина в Карамахи и Чабанмахи, да еще с двумя самолетами гуманитарной помощи, хотя уровень жизни здесь был выше, чем в других дагестанских районах. Политическую линию Центра неоднозначно восприняли в республике. Ваххабиты расценили это прежде всего как слабость Москвы, антиваххабитски настроенные дагестанцы — как политическую профанацию, а криминальные структуры — как сигнал ко вседозволенности.

Невиданного размаха достигли террор, торговля оружием и людьми, производство и транзит наркотиков.

Кстати, карамахинцы держали пальму первенства во многих преступных промыслах. Только официально зарегистрированных здесь грузовых КамАЗов числилось около 750. А сколько было неучтенных?! Фактически Кадарская зона стала перевалочной базой в торговле оружием и наркотиками. Криминальный бизнес приносил огромные барыши, а статус новой самопровозглашенной «исламской республики» вдохновлял зарубежных спонсоров закачивать долларовые инъекции для поддержания и расширения «шариатского государства».

Чеченские боевики стали частыми гостями в Кадарской зоне. А Хаттаб, как известно, даже женился (в очередной раз) на девушке из Карамахи, скрепляя альянс с дагестанскими ваххабитами еще и родственными связями. Здесь он организовал учебный центр, в котором обучал местных жителей подрывному и стрелковому делу, проводил занятия по инженерной подготовке и применению средств связи.

С самого начала ваххабитского похода на Дагестан стало ясно, что одной из главных целей террористов является слияние Кадарской зоны с Чечней. Вбивая клин в направлении Карамахи и Чабанмахи, бандиты хотели рассечь республику на две части.

Теперь и у российских властей открылись глаза: ваххабитский анклав как военно-политический лагерь представляет серьезнейшую опасность для целостности Дагестана (да и Федерации в целом) и подлежит немедленному

уничтожению. Заигрывание, замирение с ваххабитами Кадарской зоны ни к чему хорошему не привело. Пришлось все же прибегать к силовым методам.

Операция началась 28 августа 1999 года, готовилась и проводилась в основном силами МВД. Однако уже с первых шагов стали очевидными просчеты на различных уровнях руководства. План операции был упрощенным, явно недооценивалась реальная сила бандформирований, методы действий республиканской милиции и подразделений внутренних войск были неадекватны. К примеру, дагестанские милиционеры поехали наводить порядок в Карамахи на «уазиках», с пистолетами и наручниками, полагая, что такой экипировки достаточно для разоружения ваххабитских отрядов. Их встретили организованным пулеметным огнем, и такое легкомыслие обернулось тяжелыми потерями — ранеными и убитыми сотрудниками. Ваххабиты действовали по всем правилам военной науки, а милиция шла брать их как какую-нибудь мелкую банду жуликов.

Удивительное дело, но и после преподанного бандитами урока ошибок в руководстве операцией не стало меньше. Во-первых, пункт управления был расположен в Верхнем Дженгутае — за полтора десятка километров от Кадарской зоны. На таком удалении генералы МВД руководили операцией фактически вслепую. Во-вторых, радиосети милиции и внутренних войск находились под полным контролем бандформирований Кадарской зоны. Ваххабиты не только все прослушивали, но еще запускали «дезу», организовывали радиопомехи. В эфире — полнейший хаос. Как видим, в этом плане не было сделано серьезных выводов после первой чеченской кампании. В-третьих, между подразделениями внутренних войск и милиции не было налажено четкое взаимодействие. В результате малоосмысленные атаки без труда отражались бандитами.

В общем, за пять дней операции федеральные силы не добились значительных успехов, завязли в неэффективных перестрелках, потеряли в конце концов наступательный порыв, сникли.

Военно-политическое руководство обязано было переломить ситуацию, чему должны были способствовать и организационные и кадровые меры. 3 сентября 1999 года я был назначен руководителем оперативного штаба — командующим Объединенной группировкой федеральных сил в Республике Дагестан. В тот же день прилетел в Махачкалу и, выслушав доклады ряда должностных лиц и изучив местность по карте, уяснил обстановку. Ситуация вырисовывалась более-менее четко. В 19.00 я доложил начальнику Генштаба А. Квашнину и министру

внутренних дел В. Рушайло свое видение операции в Кадарской зоне. При этом настойчиво попросил, чтобы никто не дергал за рукав. По опыту знал: без этого не обходится, когда в дело вовлечены силы и средства различных силовых ведомств. Чтобы избежать накладок, несогласованности, потребовал жесткого подчинения мне представителей разных федеральных структур. Иначе успеха не добиться. И Рушайло, и Квашнин одобрили мой подход и дали полный карт-бланш. Я тут же приступил к делу. Оперативно были разработаны все необходимые документы: детальное планирование, решение на проведение операции, план перегруппировки сил и средств, планирование огневого поражения, схема организационно-штатной структуры управления, установочный приказ. Мне очень помогли мои заместители: генерал-полковник М. Лабунец (от российского МВД), генерал-майор А. Магомедтагиров (МВД Дагестана), генерал-лейтенант В. Смирнов (УФСБ по Дагестану), генерал-майор С. Бондарев (ФПС), полковник С. Савченко (ФАПСИ) и другие офицеры. Большую работу проделал начальник штаба Объединенной группировки полковник В. Василенко.

4 сентября приступили к перегруппировке войск: провели детальную разведку местности в полосе выдвижения войск, рекогносцировку маршрутов и продолжили выявление сил и средств боевиков в Кадарской зоне. Старались не упустить и бытовые, житейские мелочи: выдали людям плащ-палатки и средства защиты, помыли в бане, сменили нательное белье, дали время для отдыха…

В тот же день войска, совершив марш, заняли позиции и рубежи согласно плану: мотострелковый батальон 242-го мотострелкового полка вышел из Каспийска и образовал 17 блокпостов вокруг Кадарской зоны, на расстоянии около 5 километров от центра боевых действий; парашютно-десантный батальон 76-й воздушно-десантной дивизии с танковой ротой 242-го полка и пятью расчетами ПТУР выдвинулся в район села Кадар и блокировал Карамахи и Чабанмахи с юга и востока, сюда же прибыл батальон 205-й мотострелковой бригады (без двух рот) с ротой спецназа — для охраны и обороны командного пункта и артиллерийского дивизиона, а также медицинский отряд спецназначения. А до этого мы выслали четыре группы спецназа в ущелье Чанкурбе для разведки маршрута и сопровождения колонн. Выставили три блокпоста, чтобы предотвратить атаки боевиков. В трех километрах севернее Нижнего Дженгутая, на полевом стане, разместили основную часть артиллерии: артиллерийский и реактивный дивизионы 944-го самоходно-артиллерийского полка. К проведению операции привлекалась

армейская и фронтовая авиация. Впоследствии, правда, часть самолетов была переброшена на Новолакское направление — для уничтожения прорвавшихся там 5 сентября отрядов бандитов.

Вся эта сложнейшая перегруппировка сил и средств была нами проведена настолько четко, организованно, что удалось опередить запланированный график. Вместо двух дней затратили на передислокацию всего сутки. Уже к исходу 4 сентября войска готовы были начать активные боевые действия. Мы создали два кольца блокирования вокруг Кадарской зоны, которые обеспечивали необходимый режим изоляции бандитов, исключали возможность их прорыва.

Однако сработала и разведка противника. От ее внимания не ускользнуло масштабное передвижение войск. Ваххабиты и внутри Кадарской зоны, и за ее пределами, в соседней Чечне, поняли, что кончилось время милицейских нарядов (вооруженных пистолетами и наручниками): федералы всерьез берутся за дело и шутить на этот раз не намерены. Поэтому, чтобы отвлечь наше внимание от Кадарской зоны, бандиты предприняли ряд неожиданных дерзких шагов.

Поздним вечером (около 22 часов) в Буйнакске был взорван жилой дом. Погибло 18 (из них 9 военнослужащих и членов их семей) и ранено около 100 человек.

Я немедленно выехал туда, чтобы изучить ситуацию на месте. Убедившись, что спасательные работы начаты и идет расчистка завалов, направился в штаб 136-й бригады, доложил руководству в Москву о теракте и принятых мерах, исключающих новые взрывы. Были сформированы поисковые группы из военнослужащих и представителей МВД, которые прочесали город и особенно территорию вокруг бригады. И действия их вскоре дали результат: на одной из улиц, возле госпиталя, была обнаружена автомашина ЗИЛ-130 с кунгом (хлебовозка). Автомобиль вызвал у поисковой группы подозрение, и военнослужащие внимательного его осмотрели. Оказалось, кунг был под завязку начинен магниевой смесью, а взрывное устройство с часовым механизмом установлено на 1 час 30 минут. Видимо, террористы рассчитывали, что после взрыва жилого дома и эвакуации пострадавших масса людей соберется у входа в госпиталь (хотя таким количеством взрывчатки можно полгорода стереть с лица земли). Так бы оно и случилось, если бы не саперы. Командир инженерно-саперного батальона майор Крюков сумел обезвредить адскую машину за 10 минут до взрыва!

Позже мы представили отважного офицера к высокой государственной награде.

Однако бандиты не ограничились только адскими машинами.

Утром (в 7. 00) 5 сентября около 700 (по некоторым данным — более тысячи) боевиков прорвали на границе с Дагестаном заслоны милиции и внутренних войск и устремились в глубь республики. Уже к исходу дня они овладели населенными пунктами Шушия, Ахар, Чапаево, Гамиях, Новолакское, Тухчар и вышли на рубеж в 5 километрах юго-западнее Хасавюрта. По оперативным данным, вторгшихся бандитов готовы были поддержать некоторые чеченцы-аккинцы, проживающие в Дагестане.

Все это предельно осложняло положение. Ведь с захватом Хасавюрта перед боевиками открывалась прямая дорога на Махачкалу. Чтобы избежать этого, командование федеральными силами на Новолакском направлении взял на себя командующий войсками СКВО генерал В. Казанцев. Хотя было совершенно очевидно, что удар боевиков по Новолакскому району — это всего лишь отвлекающий маневр, некоторые «горячие головы» стали требовать от меня, во-первых, перебросить часть сил под Хасавюрт, а во-вторых, побыстрее заканчивать операцию по ликвидации ваххабитского анклава. Короче говоря, и торопить стали, и силы растаскивать.

Я категорически возражал и против одного, и против другого. Спорил, убеждал, доказывал. В конце концов, чтобы от меня отстали, пришлось пожертвовать частью авиации (детали тех событий я уже приводил выше). Неуступчивость моя объяснялась, конечно же, не упрямством и тем более — не личными амбициями. Теперь я отчетливо представлял, с кем и с чем имею дело в Кадарской зоне. Два села с населением около 5 тысяч человек превратились в единый мощный укрепрайон. Гарнизон его составляли не только местные жители (в основном даргинцы), но и пришлые чеченские и арабские боевики. Из разведданных я узнал, что командуют боевыми отрядами Хачилаев, Джарулла, Мухамед, Ждамалудин, Магомет-Расул, Халифа, в подчинении у них сотни бандитов. Есть отдельное формирование — исключительно из наемников, прошедших через учебные лагеря Хаттаба.

Как выяснилось, несколько лет (!) подряд ваххабиты старательно превращали свои села в крепости, как будто знали, что рано или поздно у федеральной власти лопнет терпение. Каждый дом оборудовался мощными подвалами с бойницами для ведения огня. Готовились подземные ходы сообщений, склады боеприпасов и материальных средств, учебные классы, предусмотрели госпиталь и даже тюрьму. К тому же рельеф местности создавал естественные препятствия на пути атакующих. Села расположены на возвышенностях, а вокруг —

ущелья: эффект неприступности. Как известно из исторических хроник, именно здесь были разгромлены войска персидского царя.

Решения шариатского суда за несколько последних лет также дают представление о том, как готовились к войне местные ваххабиты: провинившимся назначались наказания в виде, например, месяца земляных работ или машины цемента. Повторюсь, в результате всего этого под селами Карамахи и Чабанмахи был создан целый подземный город, которому не страшны ни артиллерия, ни авиаудары.

Это подтвердилось после первых же ударов всеми средствами по позициям бандитов. Казалось бы, ничего живого не должно остаться после такого налета, однако, как только мы пошли в атаку, заработали многие огневые точки боевиков. Особенно губительным был огонь снайперов. У нас появились убитые и раненые. Пришлось вновь и вновь работать артиллерии и авиации. График огневого поражения мы уточняли на каждый день и на каждую ночь. Цели постоянно корректировались.

Основная нагрузка легла на плечи артиллеристов, поскольку плохая погода (дожди и туманы) мешала активно применять авиацию. Однако мы выкатили на северную окраину Кадара танки, и они прямой наводкой дополнили огонь артиллерии. Фактически два дня — 5 и 6 сентября (что соответствовало ранее утвержденному плану) — велось огневое поражение позиций противника.

После первых же залпов запросил переговоров один из ваххабитских лидеров, бывший депутат Госдумы — Надир Хачилаев. Он потребовал прекратить огонь и предоставить «коридор» для выхода всех боевиков в Чечню. Мы, конечно, ответили, что ни о каком «коридоре» для бандитов и речи быть не может. Или полная капитуляция и сдача оружия, или уничтожение. Единственное, на что согласимся, — предоставим возможность покинуть зону боевых действий оставшимся женщинам и детям. Большинство из них вышли раньше, однако часть была оставлена в селах в качестве заложников, в надежде, что федералы в этих условиях не станут открывать огонь.

В конце концов, видя, что руководство операцией не собирается идти на уступки, бандиты отпустили почти всех стариков, женщин и детей. Они выходили из сел испуганные, с широко раскрытыми от страха глазами, с домашним скарбом в узлах. У некоторых на руках были младенцы. Дети шли по раскисшей от дождей дороге, утопая по щиколотки в грязи и держась за юбки матерей. Больно было на это смотреть; настолько жуткая картина, что щемило сердце. Однако все мы (от

солдата до генерала) понимали, что не действия федеральных войск первопричина их страданий, а бездумная и нередко преступная жизнь глав семейств, превративших свои села в бандитское гнездо, откуда на протяжении нескольких лет исходила угроза всему Дагестану. Теперь настал час расплаты…

Свой командный пункт я разместил на окраине Кадара, над пропастью. Мятежные села — как на ладони. Хотя это было небезопасно — одного из солдат на КП ранило. На противоположной (северной) стороне Кадарской зоны, на полевом стане, размещался КП 22-й бригады оперативного назначения (ВВ) под командованием полковника В. Керского, чьи подразделения играли существенную роль в разгроме бандформирований. Утром 8 сентября они уже атаковали позиции боевиков в районе новостроек на севере Карамахи. С юго-запада на штурм двинулись бойцы 20-го отряда спецназа, а с юго-востока и востока ударили спецназовцы 8-го отряда.

Вначале все складывалось нормально, но бандиты довольно быстро восстановили систему огня после налетов авиации и ударов артиллеристов. Заработали вражеские снайперы, пришлось отступить.

В этот же день была пленена группа ваххабитов, пытавшихся вырваться из окружения, — девять человек: шестеро мужчин (среди них — братья Хасбулатовы, брат жены одного из ваххабитских главарей — Джаруллы — Азиль Ирисбиев, и другие) и три женщины (в том числе жена Джаруллы — Барият).

Опять пришлось обрушить по боевым позициям бандитов огонь артиллерии, авиации и танков. При этом старались уберечь здания — били только по разведанным целям; но, к сожалению, не обходилось без разрушений. После огневых налетов — новый штурм.

К 10 сентября военнослужащие 17-го отряда спецназа В В захватили южную (нижнюю) окраину Чабанмахи, 20-й отряд овладел юго-западной окраиной Карамахи, 1-й батальон успешно преодолел квартал новостроек и вышел на окраины так называемого «старого села» Карамахи.

К 11 сентября разведрота 22-й бригады «оседлала» господствующую над всей местностью гору Чабан и фактически обеспечила тем самым успех спецназовцев, которые заметно продвинулись вперед. 8-й отряд взял высоту над срединной частью села Чабанмахи, а 20-й отряд овладел всей южной частью села и вышел на его восточную окраину.

Наверное, детальная боевая хроника покажется скучной иному читателю, но для непосредственных участников тех боевых действий она полна живых впечатлений, особых чувств, за ней

судьбы сотен солдат.

Тот сентябрьский день не только был отмечен успехами, но и доставил огорчения. Ожесточенное сопротивление боевиков, дождь и слякоть, затруднявшие продвижение вперед, — все это, видимо, не лучшим образом повлияло на боевой дух двух отрядов ОМОНа, которые отказались идти в бой. Я вынужден был доложить об этом В. Рушайло. Поведение омоновцев его рассердило.

— Прими все возможные меры, — попросил министр внутренних дел. — Я после с ними разберусь…

Между тем мой заместитель генерал-полковник М. Лабунец (командующий Северо-Кавказским округом ВВ) и генерал-полковник А. Шевцов (представитель МВД РФ) сами быстро навели порядок в подчиненных подразделениях. Лабунец даже охрип от крика, а Шевцов поехал на «броне» в боевые порядки дрогнувших милиционеров, лично поднял их в атаку. Так по-русски обложил трусов, что тем действительно стало стыдно.

К счастью, такие случаи малодушия в бою были единичными. На протяжении всей операции больше никто не проявлял слабостей. Хотя враг на отдельных участках дрался отчаянно. Например, в Чабанмахи при штурме опорного пункта боевик-фанатик, встав в полный рост, бросился с гранатой на наших бойцов. Подорвал и себя, и одного из солдат, двоих ранил.

За сутки (с утра 11-го до утра 12 сентября) разведбатальон и отряд спецназовцев преодолели три мощных опорных пункта ваххабитов, подавили огонь нескольких групп снайперов и вышли к центру села. Уже в полдень над Карамахи реял российский триколор. На улицах села лежали трупы бандитов.

Уже накануне ваххабиты, по всему чувствовалось, запаниковали, многие хотели сдаться — это мы знали и по радиоперехватам, и по показаниям пленных. Однако наемники не давали местным возможности капитулировать, заставляли драться до конца: понимали, что если те еще могут как-то избежать суровой кары закона под тем или иным предлогом, то наемникам нет никаких оправданий: руки у них были по локоть в крови еще до прихода в Кадарскую зону.

Одновременно с натиском 22-й бригады в Карамахи продолжили продвижение в Чабанмахи спецназовцы подразделения ГУИН и ОМОН. Особенно храбро сражались дагестанские омоновцы. Они с гордостью водрузили российский флаг над селом. Это случилось 12 сентября в 18.00. Остатки разгромленных банд скатились в лесистую лощину возле северо-западной окраины Карамахи.

Фактически с утра 13 сентября началась «зачистка» обоих

сед. Параллельно добивали уцелевших боевиков в «зеленке» между населенными пунктами. Это было непросто. Двое суток (вплоть до 15 сентября) мы выкуривали бандитов из всех щелей. Побросав оружие, они просачивались из зоны боев поодиночке и мелкими группами. Заворачивались в ковры, ползали на четвереньках между овцами в стадах — в общем, шли на любые ухищрения, спасая свои шкуры. Горько признавать это, но, к сожалению, некоторым удалось уйти, в том числе и Надиру Хачилаеву. До сих пор не могу понять, как это случилось. Не исключаю, что его могли пропустить за деньги местные милиционеры. Хотя могу и ошибаться.

В целом же в Кадарской зоне была разгромлена мощная группировка боевиков — до тысячи человек. Сотни убитых и раненых, захваченных в плен. Разрушен мощный укрепрайон. Ваххабитский анклав Дагестана прекратил свое существование. Раковая опухоль была удалена с тела республики.

Оценивая успешные действия федеральных сил, надо подчеркнуть, что во многом их предопределяло на сей раз четкое взаимодействие подразделений различных силовых ведомств. И в этой связи не могу не отметить генерал-полковника М. Лабунца, руководившего подразделениями внутренних войск. Думаю, без такой опоры мне пришлось бы тогда трудно. Позже он достойно воевал в Чечне, особенно отличился при разгроме банд Р. Гелаева в селе Комсомольское. Я ходатайствовал перед главкомом ВВ и министром внутренних дел РФ о представлении к званию Героя России и генерала М. Лабунца, и полковника В. Керского, чья бригада показала образец воинского мужества при взятии Карамахи. Считаю, что они достойны золотых звезд.

В Кадарской зоне пришлось еще раз убедиться в надежности нашей артиллерии. И, поверьте, не ради формального долга хочу отметить в этой связи начальника ракетных войск и артиллерии СКВО генерал-майора В. Боковикова. Именно четкое управление с его стороны во многом способствовало успеху проведения Кадарской операции.

Однако, высказывая добрые слова в адрес офицеров и генералов, надо прежде всего отдать должное мужеству и доблести наших солдат, их боевой смекалке и находчивости. Меня, в прошлом танкиста, просто поразило мастерство наводчика орудия танка Евгения Капустина. Как он молниеносно и точно поражал цели!.. В горячке боя, не дожидаясь команды, самостоятельно открывал огонь на поражение.

Помню, я заметил в бинокль, как около полутора десятка бандитов бросили свои позиции и перебежали в один из домов. Не успел сказать об этом командиру танкистов, как вдруг вижу —

дом с боевиками взлетает на воздух. Точнехонько в окно положил снаряд кто-то из наводчиков орудий.

— Кто стрелял? — спрашиваю.

— Сейчас узнаю, — ответил офицер-танкист. Выяснил. — Это рядовой Капустин. Он, товарищ генерал, всегда бьет без промаха. А сегодня к тому же праздник — День танкиста.

В дальнейшем я с особым интересом наблюдал за действиями этого солдата. И ни разу он не дал повода усомниться в своем мастерстве. То попадание в окно не было случайной удачей (впоследствии он был награжден звездой Героя РФ). И такие солдаты в нашей группировке были в преобладающем большинстве. Я старался всех их представлять к государственным наградам. Заслужили ребята.

15 сентября я доложил министру обороны и начальнику Генштаба об успешном завершении операции в Кадарской зоне.

Анатолий Квашнин. Штрихи к портрету

Уже по моим дневниковым записям читатель мог понять, как тревожился при проведении Кадарской операции А. Квашнин. Звонил по пять-семь раз на дню: «Как идет дело?.. На каких рубежах?.. Что ваххабиты, как отреагировали на ультиматум?..» До того измотал вопросами, требуя постоянно докладывать, что в один такой момент я не выдержал и велел своему офицеру связи: «Скажи Квашнину, что меня нет — уехал на другой участок, на рекогносцировку…»

До курьеза дошло: обстановку начальнику Генштаба докладывал начальник пресс-центра нашей восточной группировки, который лишь в общих чертах разбирался в оперативных вопросах. Кстати, надо отдать должное и НГШ, и военному журналисту. Первого не смутила такая разница в рангах (главное — обстановку знать), а второй довольно грамотно и четко выступил в роли «полководца».

Позже, когда схлынула горячка боя, я мысленно посочувствовал Квашнину: днюет и ночует в Генштабе, рвется на передовую (а дела не отпускают), хочет знать, что творится на местах, переживает за исход дела… Еще неизвестно, как бы я вел себя на его месте. Может, не семь, а семнадцать раз в день звонил бы на командный пункт!..

Тут сплелись воедино и душевная тревога Квашнина, и его дотошность, желание быть в курсе…

Помню, еще в первую войну я столкнулся с этими его качествами при планировании операции в горах. Анатолий Васильевич посмотрел на карту, ознакомился с моим решением и засомневался:

— Здесь надо по-другому… — начал корректировать мой план.

— Но я там был, товарищ командующий, — говорю, — мне виднее…

— Нет, тут мне твой вариант не нравится, — продолжал настаивать на своем Квашнин.

— Ну тогда идите сами командуйте моей группировкой, — вспылил я. — Менять план не буду.

— Что ты взъерепенился? — спокойно отреагировал он на мой демарш. — Давай все же разберемся…

Кончилось все миром. Решение мое после доработки (с учетом его замечаний) было одобрено и утверждено, хотя в тот момент, как мне кажется, он еще не доверял мне до конца. Поверил, когда задуманная операция прошла достойно: задачу

войска выполнили успешно, потеряв двух солдат, а противника наголову разбив.

Квашнин, несмотря на естественную для его положения требовательность и жесткость, был терпим к мнениям других. С ним можно было спорить, отстаивая свою точку зрения.

Я познакомился с ним в 1973 году в Москве. Мы учились в Академии бронетанковых войск на одном курсе, и нас, слушателей, поражало глубокое знание Квашниным военного дела. При том, что он не заканчивал военное училище, был из «пиджаков» — так в армии называют тех, кто пришел на службу после гражданского вуза, имея за плечами лишь военную кафедру.

Обычно клеймо «пиджак» прирастает к человеку на всю жизнь, хотя тот носит погоны десятки лет. Чаще всего каста кадровых военных отторгает чужаков. Ведь в армии есть свои группировки. Это данность, которую не объедешь, нравится она кому-то или нет. Есть «суворовцы» (у них свое братство, свои отношения и даже свои обычаи), есть кадровые военные (это основная масса офицеров), есть «афганцы» (у них тоже свое товарищество), а есть «пиджаки».

Квашнин не вписывался в традиционное представление о «пиджаках». Человеку, со стороны наблюдавшему за ним на службе, и в голову не могло прийти, что этот офицер в армии оказался благодаря случайному стечению обстоятельств. Он настолько органично вписался в военную действительность со всеми ее сложностями и нюансами, что окружающие забывали о его «пиджачном происхождении». Анатолий Васильевич с первых дней службы стал военным человеком. Значит, была в нем, как говорится, армейская косточка. Но скорее всего это сказались качества мощной личности-самородка. Благодаря особому таланту, не имея базового военного образования, он смог быстро постичь все секреты специфической командирской работы.

Меня всегда поражала его особая способность держать в голове всю проблематику военного дела как по горизонтали, так и по вертикали. Поясню подробнее, что имею в виду. Итак, горизонталь.

Всякому командиру, особенно высокого ранга, приходится руководить разными, специфическими родами войск и служб, которые действуют параллельно на своих направлениях, хотя в конечном счете и на достижение одной цели. Возьмем, например, того же командира полка (хоть мотострелкового, хоть танкового): у него есть, кроме основных подразделений, и своя артиллерия, и свои средства ПВО, и связисты, и инженеры, и химики, и разведчики, и ремонтники, и медики. Нетрудно представить,

какой это сложнейший механизм — обычный полк. А военный округ? А вообще вооруженные силы?

Так вот, я знаю многих военачальников — их масштаб мышления не способен был охватить такую махину. Как правило, они отдавали полностью на откуп «ведомственным» руководителям соответствующие сферы деятельности: начальник управления ракетных войск и артиллерии рулил, как хотел, своими пушкарями, зная, что командующий его лишний раз не проверит, за чистую монету будет принимать его доклад, не вмешается в планирование и т. д. То же самое и с начальниками армейской авиации, ПВО, инженерных войск, тыла и другими. В итоге — нередко разброд и шатание, несогласованность действий — одним словом, неуправляемость.

Квашнин умудрялся держать руку на пульсе жизни всех структур, ему подчиненных. От его внимания не ускользало ничего из того, что составляло гигантский механизм военного ведомства. Вся горизонталь им контролировалась.

Однако есть еще и вертикаль. А именно — подчиненные военачальнику войсковые объединения, соединения, части и, наконец, подразделения. Вот тут обычно внимание командующего войсками округа достает лишь до командира полка (редко до командира отдельного батальона). И то далеко не каждого. Квашнин же умудряется при выездах в войска заниматься даже ротой, а то и взводом!

— Ну чего вы, товарищ генерал, — говорил я ему, — к солдату в окоп лезете? И меня, командующего, туда тащите? Проверять, как солдат окопался и какой у него сектор обстрела — забота взводного и ротного, лейтенантские проблемы. Я из них вырос еще двадцать пят лет назад!

— Как так?! — возмущался Квашнин. — Ты же должен знать, как у тебя оборона построена, какова готовность людей к бою!

— Да я лучше комдива накручу, — отвечаю, — чтобы он научил и проверил комполка, а тот — чтобы научил и проверил комбата… И так вплоть до сержанта — командира отделения… Если я каждого бойца буду учить автомат в руках держать, кто моими войсками будет командовать? Вы или Ванька-взводный?!

— Тебе что, трудно в окоп залезть к бойцу? — не унимался Квашнин. — Как же ты можешь быть уверен в надежности обороны, если лично сам не убедился?

— Да смотрел я все сам, — пытался я убедить НГШ. — Но, полагаю, не лучший вариант смотрины превращать в систему работы…

— Принцип должен быть такой, — настаивал Квашнин, — отдал приказ и беги сам вместе с подчиненными его выполнять…

Такого рода споры у нас возникали не раз и не два.

Я привык доверять подчиненным мне офицерам. Если сказал мне комбриг, например, что его люди к бою готовы, значит — готовы, верю. Ну, есть, конечно, и такие, что требуют контроля. Однако это скорее исключение, подтверждающее правило.

Дотошность и даже въедливость Квашнина — одна из главных черт его характера. Иногда это меня просто раздражало, а бывало, наоборот, — восхищало.

Помню, когда Квашнина в декабре 1994 года назначили руководить всей чеченской кампанией, под каток его дотошности, въедливости попал генерал, возглавлявший группировку одного из направлений. Он регулярно докладывал Квашнину об успехах.

— Объясни, где твои войска и где ты сам находишься? — запрашивал по радиосвязи командующий.

— Там-то и там-то, — отвечал генерал, называя точку на карте вблизи передовой.

Квашнин тут же после доклада сел в вертолет и полетел в названный пункт. Приземлился, а там — ни КП, ни войск. Командующий скрипнул зубами, но промолчал.

— Генерал, я нахожусь на том месте, которое ты мне указал! Немедленно прибыть ко мне, — зло выпалил он в эфир…

По прибытии этот генерал тут же был отстранен от руководства, а позже и уволен из Вооруженных Сил.

— Он для меня вычеркнут, — несколько отрешенно сказал Квашнин.

Это страшная фраза в устах Квашнина: не дай бог кому-либо удостоиться такого отзыва.

Перед самым началом второй чеченской кампании этой беспощадной характеристики добился генерал С. Он достойно показал себя в первую войну, успешно продвигался по карьерной лестнице (кстати, при поддержке того же Квашнина), однако на каком-то этапе то ли голова закружилась от успехов, то ли просто слишком расслабился… Короче говоря, в довершение служебных упущений еще и увлекся алкоголем, а, как уже догадывается читатель, Квашнин не терпел «друзей зеленого змия».

— Он для меня вычеркнут! — отрубил Квашнин и отправил генерала С. куда-то на задворки армии, во внутренний округ, подальше от Кавказа.

«Чтоб добрым быть, нужна мне беспощадность», — любил повторять Анатолий Васильевич. Эта беспощадность к провинившимся, с одной стороны, вызывает симпатию, с другой — в дрожь бросает своей резкостью и категоричностью.

Не могу не вспомнить еще и об умении убеждать собеседника в своей правоте. У Квашнина это — какое-то от природы

врожденное качество. Будучи человеком дальновидным, с четкой системой взглядов, с устоявшимся мировоззрением, Квашнин всегда очень аргументированно и последовательно отстаивает свою позицию, ломая даже самую крепкую «оборону». «Если не мы, то кто?!» — часто говорит он.

Помню, после отражения агрессии бандитов в Дагестане он поставил перед В. Казанцевым — в то время командующим войсками СКВО — задачу на подготовку ввода войск в Чечню. Казанцев, да и не только он, поначалу воспринял это с недоумением.

— В Чечню без письменного приказа не пойдем! — категорично заявили генералы. — Чтобы нас опять называли оккупантами?!

И о фактическом суверенитете Чечни Квашнину говорили, и о договоре Ельцина и Масхадова, и о возможной международной реакции, и об уроках первой кампании… Мы в тот момент не боялись обвинений в свой адрес. Просто предельно честно излагали свои взгляды на такую неожиданную постановку вопроса.

Упирались долго, но… безнадежно. Квашнин своей логикой смял наши позиции, как танк — старый штакетник. Не силой приказа, но аргументами здравого смысла склонил на свою сторону.

— Если не сейчас, когда они (незаконные бандитские формирования) вероломно напали на мирных людей соседнего Дагестана, всему свету показав истинное свое лицо, — говорил Квашнин, — то уже никогда больше. Потому что через год с ними не справиться. Они растерзают не только Россию, но и все соседние страны. Это будет уже нарыв евразийского масштаба. Сюда весь мировой сброд сползется… Вы представляете, что в 1944 году наши остановились бы на границах СССР, а американцы с англичанами — на Рейне? Фашисты, возможно, до сих пор терзали бы Европу (и не только Европу)… Похожая ситуация и здесь, на Кавказе… Загноившуюся рану надо вычистить до конца, пока гангрена не началась…

Это лишь малая толика аргументов Квашнина. Нет смысла приводить здесь остальные. Потому что не только в ней дело. Анатолий Васильевич давно уже знал и видел то, чего еще не знали и не видели многие из нас. Именно он убедил Путина и Ельцина в необходимости провести контртеррористическую операцию на территории Чечни. Именно он предугадал, что население республики будет встречать федералов с другим настроем, нежели в первую войну.

— Чеченцы сами устали за три года от бандитского режима.

Никакого всенародного сопротивления нашим войскам не будет, — доказывал он.

Ладно, согласился Кремль. Но разрешил проведение операции только в северных районах Чечни: на юг, за Терек — ни ногой.

Однако первые результаты ввода войск приятно поразили, кажется, даже самого Квашнина. Нас встречали как освободителей. Чеченцы на броню цветы кидали, солдат молоком поили. «Ну, раз такое дело, — решили наверху, — тогда полный вперед!» И мы двинули полки за Терек.

Квашнин во всем оказался прав. От стратегической идеи до деталей. Всем мозги вправил на место: и нам, военным (от генерала до солдата), и политикам. Теперь можно посмеяться над нашими заблуждениями, но мы действительно не ожидали такой поддержки ни в российском обществе вообще, ни в Чечне в частности.

Ох, как же рисковал Квашнин, принявшись в одиночку ломать тогдашние страхи и стереотипы мышления чуть ли не всей российской государственной машины! Представляю, как он переживал, сколько душевных мук испытал за все эти годы, начиная с декабря 1994-го, когда принял на себя командование в Чечне. И ведь победил. Думаю, за это не только я перед ним мысленно снимаю шляпу.

«Даже подушка полководца не должна знать его мыслей», — часто говорил начальник Генштаба. И не только говорил. Во всей его деятельности прослеживалось нормальное для военного человека желание предотвратить утечку конфиденциальной информации.

Помню, как еще в канун горных операций 1995 года Квашнин «секретничал»: даже командиры полков получали конкретную задачу лишь за полчаса (!) до начала ее выполнения. Конечно, с одной стороны, это плохо — нет времени на подготовку. Однако, с другой стороны, нас всех просто бесили факты сливания наших секретов боевикам. То ли кто-то продавал военную информацию бандитам за деньги, то ли у них слишком хорошо был поставлен радиоперехват и разведка, то ли все, вместе взятое.

Зная это, Квашнин всеми способами старался обеспечить скрытность наших планов. Вплоть до того, что запускал «дезу» федеральным командирам, не исключая возможности чьего-то предательства. При нем обычной стала практика, когда в курсе планируемой операции было всего два-три генерала. Остальные, включая военачальников высокого ранга (даже непосредственных исполнителей), ничего не знали до последней минуты, до команды «Вперед!». Это приносило свои плоды, обеспечивало

эффект внезапности. Бандиты терялись в догадках и проигрывали.

Достоинства Квашнина перечислять можно долго. Даже те его качества, которые меня порой раздражали, по сути, являлись продолжением достоинств этого человека.

Если попытаться выделить главные штрихи в портрете Квашнина, я бы прежде всего отметил военные успехи в чеченских кампаниях, которые неспроста связывают с этим человеком: он поистине державный мужик, государственник. Во многом именно благодаря его решительности воспряла армия после пережитого в 1996 году унижения. Да и весь мир стал по-другому смотреть на нас. Вспомните отчаянный и шокировавший натовцев рейд наших десантников в Косово: это его идея.

Когда пресса, политики, западные «сострадатели» чеченского народа стали готовить общественное мнение к возможному замирению с А. Масхадовым, многие военные просто растерялись: как же так?.. И тут прозвучало на всю страну его решительное высказывание: «Никаких переговоров с бандитами не будет. Пусть никто на это не надеется».

История — дама капризная: не знаешь, кого на какой пьедестал поставит. Но не сомневаюсь: Квашнин занимает в летописи ратных защитников Отечества достойное место.

На ошибках учатся

Потерпев ощутимое поражение, лидеры бандформирований не смирились с этим и начали подготовку к очередному нападению на приграничные с Чечней районы Дагестана. Для осуществления своих замыслов они сосредоточивали боевые отряды как на равнине (кизлярское, хасавюртское направления), так и в горных районах. В конце сентября 1999 года участились случаи обстрелов блокпостов и опорных пунктов федеральных войск на административной границе Чечни и Дагестана. Появились первые беженцы из «независимой Ичкерии».

К октябрю группировка бандитов выросла почти в два раза и к началу контртеррористической операции достигла 20 тысяч человек, или в переводе на военную терминологию — приблизительно 50 батальонов. А если учитывать, что практически в каждом населенном пункте «мирные» жители имели оружие (это позволяло создавать свои вооруженные отряды), то общая численность боевиков могла достигать 30 и более тысяч человек.

На вооружении у них было несколько десятков танков, боевых машин пехоты, бронетранспортеров, артиллерийских и зенитных установок, десятки тысяч единиц стрелкового оружия и огромное количество боеприпасов.

Наиболее мощные, боеспособные, отборные отряды подчинялись Э. Хаттабу (до 2 тысяч человек), Ш. Басаеву (до 1500 человек), С. Радуеву (около 500 человек). В остальных бандгруппах — от 100 до 300 человек.

В конце сентября в соответствии с Указом Президента России была создана Объединенная группировка войск (сил) на Северном Кавказе для проведения контртеррористической операции на территории Чеченской Республики. Спустя три года после первой чеченской войны российским войскам предстояло вновь пересечь административную границу с Чечней.

Если быть до конца откровенным, той осенью меня терзали сомнения: а стоит ли вводить войска в республику, не повторится ли ситуация осени 1996 года? Наверняка подобные вопросы задавали себе и мои боевые товарищи — генералы, офицеры, прошедшие через все испытания первой кампании, и сержанты, солдаты, которым предстояло впервые идти в бой. Причем опасаться приходилось только того, чтобы нас, военных, не подставили в очередной раз.

Все понимали, что творящийся в Чечне беспредел дольше нельзя терпеть, иначе зараза терроризма расползется по всей

России. Вторжение бандитских группировок в Дагестан, взрывы жилых домов в Москве, Буйнакске, других городах породили у наших сограждан страх, ощущение полной беззащитности. Нужно было твердое, волевое решение руководства страны. И оно, к счастью, было принято. Глава Правительства В. Путин всю политическую ответственность за проведение контртеррористической операции взял на себя. Он открыто выступил с требованием дать решительный отпор бандитам, убедил в этом Президента Б. Ельцина и пообещал твердую поддержку «силовым» министрам. Эмоциональная фраза Путина о необходимости «мочить» террористов хоть и высмеивалась либералами от политики и некоторыми журналистами, тем не менее в обществе стала популярной. Народ ее понял и принял. Армия тоже поверила молодому энергичному премьеру. И агрессия в Дагестане, похоже, убедила последних сомневающихся, что с терроризмом и бандитизмом следует бороться только силой.

Другое дело, что сами силовые методы разные. Говоря о характере и способах ведения боевых действий в условиях локальных конфликтов, надо учитывать главную особенность и второй, и первой чеченских кампаний. Одно дело — воевать с противником, когда есть четкое разграничение противоположных сторон. А здесь все по-другому: на территории противника не только сами бандиты, но и ни в чем не повинные мирные жители, наши сограждане. И террористы приспособились прикрываться женщинами, детьми, стариками, как пуленепробиваемыми жилетами. Однако до сих пор ни в одном воинском уставе не сказано, как поступать в подобных ситуациях.

Конечно, исходя из опыта минувшей войны, а также дагестанских событий, мы предполагали, как поведут себя боевики. Понимая, что вступать в открытое противостояние (так сказать, по классическим канонам войны) с федеральными войсками бесполезно, они использовали нестандартные приемы:

— как правило, бандгруппы захватывали господствующие высоты, перевалы, выгодные маршруты и размещались на них, умело маскируя свои огневые средства;

— широко применялось минирование местности. При этом бандиты шли на всякие ухищрения, например, устанавливали растяжки на высоте антенн двигающейся бронетехники. В результате взрыва погибали люди, сидящие на броне;

— активно действовали небольшие группы — из минометного расчета, гранатометчика и пары снайперов. Как правило, снайперы вели стрельбу под звуки минометных и гранатометных выстрелов из пещер или других укрытий. В

составе снайперских групп нередко были и женщины.

Немало выдумки, изобретательности проявляли боевики при организации засад и в инженерном оборудовании позиций:

— для защиты от авиационных ударов и огня артиллерии использовались естественные укрытия, к примеру, пещеры, а также оборудованные бункеры на 15–20 человек с проводной связью между ними, а по радиоканалам чаще всего шел радиообмен с целью дезинформации;

— при оборудовании позиций применялась тщательная маскировка. Бойницы закрывались щитами, разрисованными под окружающую местность, неразличимые и с близкого расстояния. Даже простые окопы делались нетрадиционно — без насыпных брустверов (вырытый грунт прятался), а сами окопы скрывал соответствующий антураж.

Говоря о тактике боевиков, приведу выдержки из специальной тетради одного из захваченных бандитов. Есть там любопытные моменты. Вот, например, памятка по ведению разведки:

— как ориентироваться по звездам, деревьям, мечетям;

— как определить расстояние (по метрам, шагам, пальцам);

— работа с картой (условные обозначения, масштаб);

— как определить по карте и местности свое местонахождение;

— виды и способы переползания («червяк» — когда рядом враг; «обезьяна» — когда отходить или наступать; «на спине» — под колючей проволокой; «раненым» — на боку; «призрак» — если растяжка есть (руки впереди ног); «крокодил» — по воде);

— действия в горах. «Ты должен быть как блоха — бить и уходить! Если враг сильный — уходи. Если он уходит с поля боя — бей ему в спину».

Так что федеральным войскам пришлось столкнуться с умелым и коварным противником, воюющим по классическим канонам войны и использующим партизанско-диверсионные методы. И сколько бы ни говорили (и это совершенно справедливо), что армия предназначена прежде всего для борьбы с внешним врагом, реалии последнего десятилетия оказались таковы, что самым распространенным вариантом ее применения стало сегодня ведение боевых действий против незаконных вооруженных формирований на своей территории с учетом горного фактора и строжайших ограничений, позволяющих свести к исключительным случаям разрушения и жертвы среди мирных жителей.

Здесь, на Северном Кавказе, мы имели дело именно с таким типом военного конфликта. Контртеррористическая операция,

которую предстояло вести Объединенной группировке войск, имела строгие рамки, что, повторюсь, требовало особых подходов и нестандартных решений.

Что же мы могли противопоставить боевикам?

Уже после первой чеченской кампании остро обозначилась необходимость внесения существенных корректив в обучение военнослужащих. К началу второй войны в войсках СКВО проходили службу сотни офицеров и прапорщиков, у которых за плечами был опыт действий в сложнейших условиях локальных конфликтов. И мы старались на своем уровне с максимальной пользой распорядиться этим потенциалом.

Приведу несколько показательных примеров, какие выводы мы извлекли из прошлых уроков. Практика подтвердила, что такие предусмотренные нашими боевыми уставами и наставлениями способы борьбы, как атака в боевой линии, атака в цепи, вероятно, хороши на просторах «большой», широкомасштабной войны. При ведении же ограниченных боевых действий с признаками партизанской войны, особенно в горно-лесистой местности, эта тактика в целом, как мы убедились, малоэффективна и приводит к неоправданным потерям.

В округе были разработаны комплексы упражнений для ведения огня и маневрирования на местности небольшими группами — по три-четыре человека, когда один из бойцов перемещается на поле боя, прикрываемый товарищами, а заняв выгодный рубеж или позицию, в свою очередь, прикрывает огнем маневр другого и так далее.

Отрабатывались действия пар и групп снайперов (с учетом особенностей местности и ее инженерного оборудования), а также в составе штурмовых групп и отрядов. Такой опыт известен еще со времен Сталинградской битвы и показал свою эффективность не только в годы Великой Отечественной войны.

Кстати, о снайперах. В таких специфических условиях их роль трудно переоценить. За 1999 год в округе было подготовлено 150 инструкторов, которые обучали снайперов по особой программе.

Новые способы ведения боевых действий отрабатывались практически во всех (а не только в избранных) частях и подразделениях. И это также уроки Чечни. Следует отметить и такую характерную особенность, как динамизм совершенствования тактики.

Обстановка во многих близлежащих к Чечне районах и после вывода войск в 1996 году осталась напряженной, что, безусловно, накладывало отпечаток на условия службы и характер учебы личного состава, учебно-боевые задачи. Различные боевые ситуации (в частности, печально известное бандитское нападение

на инспекционную группу Генерального штаба в районе перевала Хурикау 16 апреля 1998 года) заставили обратить особое внимание на охрану войсковых колонн. В округе специально отрабатывалась новая тема — тактика действий при сопровождении колонн.

О горной подготовке — разговор особый. Чего греха таить — как правило, к нам приходят служить юноши, а порой и молодые офицеры, знающие о горах лишь по кинофильмам и популярным бардовским песням. Парадоксально, но незадолго до первой чеченской кампании было расформировано Владикавказское общевойсковое училище — единственное оставшееся после развала СССР, в котором готовили военных специалистов такого профиля. Вот уж действительно, «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Обстоятельства сложились так, что главной учебно-методической базой горной подготовки военнослужащих на территории Северо-Кавказского военного округа (да и вообще в стране) стал горный полигон, расположенный в районе Дарьяльского ущелья в долине реки Терек (Северная Осетия — Алания). В результате осетино-ингушских событий осени 1992 года он был в значительной степени разрушен. Нашлись лихие ребята, которые, воспользовавшись межнациональной распрей, растащили всю базу и вывели из строя коммуникации. Поэтому в течение нескольких лет мы не могли использовать полигон по прямому назначению. Первым забил тревогу А. Квашнин. Благодаря его усилиям начались восстановительные работы. Помогло в этом и руководство Республики Северная Осетия — Алания.

В том, что горы не любят дилетантов, мы наглядно убедились в Чечне. Проблема действительно существовала. И, вероятно, разрешить ее можно было только на государственном уровне. Многие офицеры старой закалки, получившие ранее соответствующее образование, «афганцы» уволились в запас. Скажу больше, после 1991 года в результате сокращений и преобразований ряд наших частей лишились статуса горных, остались только две штатные должности инструкторов по горной подготовке — непосредственно в штабе округа и в 58-й армии.

Однако это не означало, что некому было обучать людей. Во-первых, сохранилась какая-то часть офицеров и прапорщиков, которые прошли горную школу Афганистана и Чечни. Во-вторых, среди военнослужащих оказалось немало энтузиастов, подвижников «горного дела». Кроме того, регулярно проводились сборы внештатных инструкторов по горной подготовке из числа командиров подразделений. Нам удалось добиться, чтобы в

подобных мероприятиях участвовали высококвалифицированные альпинисты, мастера спорта. Причем не только наши армейские, но и из родственных, сопредельных структур — например, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Российского оборонно-спортивного технического общества и др.

Вновь обращусь к урокам Чечни, ведь там пришлось действовать в горах не только военнослужащим, скажем так, «предгорной» 58-й армии, но и частям «равнинных» Волгоградского соединения, Московского, Ленинградского и других военных округов. Выходит, им тоже нужна была горная подготовка. Вот почему во всех частях округа (где нет поблизости гор) были созданы горные полосы препятствий, на которых и тренировались наши военнослужащие.

А что касается Дарьяльского полигона, то, начиная с лета 1997-го, здесь усиленно готовились мотострелки и танкисты, артиллеристы и саперы, здесь закладывался фундамент будущих успехов и побед.

Военная дипломатия

На первом этапе контртеррористической операции войска должны были освободить северные районы республики — Наурский, Шелковской, Надтеречный… Короче, все, что севернее реки Терек. Затем следовало концентрическое сдавливание бандитских отрядов со всех сторон, кроме юга, и оттеснение в горы с одновременным перекрытием всех перевалов, чтоб не допустить оттока боевиков в Грузию.

Я был назначен командующим восточной группировкой. Мы двинули войска в Чечню со стороны Дагестана по трем направлениям — кизлярскому, хасавюртскому, ботлихскому. На равнине они почти не встретили серьезного сопротивления боевиков, но это вовсе не означало, что подразделения продвигались парадным маршем.

Одна из главных задач состояла в том, чтобы убедить мирное население Чечни: армия пришла не убивать и грабить, а лишь уничтожать бандитов. Чего скрывать, еще несколько лет назад многие чеченцы видели в нас оккупантов. Поэтому в те осенние дни приходилось заниматься не только прямыми обязанностями (то есть руководить войсками), но и «дипломатией» — встречаться с главами администраций селений, старейшинами, духовенством, простыми жителями. И такое происходило почти ежедневно.

Меня тогда некоторые деятели упрекали за излишний либерализм, называли «добреньким дядей». Но я убежден, что поступал правильно.

Я уже упоминал, что родился и вырос в этих местах, хорошо знаю обычаи и традиции, чеченский менталитет, знаю, как держать себя в разговоре со стариком, а как — с молодым. Чеченцы уважают того, кто держится достойно и не унижает достоинства другого, кто уважает нравы горцев. Ведь можно разговаривать в ультимативной форме — угрожать, запугивать, обвинять. Но простой житель станицы или села — хлебопашец или скотовод — не повинен в войне, чего же его зачислять во враги? Он идет на переговоры, чтобы мирно решить вопрос, а не убеждать меня в правоте бандитов.

Я старался разговаривать со всеми адекватно. Если человек старше меня, я обращался к нему почтительно — на вы. Объяснял доходчиво, чего хочет армия, федеральная власть. При этом не юлил, а говорил правду. Просил, чтобы переговорщики затем рассказали односельчанам о наших целях и настрое. Если бы стал лукавить, они сразу бы почувствовали фальшь моих слов: ведь на

таких встречах обычно бывали старейшины, умудренные жизнью люди, различающие, где правда, а где обман… Они верили мне. И я поверил сразу в искренность их стремлений к миру — уже на первых переговорах в Шелковском районе.

Какие вопросы обсуждались на таких встречах? Самые разные. Вначале я выслушивал людей. В один голос они говорили о том, что устали от анархии и беззакония, хотят, чтобы установилась нормальная, твердая власть. Разочарованы обещаниями Масхадова, не верят ему.

В октябре 1999 года в Чечню стала поступать первая гуманитарная помощь. И инициаторами выступили именно мы, военные. Руководство Министерства обороны РФ, Северо-Кавказского военного округа выделило транспортные самолеты с питанием, одеждой, стройматериалами. Все это распределялось по селениям и станицам северных районов республики.

Хочу привести здесь некоторые свои записи того времени. Вот, например, проблемы по Шелковскому району, которые нужно было решить незамедлительно:

— выделить два-три автомобиля для местного РОВД;

— подключить электроэнергию;

— распределить муку, сахар, соль, подсолнечное масло, крупы, конфеты, печенье, чай;

— школьные комплекты: портфели, учебники, тетради, дневники, ручки;

— обувь детская: галоши, резиновые сапоги…

Ближе к Гудермесу начались серьезные трудности.

Из данных разведки я знал, что в населенных пунктах находятся боевики, которые собираются оказывать сопротивление. Но и здесь мы вновь прибегли к использованию метода «военно-народной дипломатии». Подходили к тому или иному населенному пункту на расстояние «пушечного выстрела» (чтобы мы могли поразить огнем противника, а он нас не доставал), блокировали его, а затем приглашали местную делегацию на переговоры. Люди, как правило, приходили — глава администрации, представители старейшин, духовенства, учителя — от трех до десяти человек.

Бывало, по два часа я с ними разговаривал. Убеждал, что войска пришли не для того, чтобы разрушать дома и убивать жителей, хотя мы знаем, что в селе находятся бандиты. Мы вам даем время для того, чтобы вы собрали народ и переговорили. Предупреждаю сразу: войска войдут в село без стрельбы. Но если кто-то выстрелит в сторону моих солдат, моментально откроем ответный огонь.

Я честно все говорил. Просил объяснить жителям ситуацию и

дать ответ. Не получается мирным путем — скажите мне об этом, убеждал я делегацию, в противном случае тактика будет другой… Через несколько часов переговоры возобновлялись. Старейшины давали слово, что никто стрелять не будет.

После этого подразделения внутренних войск и милиции проводили «зачистку» под прикрытием подразделений Министерства обороны. Именно тогда в обиход вошел термин «культурная зачистка». У многих это выражение вызвало смех, откровенное раздражение — мол, что с ними церемониться — надо действовать жестко. Я же настаивал на своем. На штабных совещаниях, где присутствовали и представители МВД, непосредственно участвующие в «зачистках», строго требовал от командиров, чтобы при осмотре дворов и домов не занимались мародерством.

Такая тактика находила отклик. Нам не стреляли в спину, а во многих селах мирные жители (я говорю о чеченцах) порой угощали наших солдат хлебом, молоком, — чего раньше, если брать первую войну, никогда не было. Часто чеченцы приходили ко мне на командный пункт — приглашали посетить школу, выступить на митинге… Это свидетельствовало о том, что армию в республике встречали как освободителя, а не как завоевателя.

Когда войска покидали тот или иной населенный пункт, туда возвращались беженцы, причем имевшие крышу над головой — их дома не пострадали. Уходить же из села их зачастую вынуждали бандиты, которые накануне прихода федералов нагоняли страх: «Придут русские — всех вас перережут. Или оказывайте сопротивление, или покидайте села». Конечно, люди боялись. Но, возвращаясь в село, убеждались, что их жилье и имущество в целости и сохранности. Поэтому спустя время на переговорах уже не звучала тема угроз обстрелов, каких-то репрессий. А спрашивали местные чеченцы о том, к примеру, можно ли завтра вернуться в свои дома. Конечно, можно. И они возвращались. Таким образом, мирная жизнь в северных районах республики восстанавливалась быстрее.

Конечно, не всегда и не везде проходило все так гладко, как хотелось бы. Но следует подчеркнуть: большинство» чеченцев радовались нашему приходу в республику. Они устали от той жизни, которую уготовил им их президент А. Масхадов и его приспешники. Дети годами не учились в школах, пенсионеры не получали пенсий. В Чечне процветали воровство и нищета. Люди хотели нормальной жизни, скорейшего наступления мира.

Осенью 1999-го я познакомился с Маликой Гезимиевой. С 1973 года она работала директором средней школы в Гудермесе, многое пришлось повидать.

К женщинам на Кавказе отношение неоднозначное, особенно в Чечне. Но Малика Шамсутдиновна пользовалась в городе огромным авторитетом. С ней считались многие мужчины, в том числе и старейшины. Впервые мы встретились на переговорах. Войска к тому времени вплотную подошли к Гудермесу, блокировав его со всех сторон.

На встречу со мной пришли человек двадцать, среди них выделялись полевые командиры отрядов, обосновавшихся в городе. Нервничали, горячились, доказывали… Невозможно было унять эмоции. Тогда слово взяла Малика, и все сразу стихло.

— Неужели вы не видите, что этот человек пришел в Чечню с миром, к вам сюда пришел. А мог бы и не вести с вами переговоры — взял бы и отдал приказ на уничтожение… Ему небезразлична судьба республики, как, наверно, и вам. Он здесь вырос, его здесь учили в школе, он здесь начинал взрослую жизнь…

Гезимиева говорила фактически то, что я и сам хотел сказать. Ее внимательно слушали, в том числе и боевики. Поразительная женщина! Смелая, решительная. Никого не боялась. Позже, когда стала главой администрации Гудермеса, на нее было совершено несколько покушений. Но такую женщину сломить, наверное, невозможно.

Там же, под Гудермесом, я познакомился с муфтием Чечни Ахматом Кадыровым — человеком непростой судьбы. В первую чеченскую войну он поддержал Дудаева и выступил против ввода российских войск на территорию Чечни. Но затем решительно порвал не только с бандитами, но и с Масхадовым. Кадыров публично осудил действия ваххабитов, вторгшихся в Дагестан, открыто призвал чеченский народ бороться с бандитами и уничтожать их.

Метод военной дипломатии оправдывал себя и в горах. Там произошла моя встреча с Супьяном Тарамовым. Он родом из Ведено. Рос и учился вместе с Шамилем Басаевым. В первую войну не воевал против нас, но и не поддерживал российские войска.

Осенью 1999-го Тарамов сам ко мне пришел — не я к нему. Состоялся разговор. Он сказал, что хочет мира для республики, хочет, чтоб не гибли зря молодые чеченские парни… Я ему поверил.

В Ведено был создан стрелковый батальон из местных жителей, который возглавил Тарамов. Я ожидал от него решительных действий, но Супьян честно признавался, что в открытую его люди воевать с боевиками опасаются — боятся кровной мести. Его заслуга состояла в том, что чеченский

батальон сопровождал колонны подразделений федеральных войск через ущелье. Тарамовские ребята несли дежурство на блокпостах, участвовали в патрулировании с солдатами комендантских рот.

Подобные отряды самообороны или ополчения создавались и в других районах республики — например, в Гудермесе, Аргуне, Новогрозненском, других населенных пунктах. Чеченцы сами охраняли свои села и не пускали туда бандитов.

Помню, был такой случай. Под Кади-Юртом я вел переговоры, но кто-то очень хотел их сорвать: спровоцировали местных жителей, несколько сот человек (преимущественно женщин), и они двинулись из селения Суворов-Юрт в нашем направлении. Настроены были враждебно. Как позже выяснилось, им сказали, что войска через несколько часов сотрут Кади-Юрт с лица земли. А я прибыл туда фактически без охраны: со мной лишь несколько офицеров на боевой машине пехоты. Узнав о провокации, я вызвал на всякий случай пару вертолетов. Они стали кружить над нами. Однако, к счастью, военная сила не понадобилась. Увидев меня, толпа сразу успокоилась. Многие меня узнали, протягивали руки для рукопожатия… Вышла пожилая чеченка: «Люди, так это же Трошев! Он стрелять не станет. Расходитесь! Все будет нормально».

Там я познакомился с некоторыми чеченцами, которые мне очень помогли в дальнейшем.

Конечно, не все лояльно были настроены к федеральным войскам. И в первую очередь — бандиты. Но с ними мы не церемонились. Собственно, войска и были введены в Чечню, чтобы покончить с бандитизмом и терроризмом раз и навсегда. Прежде чем нанести огневой удар, я с группой офицеров всегда выезжал на переговоры с представителями местной администрации и общественности, а если надо было, то и с боевиками. Разрушить дом или село — дело нехитрое при наших возможностях, но чего бы я добился этим? Ничего, кроме гнева и ненависти народа. Больше того, это подтолкнуло бы многих колеблющихся к тому, чтобы перейти на сторону бандитов, реанимировало бы «движение сопротивления». А поддержка большинства населения нам была нужна. Известно, что хорош тот способ ведения боевых действий (разумеется, цивилизованный), который приносит конкретный позитивный результат при меньших потерях. Я старался избегать поспешности, не делал «резких движений», разделял матерых бандитов и мирных жителей. Хотя разрушить легче, чем убедить человека добровольно сложить оружие.

Спустя время, когда мои методы проведения

контртеррористической операции получили широкую огласку, нашлись некоторые политики и журналисты, которые стали противопоставлять меня и командующего западной группировкой генерала В. Шаманова. Мол, Трошев занимается уговорами, в то время как Шаманов все громит на своем пути. Кто из нас прав — сразу не поймешь, казалось бы. Однако разницу в подходах люди уловили.

Владимир Шаманов. Штрихи к портрету

Западная группировка, которой командовал Владимир Анатольевич, в целом успешно выполняла поставленные задачи. Хотя, к сожалению, в ходе боев были и разрушения в населенных пунктах, и хлынули беженцы. Но это вовсе не означало, что Шаманов бездумно крушил все подряд. Рассуждать куда проще, чем самому делать. Поистине, «каждый мнит себя стратегом, видя бой издалека…»

Я хорошо знаю генерала Шаманова — на первой войне он был моим подчиненным. Может быть, сказывалась излишняя горячность и прямолинейность в отношениях с местным населением? Ведь в иных случаях не до дипломатии, не до тонких продуманных решений. Нет, не стал бы я упрекать Шаманова в жестокости…

С ним мы познакомились в феврале 1995 года, уже после взятия Грозного. Он был тогда полковником, заместителем командира воздушно-десантной дивизии. И так получилось, что именно он стал моим подчиненным — командовал десантниками в возглавляемой мной южной группировке войск. Затем меня назначили руководить группировкой войск Минобороны, и опять он со своей десантурой замыкался на меня.

В конце мая — начале июня я увидел его в бою. Около Чири-Юрта мы штурмовали цементный завод, запиравший вход в Аргунское ущелье. Об этом эпизоде я рассказывал выше. Мало того что комплекс заводских зданий представлял собой мощное оборонительное сооружение, так еще и местность была сложной для наших атакующих подразделений. А бандиты хорошо окопались, укрепились и готовы были сражаться с намного превосходящими их силами.

Шаманов доложил мне свое решение боя. Я одобрил его вариант. Однако во избежание кровопролития попросил (для очистки совести) послать парламентера к боевикам. «Поставь им ультиматум: сопротивление бесполезно — или сдача в плен, или полное уничтожение», — сказал я Владимиру Анатольевичу. Он выполнил указание. В общем, мы поступили «по-джентльменски». Как говорится, наше дело — предложить.

Полевой командир оборонявшихся дудаевцев ответил на ультиматум вызывающе нагло: мы вас, дескать, тут всех похороним, в ущелье вы не войдете, — что-то в этом роде.

Шаманов аж зубами заскрежетал, выслушав бандита:

— Ну, сволочь, ты у меня дождешься! Я с тобой еще поговорю, если жив останешься! — И тут же скомандовал: —

Вперед!

И тут началось. Один день, второй, третий… То артиллерийские удары, то разведка боем, то огневые стычки. И наконец — ночной штурм. Грамотно и стойко оборонялись боевики. Некоторые солдаты дрогнули. Шаманов потихоньку свирепел.

— Успокойся! — говорили ему мы ему с генералом В. Булгаковым. — Не торопись. Все равно сломаем.

Ночную атаку Владимир Анатольевич возглавил сам. В воздухе от железа и свинца аж тесно было. В эфире — мат. Боевики орут: «Аллах акбар!» И Шаманов, как Чапай, — впереди…

Взяли завод. Целый отряд боевиков извели: десятки трупов нашли в окопах и развалинах зданий. Ходим с Шамановым после боя по позициям, живых ищем. Смотрю — а у Шаманова камуфляж в крови.

— Ты что, ранен?

— Да, немного, — отвечает и дышит, как конь после галопа.

— Немедленно в госпиталь!

— Подождите, товарищ генерал, — взмолился Шаманов. — Я пока боли не чувствую. Дайте главарю банды в глаза глянуть. Я обещал…

Пришлось согласиться. В конце концов нашли мы двух живых боевиков. У одного гранатой разорвало задницу. Жуткое зрелище. Лежит на спине — доходит. На наших глазах и кончился. У второго оторвало руку. Кровь уже свое отсвистала и теперь лишь медленно стекала в бурую лужу. Всмотрелись — Ваха, полевой командир, который грозился нас тут всех похоронить. Белый как мел. Смотрит испуганно.

— Что ж ты, негодяй, натворил? — начал я. — Столько людей, своих прежде всего, угробил, завод порушил!

— Довоевался, гнида?! — вспылил Шаманов.

Хотел еще что-то добавить, а у того — слезы в глазах. Заплакал, как ребенок. Плюнули в сердцах на окровавленную землю и подались к своим.

После госпиталя Шаманов вернулся в строй, воевал с азартом и фантазией, с упрямством и ожесточенностью. Без сомнения, операцию в Бамуте в мае 1996-го можно смело вписывать в послужной командирский список Шаманова как образец военного искусства в условиях локальной войны. О ней уже шла речь, поэтому ограничусь лишь напоминанием: до этого Бамут федералы пытались взять дважды, но не смогли. Боевики даже окрестили свою базу в этом населенном пункте «чеченской Брестской крепостью». Но легенду о ее неприступности Шаманов

(к тому времени уже генерал) похоронил.

После окончания Академии Генштаба Владимир Анатольевич получил назначение в Воронеж, а в августе 1999-го стал командующим 58-й армией (когда-то этот пост занимал я). С самого начала чечено-ваххабитской агрессии в Дагестане он находился в Ботлихе и руководил войсками.

Следующая строка его военной биографии: контртеррористическая операция в Чечне в качестве командующего западной группировкой войск. В первые же дни он блокировал пути передвижения боевиков на чечено-ингушской границе, из-за чего испортил отношения с президентом Ингушетии Р. Аушевым. Его войска решительно вломились на территорию Чечни.

«Дрожи, чечен, — идет Шаманов!» — шутили в окопах солдаты. Они, конечно, понимали разницу между чеченцем вообще и бандитом. Но сказанная однажды каким-то остряком фраза понравилась и прижилась.

Солдаты любили своего командующего, о котором уже ходили легенды. Пресса писала о «новом генерале Ермолове». И если было в этом сравнении преувеличение, то не такое и громадное. Западная группировка «пошла ломить стеною», бить бандитов наотмашь…

А тем, кто пытается представить его этаким беспощадным усмирителем, скажу: Владимир Анатольевич не отказывался и от военной дипломатии. При подходе войск к одному из населенных пунктов жители его взволновались, поверив провокационным слухам, что русские на этот раз никого не пощадят. На площади возник стихийный митинг. Боевики с оружием в руках бродили в толпе, призывая готовиться к сопротивлению федералам.

Узнав об этих волнениях, Шаманов сел на БТР, взял человек десять охраны и рванул впереди своих войск прямо в центр селения — на митинг. Когда он появился на возвышении без оружия, толпа онемела от неожиданности. Даже боевики растерялись и не подняли стволов. А ведь могли в упор расстрелять «ненавистного Шамана».

Владимир Анатольевич изложил собравшимся цель операции, дал характеристику бандюкам и жестко обрисовал перспективу в случае сопротивления. Настроение толпы стало меняться, послышались одобрительные возгласы. Уловив доброжелательную реакцию большинства, он сел на бронетранспортер и уехал. Люди, успокоившись, разошлись по домам. Боевикам не оставалось ничего другого, как покинуть село. Оно было занято федералами без единого выстрела.

Но так было далеко не всегда. На уговоры и соглашения

Шаманову не хватало терпения: он предпочитал идти к победам кратчайшим путем, а отсюда все чаще и чаще боестолкновения и, естественно, потери. К декабрю 1999-го у «Запада» они составили больше двухсот человек, в то время как восточная группировка недосчиталась нескольких десятков солдат и офицеров.

Вот на этой почве и начались неприятные разговоры, сравнения Трошева и Шаманова — кто как действует, чьи методы лучше и т. п. Эти параллели проходили как разделительная черта, пусть поначалу и незаметная. Мы отмахивались от этих пересудов, старались не замечать выступлений СМИ, по поводу и без повода подчеркивавших различие наших военных методик. Но со временем невольно возникло некоторое соперничество.

Хотя итог его оказался в мою пользу, это был тот случай, когда «победа» не радует, а огорчает. Дело в том, что в конце концов западная группировка забуксовала, завязла в боях — около двух недель выполняла задачу, на которую отводилось несколько дней. Поэтому части и подразделения «Востока» вынуждены были в складывавшейся ситуации выйти в те районы и на те рубежи, которые планировались под «Запад».

Все генералы были раздражены: я — тем, что выполнял не свою задачу, Шаманов — тем, что опаздывает, Казанцев (как командующий Объединенной группировкой войск) — тем, что кампания срывается, и приходится латать дыры за счет других, как тришкин кафтан… «Что там у вас происходит? — звонили из Москвы. — Вы что, разобраться между собой не можете? Славу, что ли, делите?»

Казанцев стал «наезжать» на Шаманова: что ты, мол, уперся в эти старые маршруты — меняй направление удара! «Не вам меня учить! — огрызался Владимир Анатольевич. — Я эти районы знаю как свои пять пальцев, еще по первой войне…» Дошло в конце концов до того, что два генерала стали переходить порой на нецензурную брань.

Шаманов остро реагировал на указания командующего ОГВ. Считал серьезным недостатком, что тот не прошел через первую войну в Чечне. «Как он может командовать нами здесь, сейчас?!» — периодически ворчал Владимир Анатольевич.

Разногласия двух военачальников дурно влияли на общую атмосферу в штабах, сказывались на ходе операции в целом.

Отношение Шаманова ко мне было совсем другим. Сказывалось, видимо, то, что он долгое время был моим подчиненным. Не только временно (в ходе первой войны), но и по штату: в 58-й армии значился одним из моих замов. Всегда старался подчеркнуть, что я — не просто его командир, но и учитель: «Я воспитанник Трошева». Это была правда. Помню, как

он удрал на сутки из Академии Генштаба в марте 1997 года. Договорился с генералами МВД, сел на их самолет и прилетел на мое пятидесятилетие. Мы полночи проговорили. Оба были растроганы и счастливы… За самоволку, конечно, Володе попало…

Я был по-человечески неравнодушен к Шаманову. Старался опекать, следил за профессиональным ростом, указывал на ошибки, пытался укротить (вернее, подкорректировать) его буйный характер. Ведь во многом это и мое детище. Поэтому, видимо, и реагировал так остро.

Например, меня внутренне коробило, когда слышал жалобы офицеров на Владимира Анатольевича: он мог запросто оскорбить, унизить, обматерить (причем прилюдно). К счастью, это не касалось солдат. Бойца Шаманов любил, холил и лелеял. В этом смысле он — яркий представитель школы воспитания Г. Жукова. Тот тоже был жесток к офицерам и по-отцовски добр к простым солдатам. Сравнение с легендарным маршалом хоть и лестно, но не в данном случае.

Правда, надо заметить, своих офицеров он в беде не бросал. Например, приехал на суд в Ростов поддержать подчиненного — полковника Ю. Буданова, о семье которого давно заботился. К сожалению, все эти душевные проявления — после трагедии.

Однако даже не грубость — главная его беда. Анализируя поступки и действия этого славного генерала, я вспоминаю знаменитую теперь фразу царя Александра III: «Мужество есть терпение в опасности». Так вот любопытно, что Шаманов в равной степени презирал и опасность, и терпение. В какой мере это повлияло на его мужество (а оно неоспоримо) — не знаю. Думаю, повлияло не в лучшую сторону.

Мне, признаюсь, было не по себе, когда в какой-то период Шаманов заметался от посыпавшихся «сверху» перспективных кадровых предложений. Не успев толком покомандовать 58-й армией, уже готов был принимать Московский округ внутренних войск, всерьез обдумывал еще какие-то «выдвижения»… Ну а когда решил баллотироваться в губернаторы Ульяновской области, я вообще обиделся: «Как же так, ты бросаешь армию в такой момент, когда ей нужны твой опыт и профессионализм, когда еще не закончена контртеррористическая операция!..» Мы даже повздорили в этой связи. Потом, конечно, помирились. До сих пор регулярно созваниваемся и встречаемся. Мы дружим, но наша дружба не исключает жестких мужских откровенных разговоров.

Шаманов по жизни — спринтер, а не стайер. Забег на длинные дистанции (которые как раз и требуют огромного

терпения) — не для его натуры. Он быстро загорается, увлекается, но так же быстро и гаснет его пыл. Не удивительно, что не задалось его губернаторство. Искренне надеюсь, что в новом качестве ему хватит «терпения в опасности», чтобы достойно пройти всю дистанцию. Учитывая, что дистанция — большая.

Неожиданные союзники

После начала операции на территории самой Чечни я старался продолжать вести дневник (делал это по ночам).

«24 октября

Я отдал приказ войскам на начало операции в Гудермесском районе.

25 октября

В 5 часов утра выдвинулись разведывательные группы. Через три часа вперед пошли главные силы — десантно-штурмовые батальоны…»

Пролистываю записи дальше.

«29 октября одной из групп спецназа удалось выявить район, где размещалось около 60 бандитов и 12 автомашин. Огнем артиллерии боевики и их машины были уничтожены».

В течение нескольких дней войска нашей восточной группировки с минимальными потерями блокировали второй по величине город Чечни — Гудермес. К этому времени в руководстве бандформирований не просто наблюдались разногласия, но произошел настоящий раскол. Например, не все полевые командиры подчинялись Масхадову, Басаеву, Хаттабу. В том же Гудермесе, по агентурным данным, некоторые полевые командиры покинули город, фактически нарушив приказ Басаева, который требовал, чтобы Гудермес без боя не сдавали.

Показательным примером в этом могут служить братья Ямадаевы — Сулим, Халид и Джабраил. Они выходцы из Гудермеса, пользовались среди жителей определенным влиянием. Под ружьем у них находилось несколько сот человек. Ямадаевы были в числе первых полевых командиров, которые во вторую войну вышли ко мне на переговоры. Они крайне отрицательно относились к ваххабитам. Понимали, что противостояние федеральным войскам в городе ни к чему кроме жертв и разрушений не приведет. К тому же братья поддержали муфтия Чечни Ахмата Кадырова, открыто выступившего против ваххабитов и призвавшего все население республики не подчиняться Масхадову.

Однако на деле верными своему слову остались лишь Халид и Джабраил Ямадаевы. Они активно стали помогать федеральным

войскам. А Сулим покинул город и ушел в горы.

Вновь запись из дневника:

«В ночь с 9 на 10 ноября банда боевиков в количестве 60–70 человек предприняла попытку прорваться из заблокированного Гудермеса. Десантники 234-го полка нанесли по ним сокрушительный удар. В ходе шестичасового боя боевики, как выяснилось позлее, потеряли 53 человека убитыми. Захвачено большое количество стрелкового оружия и боеприпасов…»

Утром я прибыл на место боя вместе с Джабраилом Ямадаевым (и не случайно это сделал). Суть состояла в том, что накануне этого прорыва я встретился с Джабраилом и предложил ему попытаться уговорить Судима, возглавлявшего бандгруппу, прекратить сопротивление и добровольно сдать оружие. Однако Сулим не послушал совета и повел банду на прорыв. В итоге почти все были убиты.

— Джабраил, — спросил я прямо, — за что гибнут эти люди? За этих мерзавцев — Басаева и Хаттаба?

С нами на вертолете прилетели телевизионщики из нескольких центральных телекомпаний. Джабраил попросил меня дать возможность высказаться по поводу событий минувшей ночи.

— Шамиль, что ты делаешь?! — обратился он к незримому Басаеву. — Посмотри на трупы этих людей! Это не федералы их расстреляли, это ты их убил! Прекрати убивать свой народ! Он тебе этого не простит!

Пожалуй, впервые полевой командир открыто бросил вызов бывшему соратнику. Конечно, выражаясь на современном языке, это был неплохой пиаровский ход в нашу пользу.

Честно говоря, приходилось думать и об этом в те минуты. Ведь меня заботило тогда главное — как сохранить жизни наших солдат и офицеров, которым предстояло участвовать в «зачистке» Гудермеса? Не подведут ли чеченцы? Телесюжет с Ямадаевым придавал уверенности. Но некоторые опасения все же оставались. Слава богу, местные жители не подвели. «Зачистка» прошла спокойно.

В штаб восточной группировки каждый день поступали донесения, которые детализировали общую картину:

22 ноября

Состоялась встреча представителей командования федеральных войск с жителями города Аргун. Со слов жителей, в Аргуне еще находятся бандиты (до 1000 человек). Многие ушли в горы. На подходах к населенному пункту оборудуются

оборонительные позиции. В самом городе у боевиков имеются танк и боевая машина пехоты.

23 ноября

Состоялась встреча с жителями сел Аллерой и Центорой. Со слов местных жителей, боевики покидают селения и уходят в направлении Шали.

25 ноября

Из Грозного к Кадырову прибыли четыре полевых командира. Они высказали желание прекратить сопротивление федеральным войскам и просят двое суток для «зачистки» Аллеройского хребта от засевших там бандитов.

А вот записи из моих дневников:

«…В Аргуне за последнюю неделю происходят вооруженные столкновения между басаевцами и местными жителями…

25 ноября

Я вновь выехал в район Аргуна на встречу с руководством так называемого «комитета обороны». Состоялся двухчасовой разговор. Сообщили, что большинство жителей положительно относятся к вводу войск в город. Но есть и такие, особенно молодежь, которые против. Их подогревают по телевидению. Басаев выступил и пригрозил: кто, мол, будет встречаться с Трошевым — расстреляем.

26 ноября

В н.п. Новогрозненский вошла банда численностью до 150 человек, разоружив блокпост ополченцев на южной окраине села. Местные жители попытались их выгнать, но бандиты открыли огонь. Несколько жителей получили ранения. Через несколько часов мужчины с оружием из «комитета самообороны» все же заставили их уйти из села. Бандиты находятся на Гудермесском хребте».

Тактика выдавливания боевиков при поддержке местных жителей позволяла нашим подразделениям, во-первых, не разрушать жилые дома в селениях и не подвергать людей опасности, а во-вторых, наносить точечные удары по скоплению боевиков на дорогах и в лесных массивах. Четко и согласованно взаимодействуя с авиацией и артиллерией, которые постоянно находились в дежурном режиме или работали по вызову, войска

наносили противнику мощное огневое поражение.

К примеру, в районе Новогрозненского умело действовали десантники 247-го полка. Только за один день они уничтожили свыше 50 боевиков, захватили склад с боеприпасами и несколько единиц боевой техники. Среди убитых — бригадный генерал, ближайший сподвижник Басаева — Хасан Долгуев.

Приблизительно по такому же сценарию развивались события и при освобождении от бандитов городов Аргун и Шали. Спустя четыре года побывал я и на горе Гойтенкорт, где находился мой командный пункт во время первой чеченской войны.

Войска восточной группировки, по признанию командования, успешно справились с поставленной задачей. Среди тех, кто показывал личный пример бесстрашия и профессионализм, — командир десантников полковник Юрий Эм. Он одинаково умело вел переговоры с местными жителями и руководил действиями подчиненных в бою при уничтожении бандитов. (Юрий Павлович позже стал Героем России, работал в правительстве Чеченской Республики). Высокую выучку проявили многие солдаты и офицеры других подразделений: морские пехотинцы Северного флота, мотострелки 74-й бригады Сибирского военного округа. Многие из них удостоились впоследствии высоких государственных наград.

Кстати, о наградах. Любой солдат и офицер, честно и добросовестно выполнявший воинский долг в Чечне, достоин награды. Другое дело, какой. Вспоминаю, как в первую чеченскую кампанию министр обороны России генерал армии П. Грачев дал указание, чтобы ни один солдат в запас без медали не уходил. И закипела работа у кадровиков. Кинулись писать представления, а далеко не все солдатские будничные дела тянут на статус наградных.

Ведь у нас не было знаков отличия для тех, кто был на войне, но подвиг не совершил. Как, к примеру, отметить солдата-повара, который в атаку, может, и не ходил, но вместе с товарищами месил чеченскую грязь, мерз в ледяных горах?..

В общем, абсолютному большинству командиров приходилось исхитряться, чтобы и формальности соблюсти, и справедливость в оценке ратного труда сохранить.

В МВД, плюнув на всю эту волокиту, решили учредить свой ведомственный почетный знак участнику войны в Чечне. Получилось красиво, солидно. Позже и мы в СКВО сделали свой почетный знак. Тем, кто совершил подвиг, проявил мужество — орден или медаль, но и остальные не должны быть обойдены. Большинство солдат, офицеров и генералов действительно вполне заслуженно получили награды. Впрочем, случались и

весьма неприятные истории.

Из наградного ведомства Главного управления кадров Министерства обороны России вернули как-то в полк представление к ордену прапорщика-тыловика одной из авиационных частей, базирующихся на Северном Кавказе. В направленном в Москву документе о доблестях прапорщика было сказано буквально следующее: в тяжелейших погодных условиях обеспечил бесперебойный забой скота в подсобном полковом хозяйстве, тем самым способствовал снабжению личного состава мясом. И смех и грех. Хорошо, что кадровики успели завернуть.

А вот пример совсем другого рода. Мне несколько раз в течение почти семи месяцев пришлось ходатайствовать о присвоении звания Героя России уже упоминавшемуся рядовому Капустину, доблестно сражавшемуся в Кадарской зоне. Он побывал в самом пекле войны вместе со своим батальоном. Его танк был подбит в одном из боев на консервном заводе в Грозном. Экипаж погиб, а Капустина тяжело ранило. О его отваге, неповторимом мастерстве у нас в группировке ходили легенды. В течение семи месяцев я несколько раз подписывал представление его к высшей награде, но бумаги из Москвы возвращались. «Недостаточно героизма», — констатировали в наградном отделе кадрового органа, будто взвешивали на каких-то своих, неизвестных другим, весах. Слишком дорогой была цена такой отписки, чтобы спокойно смириться. Я решил все-таки довести дело до конца, обратился даже к В. Путину при его посещении ОГВ. Капустину вручили Звезду Героя, справедливость восторжествовала.

Я понимаю, что могут быть досадные ошибки, недоразумения, но когда за такими фактами — полное бездушие, чиновничий бюрократизм, с этим нельзя мириться. Иначе потеряешь уважение к себе. Между тем обитатели высоких министерских кабинетов могут, просто обязаны по долгу службы отличать настоящие подвиги солдат и офицеров, месяцами находившихся в окопах, от деяний некоторых генералов и старших офицеров (командированных из Москвы), которые умудрились получить ордена далее без заезда в Чечню, сидя в Моздоке. Глядя на такие явления, люди придумали поговорку: «В Чечню надо съездить, отметиться, а заодно и орден получить». Стоит заметить, что такое давно перестало быть тайной. Об этом вслух говорили и в Москве, и в Ростове, и в группировке федеральных сил в Чечне. Но самое страшное, что к такой несправедливости привыкли.

Наградная политика в государстве должна быть умной и честной. Пусть ордена будут орденами, медали — медалями, и

чтобы обладать ими, требуется проявить недюжинные способности. А почетные знаки нужно выдавать всем тем, кто не совершил геройства, но кто достойно делал на войне свою работу.

Глава 10
«Волчья яма»

Цель — Грозный

В декабре 1999 года была освобождена вся равнинная часть территории Чечни. Боевики сосредоточивались в горах, но значительная часть (около 3000 человек) осела в Грозном. Картина выглядела следующим образом:

— в Старопромысловском районе — до 200 человек под руководством Бакуева;

— в Октябрьском — около 1200 человек, подчинены А. Бажиеву и Ш. Басаеву;

— в Заводском — бандформирования Р. Ахмадова и Х. Исрапилова (до 800 человек, половина из них — ваххабиты);

— в Ленинском — до 300 человек под командованием А. Исмаилова;

— в районе Черноречья — до 300 человек.

Передовые позиции занимали отряды полевых командиров Арафата, Джандуллы и Зубаира.

К числу сильных сторон противника можно отнести:

— высокие мобилизационные возможности незаконных вооруженных формирований (НВФ);

— четкую систему управления — она осуществлялась централизованно, с использованием современных средств связи; постоянно велась активная разведка группировки федеральных войск;

— строгую дисциплину, опиравшуюся на религиозные и тейповые принципы;

— хорошо обученных, опытных наемников.

Наиболее крупные и подготовленные бандформирования находились непосредственно в Грозном. Там же действовали и подразделения специального назначения.

В черте города была создана система очаговой обороны, включавшая огневые позиции минометов и противотанковые заграждения. Нижние этажи домов на основных направлениях были оборудованы под долговременные огневые точки. Окна и входы в подвалы домов на окраинах, вдоль магистральных улиц и на перекрестках закрывались мешками с песком, камнями и кирпичами. Оставлялись лишь бойницы для наблюдения и ведения огня.

Большая часть артиллерии (основу составляли минометы) была замаскирована в жилых кварталах и на предприятиях. На крышах и верхних этажах зданий располагались огневые позиции снайперов и зенитчиков, а важные объекты и подступы к отдельным военным городкам минировались.

Перекрестки улиц заваливали железобетонными плитами, сооружали доты, соединявшиеся с прилегающими дворами и между собой ходами сообщения.

Территория города была разделена на три оборонительных рубежа. Первый — вдоль Старопромысловского шоссе; второй — по улице Ленина (в основном в подвалах многоэтажных домов); третий — по улице Сайханова, юго-западнее железнодорожного вокзала.

Здания, расположенные на выгодных в тактическом отношении позициях, были превращены в опорные пункты, приспособленные для круговой обороны. С целью снижения вероятности поражения отрядов боевиков огнем артиллерии и ударами авиации федеральных войск опорные пункты соединялись между собой подземными ходами. Используя их, боевики имели возможность скрытно выйти из-под обстрела, покинув свои позиции, а после окончания арт-или авианалета вернуться.

Основной тактической единицей в ходе городских боев у бандитов, как и в прошлом, была маневренная группа из пяти-шести человек. В ее состав обязательно входил снайпер. Остальные его прикрывали, ведя при этом огонь из гранатометов и автоматов. Для обеспечения свободы маневра снайпера в высотных домах пробивались сквозные ходы сообщения, как правило, на нечетных этажах.

И все же, на мой взгляд, лидеры боевиков на этот раз вряд ли предполагали, что им удастся долго удерживать город. Сознавая бесперспективность длительного вооруженного противостояния федеральным войскам, Масхадов тем не менее поставил задачу полевым командирам удержать город под своим контролем до 27 января — дня открытия Парламентской ассамблеи Совета Европы, надеясь, что давление со стороны Запада заставит Москву прекратить проведение контртеррористической операции.

Непосредственно для специальной операции по освобождению города нами была создана группировка войск «особого района города Грозный», возглавляемая генералом В. Булгаковым.

26 декабря она приступила к выполнению поставленной боевой задачи. К этому моменту город фактически был блокирован со всех сторон.

Вначале предполагалось, что можно обойтись без применения тяжелого вооружения и военной техники, в основном — силами подразделений внутренних войск и отрядами милиции, а подразделения Министерства обороны использовать только в качестве внешнего кольца оцепления и для поддержки

действующих впереди. Совместно с подразделениями федеральных сил действовали вновь сформированные отряды местной милиции под командованием Б. Гантамирова.

К исходу 3 января, преодолевая упорную оборону боевиков, удалось освободить большую часть Старопромысловского района, кварталы, прилегающие к консервному заводу, и часть Старой Сунжи (пригород Грозного).

Однако бандиты, засевшие в городе, продолжали ожесточенно сопротивляться. Они подорвали несколько емкостей с сильнодействующими ядовитыми веществами, ряд высотных домов и административных зданий. Фактически первоначально спланированная операция по уничтожению боевиков превратилась в разведку боем. Стало ясно, что силами внутренних войск и милиции город не взять — будут большие потери.

И тогда командование ОГВ приняло решение нанести точечные удары по узлам обороны НВФ с применением авиации и артиллерии. Оперативно были подготовлены штурмовые отряды из подразделений Минобороны, внутренних войск, ОМОНа и СОБРа.

Предусматривалось в течение подготовительного периода уплотнить периметр окружения, выставить минно-взрывные заграждения, перегруппировать войска. С этой целью в булгаковской группировке были созданы два направления — западное и восточное.

На западном направлении руководил генерал М. Малофеев (заместитель командующего 58-й армией по боевой подготовке), на восточном — генерал В. Михайлов. Всего в операции было задействовано около 20 тыс. человек, в том числе: 13 700 армейцев, 3800 — из внутренних войск, 1700 — из ОМОНа, СОБРа и милиции.

С началом активных боевых действий главный удар должны были нанести одновременно штурмовые отряды 506-го мотострелкового полка и 21-й бригады оперативного назначения — и таким образом рассечь группировки противника на части. А занятые рубежи закреплять, выставляя заставы (блокпосты). В дальнейшем рассекающими ударами штурмовых отрядов в направлении центра города нужно было завершить разгром бандформирований в северной части; затем сократить периметр окружения, провести дополнительно перегруппировку и освободить от боевиков южную часть Грозного.

Что собой представлял боевой порядок штурмовых отрядов?

Он включал несколько боевых единиц:

— группу захвата объектов в составе взвода, разбивавшегося

на три-четыре «тройки» — стрелки, пулеметчики и гранатометчики (огнеметчики). Первыми вдоль улиц продвигались стрелки, за ними гранатометчики (огнеметчики). При обнаружении противника они вели огонь по противоположным сторонам улицы: движущиеся по левой стороне — по зданиям на правой стороне улицы, движущиеся по правой стороне — по зданиям на левой стороне. Солдаты, шедшие в первых тройках, имели увеличенный боезапас ручных гранат. Использовались также дымы, специальные средства «Черемуха»;

— группу разминирования из четырех-шести саперов, которые проверяли захваченные здания на наличие в них мин, проделывали проломы в домах, устанавливали (при необходимости) минно-взрывные заграждения; в случае контратаки боевиков мины устанавливались в управляемом варианте;

— группу блокирования — пять-шесть снайперских пар, обеспечивавших движение штурмовых групп с флангов. Они находились на блокпостах до тех пор, пока не пройдет группа захвата;

— группу огневой поддержки (два-три БМП, танк и расчеты АГС-17 и СПГ-9). Думаю, само название дает представление о ее функциях и назначении. Отмечу только несколько деталей. Техника находилась на удалении до 600 метров от объекта захвата. Во время движения ее охрану и оборону осуществляли располагавшиеся вокруг боевых машин тройки.

Что касается поддержки штурмового отряда, то она обеспечивалась:

— огнем минометной батареи (82-мм или 120-мм минометы);

— действиями группы закрепления захваченных объектов (рота-батальон), которой ставилась задача принять узловые объекты (перекрестки дорог, крыши высотных зданий и т. д.) под охрану и оборону. В ее состав в обязательном порядке входили снайперские пары (они удерживали занимаемые объекты, обеспечивали прикрытие подвоза боеприпасов, материальных средств и эвакуацию раненых);

— группой технического и тылового обеспечения в составе: тягача для эвакуации поврежденной техники; установки разминирования (УР) для проделывания проходов в минных полях; транспорт для отправки раненых (как правило, МТАБ), а также автомобильной и гусеничной техники для доставки боеприпасов и других материальных средств (грузовые автомобили и МТДБ).

Группа управления роты во главе с командиром и один взвод,

состоящий из четырех-шести троек (гранатометчик, пулеметчик и снайпер), обеспечивали координацию действий всех подчиненных групп и являлись резервом группы захвата объектов.

Группа управления батальона (комбат, связист, командир артдивизиона, начальник разведки, авианаводчик, командир снайперской роты и корректировщик артиллерийского огня) обеспечивала общее руководство.

На всех этапах выполнения боевой задачи штурмовой отряд прикрывала артиллерия (так называемое «огневое окаймление»). Технику приходилось выдвигать «скачками» — от укрытия к укрытию. Танки, БМП и БТР вели огонь, как правило, по верхним этажам.

Однако и боевики не собирались пассивно отсиживаться. Чтобы отвлечь часть федеральных сил от Грозного, они 9 января предприняли попытку захватить Шали, Аргун, Герменчук и Мескер-Юрт. Эти события так отражены в моих дневниковых записях:

«9 января

10.00

Поступил доклад военного коменданта г. Аргун полковника Кушнарева: «Ожидается нападение боевиков на военную комендатуру и РОВД». Попросил при этом выделить в его распоряжение 2 БМП, которые планировали дать ему из состава 74-й бригады. Военный комендант на «уазике» тут же выехал в расположение бригады, забрал БМП и на обратном пути попал под интенсивный обстрел боевиков в центре города. Первая машина в результате прямого попадания гранаты загорелась и взорвалась. Экипаж сумел выскочить и пересесть на вторую БМП.

10.30

Командир дивизии внутренних войск полковник А. Ползиков сообщил на командный пункт 74-й бригады:

— в районе изгиба дороги Мескер-Юрт — Октябрьское колонна машин подвергнута обстрелу из стрелкового оружия и гранатометов. Один БТР подбит. Есть убитые и раненые;

— головные машины колонны натолкнулись на засаду у моста через р. Черная. Подбит бронетранспортер. Погибли три человека, трое ранены.

В ходе этого боя бандиты тоже понесли потери. По предварительным данным, уничтожено 25 боевиков.

Полковник Ползиков послал на выручку разведывательный взвод на бронетранспортере и 2 БМП (18 человек). Но разведчики попали в засаду. Завязался бой. Пройти дальше по дороге наши не смогли и организовали оборону.

После сообщения о нападении генерал М. Воронов

(командующий группировкой внутренних войск «Восток») лично выдвинулся в этот район с усиленной мотострелковой ротой. Но в районе села Джалка также попал в засаду на дороге. Занял оборону и в течение нескольких часов вел бой.

Командир 74-й бригады принял решение разблокировать попавшую в засаду колонну. На выручку отправились мотострелковая рота с двумя танковыми взводами, огнеметное и разведывательное отделения.

11.00

На комбрига вышел военный комендант Шали генерал А. Беспалов, сообщил, что Шали заполнено боевиками — они заблокировали военную комендатуру и РОВД. Попросил помощи. Комбриг выслал на восточную окраину Шали мотострелковую роту с танковым взводом с задачей деблокирования окруженных федералов.

13.00

Генерал Беспалов сообщил мне, что два боевика с белым флагом подошли к зданию военной комендатуры и выдвинули следующие условия: вывести из здания комендатуры весь личный состав и сдать оружие. При этом требовали снять российский флаг и вывесить «ичкерийский» — с изображением волка. Комендант все предложения отверг. Бандиты дали час подумать и пригрозили, что в противном случае пойдут на штурм.

В Шали, по сведениям разведки, вошла банда А. Арсаева (несколько сот человек), которая сосредоточилась в одном из дворов в двухстах метрах от здания военной комендатуры города. К ним присоединились и местные боевики…»

В это время я находился в Ханкале, в штабе Объединенной группировки на служебном совещании. На меня вышел генерал Ю. Слесарев (начальник ракетных войск и артиллерии восточной группировки): «Товарищ генерал-лейтенант, мне дали информацию по Шали, разрешите нанести удар ракетой? Мы все тщательно рассчитаем, данные по местонахождению имеются. Своих не заденем».

Немного подумав, я приказал готовить удар. Конечно же, понимал, какую взял на себя ответственность. Но в данной ситуации просто не видел другого выхода: если бандиты пойдут на штурм, будут большие потери (превосходство боевиков было троекратным). Оборонявшие военную комендатуру долго бы не продержались. А главное в той ситуации — я был уверен, что ракетчики сработают ювелирно. Так в конце концов и вышло. Я опять вышел по телефону на военного коменданта и доложил о своем решении по нанесению ракетного удара, запросил его «добро» (как-никак, а ракета полетит к ним). Генерал Беспалов, не

колеблясь, сказал, что другого выхода нет, и выдал мне уточненные координаты местонахождения бандитов (спасибо офицеру ФСБ, который их раздобыл). Я приказал укрыть (занять подвалы, траншеи и окопы) весь личный состав комендатуры и РОВД.

На подготовку пуска понадобилось 15 минут. Ракетчики ввели исходные данные, внесли поправки на метеоусловия в районе цели. В результате прямого попадания было уничтожено более 50 и ранено около 70 боевиков. Это позволило сорвать планы бандитов захватить комендатуру и РОВД и установить контроль над городом.

Таким образом, уже к вечеру Шали и Аргун были разблокированы. Понеся ощутимые потери, бандгруппа ушла в горы. Крупномасштабная акция, на которую так рассчитывало командование НВФ и Масхадов, провалилась.

Эта дерзкая вылазка боевиков еще раз напомнила о том, как важно четкое и согласованное взаимодействие силовых структур, участвовавших в контртеррористической операции. В этом заключалась суть проблемы. В очередной раз приходилось отмечать негативные последствия таких «нестыковок». Это позволяло боевикам скрытно перемещаться и проникать в населенные пункты, обстреливать колонны федеральных войск.

Но вернусь к событиям в Грозном.

Западня

В середине января возобновилась операция по уничтожению бандформирований в Грозном. По нашим разведывательным данным, там еще оставались значительные силы боевиков, в том числе и известные полевые командиры. В Октябрьском районе оборону держал отряд Х. Исрапилова (около 200 человек). На северном направлении — бандгруппы В. Арсанова и Б. Бакуева (около 400 человек). А. Закаев и И. Мучаев находились в Черноречье. В центре города, недалеко от железнодорожного вокзала и базара, дислоцировались отряды Ш. Басаева и И. Талхадова.

Несколько раз командование ОГВ предлагало боевикам прекратить сопротивление и сложить оружие. При этом использовались разные способы: над городом разбрасывали листовки, по линии агентурной разведки к полевым командирам засылали чеченцев (из бывших боевиков), чтобы они попытались уговорить сложить оружие колеблющихся.

В разгар грозненской операции ко мне обратились несколько чеченцев, служивших в свое время в национальной гвардии Масхадова, предложив содействие в прекращении сопротивления своих бывших товарищей. Я вывез их вертолетом в Грозный, предоставил «коридор». Они встречались с одним из влиятельных полевых командиров, оборонявшим центр города. Но переговоры ни к чему не привели.

В те дни мне особо часто приходилось летать на вертолете. Бывало, целые дни проводил в воздухе. Командующий ОГВ генерал Казанцев поставил мне задачу контролировать войска, которые блокировали Грозный, особенно те места, где возможен прорыв боевиков.

В один из таких вылетов со стороны русского кладбища по вертолету вдруг ударил крупнокалиберный пулемет. Огонь вели метров с двухсот — это не расстояние для такого мощного оружия и при такой огромной цели, как крылатая машина. Вертолет продырявили, как решето. Уже на земле мы насчитали более двадцати пробоин. Летчики мастерски посадили машину. Никто не пострадал. Я пересел в другой вертолет.

Вечером, прокручивая в памяти события минувшего дня, я поймал себя на мысли: «Так ведь боевики стреляли с того русского кладбища, где похоронены моя сестра и близкие родственники». Вот уж действительно задумаешься о Всевышнем и поверишь в спасительные приметы.

Через месяц мне удалось побывать на этом кладбище. Давно

собирался, да все не удавалось выкроить свободную минуту. Могилу сестренки Любочки нашел быстро. Здесь же рассказал сопровождающим офицерам историю с вертолетом.

— Видимо, ангел-хранитель помог вам, товарищ генерал, — заключил кто-то из них.

Возможно, и так. Должен сказать, что многие солдаты и офицеры, начитавшись в свое время о биополях, астралах и прочих оккультных делах, верят в защитные свойства амулетов, талисманов и даже записанных на листках молитв своих родных и близких. Медальон, крестик, надетый бойцу на шею матерью, приобретает в его понятии функцию брони. Какова реальная сила подобных вещей — судить не берусь.

Но на чеченской войне я слышал такие истории, которые ничем иным объяснить невозможно.

Меня поразил случай со старшим лейтенантом Олегом Пагусовым. В бою он потерял сознание, а когда очнулся, увидел, что вражеская пуля попала в нательную иконку Божьей Матери, пробила ее, застряла, но в грудь не вошла. Иконку Олегу в отпуске надела мама. Материал, из которого та была изготовлена, конечно, никакими противопульными свойствами не обладал. Говорят, таких примеров было немало.

Жаль, что таких ангелов-хранителей в Чечне на всех наших солдатиков не хватило. Непонятно одно: разве матери павших меньше молились или переживали за своих сыновей, чем матери выживших?

Меня часто спрашивают: а вы в Бога верите?

— Нет, — отвечаю, — не верю. Я рос в то время, когда вокруг все были атеистами. В церкви бываю лишь на торжественных богослужениях, когда приглашают, но, признаюсь, чувствую себя в эти минуты неловко. Удивляюсь, как быстро многие госчиновники и некоторые господа офицеры вдруг стали верующими. Если действительно в душе появилась вера — это одно, но когда это не больше чем дань моде — отказываюсь понимать.

Кстати, я никогда не препятствовал солдатам и офицерам на их пути к Богу, не разубеждал и не отговаривал от соблюдения религиозных ритуалов, того же поста. Человек, наверное, должен верить в светлое, прекрасное. И гнева Божьего должен бояться, если это помогает ему достойно жить. Почему нет? Заботился я только о том, чтобы стремление к религии не приняло каких-либо уродливых форм. Очень благодарен тем священнослужителям, которые, рискуя жизнью, приезжали на передовую в Чечню, крестили солдат и офицеров, умиротворяли их ожесточившиеся души…

Весной 2000 года, на Пасху, я побывал в разрушенном православном храме Михаила Архангела в Грозном. Мне подарили серебряный крестик. До сих пор ношу его с собой, как и иконку Святого Георгия Победоносца — подарок осетинских друзей еще в первую чеченскую войну…

Но вернемся к событиям в Грозном.

17 января штурмовые отряды с двух сторон вошли в Грозный. Наступавшие с юго-запада по улице Алтайской полностью отсекли Старопромысловский район, что позволило быстро овладеть важными магистралями и домами.

На восточном направлении штурмовые отряды 506-го полка к исходу дня захватили больничный комплекс и несколько кварталов жилых зданий частного сектора. Впоследствии, преодолевая упорное сопротивление боевиков, продолжали продвижение к площади Минутка.

В 13 часов один из отрядов застопорился — не смог пройти вперед. Командир сослался на сильное противодействие противника в районе улицы Коперника. Тогда генерал М. Малофеев решил разобраться на месте. Выехал вместе с полковником Г. Цехановичем (начальником артиллерии полка), капитаном И. Никулиным (стажером из военной академии) и радиотелеграфистом сержантом Шараборином.

Уяснив обстановку «вживую», Михаил Юрьевич еще раз уточнил задачу. Видимо, заметив растерянность командиров штурмовых групп и некоторую робость, Малофеев взял управление на себя.

Командир группы старший лейтенант Мосиякин с первой тройкой выдвинулся к намеченному объекту. За ним пошли Малофеев с Цехановичем и связистом. А капитан Никулин остался с основным составом штурмовой группы.

Вошли в одноэтажное полуразрушенное здание. И в этот момент боевики открыли перекрестный огонь из автоматов, пулеметов, снайперских винтовок и гранатометов. Первая же очередь оказалась роковой для генерала Малофеева — смертельное ранение в голову. Тяжелое ранение получил связист, которого полковник Цеханович перетащил в безопасное место, но сержант Шараборин тут же скончался.

— Что с генералом? — крикнул командиру штурмовой группы Цеханович.

— Убит, — с трудом произнес Мосиякин.

Через несколько минут в проеме окна показался капитан Никулин. Увидев, что здание обстреливается с двух сторон боевиками, офицер поспешил на выручку Малофееву. Прибыл один, штурмовая группа за ним не пошла — солдаты испугались.

Цеханович рассказал о случившемся. Решили вытащить генерала и пробиваться к своим. Но в этот момент боевики вновь открыли по зданию ураганный огонь. Видимо, догадались, что здесь находится кто-то из командования группировки.

Только через два дня, после нанесенного артиллерийского удара, одной из наших штурмовых групп удалось прорваться к зданию. Но тело Малофеева не обнаружили.

Мне было поручено выехать на место гибели генерала, что я и сделал, взяв с собой полковника Стволова из 205-й бригады с группой разведчиков и саперов. Не сразу удалось обнаружить тела погибших генерала и сержанта. Они лежали в 15–20 метрах от того злополучного здания, в нескольких шагах друг от друга, с перевязанными запястьями рук (так легче было тащить их волоком), а рядом убитый боевик (видимо, попал под артобстрел, когда волок мертвых).

Михаил Юрьевич прибыл к нам из Ленинградского военного округа. Не успел толком принять дела у бывшего заместителя командующего 58-й армией по боевой подготовке, как сразу же вынужден был отправиться в зону боевых действий. С первых дней на войне проявил себя не только грамотным, знающим военное дело, но и храбрым командиром.

Если бы тогда, на улице Коперника, солдаты и офицеры штурмовых отрядов сумели перебороть в себе страх перед озверевшими боевиками, не было бы этой трагедии. Гибель генерала Малофеева напомнила всем россиянам, какой ценой давалась победа в схватке с бандитами.

А через два месяца, уже в горах Веденского района, мы потеряли другого прекрасного генерала — А. Отраковского, командовавшего морскими пехотинцами. Не выдержало сердце.

Я хорошо знал Александра Ивановича еще по первой войне. Когда началась контртеррористическая операция, он снова оказался в Чечне. Батальоны морской пехоты действовали в составе войск моей восточной группировки. Наблюдая за этим генералом, уже имевшим громкое боевое имя и славу, я невольно ловил себя на мысли: «А ведь он, кроме как по возрасту, ничем не отличается от рядового бойца». Не было на той войне другого такого генерала, кто был так близок к солдату. Отраковский в прямом смысле дневал и ночевал в окопах рядом с подчиненными. Пользовался у них непререкаемым авторитетом, о таких в народе говорят: «Настоящий пахарь».

В последний раз мы виделись за несколько дней до его смерти. Александр Иванович выглядел уставшим, но виду не подавал, шутил. Он умер во сне, в своей походной палатке. Колоссальное нервное напряжение последних месяцев

окончательно подорвало его здоровье. От него никогда не слышали и намека на жалобы, на выпавшие тяготы и лишения. А в трудную минуту он всегда первым приходил на помощь другим. Да разве только он один! По моим данным, на Северном Кавказе, проявив мужество и героизм, погибло 13 генералов. А что говорить о так называемой проблеме генеральских детей? Я уже говорил об этом выше, но хочу кое-что добавить.

Когда порой матери погибших на войне ребят упрекают военачальников в бессердечии, а то и жестокости по отношению к подчиненным, я понимаю их эмоциональное состояние и не осуждаю за это. Прошу только помнить, что дети многих генералов не прятались за широкие спины отцов, наоборот — честь фамилии обязывала первым идти в атаку. Очень жаль, что наше общество ничего не знает об этом. А ведь обязано знать.

Чтобы хоть как-то восстановить справедливость, я назову генералов, погибших в первой и второй контртеррористических операциях на территории Чеченской Республики: Виктор Васильевич Воробьев, Александр Викторович Рогов, Евгений Константинович Скобелев, Михаил Юрьевич Малофеев, Александр Иванович Отраковский, Анатолий Григорьевич Поздняков, Павел Николаевич Варфоломеев, Гайдар Абдул-Маликович Гаджиев, Геннадий Николаевич Шпигун, Николай Васильевич Скрыпник, Николай Петрович Гаридов, Михаил Мефодьевич Рудченко, Виктор Григорьевич Прокопенко.

Этот печальный список продолжают погибшие на Северном Кавказе сыновья российских генералов: лейтенант Александр Налетов, старший лейтенант Алексей Пуликовский, старший лейтенант Олег Шпак, капитан Дмитрий Сергов… Заранее прошу прощения, что далеко не всех я здесь упомянул. Пишу о том, что знаю…

Однако возвратимся к событиям в Грозном.

Несмотря на отчаянное сопротивление боевиков, подразделения Объединенной группировки войск к 23 января овладели консервным и молочным заводами, вышли к автомобильному мосту через Сунжу, освободили от бандитов поселок Пригородный, 15-й военный городок и три микрорайона, взяли под свой контроль железнодорожный вокзал и депо.

При захвате моста и плацдарма на правом берегу реки передовым подразделениям штурмового отряда поначалу не удалось закрепиться на отвоеванных позициях. Бандиты перегруппировались и выбили-таки наших. Тогда для предотвращения маневра резерва боевиков в бой на разных участках вступили подразделения 205-й бригады, 423-го и 255-го полков. В результате ситуацию удалось исправить и, более того,

создать благоприятные предпосылки для дальнейшего наступления.

31 января батальоны 245-го мотострелкового полка и 674-го полка особого назначения захватили северо-восточный сектор площади Минутка, а южной частью овладел батальон 506-го полка. Оборона противника в целом была нарушена, оказались разгромленными главные силы бандформирований и их резервы. После этого сопротивление носило исключительно очаговый характер.

Бандитам ничего не оставалось, как попытаться прорваться из Грозного и уйти в горы. Мы предполагали вероятность прорыва на одном из трех направлений:

— через Старую Сунжу в направлении Аргуна;

— через поселок Пригородный в сторону Шали;

— через Черноречье на Урус-Мартан и далее в сторону гор.

На этих направлениях мы и сосредоточили свои усилия. На стыках между блокирующими город подразделениями оборудовались дополнительные минные поля (как управляемые, так и неуправляемые), огневые позиции, а артиллерийские орудия выводились на прямую наводку.

Уже в первые дни наступившего нового года боевики предприняли попытки прорыва. Так, 3 января через поселок Черноречье и лесной массив вдоль реки Сунжа, ночью, используя туман, около 200 человек прорвались на южные окраины Алхан-Калы, но были блокированы здесь нашими войсками и, в конечном счете, уничтожены.

Подобные попытки были и на других направлениях. Однако на основной прорыв бандиты решились только тогда, когда войска группировки фактически овладели большей частью Грозного.

Чтобы выманить боевиков из осажденного города, в штабе ОГВ разработали оригинальный план. Назовем его условно «Волчья яма». В рамках этого плана в эфир была запущена дезинформация: с помощью ложного радиообмена бандитам навязывалась мысль, что в кольце окружения есть бреши, где можно пройти. На стыках между полками боевая активность сводилась до минимума. Заработала и агентурная разведка, «подсказывая» полевым командирам пути выхода из кольца. Параллельно с этими мероприятиями в нескольких направлениях мы готовили своеобразные «коридоры» для противника.

Бандиты клюнули на приманку. В ночь с 29 на 30 января остатки боеспособных отрядов попытались прорваться через село Старая Сунжа, на стыке между 15-м и 276-м мотострелковыми полками. Свыше 600 боевиков устремились в прорыв. Впереди

себя они пускали животных и пленных. Многие бандиты погибли тогда на минных полях, многие получили тяжелые ранения, в том числе и известные полевые командиры. Басаев — один из них… Той ночью боевики недосчитались около 300 человек убитыми. Большинство выживших сдались в плен. Лишь немногим удалось вырваться из города.

6 февраля Грозный был полностью освобожден от бандитов и взят под контроль федеральных сил.

Еще накануне проведения операции в средствах массовой информации (как у нас, так и за рубежом) разгорелась полемика: не лучше ли оставить город в блокаде и не трогать до поры до времени, продолжая уничтожение боевиков в горах?

Да, с военной точки зрения Грозный представлял ценность — как район сосредоточения крупных бандформирований, подлежащих уничтожению. Боевики оказались загнанными в угол, что делало вполне реальным достижение основных целей контртеррористической операции в более короткие сроки. Но, с другой стороны, возможное упорное противодействие боевиков в Грозном затянуло бы операцию в целом, что было на руку боевикам, и могло негативно отразиться на формировании общественного мнения в стране и за рубежом. Это, так сказать, в плане политическом. И еще. Лидеры незаконных вооруженных формирований хотели как можно дольше удерживать город, а затем спокойно покинуть его, тем самым продемонстрировав неспособность военных, а значит, руководства страны, четко провести спланированную операцию.

Однако эти замыслы не сбылись, как и прогнозы многих западных экспертов и журналистов, что федеральные войска понесут огромные потери. Ну да шут с ними, с экспертами и аналитиками, да и вообще со всеми «пораженцами».

На мой взгляд, анализ боев за Грозный позволяет сделать вывод: эта операция в своем роде уникальна и из нее можно извлечь бесценные уроки. Прежде всего военным. И вот почему.

Бой в городе — пожалуй, самый сложный вид боевых действий. А в условиях локальных конфликтов требует новой стратегии и тактики, специальных сил, особого применения огневых средств. Я уже останавливался на таком специфическом моменте, как участие подразделений нескольких силовых ведомств (Минобороны, МВД, Минюста, ФСБ). Отсюда — требования к организации взаимодействия между ними, четкости, согласованности. Это относится и к взаимодействию между родами войск в рамках самого Министерства обороны.

Поучительным примером могут служить порядок построения и способы действий штурмовых отрядов и групп, где были

задействованы подразделения из разных силовых структур.

При ведении боевых действий в городских условиях впервые был применен 240-миллиметровый самоходный миномет «Тюльпан», продемонстрировавший большую эффективность огня. Грамотное использование танков, которые двигались за штурмовыми отрядами, обеспечило надежное прикрытие этих подразделений от противотанковых средств противника благодаря динамической защите «брони», выдерживающей от 3 до 5 выстрелов из ручных противотанковых гранатометов.

Все это в целом (и эффективное применение техники, и построение боевых порядков, и взаимодействие сил и средств) позволило достичь поставленных целей в Грозненской операции с минимальными потерями личного состава.

Владимир Булгаков. Штрихи к портрету

Владимир Васильевич — человек удивительный и в высшей степени достойный уважения. Его мощная, крепкая фигура, громовой голос, преждевременная седина, характерные морщины на лице (словно высеченном из камня) создают образ старого рубаки-генерала, прошедшего через множество военных испытаний.

Помню, во время боев в горах он носил обычную брезентовую штормовку без знаков различия. Случалось, не успевал побриться. И если бы не бинокль на груди и деревянная кобура «стечкина» на боку, можно было подумать, что перед тобой не генерал, а какой-нибудь лесник или колхозный бригадир… Однажды дошло до курьеза. В его группировку приехали тележурналисты. Увидев командующего в своем «традиционном боевом виде», один из телевизионщиков спросил у офицера из пресс-центра ОГВ:

— А вон тот мужик — он кто?

— Генерал Булгаков, — последовал ответ.

— Как?! Тот самый Булгаков, который Грозный взял и Шатой?

— Тот самый, — кивнул с улыбкой офицер.

— Немедленно включай камеру! — тут же дал команду телевизионщик своему оператору. — Иначе уйдет…

Журналист знал, что Владимир Васильевич — человек скромный, в кадр никогда не лезет, с прессой общаться не привык, да и вид свой окопный лишний раз не хочет демонстрировать публично. Зачем? Он всегда молча и упорно делает свое дело — бьет врага по правилам суворовской науки, не думая о славе. Может быть, именно поэтому о нем мало знают в российском обществе. Он был далеко не так популярен, как, например, генерал Шаманов. Но это совсем не значит, что военные заслуги Булгакова меньше, чем у Владимира Анатольевича. А то и больше, смотря как оценивать.

Да, на войне, да и вне ее, Булгаков начисто лишен генеральского, парадного лоска. Он действительно напоминает обычного работягу, «пахаря». Впрочем, он и есть пахарь войны. По поводу этой чисто внешней атрибутики я даже повздорил как-то с несколькими столичными генералами. Случилось это в тот момент, когда кандидатура Булгакова рассматривалась на должность начальника штаба СКВО.

— Ну разве он штабник? — иронично заметил кто-то из москвичей. — У него и послужной список чисто командирский, и весь облик какой-то… нештабной…

Меня это просто взбесило. Тем более что именно я

рекомендовал назначить Булгакова на эту должность — был уверен, что он справится с новыми обязанностями.

— Что это еще за штабной облик?! — вскипел я. — Умение на паркете каблуками щелкать? Булгаков полжизни в окопах провел. В Афганистане, в Дагестане, в «первую Чечню», во «вторую»… Был тяжело ранен. Достойно выполнял все планы вышестоящих штабов. Пора ему уже и самому во главе штаба встать.

Короче говоря, моя взяла. Убедил я сомневающихся. Это, к сожалению, не единственный случай, когда Булгакова недооценивали. Нечто подобное случилось и в декабре 1999-го, в самом начале Грозненской операции.

Вокруг этой операции было много военно-политической суеты. Москве хотелось поскорее услышать доклад о захвате чеченской столицы.

— Нельзя долго держать город в блокаде! — бомбили нас по телефонам. — На вас вся страна смотрит, весь мир… Уже начались политические спекуляции. Не тяните со штурмом! Грозный — ключ ко всей чеченской кампании…

В общем, нас толкали в спину. Булгакова как руководителя операцией просто задергали. Не успев толком перегруппировать силы, он все-таки вынужден был начать штурм. И естественно, ожидаемого успеха не добился. В одной из глав я уже кратко упоминал о возникшей тогда коллизии, когда стали искать «стрелочника»: не нашли лучшего варианта, чем отстранить Булгакова от руководства операцией.

— Да любой другой не справился бы при такой постановке вопроса, — вступились мы с Казанцевым. — Дайте время! Будет вам и белка, будет и свисток, и Грозный со всеми его бандитами…

Признаюсь, больших трудов стоило доказать, что вины Булгакова в неудачном начале операции нет, что он как раз тот человек, который способен без особых потерь взять город.

В конце концов сошлись на таком варианте: мне командующий поручил внешнее окаймление Грозного, а Булгакову — все, что внутри кольца, то есть собственно штурм (взятие города). При этом Казанцев предупредил всех начальников «сверху»: «Не торопите!»

Согласился с таким раскладом и начальник Генштаба А. Квашнин, а от его мнения очень многое зависело.

Генерал Булгаков в те дни, конечно, сильно переживал, хотя виду не показывал. Только курил много — до хрипящего свиста в груди. А когда вопрос о его отстранении был снят с повестки дня, тоже особых эмоций не выказал. Решение воспринял спокойно. И сразу же приступил к работе.

В том, что операция по взятию чеченской столицы прошла на ура, — во многом его личная заслуга. Он действовал без суеты, по-военному грамотно.

Очень необычно выглядел применявшийся им способ захвата мостов через Сунжу. Он ни разу не пошел в лобовую, подвергая своих людей опасности. Всегда делал несколько отвлекающих маневров, сковывал боевиков на ложных участках штурма, а в это время переправлял подразделения в самых неожиданных для бандитов местах и с нескольких направлений захватывал мост. Оборона боевиков рассыпалась, как карточный домик, у полевых командиров голова шла кругом от булгаковских «тактических штучек»…

Я знаю Владимира Васильевича с зимы 1985 года. Мы познакомились на курсах усовершенствования при Академии бронетанковых войск. Уже тогда на штабных играх он проявлял оригинальность мышления: терпеть не мог шаблонов.

Мало кто знает, что еще в первую чеченскую войну он удивил всех тем, что поставил в боевое охранение позиций своих войск… гусей. Да-да, тех самых гусей, которые в свое время Рим спасли. Не секрет, что гуси бурно реагируют на появление чужих и чуют их издалека. Тысячи лет назад благодаря этому римляне отбились от варваров. И вот теперь в окрестностях Грозного один из наших полков, «усиленный» гусями, сумел вовремя отбить атаку боевиков.

Уже во вторую войну Булгаков, побродив по горам Чечни в поисках неизвестно где спрятавшихся боевиков, придумал очередной трюк с использованием фауны. Он попросил у МВД следовых собак. Собралась целая свора — несколько десятков «голов». Скучковавшись, собаки подняли невообразимый лай. Вот тут-то Булгаков и растянул их с проводниками в цепь и пустил по горному лесу, где предположительно прятались бандиты. Многоголосое эхо металось между лесистыми склонами, создавая ощущение конца света. Бандиты, до этого спокойно отсиживавшиеся в землянках, не выдержали «псовой атаки», дрогнули и бросились наутек, попадая под огонь наших стрелков. Собачья облава имела стопроцентный успех!

После всего этого повернется у кого-нибудь язык упрекнуть Булгакова в догматизме, неумении воевать?!

Но есть у этого доблестного генерала и своя слабость: он страстный книголюб. У Булгакова богатейшая библиотека. При первой же возможности старался бывать на книжном базаре и никогда не уходил оттуда с пустыми руками. Из книг черпает мудрость (применению в боевой обстановке гусей или собак не учат в военных академиях), хотя и все нужные по службе школы

он успешно окончил.

Он хорошо знает историю вообще и военную в частности, он не пропускает новинок мемуарной литературы, особенно тех, где речь идет о войне (где бы и когда бы она ни произошла). Владимир Васильевич давно мог бы преподавать в академии, стать ученым. Ему есть что рассказать молодым офицерам. Что, я надеюсь, он изредка делает в новом качестве командующего войсками ДВО. Кстати, полтора века назад на Кавказе достойно воевал царский генерал Булгаков. Любители исторических параллелей и аналогий с удивлением узнали бы, что оба Булгакова (и царский, и нынешний) действовали порой в одних и тех же районах Чечни. И тот, и другой стяжали военную славу. Я надеюсь, что имя нынешнего генерала Булгакова тоже войдет в славную историю России. По заслугам и честь.

И последнее. Не хотелось, чтобы у читателя сложилось превратное мнение о генерале как о человеке войны. Ему она так же чужда, как и его соотечественникам. Он слишком хорошо знает цену мира, чтобы не думать о войне как злейшем изобретении человечества. Он видел многие исковерканные судьбы солдат и офицеров, которых гражданское общество не готово достойно принять и адаптировать к мирной жизни. Сейчас Владимир Васильевич достойно командует войсками Дальневосточного военного округа. А значит, благодарны ему будут родные и близкие не только тех солдат, которых он уберег от гибели, но и тех, кто сейчас служит на Дальнем Востоке.

Глава 11
Успех не за горами, а в горах

Удар «от борта»

В декабре 1999 года в моей жизни произошло волнующее событие: Указом Президента РФ я был удостоен звания Героя России. Узнал об этом, находясь в штабе восточной группировки. Позвонил министр обороны И. Сергеев. Поздравил, сказал теплые слова. Звезд Героя были удостоены также генералы В. Казанцев и В. Шаманов. В свою очередь, я поздравил их, пожелал успехов в скорейшем разгроме бандформирований.

Ближе к вечеру пришли генерал С. Макаров (который позже сменил меня на посту командующего восточной группировкой) с группой офицеров штаба. Открыли шампанское. Принимая поздравления, я сказал, что эта высокая награда не только моя, но и всех собравшихся в этой комнате. Мы обнялись.

Вглядываясь в лица подчиненных, я понял, что они искренне рады за командира. Мне было приятно. Такие минуты надолго остаются в памяти.

Накануне Нового года в Кремле состоялось вручение высших наград. Звезду Героя на мой парадный китель прикрепил Борис Николаевич Ельцин. Кажется, это было последнее публичное появление Ельцина в качестве президента страны. Через два дня он выступит по телевидению и передаст свои полномочия В. Путину. Бориса Николаевича я видел не в первый раз, но запомнил именно это его крепкое рукопожатие. Чувствовалось, что он по-настоящему рад за нас, военных, рад нашим победам.

Однако до окончательной победы было еще далеко.

В середине декабря 1999 года боевики были вытеснены в горы и стали концентрироваться в Шатойском, Веденском, Ножай-Юртовском районах. Они удерживали Аргунское ущелье, но продолжалось это недолго.

В результате нашей операции по блокированию горной дороги Итум-Кале — Шатили боевики лишились основного маршрута доставки вооружения, боеприпасов и материально-технических средств через Грузию. По имеющимся данным, на территории закавказской республики как раз была подготовлена к отправке большая партия груза на базы бандформирований в районе Шатоя. Высадка нашего воздушного десанта в верховья Аргунского ущелья стало полной неожиданностью для боевиков.

Сначала, из-за противоречивости информации, сведения о десанте боевики восприняли с недоверием, как несоответствующие действительности. В данном случае прекрасно сработали наша агентурная разведка и специалисты по радиоэлектронной борьбе. Когда же полевые командиры

окончательно уяснили ситуацию, было уже поздно. Руководивший десантированной группировкой генерал М. Ашуров отбил все атаки бандитов.

В начале февраля, после освобождения Грозного, основные силы бандформирований сосредоточились в горах (около 5 000 человек). А вот какой был их расклад, так сказать, боевые составляющие:

— в Аргунском ущелье — до 2 000 боевиков во главе с Э. Хаттабом;

— в Веденском районе — до 600 боевиков. Общее руководство осуществлял Ш. Басаев, однако после получения ранения фактически его замещал один из подчиненных полевых командиров;

— в Ножай-Юртовском районе действовала банда Ширвани Басаева (до 800 человек);

— в Итум-Калинском и Шатойском районах промышляли несколько групп общей численностью до 1000 боевиков под руководством Р. Гелаева.

Система управления и связи отрядов, основанная на использовании УКВ-радиостанций (и оправдавшая себя прежде), в горах оказалась уязвимой для огневого поражения. Боевики стали использовать специальные ретрансляторы, смонтированные на базе автомобилей. Для большей скрытности управления они разработали переговорные и кодовые таблицы, кроме того стали чаще использовать посыльных (женщин, подростков).

Чтобы удержать как можно дольше тот или иной населенный пункт или сдержать продвижение федеральных сил, бандиты прибегали к самым разнообразным и порой весьма хитроумным приемам. Приведу лишь некоторые из них:

— на вероятных маршрутах движения войск в полотно дорог закладывали заглушенные отрезки труб с легко воспламеняющейся жидкостью;

— перед окопами оборудовались мощные минные поля. Минирование происходило «в два этажа». На дно углубления закладывалась первая мина, засыпалась землей или глиной, а на нее сверху — вторая, и все это маскировалось. Если удавалось обнаружить и разминировать верхнюю мину, то оставалась еще вторая;

— выходили боевики из населенных пунктов или прибывали в них по ночам, мелкими группами, по труднопроходимым участкам местности;

— чтобы раскрыть систему охраны, обороны и расположение огневых средств федеральных сил, боевики часто использовали собак с закрепленными на ошейниках фонариками. Издали такой

светящийся объект легко можно было принять за движущегося человека.

Кроме этого, при обороне горных сел бандиты широко использовали тактику действий из засад. Пропуская наши подразделения к себе в тыл, они скрытно выходили из блиндажей и подвалов, открывали фланговый и перекрестный огонь. При этом гранатометы били по нашим танкам и БМП с предельно малого расстояния — от 60 до 100 метров.

По-прежнему эффективно использовались «снайперские пары». Как правило, они вели огонь через подготовленные амбразуры в фундаменте зданий. Снайперы без труда определяли командиров и других офицеров: использовался так называемый явный разведпризнак — присутствие рядом связиста с рацией. Кстати, это в очередной раз подтвердило необходимость укомплектования наших подразделений малогабаритными средствами связи.

Анализируя общее состояние бандформирований, засевших в горах, мы выделяли и сильные, и слабые их стороны.

К первым можно отнести следующие факторы:

— опыт ведения боевых действий (воюют вот уже шестой год);

— национально-религиозный фанатизм и готовность к самопожертвованию (система смертников, камикадзе);

— беспрекословное подчинение командирам;

— четкая организация ротации (замены) бандитов в зоне боевых действий;

— наличие в отрядах иностранных наемников и инструкторов, прошедших всестороннюю подготовку в специальных лагерях в странах Ближнего Востока и Средней Азии;

— хорошее знание местности и умелое ее использование;

— заблаговременная подготовка населенных пунктов и местности к долгосрочной обороне;

— создание запасов вооружения, боеприпасов и материальных средств;

— широкое использование автомобильного и гужевого транспорта (лошадей, ослов);

— оснащенность современным вооружением и снаряжением (как правило, иностранного производства);

— использование местного населения (женщин, детей) для решения разведывательных задач;

— разветвленная сеть управления и современные средства связи.

К слабым сторонам боевиков можно отнести:

— частичную деморализованность отрядов, потерпевших поражение на равнине и особенно в Грозном;

— утрату поддержки со стороны значительной части населения;

— все более глубокие разногласия между полевыми командирами;

— сокращение запасов вооружения, боеприпасов и материально-технических средств;

— трудности в оказании своевременной и должной медицинской помощи…

Произведя перегруппировку, федеральные войска в середине декабря приступили к освобождению горной части Чечни. Замыслом предстоящей операции предусматривалась высадка тактических воздушных десантов, захват ими господствующих высот и только после этого подтягивание основных сил. Другими словами, атаковать боевиков мы намеревались не снизу, карабкаясь в горы, а сверху, скатываясь с гор. Первоначально десанты были высажены в Шароаргунском ущелье, в районе Дай. Чуть позже, на юге, подразделения 56-го десантно-штурмового полка десантировались вертолетами в районе села Ялхорой и выполнили задачу по блокированию Аргунского ущелья.

Чтобы не допустить проникновения бандформирований из горной на равнинную часть республики, мы приняли меры по дооборудованию и уплотнению войсками полосы прикрытия предгорных районов. Она должна была представлять собой непроходимую для боевиков систему опорных пунктов и минновзрывных заграждений в сочетании с системой огня всех огневых средств. Для пропуска мирных жителей из зоны боевых действий в районах селений Чири-Юрт и Сержень-Юрт были развернуты КПП.

Таким образом, к началу февраля 2000 года бандформирования в горах были заблокированы полосой прикрытия на севере, а на юге — тактическим воздушным десантом, перекрывавшим пути маневра боевиков и маршруты доставки оружия и боеприпасов.

Теперь можно было активизировать действия по уничтожению бандформирований в горных районах. 10 февраля мы взяли под контроль райцентр Итум-Кале, а затем полностью освободили Веденское ущелье.

К 19 февраля были завершены инженерные работы по прокладке колонных путей для подразделений Объединенной группировки войск в горах. О том, какими темпами они велись, говорят такие цифры: за два месяца пройдено свыше 60 километров (т. е. примерно по километру в день). И это при том,

что инженерам приходилось трудиться в сложных условиях. Впервые были пробиты участки дороги без производства изыскательных работ в горах, на высоте 1500–2500 метров. В состав отрядов обеспечения движения (ООД), как правило, включались: инженерно-саперный взвод с буровым отделением, инженерно-дорожная рота в полном составе, танк с тралом. Все это придумал и осуществил со своими людьми начальник инженерных войск СКВО генерал А. Красников.

Попутно, при разминировании местности, путей и объектов было обнаружено и уничтожено 384 (!) взрывоопасных предмета, в том числе 236 фугасов, снято 16 радиоуправляемых взрывных устройств.

Кроме восточной и западной группировок, действовавших в горах, была создана новая группировка «Центр». Основные ее усилия сосредоточивались на направлении Итум-Кале, Дачу-Борзой, на блокировании и уничтожении боевиков в районе Шатоя. Огневое поражение наносили ударами авиации и артиллерии, чтобы вынудить боевиков оставить господствующие высоты и уйти в Шатойскую долину. Руководил группировкой «Центр» генерал В. Булгаков, а впоследствии — генерал В. Молтенской.

Каков же был план предстоящей операции?

Войскам группировки «Центр» предстояло ударом по сходящимся направлениям окружить бандформирования в районе населенных пунктов Борзой, Урдюхой, Большие Варанды. Действиями войск, ударами авиации, огнем артиллерии и средств прямой наводки нанести поражение боевикам, а затем приступить к спецоперации в блокируемом районе до полного уничтожения бандитов.

Последующая задача формулировалась так: «разведывательными и поисково-рейдовыми действиями в северном направлении, используя результаты огневого поражения, во взаимодействии с войсками восточной и западной группировок, уничтожить противника в Аргунском ущелье».

Чтобы облегчить действия группировки «Центр», подразделения «Запада» в течение 25–27 февраля блокировали Харсеной, а группировка «Восток» закрыла боевиков в районе Улус-Керт, Дачу-Борзой, Ярышмарды.

Впервые за время проведения контртеррористической операции был создан усиленный разведывательный отряд, включавший несколько разведывательных групп, взвод наблюдения. Ему были приданы минометный взвод, противотанковое, огнеметное и инженерно-саперное отделения.

18 февраля первый эшелон отряда был высажен на гору

Альпийскую. В течение трех суток бандиты (30 человек), закрепившиеся на этой высоте, были уничтожены. В последующем отряд вел разведку наблюдением. Полученные данные использовались для поражения объектов противника огнем артиллерии и ударами авиации.

Высокую, эффективность в горах показали снайперские пары из подразделений Минюста. Так, в районе горы Альпийской группа снайперов, вооруженных 12,7-миллиметровыми снайперскими винтовками «Взломщик», за трое суток практически уничтожила все огневые точки противника на высоте Гойтенкорт.

Боевики, засевшие в горах, в отличие от первой чеченской кампании, широкомасштабного сопротивления не оказывали. Зато зубами держались при обороне районов дислокации важных баз, лагерей и складов. Хорошо зная местность и имея заранее приготовленные укрепления, они проводили внезапные контратаки с применением массированного огня минометов, ПТУРов, самодельных пусковых установок НУРС, РПГ и стрелкового оружия. Особенно упорно удерживалось село Малые Варанды, урочище Харсеной и высоты восточнее села Шаро-Аргун.

Однако после значительных потерь в живой силе, технике и вооружении, после захвата и уничтожения нашими войсками складов и баз, истощения сил в условиях горной зимы у боевиков не чувствовалось особого желания воевать в горах. К тому же усилия группировки «Центр» вынуждали бандитов уходить на равнину или в другие горные районы, прилегающие к Дагестану и Ингушетии.

В нашем арсенале были различные способы обнаружения базовых лагерей противника. Об одном из них, с применением следовых собак, я уже рассказывал в главе, посвященной генералу В. Булгакову.

Другой лагерь был обнаружен в районе Беной-Шатой, где находилось несколько заброшенных сел. По агентурным данным, здесь в развалинах прятались боевики. Пришлось применить новую тактику — вместо артиллерии, которая размещалась на большом удалении от этого района, ночью подтащили несколько минометных подразделений. В результате массированного минометного обстрела было уничтожено несколько десятков бандитов, захвачен склад с оружием и боеприпасами.

Бои в горах еще продолжались, когда в грозненском аэропорту «Северный» состоялись торжества, посвященные Дню защитников Отечества. Многие журналисты назвали это «парадом победителей». Телевидение (РТР) вело прямую трансляцию на

всю страну. Конечно, это мероприятие не лишено было пропагандистского налета и мало походило на «парад победителей» в широком смысле слова. Да и не было таких намерений у организаторов. Просто люди на войне отвыкли от праздников, от веселья и улыбок и поэтому нуждались в какой-то разрядке. А тут и повод подходящий…

К тому времени «Северный» был уже разминирован, отремонтирована взлетно-посадочная полоса. На бетонку сел ТУ-154. Поздравить личный состав Объединенной группировки войск прибыл министр обороны РФ маршал И. Сергеев. Он вручил многим солдатам и офицерам государственные награды, а генералам Казанцеву, Шаманову и мне — погоны, поздравив при этом с присвоением очередных воинских званий. Торжественным маршем мимо трибуны прошли десантники и мотострелки, морские пехотинцы и подразделения МВД. Тут же, в аэропорту, состоялся праздничный концерт, в котором приняла участие и группа известных артистов во главе с поэтом-песенником И. Резником.

На следующий день артистический «десант» прибыл на военную базу в Ханкалу. В гости к воинам приехали В. Пельш, Н. Носков, А. Свиридова, группа «Белый орел». Нечастыми бывают подобные встречи на войне. В первую чеченскую кампанию артисты почти не приезжали. Помню, был Юрий Шевчук, Андрей Макаревич, «нанайцы» с Федосеевой-Шукшиной, кто-то еще. Сейчас куда больше…

Еще одна примета времени: в канун праздника в войска группировки поступил специальный номер журнала «Огонек», посвященный воюющей в Чечне армии, который стал «бестселлером» — вырезками из него обклеивали палатки и вагончики в Ханкале.

Со всех уголков России шла гуманитарная помощь, прежде всего солдатам и офицерам, находившимся на излечении в госпиталях. Посетили Ханкалу представители Ростовской области, других областей и республик Северного Кавказа. Причем они приезжали не только по праздникам. Такая практика шефства получила в Чечне постоянную прописку.

Деловые и одновременно дружеские отношения сложились у меня с губернатором Ростовской области В. Чубом, который, кстати, является членом Военного совета Северо-Кавказского военного округа. Владимир Федорович, при всех своих огромных хозяйственных заботах, постоянно контактировал с военными, оказывал всестороннюю помощь (в том числе денежными средствами) отличившимся воинам, подарил автобус школьникам в военном городке одного из полков 42-й мотострелковой

дивизии, расквартированной в Чечне.

Владимир Чуб. Штрихи к портрету

С Владимиром Федоровичем я познакомился в 1995 году. Я тогда был командующим 58-й армией, а он возглавлял администрацию Ростовской области, хотя «политическим тяжеловесом» еще не считался. Но кроме этого Чуб входил в состав Военного совета нашего Северо-Кавказского военного округа. Именно эта его «вторая» должность и послужила поводом для встречи. Мы увиделись на заседании Военного совета и были представлены друг другу. Так обыденно, вроде бы, и состоялось знакомство. Однако уже на следующий год я ощутил, насколько благотворным оно для меня стало.

…1996 год стал черным годом и для Вооруженных Сил в целом, и для СКВО в частности. Захват Грозного масхадовцами в августе, паникерские настроения Москвы и вето федерального центра на операцию по освобождению города от бандитов. Зловещая сутулая фигура Бориса Березовского — «серого военно-политического кардинала России», разруливавшего ситуацию на Северном Кавказе, затем капитулянтские хасавюртовские соглашения, поспешный вывод войск из Чечни, напоминавший бегство… Как вспомню, так вздрогну…

Озлобленный неудачами, федеральный центр навалился на СКВО проверочными комиссиями и изматывающими командноштабными учениями с заранее уже выставленными отрицательными оценками и выводами. Москва давила на Ростов, а штаб округа, соответственно, давил на штаб армии.

В общем, на очередном Военном совете с меня начали семь шкур сдирать. И дисциплина у нас, в 58-й армии, дескать, ни к черту, и порядка нет, и боевой учебы не видать… Я — человек привычный, не первый год в строю, да и война за плечами (первая чеченская на тот момент уже закончилась) — терплю, одним словом. Как говорят в армии: нас бьют, а мы крепчаем. Хотя и обидно было в душе. Много несправедливого в тот день высказывали. Короче говоря, сижу я на том Военном совете, молчу, голову опустил… Как боксер в безнадежной ситуации — ушел в глухую защиту. В конце концов, что говорить о личных амбициях и проблемах, когда вообще в армии и в стране ситуация патовая (напомню — шел провальный в военно-политическом аспекте 1996 год). И тут слышу голос Чуба.

— Подождите, я что-то не пойму, — удивился Владимир Федорович после выступления очередного докладчика, который в пух и перья разносил и меня, и моих офицеров. — Сколько в 58-й армии людей?

Ему ответили: столько-то, мол.

— А в Волгоградском корпусе? — опять спросил Чуб.

Столько-то, назвали цифры.

— А в Краснодарском? — не унимался гражданский член Военного совета.

Ему снова ответили.

— Это что ж получается, — удивился Владимир Федорович, — у Трошева личного состава больше, чем в обоих корпусах? Его армия составляет около половины численного состава всех войск округа? А показатели количества нарушений воинской дисциплины уважаемые докладчики сравнивают, как говорится, по «номиналу»: столько-то в армии, столько-то в корпусе, столько-то в дивизии. Но разве можно так сравнивать, если армия даже с корпусом не сопоставима, не говоря уже про дивизию. При таком подходе заведомо ясно, что у Трошева количество ЧП будет больше. Тут и анализ не нужен… Тем более, 58-я армия стоит на «осетино-ингушском разрезе», выполняет миротворческие задачи в Южной Осетии, воюет в Чечне. Люди с оружием в руках, в боевой обстановке… Это же не кремлевский полк! Что же мы от них хотим?… Считать, по-моему, следует в процентном отношении. Тогда и картина яснее, и справедливости больше…

В зале повисла напряженная тишина. Руководству округа было неловко за направленность своих докладов и критических стрел, поскольку правота Чуба была очевидна.

Не знаю, что там было запланировано у окружного начальства по поводу меня и 58-й армии, какие оргвыводы. Не исключаю, что и жесткие. Однако после «вопросов» Чуба критику заметно смягчили. Я распрямился и поднял голову — не сидел уже сгорбленным, как побитый бедный родственник.

После завершения Военного совета я поблагодарил Владимира Федоровича за то, что вник в ситуацию и поддержал. Он молча улыбнулся в ответ и пожал руку. По-моему, в тот день мы виделись с ним всего-навсего второй раз в жизни…

Спустя время, в 1997 году, я был назначен заместителем командующего войсками СКВО (командующим на тот момент стал генерал В. Казанцев) и соответственно — начальником Ростовского гарнизона. Теперь мы с Чубом оказались в одном городе.

Что такое начальник гарнизона, должность которого по традиции исполняет замкомандующего? Это как бы мэр города по военным вопросам. На нем проведение парадов, встреч высоких гостей, празднование красных дней календаря, помощь городским и областным властям в проведении различных

мероприятий… Заморочек всегда куча. В том числе и протокольных, и хозяйственных, и коммунальных, и других… А самое главное здесь — четкое взаимопонимание и взаимодействие с местными властями. Если начальник гарнизона его не наладит — труба делу, ни с чем не справится, все завалит. В общем, очень хлопотная эта должность. Тем более что она ведь не основная, а «нагрузочная». У замкомандующего есть еще прямые служебные задачи, касающиеся войск округа.

Не знаю, насколько четко справлялся я с обязанностями военного градоначальника — со стороны виднее. Однако, насколько помню, ни одно мероприятие не завалил. И во многом благодаря помощи губернатора.

Вообще, надо признать, что Чуб — настоящий член Военного совета округа, действующее лицо, не декоративная фигура. Он несколько раз бывал в Чечне, общался и с офицерами нашей группировки, и с простыми солдатами, и с местными жителями, и с республиканскими властями. Пытался вникнуть в обстановку, узнать настрой людей, выяснял, чем он сам лично и область может помочь, чтобы поскорее покончить с войной и восстановить разрушенное хозяйство. Насколько я знаю, между Ростовской областью и Чеченской Республикой заключено соглашение о взаимопомощи и сотрудничестве. В рамках этого соглашения с Дона в Чечню была, к примеру, направлена солидная партия сельскохозяйственных машин, выезжали из Ростова в Грозный и специалисты различного профиля, чтобы помочь республике в налаживании энергетической системы. Этими примерами и ограничусь. Не хочу утомлять читателя достижениями Чуба в политической и социально-экономической областях. Само собой разумеется, что у руля Владимир Федорович уже более семнадцати лет, и за это время люди выставили ему оценки и без меня. И на федеральном уровне, в лице Президента страны, и в области, и на выборах, и между ними.

Но вернуться хочу все же к военному аспекту.

Бывая в Чечне, Чуб не только общался с людьми и раздавал солдатам праздничные наборы. Он думал не о пиар-акциях, как это делали некоторые политики, и в телекамеры не лез. Он доподлинно выяснил, в чем есть нужда и… подарил каждому полку, дислоцирующемуся в Чечне, по автобусу — офицерских детей в школу возить.

Только за последние несколько лет по распоряжению губернатора Ростовской области семьям погибших в Чечне военнослужащих выделено около сотни квартир. Регулярно оказывается финансовая помощь Героям России, получившим это высокое звание в ходе боевых действий.

Владимир Федорович очень много сделал для военных медиков, особенно для Ростовского окружного госпиталя, чтобы обеспечить их всем необходимым (аппаратурой, медикаментами) для лечения раненых в Чечне людей.

А когда грянула беда с вертолетом МИ-26 (вертолет сбили, погибло более ста человек), он сразу (в первый же день) выделил 300 тысяч рублей на медикаменты и другие материалы, необходимые для спасения раненых. Потом еще 200 тысяч. Организовал дежурство, создал штаб для работы с семьями пострадавших. Родителей солдат ждали автобусы, бесплатное жилье, питание, связь…

Когда случилась беда в Каспийске (терракт на параде 9 мая 2002 года), он сразу выделил деньги, транспорт, бесплатные гостиницы, продукты питания для родных и близких погибших и раненых военных моряков, которые со всей страны стали приезжать в Ростов, в госпиталь. Основная масса пострадавших была из Каспийской военной флотилии, а она в состав СКВО не входит. То есть для члена Военного совета нашего округа (с федерально-чиновничьей позиции) эти люди как бы «не наши». Но Чубу даже в голову не приходило делить ребят по ведомственному принципу. Для него все были НАШИ.

Кстати, про флот. Владимир Федорович в молодости служил на Северном флоте. И сохранил о службе самые добрые воспоминания. До сих пор по возможности старается ездить туда, когда его приглашают на различные мероприятия моряки-североморцы.

Впрочем, бывает он и на Черноморском флоте. Тем более что жители города Азова шефствуют над одноименным кораблем «Азов», входящим в состав этого флота. Объясняется любовь Владимира Федоровича к флоту еще и тем, что в свое время он работал в сфере водного транспорта. Короче говоря, флот — его родная стихия.

Однако, как я уже сказал, он никогда не делил людей на «наших» и «ненаших» по ведомственному или профессиональному признаку. Да и вообще, умеет встать над суетой, приподняться над мелочными, местечковыми, эгоистическими соображениями, которые, к сожалению, нередко проявляются у некоторых местных руководителей.

…С Чубом мы подружились. Несколько раз встречались семьями, удавалось изредка выезжать на открытие охотничьего сезона или на рыбалку. И вот однажды на рыбалке, сидя за удочками, я у него и поинтересовался:

— А почему вы, Владимир Федорович, не спрашиваете, как я собираюсь баллотироваться на пост губернатора Ростовской

области?

Он хитро улыбнулся:

— Жду, когда сам расскажешь…

А дело было вот как. Летом 2001 года, в канун выборов губернатора Ростовской области, в местной прессе провинциальные «аналитики-политологи» высказали предположение, что В. Чубу альтернативы на выборах нет. Единственный, кто по своему авторитету в обществе мог бы составить ему конкуренцию — это командующий войсками СКВО генерал Г. Трошев. Идею эту подхватили, и пошла гулять брехня по селу.

Спустя время не только в области, но и в столицах субъектов Федерации Юга России, и даже в Москве стало укореняться мнение, что я собрался уходить в политику и планирую выставить свою кандидатуру на пост главы администрации Ростовской области. Меня об этом напрямую спрашивали, звонили разные высокопоставленные люди, пресса перешла от намеков и предположений к серьезному анализу расклада сил и возможностей кандидатов в губернаторы.

Я лишь посмеивался и убеждал собеседников, что слухи о моем губернаторстве сильно преувеличены. Увы, это мало помогало. На чужой роток не накинешь платок, как гласит народная мудрость. Тем не менее я задумался над тем, стоит ли сделать официальное заявление для прессы, чтобы прекратить сплетни. К тому же я был убежден, что до Владимира Федоровича слухи дошли. А мы ведь в добрых отношениях. Что он там себе думает по этому поводу?

Вот на таком «политическом фоне» и случилась наша совместная рыбалка и мой хитрый вопрос: почему, дескать, не интересуетесь моим решением баллотироваться?

В общем, все я Чубу рассказал. И про «утки» прессы, и про молву в чиновничьих кругах, и про свою позицию… Он поулыбался и коротко припечатал сплетников соответствующей характеристикой.

На этом инцидент, как говорится, был исчерпан. Однако я до сих пор думаю, что слухи тогда не были запущены в умы жителей Дона просто так, случайно. Не исключаю, что кому-то было выгодно рассорить меня с Чубом, кому-то наши приятельские отношения не давали стать спокойно. Кому? Вопрос трудный. Можно лишь предполагать. Однако фамилий я называть не буду, чтобы не уподобиться тем же сплетникам, от чьих злых языков сам и пострадал.

Не раз пытались вбить клин в наши отношения. Я рассказал лишь об одном таком случае. А их было, к сожалению, не так уж и

мало.

Но главное, наши отношения не испортились и после того, как я был освобожден от должности командующего войсками СКВО. Больше того, Владимир Федорович, боясь, что я «расклеюсь» после кадрового решения, опекал меня, морально поддерживал. Я благодарен ему и за это, и за все, что он сделал и продолжает делать для округа, для людей в погонах, которым так непросто приходится на Северном Кавказе. Чуб — настоящий государственный человек, настоящий мужик. Побольше бы таких во власти. Может, тогда бы и Россия быстрее пошла в гору.

«У незнакомого поселка, на безымянной высоте»

Улус-Керт. Название этого горного чеченского села болью отзывается и сегодня в моем сердце. В самом конце зимы 2000 года недалеко от Улус-Керта приняла неравный бой с почти двадцати кратно превосходящим врагом б-я парашютно-десантная рота 76-й псковской дивизии ВДВ.

Я знаю, что в сознании многих моих соотечественников, неравнодушных к судьбе России и ее армии, сложился устойчивый стереотип: в гибели псковских десантников виноваты исключительно российские генералы. Журналисты, деятели от политики, как гранатами, забросали нас вопросами и упреками: почему не спасли, почему не оказали помощь, почему дали уйти главарям террористов от возмездия? Мне, исполнявшему в то время обязанности командующего ОГВ, нелегко принимать и переносить эти беспощадные, но во многом справедливые упреки.

Сегодня, когда, кажется, отбушевали сплетни и домыслы вокруг трагедии 6-й роты, многим, думается, будет любопытно узнать, что же на самом деле произошло в последние зимние дни и первые дни весны 2000 года на злосчастной высоте 776,0.

В феврале 2000 года мы подготовили бандитам неприятный сюрприз, когда в глубоком тылу, в районе Итум-Кале, высадили тактический десант. Тем самым был перерезан основной тогда канал поставок вооружения и боеприпасов по горной дороге Итум-Кале — Шатили, которую построили для боевиков под дулами автоматов сотни рабов со всей России. Созданная на высоких кавказских хребтах группировка войск «Центр» стремительно погнала опешившего от неожиданности противника вниз по Аргунскому ущелью: от российско-грузинской границы — на север, к «Волчьим воротам». Дальше была равнина. И главари боевиков понимали, что здесь все их попытки оказать вооруженное сопротивление обречены. Поэтому они разделились на несколько отрядов. Руслан Гелаев не был оригинален и повел банду на северо-запад, в свое родовое селение Комсомольское. Согласно разведдонесениям, арабские наемники и чеченские ваххабиты под командованием Эмира Хаттаба двинулись северо-восточнее, в сторону Дачу-Борзой.

Выбор места для прорыва из этого района у зажатого со всех сторон нашими частями Хаттаба был, мягко говоря, ограниченным. Чтобы пробиться в Веденский район (где у Черного араба была разветвленная сеть небольших горных баз),

ему нужно было двигаться на Сельментаузен вверх либо по руслу реки Шароаргун, либо по руслу ее притока — реки Абазулгол. Передвигаться по высокогорным скользким дорогам было и опасно, и долго.

Однако мы не могли тогда предположить, что противник рискнет пробиваться на восток крупными силами. Банды соединились. К отрядам арабских наемников прилепились банды других полевых командиров — Шамиля Басаева, Вахи Арсанова, Багауди Бакуева, отряд «Джамаат»… Всего, как потом выяснилось, в районе Улус-Керта тогда сосредоточилось около полутора тысяч хорошо подготовленных боевиков.

28 февраля распоряжением командующего восточной группировкой войск полковой тактической группе 104-го гвардейского парашютно-десантного полка была поставлена задача: до 14. 00 следующего дня завершить выход на рубеж в четырех километрах юго-восточнее Улус-Керта. Часть сил полка блокировала район населенного пункта Сельментаузен и не допускала прорыва в направлении Махкеты, Киров-Юрт, Элистанжи, Ведено. Однако боевики пошли напролом.

Первыми, кому пришлось держать испытание на прочность, были десантники 3-й роты во главе со старшим лейтенантом Васильевым. Они заняли господствующие высоты в пяти километрах восточнее Улус-Керта. Бандиты безуспешно пытались пробиться по руслу реки Абазулгол через организованную ротную систему огня и отступили, понеся значительные потери.

В то же время подразделения второго батальона, до поры до времени не вступая в открытое огневое противодействие, держали под контролем господствующие высоты над Шароаргунским ущельем.

Чтобы исключить возможность просачивания боевиков по горам между руслами рек Шароаргун и Абазулгол, командир 104-го полка приказывает командиру 6-й роты майору С. Молодову занять еще одну господствующую высоту (Исты-Корд) рядом с Улус-Кертом. А поскольку ротный был буквально накануне переведен в часть и еще не успел толком познакомиться с личным составом, возглавить подразделение пришлось командиру второго батальона подполковнику Марку Евтюхину. В подобной боевой ситуации так и поступают настоящие офицеры.

Десантников ждало нелегкое испытание. Нужно было в считаные часы совершить пятнадцатикилометровый марш-бросок в заданный квадрат по скользким зимним горным тропам, с полной боевой выкладкой. Да плюс ко всему тяжелое снаряжение для нового базового лагеря — палатки и печи-буржуйки, без которых зимой в горах просто не выжить.

Хотя гвардейцы спешили, но выйти вовремя на Исты-Корд им не удалось. Чтобы пробиться по хребтам через старый буковый лес, пришлось идти гуськом, друг за другом. Техника здесь не пройдет. Стоило кому-либо поскользнуться на крутом склоне, срабатывал принцип домино — падало уже несколько человек. Много времени и сил уходило на то, чтобы снять с себя тяжелый груз и поднять упавших вниз товарищей.

По этому поводу мне приходилось слышать упрек: а почему нельзя было перебросить десантников на вертолете в указанный район? Действительно, погодные условия в тот день позволяли это, да и вертолетчики наши творят чудеса. Но осуществить такую операцию было невозможно: воздушная разведка не обнаружила в старом горном лесу ни одной подходящей для десантирования площадки.

В полдень 29 февраля, когда основные силы 6-й роты находились на высоте 776,0, разведгруппа из пяти человек под командованием старшего лейтенанта А. Воробьева налегке уже почти достигла высоты Исты-Корд. Но у подножья горы ребята обнаружили, как потом установили, передовой дозор из 20 наемников.

Используя складки местности, наши разведчики незаметно сблизились с врагом и забросали его гранатами. Но группа этим самым обнаружила себя и вынуждена была срочно отходить назад, к основным силам роты. За ней буквально по пятам уже гнались несколько вражеских отрядов, намереваясь по флангам окружить разведчиков. На выручку своим выступили десантники во главе с ротным командиром — майором Молодовым. Но силы во встречном бою оказались слишком неравными. Поэтому десантникам пришлось с ранеными на плечах возвращаться на высоту 776,0.

Именно в это время нам удалось перехватить разговор по радио Хаттаба с Басаевым:

— Если впереди «собаки» (так боевики называли представителей внутренних войск), можно договориться.

— Нет, это «гоблины» (т. е. десантники на жаргоне бандитов).

Тогда Басаев предлагает Черному арабу, руководившему прорывом:

— Слушай, может, давай обойдем? Они нас не пустят, только себя обнаружим…

— Нет, — отвечает Хаттаб, — мы их перережем.

В тот момент боевики двигались двумя приблизительно равными отрядами вдоль рек Шароаргун и Абазулгол, с двух сторон обходя высоту 776,0, на которой находились подчиненные М. Евтюхина. Первыми, обеспечивая безопасность, шли две

группы разведки — по 30 человек, за ними — два отряда боевого охранения — по 50 человек. Двигались они скрытно, стрелять без разрешения было строжайше запрещено. Но десантники их обнаружили. Вот эти 160 боевиков и погнались за отходившими группами Воробьева и Молодова.

И тут же последовал приказ Хаттаба на поражение не успевших окопаться десантников всеми видами огня. Начался жесточайший минометный обстрел. После огневого налета гвардейцам было первый раз предложено сложить оружие и сдаться в обмен на сохранение жизни. Но ни один из десантников не дрогнул, не смалодушничал в тот момент, не поддался на провокацию противника. Хотя в такие минуты, по большому счету, каждый решает сам за себя. После отказа десантуры капитулировать бой возобновился с новой силой.

Позже некоторые скорые на выводы и далекие от военного дела представители политической элиты, как они любят себя именовать, вопрошали: мол, почему не применялся огонь армейской авиации, артиллерии? В вину военному командованию, «бросившему десантников на произвол судьбы», ставилось даже отсутствие в группе М. Евтюхина артиллерийского корректировщика. Я понимаю, что эмоции били через край, и по-человечески такие упреки можно понять. Но факты — упрямая вещь. И они свидетельствуют о другом.

1200 (!) снарядов «высыпали» артиллеристы 104-го полка в район высоты 776,0 с полудня 29 февраля до раннего утра 1 марта. За одну ночь — 900 снарядов! Краска на стволах обгорела, откатники треснули и потекли. Образно говоря, пушки сломались, а окруженные десантники — нет.

Старший группы артиллерийских корректировщиков командир самоходной артиллерийской батареи капитан Виктор Романов был на самой высоте и вместе с комбатом Марком Евтюхиным корректировал огонь полковых пушкарей. Начальник артиллерии полка Александр Толстыка сутки напролет держал с ними связь и долбил снарядами туда, куда «показывали» окруженные десантники. В. Романов продолжал вызывать огонь даже после того, как ему оторвало миной обе ноги…

Рядовой Е. Владыкин, видя мучения замерзающих от сильного холода раненых, решил сделать вылазку за спальными мешками, брошенными на склонах высоты. Его попытка оказалась роковой. Гвардейца обнаружили наседавшие боевики, зверски пытали, били прикладами автоматов, после чего, окровавленного и потерявшего сознание, бросили на снегу, считая, что он мертв. Однако, очнувшись от ночного холода, искалеченный, но не сломленный, русский солдат сумел вернуть свой пулемет и

пробиться с ним в расположение подразделения.

Видя потери и понимая весь трагизм ситуации, командующий группировкой ВДВ, чтобы спасти своих окруженных бойцов, отдал приказ парашютно-десантной роте направиться в район боя. Совершив марш по горной местности, десантники предприняли попытку переправиться через горную реку Абазулгол, попали в засаду и были вынуждены закрепиться на берегу. При огневой поддержке полковой артиллерии они сделали еще несколько попыток переправиться через реку, но все усилия оказались напрасными. Их каждый раз останавливал шквальный огонь противника. Билась рота отчаянно, но прорваться к высоте 776,0 смогла только утром 2 марта.

Попытки военного руководства провести операцию по деблокированию окруженных десантников и эвакуации раненых из-за сильного огня боевиков и сложных горных условий междуречья успеха не принесли. Старый буковый лес, превосходящие силы боевиков, общая динамика боя затрудняли использование вертолетов. Да и вообще, боевой опыт показывает, что применять одновременно армейскую авиацию и артиллерию крайне опасно. Можно просто погубить авиатехнику и экипажи. Поэтому основную нагрузку по огневой поддержке окруженных взвалили на свои плечи пушкари.

В 6 часов 10 минут 1 марта комбат М. Евтюхин последний раз вышел в радиоэфир и вызвал огонь артиллерии на себя…

Когда мы позже побывали на той высоте, то изумились: многолетние буки были подстрижены снарядами и минами, словно трава газонокосилкой. Наши 120-миллиметровые «Ноны» (самоходные артиллерийские установки) работу сделали большую и ценную. Из четырехсот хаттабовцев, нашедших свою смерть в бою за эту высоту, большая часть погибла от осколков наших артснарядов.

Буквально чудо сотворил заместитель командира батальона майор Александр Доставалов, который ночью все же умудрился обойти вражеские кордоны и прорвался со взводом 4-й роты на помощь окруженной 6-й. Героически сражались с бандитами разведчики во главе со старшим лейтенантом Алексеем Воробьевым и разведвзвод лейтенанта Дмитрия Кожемякина. Оставшийся в живых солдат Алексей Комаров рассказывал, что с бандитами дрались даже врукопашную. Рубились саперными лопатками, ножами, прикладами.

У А. Воробьева осколками мин были перебиты ноги, одна пуля попала в живот, другая — в грудь, но из боя он не вышел и бился до последней капли крови. Когда утром 2 марта 1-я рота прорвалась на высоту, тело героя было еще теплым. Именно этот

отважный офицер убил в бою Идриса — хаттабовского друга и командира отборного отряда головорезов.

До последнего патрона прикрывал отход своих подчиненных (старшего сержанта Супонинского и рядового Поршнева) лейтенант Дмитрий Кожемякин.

Только четверо десантников остались в живых после этого жесточайшего боя. От них мы узнали, как геройски сражались и погибли их 84 боевых товарища. Они победили, банда (около полутора тысяч «штыков») была остановлена, разгромлена и рассеяна по округе. Хаттабовцы так и не смогли прорваться к Сельментаузену и дальше — на Ведено. В результате бандиты вынуждены были продолжать скитаться одичалыми шайками по лесам. В спину им постоянно дышали наши поисково-разведывательные группы, которые добивали обескровленного противника. Через несколько дней под Сельментаузеном впервые в контртеррористической операции в полном составе капитулировал крупный отряд террористов — свыше 70 боевиков! Обмороженные, деморализованные головорезы не видели больше перспектив для сопротивления. Герои-десантники разрушили не только их планы, они сломили волю неприятеля.

Никто из гвардейцев не бросил боевых друзей в беде, никто не согласился принять позорные предложения сдаться. Там, на высоте 776,0, в наших боевых порядках бок о бок воевали люди разных вероисповеданий — христиане и мусульмане, разных национальностей — русские и татары, украинцы и евреи… Там был представлен в миниатюре почти весь бывший Советский Союз.

В наши трудные времена порушились многие моральные ценности. Но сколько ни пытались наши враги размыть нравственные ориентиры, в армии им это не удалось. Глядя на наших десантников, понимаешь — патриотизм жив. Всем бы в России хоть немного того, что было в их душах. Страшно, если сердца пусты, если память мертва, если убитых горем матерей, жен и детей этих павших десантников забудем.

Я часто задаю себе мучительный вопрос: а можно ли было избежать таких потерь, всё ли мы сделали, чтобы спасти десантников? Ведь твой долг, генерал, в первую очередь заботиться о сохранении жизней людей. Как ни тяжело сознавать, но, наверное, мы сделали тогда не всё.

Восстанавливая хронологию того боя, думаю все о той же возможности высадить вертолетами десант. И снова отвергаю такой вариант как потенциальную авантюру. Знали ли, сколько террористов и где их позиции? Нет. Что значит высадить десант на старый буковый лес? А то, что вертолеты с подмогой боевики

бы просто уничтожили. Можно было рискнуть? Да, если не знать, что ты погубишь, спасая одну роту, другую вместе с авиатехникой и экипажами…

Как-то, перечитывая «Армейские записки» легендарного русского генерала Михаила Ивановича Драгомирова, наткнулся на любопытную мысль:

> «Человек, командующий массою себе подобных, поставлен в роковую необходимость примиряться с безвременною гибелью некоторых из них; и благо ему, если, пройдя в этой роли даже недолгий путь, он может, положа руку на сердце, сказать: «На моей душе много существ, безвременно погибших; но с чистой совестью могу сказать, что я ни одним не пожертвовал во имя безделья и сделал все доступное слабому моему пониманию, дабы по возможности ограничить эту жертву»».

И все же. Хотя основная боевая задача была решена псковскими героями-десантниками, разгромившими элитные отряды наемников Валида и Идриса, в моем сердце навсегда остались горькие, тяжелые переживания. Видимо, без этого немыслима профессия военного.

Комсомольское. Март 2000 года. Последний штурм

Потеряв контроль над большей частью территории республики, бандиты оказались в постепенно сжимающемся кольце федеральных войск. Теперь у них не оставалось иного выхода, как попытаться прорваться из Аргунского ущелья в разных направлениях.

4 марта одна из таких попыток была предпринята отрядом полевого командира Руслана Гелаева, блокированным в районах сел Дачу-Борзой и Улус-Керт. Бандиты использовали тактику просачивания мелкими группами, в том числе и по руслу реки Гойтан, передвигаясь порой по пояс в воде. В результате значительной части бандгрупп удалось миновать боевые порядки 503-го полка и прорваться в село Комсомольское.

На что рассчитывал Гелаев? Как выяснилось, конечной его целью было объединение в Комсомольском разрозненных бандгрупп и захват райцентра Урус-Мартан. Он считал, что ему удастся поднять здесь против федеральных сил всех сочувствующих ему чеченцев и затем диктовать свои условия командованию Объединенной группировки.

Но все это стало известно чуть позже. А пока, сразу же по получению информации о прорыве и захвате села, был отдан приказ о блокировании Комсомольского силами частей и подразделений Министерства обороны и внутренних войск. Уже 5 марта, то есть на следующий день, село оказалось в нашем плотном кольце. А сутки спустя подразделения отряда специального назначения вошли в село, чтобы провести разведку сил бандформирований. Этот поход оказался разведкой боем. Почти сразу же спецназовцы попали под шквальный огонь и вынуждены были отойти на северную окраину населенного пункта. Стало ясно, что обычной «зачисткой» здесь не обойтись. Необходима крупномасштабная операция.

Осуществлять общее руководство проведением операции я поручил исполнявшему тогда обязанности командующего группировкой «Запад» генерал-майору В. Герасимову. Непосредственно руководил операцией мой заместитель по внутренним войскам генерал-полковник М. Лабунец.

Возможно, кто-то увидит некое противоречие в данных назначениях: мол, как это так — генерал-майор командует генерал-полковником?! Но на войне случаются такие ситуации, когда недосуг чинами меряться, а все определяют

целесообразность и интересы дела.

7 марта операция началась. Сразу же подчеркну, что большинство жителей Комсомольского покинули село, остались лишь те, кто присоединился к гелаевцам.

Покидающие свои дома люди негодовали — мол, удружил нам Гелаев. Многие, прекрасно понимая, чем все закончится, навсегда прощались с жильем. Ясно же, что Гелаев и его банда, зажатые в двойное кольцо блокады, не намерены складывать оружие.

Разумеется, отсутствие мирного населения облегчало нашу задачу. Однако в тот момент мы еще не имели полной информации ни о положении дел в населенном пункте, ни о численности бандгрупп. Так, по первоначальной информации вместе с Гелаевым в село вошли не более 30 человек. Затем эта цифра возросла до 150 и оказалась далеко не окончательной. Это и определило дальнейший ход событий.

Для ведения боевых действий непосредственно в населенном пункте были привлечены подразделения Министерства обороны, внутренних войск, МВД, а также отряд специального назначения Министерства юстиции. Общая численность «наших» составила 816 человек. В то же время, как выяснилось впоследствии, федеральным силам противостояло более 1000 (!) хорошо вооруженных, обученных и готовых стоять до последнего бандитов.

Уже с самого начала спецоперации гелаевцы показали, что не намерены уступать позиции. И, как бывало прежде, обнажились межведомственные проблемы. Отсутствие четкой нормативно-правовой базы порождало определенные противоречия. Так, например, руководство внутренними войсками считало, что функции подразделений должны ограничиваться лишь блокированием населенного пункта. Иными словами, была попытка переложить всю тяжесть операции на армейцев. По этому поводу возникли и определенные противоречия между генерал-майором Герасимовым и генерал-полковником Лабунцом. И только мое решительное вмешательство позволило устранить разногласия по всем этим вопросам.

Бои в Комсомольском по ожесточенности сравнимы, пожалуй, лишь с боями в Грозном (сражение десантников под Улус-Кертом — особый случай). Село оказалось хорошо укрепленным в инженерном отношении. Здесь было немало оборудованных по всем правилам военной науки фортификационных сооружений. Подвалы превращены в доты и выдерживали прямое попадание танкового снаряда. К тому же большинство подвалов соединялось ходами сообщений, блокированными стальными дверями. По

сути, почти каждый дом был превращен в крепость, рассчитанную на долгую осаду. Бой шел за каждое строение.

Для того чтобы передать накал сражения, приведу выписку из журнала боевых действий. Вот лишь несколько часов одного из дней спецоперации:

5.30

Начало огневого поражения.

6.30

Установки ТОС (тяжелая огнеметная система) «Буратино» нанесли удар.

6.45

Подразделения продвигаются вперед.

6.50

Снайперы боевиков обстреляли расчет установки «Буратино».

7.24

Установки «Буратино» нанесли удар.

7.52

Подразделения пошли вперед. Боестолкновения на всех участках.

10.40

Боевики перешли в контратаку.

10.45

На подкрепление прибыли 5 танков и один тягач для эвакуации раненых и погибших.

11.25

Огневой бой на юго-восточной окраине села.

12.15

Подразделения совершили бросок вперед. До противника 200 метров.

Замечу, что огневая мощь ТОС «Буратино» стала хорошим подспорьем в проведении операции. Высокая точность и большая эффективность стрельбы этой системы позволили достичь результатов там, где другие огневые средства оказались бессильны. Отлично зарекомендовали себя и установки разминирования (УР-77), в просторечье именуемые «Змеем Горынычем». Обычно их используют для проделывания проходов в минных полях противника, но на этот раз применяли и для уничтожения боевиков, засевших на укрепленных позициях.

Через пару дней стало очевидно, что скорой победы не будет. Чем больше мы наращивали усилия, тем ожесточеннее становилось сопротивление. Бандиты несли огромные потери, но оставшиеся в живых дрались с отчаянием обреченных. Да они и были обречены. Многократные попытки бандитов прорвать кольцо блокады пресекались нами решительно и жестко.

Одна из них была предпринята с целью прорваться назад в Аргунское ущелье по устью реки. Бандиты просчитались дважды. Во-первых, устье оказалось уже плотно заминированным. Во-вторых, с десантниками (а именно они осуществляли блокирование на этом участке) такие штуки не проходят. В результате ночного боя противник потерял 140 человек убитыми и лишь усугубил свое положение.

Еще одна попытка уйти из села — на стыке позиций 503-го полка и подразделения МВД — была сорвана благодаря применению оперативно-тактической ракеты «Точка-V». Зона сплошного поражения заняла площадь порядка 300 на 150 метров. Ракетчики сработали филигранно — удар пришелся точно по бандитам, не затронув своих.

Гелаев, осознавая всю безнадежность ситуации, непрерывно запрашивал подкреплений. На помощь ему поспешила банда полевого командира Сейфуллы — около 300 человек. Но до Комсомольского она дойти не успела. Ударом артиллерии и авиации банда была разгромлена. Сам Сейфулла получил серьезное ранение и едва спасся.

Разумеется, в условиях сравнительно небольшого населенного пункта, когда наши подразделения находились зачастую в непосредственном соприкосновении с противником, наносить воздушные удары оказалось достаточно сложно. Выручали нас высочайший профессионализм летчиков и умелая работа авианаводчиков. Помогала и подробнейшая карта, составленная по данным аэрофотосъемки.

К сожалению, многое в этой операции было достигнуто не только «благодаря», но и «вопреки». В частности, не лучшим образом сказалось на управлении частями и подразделениями то, что изначально место для полевого пункта управления (ППУ) руководителя операции было выбрано неудачно. С него просматривалась лишь северная часть населенного пункта. Большие трудности возникали и вследствие неудовлетворительного состояния и неукомплектованности средствами связи как мелких подразделений, так и оперативного звена. Усугублялось это практически полным отсутствием дисциплины связи. Большинство сведений, независимо от степени важности, передавалось открытым текстом. Это позволяло боевикам перехватывать информацию и своевременно реагировать на действия войск, а во многих случаях и упреждать их…

В который раз подтвердилась банальная истина — скупой платит дважды. Как воздух необходимы были в той ситуации средства связи гарантированной стойкости типа «Историк».

Именно такие радиостанции могли позволить управлять подразделениями в закрытом режиме. А их как раз и не хватало. И за это в конечном счете пришлось платить кровью. Ведь как получалось: берут наши штурмом один дом, другой, докладывают результаты, уточняют дальнейшую задачу, идут вперед, а боевики, перехватив информацию, возвращаются по подземным переходам в уже освобожденные дома и наносят удар в спину.

И все-таки даже самая современная техника, самое совершенное оружие бессильны без стойкости человеческого духа, самоотверженности и воли сражающихся. От солдата до генерала. В связи с этим расскажу об одном эпизоде — неприятном, но поучительном.

В один из дней мой заместитель генерал-полковник А. Баранов (впоследствии командующий войсками Приволжско-Уральского, а затем и Северо-Кавказского военных округов) в очередной раз прибыл на ППУ в Комсомольское. Как всегда, выслушал доклады руководителей, высказал замечания. Затем надолго припал к окулярам прибора наблюдения.

— А где у нас старший от Минюста?

Невысокий плотный генерал-майор немедленно откликнулся:

— Здесь я, товарищ генерал-полковник!

— Доложите, чем сейчас занимаются ваши люди.

— Только что связывался: лежат под обстрелом, пытаются подавить огневую точку противника.

Однако Баранов увидел совсем иную картину: отряд специального назначения готовился к ночлегу, вытряхивая пыль из спальных мешков.

Немедленно вызвали на ППУ командира отряда. Бравый старший лейтенант, видимо, на ходу проинструктированный своим генералом, бодро доложил:

— За сегодняшний день взяли семь домов, подавили 22 огневые точки!

Перепроверили — оказалось, что врал старший лейтенант без зазрения совести. С молчаливого согласия своего генерала. Пришлось Баранову брать командование отрядом на себя:

— Значит так, старший лейтенант. Завтра задачу получите лично от меня. Не выполните — пойдете под суд…

Согласен, спецназ Минюста создавался для подавления тюремных бунтов и освобождения заложников, а не для участия в войсковых операциях. С другой стороны, последнее это дело, когда 65 взрослых, крепких мужиков, обученных, отлично экипированных и вооруженных, малодушно отсиживаются, а 19-летние армейские мальчишки идут на штурм.

Однако глубокое заблуждение считать, что в ходе операции

то и дело случались ошибки. Да, ошибки были, и я говорю о них с предельной откровенностью. И все-таки ход всей операции подтвердил подавляющее преимущество федеральных сил над бандформированиями. Захватив инициативу, мы не упускали ее до победного завершения операции. А ведь нельзя забывать, что боевые действия велись с превосходящими силами противника.

Давайте еще раз вернемся к приведенным ранее цифрам. Напомню, что с нашей стороны боевые действия веди чуть более 800 военнослужащих, которым противостояли более 1000 бандитов! Я уже говорил о том, что по правилам общевойскового боя для успеха соотношение наступающих к обороняющимся должно быть не менее 3:1. Однако в условиях населенного пункта эта пропорция возрастает не менее чем вдвое. Вот и сравните теоретические выкладки с реальностью. Соотношение в живой силе явно не в нашу пользу. Однако мы сумели компенсировать это преимущество тактическим мастерством.

Во-первых, своевременно осуществили двойное блокирование района проведения спецоперации, что исключило возможность выхода основной части боевиков из села. Во-вторых, несмотря на первоначальные трудности, в конце концов, наладили четкое взаимодействие между силовыми структурами, задействованными в операции, особенно на завершающей ее стадии. В-третьих, удалось своевременно организованно осуществлять маневр с использованием ударов авиации и артиллерии. Кроме того, на славу поработали снайперы (на их счету более 80 уничтоженных боевиков); ощутил противник и всю огневую мощь танков, стрелявших прямой наводкой. В общем, против лома нет приема. Уничтожение бандитов было лишь вопросом времени.

Если уж говорить о времени, то мы не пытались устанавливать какой-либо конкретный срок завершения дела. Да, приближались выборы Президента России, но теперь уже никто не требовал победных рапортов к какой-либо дате. Неоправданная спешка всегда приводит к неоправданным потерям, победа любой ценой никому не нужна. Правда, пару раз из Комсомольского пытались докладывать об успешном завершении операции: мол, уже и флаг поднят в центре села. Хотели выдать желаемое за действительное.

Боевики понесли значительные потери, имели много раненых, однако под страхом плена продолжали упорно сопротивляться, вплоть до того, что даже раненые оставались на позициях. Держались бандиты в основном за счет наркотиков. Почти в каждом доме, в каждом подвале вперемешку со стреляными гильзами валялись шприцы. В наркотическом угаре

бандиты не ведали ни страха, ни боли. Бывали случаи, когда, одурев от дозы, они выбегали из укрытий, шли в полный рост в атаку и вели беспорядочный огонь, пока не получали пулю в лоб.

Но, несмотря ни на что, 14 марта, то есть спустя неделю после начала, войсковая часть операции была завершена. Все попытки гелаевцев прорваться из Комсомольского были пресечены действиями подразделений федеральных сил. Об этом свидетельствовало большое количество убитых на участках прорыва. Управление отрядами боевиков было полностью нарушено, остались лишь мелкие разрозненные группы, которые уничтожались огнем из танков, огнеметов и стрелкового оружия.

А на следующий день подразделения Министерства обороны, внутренних войск, МВД и Минюста начали тщательную «зачистку» села. Приходилось буквально выкорчевывать из подвалов и укрытий остатки бандгрупп. Искали Р. Гелаева. О нем все это время поступали самые противоречивые сведения. Прошло сообщение, что он ранен и 16–17 марта находился в полевом госпитале. Госпиталь захватили, но Гелаева там не нашли. Среди убитых его тоже не обнаружили. Появлявшаяся периодически информация о том, бандит ушел из села, опровергалась данными перехвата. Спецназ Р. Гелаева — отряд «Борз» — предпринял попытку вытащить своего командира, сумел на узком участке даже прорваться в прилегающую к селу лесополосу. Но бандитов вовремя обнаружили и нанесли мощный огневой удар. В результате «Борз» перестал существовать.

В ходе «зачистки» обнаруживались все новые и новые подтверждения, что захват Гелаевым Комсомольского был спланированной и подготовленной акцией. На кладбище обнаружили 5 гробов со спрятанным тротилом, «цинки» с боеприпасами и банки с американской тушенкой, поступающие в Чечню под видом гуманитарной помощи. Впрочем, банки оказались с сюрпризом: внутри вместо мяса — гранаты Ф-1. Впоследствии одну такую банку обнаружили в непосредственной близости от ППУ, под колесом боевой машины.

В ночь с 19 на 20 марта остатки бандгрупп предприняли отчаянную попытку прорыва. Шли в полный рост, накачанные наркотиками, по руслу ручья, хорошо различимые при свете луны. Это был марш обреченных. Конечно, далеко они не ушли. Попали под перекрестный огонь наших подразделений. В этом ночном бою было уничтожено 46 бандитов. Среди них — так называемый помощник министра иностранных дел Ичкерии Билан Мурзабеков. При обыске убитых обнаружили два килограмма героина — вот вам и источник боевого духа. Среди захваченных в плен — две женщины-снайперши.

А еще в ходе боя произошло то, что иначе как чудом не назовешь.

Никто из наших в ту ночь не мог даже предположить, что впереди прорывающихся бандитов в качестве живого щита будет идти подполковник Александр Жуков — начальник парашютно-десантной подготовки и поисково-спасательной службы управления авиации СКВО.

Он был захвачен боевиками 31 января в ходе операции по спасению группы спецназа вблизи населенного пункта Харсеной в Аргунском ущелье. Разведчики, высадившиеся там накануне, попали в засаду и после короткой ожесточенной стычки с боевиками, имея трех тяжелораненых, уходили от преследования. Прилетев в район эвакуации на вертолете МИ-8, подполковник Жуков лично спустился на спасательной лебедке. Уже во время спуска попал под обстрел. Успели эвакуировать только одного тяжелораненого. Дав летчикам команду возвращаться, Жуков с оружием в руках присоединился к спецназовцам.

На следующий день удалось эвакуировать почти всех. Но МИ-8 снова попал под обстрел и получил 49 пробоин. Отправив вертолет, Жуков вновь остался. Получил ранение. Его, потерявшего сознание, беспомощного, истекающего кровью, взяли в плен.

47 суток провел в неволе подполковник. Сначала боевики планировали обменять его на родственника одного из полевых командиров. Но обмен не состоялся, и бандиты привели его с собой в Комсомольское.

В ту памятную ночь с 19 на 20 марта бандиты, опасаясь растяжек и мин-ловушек, поставили пленного впереди себя. Он шел, не переставая надеяться на спасение, ожидая, когда наши откроют огонь.

Уже в первые минуты боя охранявшие Жукова бандиты погибли. Сам он получил ранения в плечи и в колено. Упал в воду. Но, пересиливая боль, закричал: «Ребята, я свой. Подполковник Жуков!.. Помогите!»

Как только Жуков пришел в сознание после перенесенных операций, я навестил его в реанимационном отделении полевого госпиталя в Ханкале. Офицер был очень слаб, бледен, но держался молодцом. И даже пожелал принять участие в выборах Президента России — заполнил бюллетень едва шевелящимися пальцами правой руки.

Но это было позже. А тогда, на следующий день после провала очередной акции, отчаявшиеся боевики начали сдаваться в плен с оружием. Всего насчитали 88 человек. Грязные, оборванные, почти у всех под камуфляжем гражданская одежда. У

некоторых — советские паспорта. Рассчитывали, наверное, что, вырвавшись из села, уйдут от возмездия.

Впрочем, гелаевская банда оказалась вполне интернациональной. Среди пленных обнаружились не только наемники из Иордании (что неудивительно), но даже два китайца! Они-то за какую веру воевали?

К сожалению, Гелаев сумел уйти из Комсомольского. Предал всех: и своих людей, затащив их сюда на верную смерть, и земляков — в результате бандитской авантюры село оказалось почти полностью разрушенным. Нетрудно представить, какие чувства испытали местные жители, вернувшись на пепелище.

Правда, возникает один вопрос: неужели федеральные службы не были информированы о том, что Комсомольское превратилось по сути в укрепрайон? Ведь понятно же, не для хранения домашних припасов сооружались подвалы из залитых бетоном тридцатисантиметровых каменных глыб. И подземные переходы — не для визитов к соседям на чашку чая. Напрашивается прямая аналогия с селениями ваххабитов в Дагестане, где заранее готовились к длительной осаде. Видимо, прозевала разведка?..

Спецоперация в Комсомольском, завершившаяся полным разгромом бандитов, стала, по сути, последним крупным сражением второй чеченской войны, достойно увенчала активную войсковую фазу контртеррористической операции.

Руслан Гелаев. Штрихи к портрету

Природа щедро наградила Руслана Гелаева — высоким ростом, косой саженью в плечах и огромными руками. Такие ладони бывают либо у землекопов, либо у патологических убийц. Честным трудом, считал уроженец чеченского села Комсомольское, пускай зарабатывают на кусок хлеба комсомольцы. А он полюбил совсем другую жизнь, веселую и полную опасных приключений. Судьба недолго играла с разбойником Русланом в поддавки, и через время его воровская доля прочно вписалась в классическую схему: «украл — выпил — в тюрьму».

За три свои «тюремных университета» вор-рецидивист Гелаев твердо усвоил главный зоновский закон, по которому человек человеку волк. Сколько раз во время кровавых бандитских разборок его тренированное звериное чутье помогало выйти победителем!

Никогда в жизни у него не было друзей. Только временные попутчики. Кого он безжалостно сдавал, кого подставлял, кого обманывал. В тюрьме, как и в лесу, выживает самый сильный и хитрый.

Отмотав очередной срок, представитель горного чеченского тейпа Гухой отправился, как он выразился, «пошакалить» на абхазскую войну. Боевая атмосфера ему понравилась. Здесь боевики жили не по законам, а по привычным блатным понятиям. Каждый сам себе прокурор и адвокат. В меру нравственной распущенности.

По вкусу «шакалу» Гелаеву пришелся и вкус человеческой крови. Поэтому, вернувшись на родину, он с удовольствием примерил волчью шкуру батальонного вожака самопровозглашенной Ичкерии.

Волевой и упрямый пахан Гелаев довольно быстро сколотил шайку из отпущенных на свободу Дудаевым уголовников. Вскоре банда стала называться Галанчошским полком специального назначения. Ее командир не упустил случая застолбить себе делянку в нефтебизнесе при переделе собственности в республике. Деловые люди, белые воротнички от политики и урки вместе пили коньяк и строили планы на будущее. На запах наживы в Чечню колоннами потянулись чеченские гангстеры. В первых рядах шествовали московский коронованный вор в законе по кличке Хоза (Воробей) Сулейманов, затем краснодарско-ростовский тандем братков Лобазановых (Руслан и Саид), следом много других. Среди них маячила фигура и нашего героя. Но в

отличие от некоторых он не шумел, он ждал. Ждал своего часа.

«Новые чеченцы» на очередной сходке пошли даже дальше президента Дудаева. Они приняли поистине гениальное решение: если мафию победить нельзя, ее надо возглавить; и поскольку Дудаев свою задачу, как им казалось, выполнил, надо его… подвинуть от «корыта власти».

Но хитрый Джохар опередил уголовников и ударил первым. В августе 1994 года президентские гвардейцы арестовали главаря заговорщиков Хозу Сулейманова. От кровавой расправы его спас Гелаев. Злые языки, правда, говорят, что Хозу сдал… все тот же Гелаев.

Дудаев оценил политическую дальнозоркость рецидивиста Руслана и закрепил за ним одну из самых «шоколадных» точек Чечни — товарно-производственную контору (ТПК) «Грознефтьоргсинтез» — своеобразную нефтекладовую республики. Отсюда каждый день, невзирая на непримиримое в глазах российской общественности противостояние Москвы и Грозного, уходили мимо отечественного казенного кошелька железнодорожные эшелоны с «левым» чеченским бензином и соляркой.

Уходили за границу через контролируемые чеченскими мафиози Туапсинский и Новороссийский нефтяные терминалы. Уходили, судя по некоторым данным, даже через дальневосточные порты — прямо под носом у зевающих транспортной милиции, МПС, таможни, пограничников.

А возле золотого краника, у истоков левых бензиновых рек из Чечни, не спал, крутился за троих Руслан Гелаев. Можно только догадываться, носителем какой взрывоопасной информации он являлся.

Хозяйство Гелаева исправно работало целых полтора месяца после начала боевых действий. В начале января 1995-го шли упорные бои, гибли сотни людей с обеих сторон, а автомобильные бензиновые караваны как ни в чем не бывало проезжали мимо российских блокпостов и уплывали на север и восток. Охраняли во внешнем кольце гелаевский ТПК «Грознефтьоргсинтез» крутые ребята со знаками различий МВД России!

Прикрыли лавочку Гелаева лишь тогда, когда внешнее кольцо охраны не сговорилось с внутренним кольцом из боевиков о новой таксе за транзит нефтепродуктов. В общем, взорвали ТПК. По российской версии — от несправедливости, по чеченской — сдуру. Закончилось веселье у Гелаева, начались суровые трудовые будни.

В ту первую войну его банда расположилась в селениях

Комсомольское, Алхазурово и Гойское. Воевать она не торопилась. Многие боевики пристрастились к водке, наркотикам. Дисциплина в отряде не просто хромала, а припадала на обе ноги. И Гелаеву временами приходилось драконовскими мерами приводить своих подчиненных в чувство. После «душещипательных» бесед с командиром на физиономиях нарушителей порядка появлялись «фонари».

Восточнее гелаевцев, на левом берегу Аргуна, у села Дуба-Юрт, летом 1995 года расположились десантники из Новороссийска. Их старший начальник подполковник Егоров на одной из встреч вызвал боевиков на соревнование — в полной выкладке совершить по горам марш-бросок на несколько километров. Гелаев вызов принял. Потом очень жалел. «Голубые береты» не оставили боевикам никаких шансов, переиграв тех по всем статьям. Поэтому воевать с десантниками Гелаеву не особо хотелось, и под разными предлогами он увиливал от ведения боевых действий.

С Егоровым у Гелаева был заключен тайный мир. На день ВДВ так называемый командующий западным фронтом Ичкерии даже угостил десантуру водкой. Но те отказались. Пришлось водку пить только со своими. Узнав об особых отношениях Руслана и русских десантников, Дудаев был взбешен и снял Гелаева с должности с унизительной для чеченцев формулировкой — за трусость.

Очнулся от спячки Гелаев весной 1996 года. За оборону Бамута даже заслужил высшие ичкерийские награды. Но война отметила его не только медалями. Огнестрельное ранение оставило отметки на правой щеке и горле, оказались поврежденными голосовые связки. Именно из-за этого увечья Гелаев никогда не выступал перед журналистами.

После первой военной кампании Гелаев изменился. Бросил пить, отрастил бороду. Поменял имя Руслан на более мусульманское — Хамзат. Уголовник, веривший всегда только в себя и в черта, стал ваххабитом.

Ребята из ИРИ (пакистанской военной разведки) долго присматривались к Гелаеву. Уж больно он крут, неуживчив, властолюбив, зато какой замечательный для политика букет качеств — лицемерие, цинизм, вероломство! Словом, хороший контракт Гелаев с пакистанцами подписал. И вскоре в трех подконтрольных селениях он ввел новую религиозную моду — ваххабизм. В каждом дворе появилась набранная в махачкалинском издательстве «Бадр» и отпечатанная в московском издательстве «Полигран» ваххабитская «Книга единобожия» богослова Фавзана, запрещающая зикры (чеченские

ритуальные танцы), культы святых, шейхов.

Для Гелаева как бы перестали существовать вековые чеченские обычаи (адаты), авторитет старейшин, тейповое родство. Он повиновался только своему изменчивому настроению, своим причудам. Несогласных тут же объявлял врагами ислама.

На пакистанские деньги он организовал и возглавил ваххабитское движение «Таблихи», стал имамом.

Вот как описывает происходившее тогда доцент Чеченского университета Ирисханов: «Хотя в конституции ЧРИ записано «светская демократическая республика», в СМИ чаще говорят, что у нас исламское государство или «мы строим исламское государство», и никогда не услышишь, что оно у нас демократическое. Кому выгодно столь свободное обращение со статусом, при котором создается образ исламского государства в виде того, что из себя представляет Ичкерия сегодня? Только врагам ислама. Они имеют возможность сказать: «Вот смотрите, что творится в исламском государстве. Беспредел, который и не снился»».

Но интеллигент Ирисханов не знал, что беспредел как раз и нужен таким имамам-неучам, как уголовник Гелаев. Ведь в беспределе, когда кулак заменяет законы ислама, легче скрыть свое невежество, спрятать нравственную распущенность: ведь зло становится нормой.

Гелаев всегда чувствовал, когда надо сматывать удочки. Он один из немногих полевых командиров невредимым проскользнул сквозь открытую щелочку ловушки из Грозного в феврале 2000 года. Выскользнул из Комсомольского, вышел сухим из воды в Кодорском ущелье Грузии… Но не ушел от пограничников в Дагестане. Обмануть смерть ему так и не удалось.

Михаил Лабунец. Штрихи к портрету

Я слышал об этом генерале еще в первую чеченскую кампанию и даже мельком видел, но до знакомства дело не дошло.

Познакомились мы с ним в 1997 году, когда я был назначен заместителем командующего войсками СКВО и переехал из Владикавказа в Ростов-на-Дону. А Михаил Иванович уже тогда возглавлял Северо-Кавказский округ внутренних войск.

Впрочем, и после 1997 года встречались мы редко, почти не общались — так, сталкивались на каких-либо мероприятиях в обстановке официоза. А разве в подобных ситуациях можно узнать человека? Ведь на всех, как правило, надеты эдакие маски, за которыми настоящего лица не разглядеть.

И вот наступил жаркий август 1999 года, когда незаконные вооруженные формирования под руководством Хаттаба и Басаева вторглись в Дагестан. А затем пришел и горячий сентябрь, когда началась операция по ликвидации бандитского анклава в Кадарской зоне, где в нескольких населенных пунктах возникла неподконтрольная федеральным и республиканским властям зона — самопровозглашенное ваххабитское государство со своей «армией».

Меня, по воле сложившихся тогда обстоятельств, назначили руководителем этой операции, а моим заместителем по внутренним войскам стал Михаил Иванович Лабунец. Не скрою, я тогда немного запереживал: как сложатся наши с ним отношения? Ведь не секрет, что между начальниками из разных ведомств, чьи силы и средства действуют совместно в одном деле, часто возникают трения. Тем более в таких обстоятельствах, как тогда, в сентябре 1999 года.

Напомню, что я в тот момент был генерал-лейтенантом, заместителем командующего войсками СКВО, а Михаил Иванович — генерал-полковником, командующим Северо-Кавказским округом внутренних войск. Кроме того, по замыслу операции почти всю черную работу (то есть взятие штурмом сел Карамахи и Чабанмахи с их мощными укреплениями и солидным гарнизоном) предстояло выполнить именно подразделениям и частям внутренних войск. Конечно, армейцы — артиллеристы, авиаторы, танкисты, десантники — тоже были задействованы в операции, однако «внутренникам» досталось самое ответственное и опасное дело.

В итоге получалось, что я, двухзвездный генерал (по штатной должности — второе лицо в своем округе), должен был

командовать трехзвездным генералом, который к тому же по штату (пусть даже в другом ведомстве) возглавлял округ. Уже в самом этом штатно-должностном раскладе была заложена «мина» будущих разногласий. Она могла взорваться, то есть привести рано или поздно к конфликтной ситуации. И я даже заранее настроился на это, внутренне сгруппировался, чтобы быть морально готовым ко всяким трениям.

Однако худшие мои опасения не подтвердились. Мало того, уже в первые дни операции (на стадии разработки и утверждения планов) я понял, что Лабунец страшно далек от чиновничье-генеральского чванства. Ему и в голову не приходило оспаривать первенство при принятии решений, даже сама мысль о несправедливом распределении ролей не возникала. Мы с первых минут нашли общий язык, и взаимопонимание не оставляло нас на протяжении всех дней боев в Кадарской зоне. Впрочем, и во все последующие месяцы и годы совместной работы.

Естественно, что мы сблизились духовно в том горячем сентябре 1999-го, даже сдружились. Помню, были минуты, когда я незаметно для Лабунца наблюдал за ним. Выглядел он картинно: в перепачканном землей камуфляже стоял в окопе и, уперевшись локтями в бруствер, пристально вглядывался через бинокль в склоны гор, по которым наступали его люди; на щеках и подбородке — седая трехдневная щетина (даже побриться было некогда из-за горячки боя), глаза — красные от недосыпа и усталости, голос — охрипший от непрерывных докладов и команд; радиостанция в его мощной руке, казалось, раскалилась от длительной работы… Тот, кто видел Лабунца в такие минуты, не мог не залюбоваться им — настоящим боевым генералом, далеким от паркетной суеты высоких штабов.

К тому же Михаил Иванович сам по себе очень фактурный мужик — высокий, поджарый, без единого намека на живот (который, увы, для многих людей нашего возраста — непременный атрибут фигуры), лицо аскетическое, огрубелое от солнца и ветров, волосы — «перец с солью» (а теперь, по прошествию нескольких лет, уже и вовсе седые)… Будь моя воля и распорядись судьба иначе, я бы как кинорежиссер снимал его в ролях великих полководцев. Лучшего типажа не найти.

Видимо, сама судьба, профессия (а значит, высокая ответственность и тяжелейшие испытания) формируют не только внутренний мир человека, но в значительной мере и его внешность. Не зря ведь в народе и в языке закрепились устойчивые словосочетания, образы — «волевой подбородок», «орлиный взор», «жесткая линия рта» и т. п.

В общем, Михаил Лабунец — настоящий боевой генерал. И я

в этом убедился воочию.

На очередном этапе операции на правом фланге, где действовал один из отрядов спецназа внутренних войск, возникла тяжелая ситуация: продвижение наших подразделений застопорилось.

Естественно, на войне редко бывает так, что все планы и решения выполняются безукоризненно, точно и в срок. Реальная ситуация настолько сложна и динамична, что всего просто физически не учтешь. К примеру, мы предполагали, что ваххабиты, окопавшиеся в селах Карамахи и Чабанмахи, будут сопротивляться отчаянно. Но не до такой же степени, чтобы, обвязавшись гранатами, бросаться в гущу наступающих и гибнуть, унося за собой и жизни наших ребят.

Как позже выяснилось из показаний пленных, местные (дагестанские и даже чеченские) ваххабиты были настроены менее жестко, рассчитывая на амнистию и другие поблажки нашего российского законодательства. А кроме того, у них здесь были семьи (ранее мы дали возможность уйти из зоны боевых действий по «зеленому коридору» детям, женщинам и старикам), дома, имущество, приусадебное хозяйство. В глубине души местные жители не были заинтересованы в тотальном разрушении всего, что нажито (неважно, праведным или неправедным путем). Однако в рядах ваххабитов в Кадарской зоне было немало наемников из дальнего зарубежья. Эти люди, конечно, считали, что с ними россияне церемониться не будут.

Они сами отвергли всякие законы цивилизованного мира и были уверены, что и по отношению к ним мы учиним беспредел.

Конечно, это была их ошибка. Даже захваченных в плен наемников мы впоследствии пытались судить по соответствующим законам. Однако в тот момент «дикие гуси», прошедшие школу Хаттаба, и сами не сдавались, и местным ваххабитам не давали расслабиться, и дрались отчаянно, как камикадзе.

К сожалению, к такому сопротивлению не все наши солдаты оказались морально готовы. И вот в один из моментов наступления, когда ваххабит-самоубийца с истошным криком «Аллах акбар» бросился из окопа на спецназовцев, подорвал гранатой себя и одного нашего солдата, а еще одного ранил, наши ребята дрогнули и откатили назад.

С командного пункта хорошо просматривался крутой склон с нижней окраиной села Чабанмахи, где происходили эти события. Мы с Лабунцом все видели через бинокли… И тут я не стал вмешиваться. Думаю, пусть Михаил Иванович сам разберется, не буду его за рукав дергать в такой напряженный момент. Тем

более, это его люди забуксовали, он их знает и по фамилиям, и в лицо, и по характеру. Я лишь косил глазом и прислушивался, как бы невзначай, какие команды он по этому поводу отдает подчиненному офицеру. Хотя, конечно, равнодушным оставаться не мог. Во-первых, хоть это были и внутренние войска, но все же наши. Во-вторых, атака спецназа на южной окраине Чабанмахи не являлась автономной, а была тесно связана с общим ходом операции. От спецназовцев косвенно зависели действия подразделений и частей на других участках. Короче говоря, оттого, что на южном склоне Чабанмахи кто-то затормозил, задержка могла возникнуть и в других местах, поскольку бандиты получили возможность для маневра — могли перебросить часть сил и средств на соседние направления.

Слышу, Михаил Иванович связался с командиром отошедших со своего рубежа спецназовцев:

— Что там у тебя происходит? Почему завяз?

Лабунец, прижимая к щеке радиостанцию, не отрывает от глаз бинокля.

— Давай, быстренько разберись в обстановке, уточни задачу — каждому, если нужно, перегруппируйся и иди вперед! Из-за вас все может затормозиться…

Спустя время, уже более жестким тоном, Михаил Иванович наехал на подчиненного:

— Что ж ты врешь?! Какая атака? Какое там упорное сопротивление? Я ж вижу отсюда, как твои бойцы по дворам за курами гоняются… Ты что, решил там заодно и пообедать за чужой счет?! Ну, я тебе, блин, устрою подведение итогов!

Через несколько минут с металлом в осипшем голосе:

— Если через три минуты в атаку не пойдешь, я тебя минометами накрою! Ты понял меня?! Я тебе дам чужих кур, ты у меня наобедаешься!..

Лабунец на грани срыва, из глаз — искры, желваками играет, еле сдерживается, чтоб чего худшего не наобещать горе-командиру, а меня даже смех стал разбирать. Пришлось отвернуться, чтоб улыбку никто не увидел на моем лице.

Тут Леонтий Павлович Шевцов (генерал-полковник, курировавший операцию от МВД, но до поры до времени не вмешивавшийся в ситуацию, чтоб нам не мешать) подошел к Лабунцу:

— Михаил Иванович, минометами не надо, не волнуйся, я сейчас разберусь на месте, а ты спокойно управляй боем…

С этими словами сел на БТР и поехал на окраину Чабанмахи, где увязли спецназовцы.

Спустя какое-то время командир отряда коротко доложил:

«Атакую», и дело пошло.

Возвращается Леонтий Павлович, мы с Лабунцом спрашиваем:

— Что вы с ним сделали?

— Что надо, то и сделал, — хитро улыбнулся Шевцов.

Так мы и не узнали, какие меры воздействия применил Леонтий Павлович, но главное — дело было сделано: спецназ в атаку пошел, накрывать их минометами не пришлось. (Да и вряд ли Михаил Иванович на это пошел бы. Пригрозил просто.)

— Но все равно, подведение итогов я ему устрою, — сердито ворчал Лабунец, имея в виду командира-спецназовца, — дождется он наград от меня!

На протяжении всей операции в Кадарской зоне это был единственный случай, когда Лабунцу понадобилась помощь со стороны. Ни в каких подсказках Михаил Иванович не нуждался. Работа его была безукоризненной. Мне оставалось только координировать действия сил и средств по разгрому бандитов в этой операции.

Я удивлялся его выносливости. Он не спал сутками, не ослаблял управление подчиненными войсками, не забывал ни одной детали в развитии боя, мгновенно принимал единственно верное решение. Он был требователен к своим офицерам, но в то же время жалел солдат, не гнал их под пули врага бездумно, ради сомнительного успеха, ел из солдатского котелка, если удавалось часок-другой отдохнуть — спал в БТР, который стоял рядом с командным пунктом. Для меня Лабунец — настоящий окопный генерал, чуждый политических интриг.

Когда позже, в марте 2000 года, огромный отряд Руслана Гелаева (около 1 000 боевиков) вошел в село Комсомольское, операцией по его уничтожению руководил Лабунец. Личный вклад Михаила Ивановича в разгром гелаевцев трудно переоценить. Практически операцией в Комсомольском завершилась активная фаза боевых действий в Чечне. После этого у противника уже не осталось сил, чтобы держать инициативу в своих руках и навязывать нам правила игры. Сотни бандитов были уничтожены, многие десятки захвачены в плен. Под Комсомольским мы одержали заметную победу.

Неудивительно, что результатом этой операции явилось то, что генерал-полковник М. Лабунец был представлен к званию Героя России. Однако представление это надолго завязло где-то в высоких московских кабинетах.

— Как же так? — спросил я у тогдашнего главкома внутренних войск.

— Министр против, — ответил он мне.

— Как же так? — осмелился я спросить у министра внутренних дел РФ.

— Главком не представляет, — сказал министр.

Я только руками развел. Замкнутый круг какой-то! Было обидно за Михаила Ивановича — настоящего пахаря войны, достойного высокой награды. Сам за себя он никогда не просил, он чужд этой порочной практики — выбивать ордена для себя (хотя и такие есть генералы!). За других вступался, доказывал, что тот или иной человек заслужил поощрения. Мне кажется, он и не ждал ничего за свой ратный труд. Тем более что был в курсе: наверху его не очень жалуют; официально хвалят, но у некоторых начальников на него зуб — из-за солдатской прямолинейности, вспыльчивости, презрения к аппаратным правилам игры…

И все же не только я, многие военные (да и не военные тоже) уважали Лабунца, считали его героем и хлопотали о достойной награде. Через несколько лет Михаилу Ивановичу все же вручили Золотую звезду. Это было логично и справедливо, хотя Лабунец уже и не ожидал, что удостоится столь высокого звания. Я искренне радовался вместе с ним, поздравил боевого товарища.

В последнее время видимся мы редко. У Михаила Ивановича забот хватает, весь в делах, хотя уже и уволился в запас. Но я знаю, что он выдержит все, не расслабится, будет достойно нести свой крест. И я горжусь, что служил с ним рядом, что мог опереться на его крепкое плечо. Если бы у нас в Вооруженных Силах все командиры были такие, как Лабунец, половину проблем решили бы безо всяких реформ и без политического ажиотажа.

Наемники

Иорданец Халид аль-Хаяд в своей стране имел дело, то есть бизнес. Небольшая фирма по продаже офисной аппаратуры и парикмахерская давали хорошую прибыль. К тому же связи, приобретенные во время учебы в Киевском политехническом институте, помогли открыть филиал на Украине. Там же, в Киеве, он познакомился с оборотистыми ребятами из Чечни. Они помогли наладить тесные коммерческие отношения с родственниками Руслана Гелаева. В то время Халиду казалось, что русские угнетают маленький несчастный народ, попирают древние обычаи и уничтожают мусульманскую веру. Без особых колебаний он принял предложение отправиться в Чечню, тем более что поездка сулила не только моральное удовлетворение за оказанную посильную помощь и духовную поддержку многострадальным чеченцам, но и должна была обернуться, по мнению иорданца, немалой прибылью — боевики остро нуждались в спутниковой связи.

Халид аль-Хаяд несколько месяцев находился среди чеченских бандитов. Вместе с ними воевал, страдал от голода и терпел лишения в горах, выходил из Грозного по минным полям. Рьяный исламист, он был уверен, что бороться с Россией должен каждый правоверный мусульманин. Однако после разгрома банды Гелаева в селении Комсомольское Халид принял решение сдаться российским войскам. Добровольно. После всего увиденного в Чечне его убеждения в корне изменились.

Наемники, конечно, бывают разными. Для большинства деньги являются главным мерилом жизни. Но есть и убежденные враги России, русских, христиан. Тут мотивация политическая. Таковы, например, косовские албанцы, которые не могут простить России сочувствия к сербам. Большинство из них приехали в Чечню еще до начала войны, летом 1999 года. Хаттаб наладил связи, и ребята из армии освобождения Косово поперли на Северный Кавказ — кто через Азербайджан, кто через Грузию, — чтобы резать русских. Большинство албанцев уже убиты. Таковы и талибы. Те воевали здесь вроде бы за веру, то есть убивали христиан. Но как они объясняли для себя агрессию против Дагестана (почти сплошь мусульманского), неизвестно. Есть ненавистники всего русского из числа прибалтов и украинцев. По некоторым данным, в декабре 1999 года в Грозном в стане бандитов находилось около 300 наемников с Украины. Часть из них воевали еще в первую чеченскую войну. Прежде всего это представители крайне националистической организации УНА-

УНСО, активно поставлявшей живой товар на чеченский фронт.

«Сало в окопах» — так называли российские солдаты в Чечне украинских наемников. И пощады от федералов наши ближайшие соседи и братья по крови не ждали. Потому и сражались отчаянно. В плен, как правило, не сдавались. Во-первых, юридически они не подпадали под амнистию (как граждане другой страны). Во-вторых, всякий наемник, по идее, лишен моральных принципов, поскольку воюет только за деньги. Романтика и жажда приключений здесь не в счет. Хлопцы с Украины, в отличие от чеченцев, не могли сказать, что защищают свою землю и свои семьи, суверенитет своей республики и честь горцев (при всей сомнительности данных аргументов). Не могли они, христиане, отстаивать исламские ценности перед «агрессией православия», что являлось идеологической базой ваххабитов.

Именно это предательство братьев по вере и по крови больше всего раздражало российских военных. Тем более что в рядах федеральной армии немало украинцев — и солдат, и офицеров, и генералов. И служат они геройски. Впрочем, и на бандитской стороне украинцы дрались до последнего патрона. Например, отчаянно действовали девушки-снайперы из Полтавы и Николаева: не одного российского бойца уложили из своих винтовок. Их долго выслеживали, за ними охотились и в конце концов убили.

Особняком стоят русские, воевавшие в Чечне против федералов. В основном это были уголовники, скрывавшиеся на неподконтрольной российским властям территории. Волею судьбы они вынуждены были взяться за оружие и оказались в одном окопе с местными отморозками. Были среди русских и наркоманы, сидящие на чеченской игле. Попадались и бывшие российские военнослужащие, по тем или иным причинам принявшие ислам и воевавшие на стороне боевиков. Двоих таких, бывших военнослужащих внутренних войск из Софринской бригады, военный суд приговорил к длительным срокам лишения свободы.

Однако удивительнее всего то, что попадались среди наемников и романтики. О них написал в книге воспоминаний А. Корчинский — бывший лидер УНА-УНСО, ныне рассорившийся с соратниками. В свое время уна-унсовцы воевали в Приднестровье, в Абхазии, участвовали в первой чеченской войне, воевали и во вторую кампанию. Многие из них, подписывая контракт, руководствовались скорее жаждой приключений, чем желанием заработать. Бывший лидер УНА-УНСО вспоминает случай, когда его отряд, собираясь воевать на стороне абхазцев, попал на грузинскую сторону. Там и остались. Стреляли в

абхазцев и их союзников исключительно по воле обстоятельств. По большому счету, им было все равно, на чьей стороне воевать.

Перед второй чеченской войной республика превратилась, по сути, в международный бандитский анклав. Там можно было встретить наемников со всего мира. Правда, в ходе контртеррористической операции наемников из стран дальнего зарубежья заметно поубавилось. Во-первых, из-за активных и успешных действий федеральных сил. Все меньше становилось желающих из арабских стран, Турции, Афганистана, Косово ехать в Чечню на убой. К тому же внешность арабов отличается от внешности чеченцев. И если последние имели возможность замаскироваться под местного мирного жителя, то арабу или косовскому албанцу с характерной «мордой лица», да еще без знания чеченского и русского языков, никакой грим не помогал. У них не было отходных путей. В рядах боевиков в конце концов осталось совсем мало арабов, еще меньше русских, украинцев, литовцев, латышей.

Во-вторых, материальный стимул — главный мотив действий наемника — явно был дискредитирован Басаевым и Хаттабом и такими, как они, кидалами. Наемникам частенько платили фальшивыми долларами, напечатанными в Урус-Мартане.

К тому же в большинстве контрактов отдельно оговаривалось, что боевик получает деньги только в том случае, если докажет убийство российского солдата или офицера. Отдельная плата за подбитый танк или БТР. В общем, система оплаты довольно жесткая. Радиоперехваты переговоров боевиков свидетельствовали о полном разочаровании наемников.

— Мы так не договаривались, — упрекали иностранцы чеченских полевых командиров, — вы обещали, что будет боевая техника, а ее нет, вы говорили, что не будет долбить авиация, а она передыху нам не дает.

Что отвечали командиры боевиков? Говорили, что русские их сами обманули — слишком грамотно воюют. А вот пересмотреть контракт не в их власти.

В общем, кроме естественной убыли наемников от ударов федералов происходил и отток их из окопов по финансовым причинам.

Наемники стали изгоями и среди местного населения, то есть среди самих чеченцев, поскольку занимались грабежами, забирая все подряд: и одежду, и продукты питания. Некоторые квартиры и дома в Грозном шмонали по два-три раза. Даже полевые командиры пытались остановить воровство: разрешали брать только продукты питания, запрещали входить в закрытые на замок двери. Наемники же эти приказы понимали по-своему: если

не могли войти в двери, лезли в окна.

Среди них, повторюсь, было немало наркоманов. После того как федеральные войска взяли Грозный в плотное кольцо, зелье стало большим дефицитом, а цены на него выросли баснословно. Наемники даже под обстрелом авиации и артиллерии готовы были целый день таскать на рынок мешки с награбленным, чтобы к вечеру, продав все вещи, получить шприц с дозой и расслабиться.

Как бы ни прятались наемники в пещерах горной Чечни, их ждет ужасный финал. Это не только мой вывод. Так считает и упомянутый мной иорданец Халид, заявивший на пресс-конференции: «Тех мусульман, кто собирается ехать в Чечню воевать, ожидает только смерть. Та же участь постигнет и славянских наемников. Если таких добровольцев не убьют чеченские боевики, то они неминуемо попадут под огонь российской авиации и артиллерии. Лучше уж сидеть у себя дома и жить нормальной жизнью. Те, кто еще держит оружие, на самом деле воевать уже не хотят. Я просто не советую никому сюда ехать. В Чечне много людей погибает зря. Человек тут как товар. Здесь воруют людей и торгуют ими».

Это сказал не я, российский генерал, а бывший ваххабит, антирусски настроенный мусульманин, недавний соратник басаевых и хаттабов.

Глава 12
Кавказский узел

Визит Верховного

Утро в тот мартовский день выдалось пасмурным. Хотя событие предстояло, образно говоря, светлое — проводы первого десантного полка полковника Майорова. Часть достойно выполнила все поставленные задачи и возвращалась в пункт постоянной дислокации — в Кострому. Глядя на хмурое, грозящее небо, я даже засомневался — прилетит ли в Чечню исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего В. Путин. А вдруг метеорологи объявят нелетную погоду… Однако сомнения мои развеял начальник Генерального штаба А. Квашнин:

— Не волнуйся, Путин прилетит обязательно.

Спустя несколько часов мы были в Грозном, в аэропорту «Северный». Вместе с группой генералов, встречавших и.о. президента страны, были и журналисты основных центральных телекомпаний. Они, конечно, ничего не знали о предстоящем сюрпризе и томились в дежурном ожидании. Для них это был обычный прилет важного государственного лица. Подобных прилетов и отлетов они успели насмотреться. Никто и не помышлял о сенсации. Насторожились лишь после того как к ним подошел генерал А. Квашнин и сказал:

— Как только вон там, — и показал рукой в сторону Терского хребта, — покажется пара штурмовиков — сразу начинайте снимать.

— Штурмовиков? — недоуменно спросил кто-то из корреспондентов.

— Да, именно штурмовиков, — подтвердил начальник Генштаба.

Больше вопросов не последовало, началась обычная журналистская суета вокруг телекамер…

Я, естественно, знал, в чем изюминка нынешнего визита главы государства, и представлял, какое удивление появится на лицах журналистов.

У телевизионщиков действительно вытянулись физиономии и округлились глаза, когда «сушка» приземлилась, а под откинутым «фонарем» штурманской кабины показался Владимир Путин. Он был в коричневой кожаной куртке и летном шлеме.

В считаные секунды к самолету приставили трап, и Владимир Владимирович спустился по нему на бетонку спокойно и уверенно, словно делал это множество раз.

Я наблюдал за ним, но краем глаза видел и журналистов. Они ни на миг не прекращали работу: еще бы — запечатлеть момент, когда глава государства прилетает в зону боевых

действий на боевом штурмовике, — такое дорогого стоит. Впоследствии эти кадры обошли весь мир…

Мы представились Верховному главнокомандующему и поздоровались. Сначала генерал А. Квашнин, а затем я как командующий Объединенной группировкой войск на Северном Кавказе. Конечно, поинтересовались и самочувствием главы государства.

Он пожал нам руки и ответил, что все нормально, хотя был бледноват. Впрочем, это вполне объяснимо: полет на сверхскоростном штурмовике — не прогулка. Однако уже через несколько минут полностью пришел в себя и выглядел прекрасно. Снял кожаную летную куртку и надел пиджак, который подал охранник. Тут же, в аэропорту, провел короткое совещание, на котором кроме нас, военных, присутствовали представители МЧС во главе с С. Шойгу. Они подъехали спустя некоторое время, после приземления самолета Владимира Владимировича.

Это была не первая моя встреча с Путиным. Но каждый раз я изумлялся его умению экономить время — и свое, и окружающих. Никаких лишних разговоров, никакого рассусоливания. Все быстро и четко: доклады ответственных лиц, предложения, варианты решения возникших проблем, принятие решения и все, точка. Так было и в этот раз. Вроде и людей в палатке, где проходило совещание, немало, и многие высказывались, но никаких лишних разговоров. Все заняло не больше получаса.

После совещания С. Шойгу настроился было сопровождать Путина в Ханкалу, но Владимир Владимирович сказал:

— Мне не нужна большая свита. Занимайтесь своими делами.

Замечание было по существу. Действительно, сопровождали главу государства всего два охранника. Одного «альфовца» я знал, — он участвовал в аресте С. Радуева. Кроме этой немногочисленной охраны — только мы (небольшая группа военных) и пяток журналистов. Все поместились в один вертолет.

Я невольно сравнил это с приездом Б. Ельцина в первую войну. Тогда главу государства сопровождала огромная толпа — не протолкнуться…

В Ханкале нас ждали десантники полковника Н. Майорова. Полк построился на импровизированном плацу вдоль железнодорожного состава. Перед ним — трибуна, рядом оркестр. Ветер колыхал российский флаг на флагштоке. К этому моменту уже распогодилось, тучи ушли, вовсю сияло весеннее солнце.

Полковник Майоров заметно волновался, когда докладывал Верховному главнокомандующему. Его лицо, огрубевшее от горных беспощадных ветров, раскраснелось и будто застыло. Однако благожелательность во взгляде Путина и рукопожатие

сняли эту напряженность. Мероприятие пошло по намеченному плану.

Владимир Владимирович вручал солдатам и офицерам награды. Каждому из отличившихся он говорил добрые слова, благодарил за добросовестную службу. Командиру полка вручил орден Мужества, а затем объявил всем присутствующим, что полковник Майоров удостоен также высокого звания Героя России. Но Золотая Звезда по традиции будет вручена ему позже, в Кремле.

Затем Верховный главнокомандующий поднялся на трибуну. За ним и мы — военные, представители МВД, временной администрации Чечни, мэрии Грозного. Были здесь и Николай Кошман, и Беслан Гантамиров. Беспрерывно щелкали фотоаппараты журналистов, бликовали объективы телекамер…

Владимир Владимирович обратился к присутствующим, прежде всего к личному составу десантного полка, с короткой речью, в которой поблагодарил за честно выполненный воинский долг, попросил помнить о тех жертвах, которые мы понесли в борьбе с международным терроризмом, призвал всех быть мужественными и пойти до конца — окончательно разгромить бандитов и установить мир на многострадальной земле Чечни.

У меня даже от сердца отлегло. Потому что все последнее время тревожила мысль — не изменит ли руководство страны свою позицию, не уступит ли тем силам (и международным, и внутренним), которые без конца, образно говоря, держали нас за руки, понукали сесть за стол переговоров с бандитами. Тем более что я прекрасно помню, как выразился один из известных наших политиков, «проданную первую чеченскую войну». То перемирие, то переговоры, то откровенные уступки бандитам… «Шаг вперед, два назад», как в танце летка-енка — но там удовольствие, радость, а у наших солдат — злость и унижение…

Теперь все было по-другому. Но не оставляло в покое опасение — насколько четкая эта позиция. Не изменится ли? Ведь у нас на Руси ни от чего зарекаться нельзя. Не у меня одного, у всех воюющих в Чечне — от солдата до генерала — на сердце была тревога: как федеральный центр? Насколько тверда его позиция?

«Никаких переговоров с бандитами! — чеканил с трибуны Владимир Путин. — Никаких уступок террористам! Мы пойдем до конца!»

Я слушал Верховного главнокомандующего, радовался, и душа наполнялась уверенностью: этот человек не может не победить на выборах Президента. Народ за ним пойдет, без сомнений. Ведь выборы предстояли буквально через несколько

дней. В прессе (и мировой, и отечественной) только о выборах и говорили. Не счесть было прогнозов, слухов, домыслов и инсинуаций. Но для себя я уже давно все решил: только Путин! Хоть он на тот момент был лишь «и.о.», верилось, что этот чисто юридический нюанс скоро отпадет. Приставка «и.о.» исчезнет после выборов, и Владимир Владимирович станет законным Президентом России и нашим Верховным главнокомандующим.

Эти мысли не покидали меня, даже когда мимо трибуны, чеканя шаг, шли роты и батальоны десантного полка, возвращающегося домой. Я испытывал гордость за этих ребят, чуть подрастерявших за время боев строевую выправку. Да и сапоги их, в отсутствие настоящего асфальтированного плаца, стучали по земле глухо, без привычного парадного грохота. Но и шаг десантников, и земля Чечни под их сапогами — все было надежным и основательным, как вечный марш «Прощание славянки». Шли победители! Их огрубевшие от войны руки крепко сжимали оружие, а взгляды прикованы были к Владимиру Путину, человеку, давшему им веру.

Так же, как эти солдаты, верил Путину и я. Когда позже, в тот же день, Владимир Владимирович подарил мне свой портрет с автографом, я был счастлив. До сих пор храню его как дорогую реликвию.

Верховный главнокомандующий Владимир Путин. Штрихи к портрету

Что бы я здесь ни написал о Владимире Путине — все равно будет плохо. Если напишу комплиментарно, скажут: Трошев — подхалим; если стану цепляться за какие-то упущения нашего Президента — погрешу против истины, вернее — против себя самого, поскольку такой подход не отражает моего личного отношения к Путину; если начну хитромудро плести узоры из достоинств и недостатков Владимира Владимировича, дабы угодить привередливому читателю — опять же покривлю душой, потому что не приемлю подхалимажа даже перед широкой публикой. Кроме того, берясь принародно давать характеристику Президенту, я как бы нарушаю писаный и неписаный законы субординации. Конечно, это не критическая ситуация, подобная реальной боевой (когда комполка командует «В атаку, вперед!», а кто-то из офицеров начинает дискуссию: «А стоит ли идти в эту атаку, товарищ полковник? Может, дождемся, пока наша артиллерия раздолбает передний край?»), но все же… Не в наших традициях перемывать шефу косточки. Это в Китае в годы культурной революции, когда выкашивали верхушку партии и государства, подчиненные в куски рвали своих начальников. Хотя в 1917-м, после Февральской революции, нечто подобное было и в русской армии. Но недолго.

В общем, принимая решение поместить в этой книге штрихи к портрету Верховного главнокомандующего, я заранее обрекаю себя на критику с разных сторон. Заранее знаю, что эта глава будет многими читаться «под лупой». И тем не менее, я решился публично высказаться. Это, естественно, не так рискованно, как встать в полный рост над окопом под огнем, но все же… Уверен, что в меня полетят камни недовольных. Не спасет меня и обещание писать искренне. За правду на Руси тоже частенько доставалось. Что ж… Делай, что должен, и пусть другие говорят, что хотят — не помню, кто так (или почти так) сказал, но мысль, надеюсь, понятна.

Почему я взялся за эту главу? Считаю необходимым пояснить. Во-первых, писать что-либо о Кавказе, о событиях в Чечне и вокруг нее без упоминания В. Путина и его роли — в моем положении по меньшей мере странно. Во-вторых, служба сталкивала меня с и.о. Президента, а затем и с Президентом России (и его ближайшим окружением) несколько раз, и каждая встреча была сопряжена с незабываемыми впечатлениями, нет

смысла это утаивать от людей. В-третьих, общественный интерес к личности Владимира Владимировича столь велик, что даже если отбросить военно-политические аспекты его деятельности, наши с ним служебные контакты, все равно останется чисто человеческое отношение к фигуре первого лица государства. Для меня оно важно, важно и для широкой публики. Так что, думаю, тут авторский интерес совпадает с интересом читательским.

Итак, к делу. Хочу начать с ближних подступов. Надеюсь, понятно, о чем речь — о возможности порой пробиться к первому лицу сквозь плотный строй личной охраны и ближайшего окружения Президента РФ. Тема эта проста до примитивности и для всех понятна, а для многих еще и актуальна.

Самая первая встреча с Владимиром Путиным вне Чечни, вне войны состоялась летом 1998 года в Дагестане. Он был тогда еще первым заместителем руководителя администрации Президента РФ (по работе с регионами). А я тогда тоже ходил в замах, еще не был первым лицом округа. Мы познакомились, но почти не общались, что не дало мне возможности, как говорится, прочувствовать этого человека. Тем более что держался он тогда скромно, со своим мнением в первые ряды не лез. Помню, что очень внимательно всех слушал, старался поглубже вникнуть в суть обсуждаемых проблем.

Выражаясь молодежным сленгом, разборка тогда шла крутая. В Махачкалу прилетели Сергей Степашин (он в то время руководил МВД), представители Совета безопасности России, ФСБ, Федеральной погранслужбы, региональные лидеры… Моя позиция тогда мало кого волновала, докладывал командующий войсками СКВО генерал-полковник Казанцев. Анализируя ситуацию вокруг фактически независимой Чечни (в которой кипели междоусобные страсти, и группировки экстремистского толка уже готовились к агрессии против России) и влияние «чеченского фактора» на Дагестан и соседние регионы, Казанцев резко критиковал руководство МВД и других силовых ведомств. Это вызвало закономерную ответную реакцию. И пошла разборка по полной программе. Для Казанцева это был тяжелый момент. Даже поднимался вопрос о снятии его с должности (об этом я уже говорил выше).

Как повел себя в этой ситуации Путин — я не знаю. Знаю только, что у меня остались впечатления о нем как о скромном человеке, вдумчивом, искренне пытающемся разобраться в обстоятельствах дела и не склонном к резким, необдуманным шагам. Учитывая это, я думаю, что он не принадлежал к радикалам.

Поскольку в тот момент мы с Владимиром Владимировичем

(каждый в своей сфере и на своем уровне) находились как бы на вторых ролях, то и о доступности говорить не приходится. Об этом тогда даже не думалось. Проблема возникла уже после первых встреч в Чечне и Моздоке (где барьеры в общении различных должностных лиц не ощущались). Это случилось в Ростове-на-Дону осенью 2000 года, куда Путин прибыл с рабочей поездкой в область.

Я уже был командующим войсками СКВО и, как положено, встретил Президента России — Верховного главнокомандующего, надеясь из первых уст услышать мнение и ответы на вопросы, которые волновали и всю страну, и лично меня. Больше того, я рассчитывал даже на личную встречу, которая не то что не исключалась, но и с большой долей вероятности предполагалась. Увы, «надежды юношей питают» — меня даже не допустили в зал Донской публичной библиотеки, где проходила встреча Владимира Путина с некоторыми региональными лидерами и представителями общественности. Там были журналисты, библиотекари, преподаватели вузов, студенты… А мне, командующему, охрана дала от ворот поворот. «Вас нет в списке», — ответил молодой парень с переговорным устройством в ухе.

Я так опешил, растерялся, что даже не знал, как реагировать. Меня будто кипятком окатили с головы до ног. Но виду показывать я не стал и поехал к себе в штаб.

Как позже оказалось, В. Путин хотел со мной переговорить. Нужда в моем мнении по ситуации в регионе возникла еще во время разговора в библиотечном зале. Владимир Владимирович окинул взглядом «круглый стол», не увидев меня, подозвал своего помощника и что-то шепнул ему на ухо. Стали искать меня, но не нашли. Звонить и вызывать не стали — слишком жесткой была программа пребывания Президента РФ на Дону. Он улетел, мы так и не пообщались.

Я узнал о желании Владимира Владимировича поговорить со мной в тот же день, но было поздно что-то исправлять. Поэтому опять разволновался, но теперь уже из-за чувства собственной вины. Понял, что погорячился, не настоял. «Ну недосмотрели люди из ближайшего окружения Президента, ответственные за протокол, — думал я, — бывает. Их тоже понять можно. Не исключено, что работают недавно, опыта не нажили, а я вспыхнул, обиделся, как студент-первокурсник. Не к лицу это человеку моего положения. А он, оказывается, хотел встретиться, потолковать и об обстановке в регионе, и о наших военных делах. А я его подвел…»

Второй случай, который меня покоробил, произошел в

Адлере, в аэропорту. Я прилетел чуть раньше Владимира Путина, чтобы встретить Верховного главнокомандующего, но охрана опять меня не пропустила.

— Но я же не посторонний, я генерал Трошев, командующий войсками военного округа. Я там должен быть!

Молодой парень в черном костюме, с пистолетом и наушником был неумолим: дескать, ничего не знаю, вас в списках нет, отойдите отсюда. Мои просьбы сообщить по рации старшему охраннику ни к чему не привели. Правда, чуть позже он сказал:

— Вы извините, товарищ генерал, но у меня служба. А за людей, которые создают вот такие унизительные проблемы для вас, мне очень стыдно, — и опустил глаза.

Я молча пожал ему руку.

В общем, я простоял вместе с водителями служебных машин на обочине аэродрома. Они с сочувствием посматривали на меня (от чего мне было еще обиднее), а я — в сторону самолета Президента РФ. Там Владимир Владимирович здоровался и разговаривал с полпредом В. Казанцевым, с губернатором А. Ткачевым, с мэром города и еще множеством чиновников различного уровня. А про меня никто не вспомнил и не заступился, не протащил сквозь охрану. В тот день круг моего общения составили шоферы служебных легковушек. Хорошие ребята эти водители: анекдоты рассказывали, успокоили меня очень тактично, даже развеселили. Но все равно в Ростов я улетел с неприятным осадком в душе. С Верховным тогда я так и не встретился, хотя Устав обязывает, да еще самолет керосин спалил зазря.

Для непосвященного читателя вынужден оговориться, что все эти страсти-мордасти с охраной и тоннами топлива для перелета — не личные амбиции Трошева, не желание покрутиться на глазах у лидера страны и засвидетельствовать свое почтение, не жажда потренировать позвоночник в прогибах перед начальством. Речь идет о том, что мне как командующему по Уставу положено (!) встречать Верховного главнокомандующего на территории вверенного мне военного округа. Служебная обязанность у меня такая. И если я ее не выполняю, то меня должны наказать. Это во-первых. А во-вторых, мне как военачальнику, который нес прямую ответственность за то, что происходило в Чечне и вокруг нее, который руководил воюющими войсками (а кроме того еще и участвующими в ликвидации последствий бесконечных стихийных бедствий на юге страны) всегда (!) есть о чем доложить Президенту — Верховному главнокомандующему. Причем поводы для разговора и проблемы, решение которых нужно докладывать и согласовывать с первым лицом государства,

как правило, более серьезны и актуальны, чем у многих гражданских чиновников, зафиксированных в протоколах президентских встреч.

И пусть не обижаются на меня, к примеру, те же мэры городов, но (ей-богу!) неужели их проблемы важнее тех проблем, которые решали в тот момент военные?! Я понимаю: другое дело, когда нет войны, когда все спокойно в регионе, когда армия занимается плановой боевой подготовкой, озабочена лишь строительством строевых плацев и подготовкой к парадам… Но ведь война шла! Пусть не широкомасштабная, специфическая, но она же шла — рвались мины, гибли люди… И в такой обстановке Президент страны прилетает в неспокойный регион, его встречает мэр маленького благополучного курортного городка, а командующего воюющими войсками держат за забором из плечистых охранников на расстоянии пушечного выстрела от Верховного главнокомандующего! Парадокс. Уму непостижимо. Такие несуразицы даже далекому от политики и армии человеку очевидны.

К слову, всегда (!), как только я, презрев протоколы, правдами и неправдами прорывался к В. Путину, у него находился повод со мной побеседовать.

— Геннадий Николаевич, нам с вами нужно переговорить, — пожав руку, говорил Владимир Владимирович.

Я кивал головой, пристраивался к свите и ждал своей очереди.

А однажды (это было именно тогда, когда губернатор Краснодарского края Александр Ткачев пробил брешь для меня в толще охраны) Президент, увидев меня на аэродроме и поздоровавшись, сразу отвел в сторону, и мы стали обсуждать ряд актуальных вопросов. А вся большая группа сопровождавших и встречавших его лиц терпеливо топталась у самолета в ожидании конца нашего разговора тет-а-тет.

Оказывается, нужен был я В. Путину в тот момент. Причем срочно. А меня не хотели пропускать!

Высказывая все эти претензии к протоколу, я не называю конкретные фамилии не потому, что боюсь кого-то обидеть, навлечь на того или иного чиновника гнев начальства и тем самым, возможно, спровоцировать ссору с сотрудниками администрации Президента РФ. Я действительно не знаю механизма составления протокола и тех, кто за это отвечает. Я в самом деле не понимаю, почему один человек (вроде бы ответственный за протокол) звонил мне и вызывал на встречу с Путиным, а другой (тоже вроде бы ответственный) мою фамилию в какие-то списки не вносил, и я оказывался за бортом — летел за

сотни километров в другой город, чтобы послушать, как шоферы анекдоты травят.

Я знаком со многими людьми из ближайшего окружения Президента. Все они по отношению ко мне проявляли явное уважение и даже дружелюбие. Не было случая, чтобы, увидев меня, не подошли поздороваться, поинтересоваться служебными и личными проблемами. Да так оно и должно быть всегда. Общее дело делаем…

Свои претензии по поводу описанных выше протокольных заморочек я никому до поры до времени не высказывал. Но не могу не вспомнить разговор с одним из заместителей главы администрации Президента:

— Понимаете, — сказал я ему, — все эти «мелочи», если они накладываются одна на другую, формируют настроение, настрой и даже отношение. Вот при Борисе Николаевиче Ельцине, например, командующие войсками округов ко всем государственным праздникам получали поздравительные открытки за его подписью. Как говорится, мелочь, а приятно. Теперь нас Верховный не поздравляет. Я далек от мысли, что раз открытку не послал, значит, мы ему не нравимся. Но в совокупности с другими деталями взаимоотношений это невольно наводит на мысль: может, что-то не в порядке?..

Он, в принципе, со мной согласился. И со временем открытки от Верховного главнокомандующего я стал получать. Видимо, он до Президента довел наш разговор (а может даже не до него, а до того чиновника, которому самому положено было это делать, без напоминаний и подсказок).

Чтобы взыскательный читатель не фыркнул: дескать, Трошев из-за открытки обиделся, я упомяну здесь еще один момент, чтобы четче просматривался общий фон, на котором рождались мысли о «мелочах».

Однажды возвращаюсь поздно ночью домой из командировки. Лариса (супруга) спрашивает:

— Обращение Путина слышал?

— Какое обращение? Я только что с аэродрома.

Она мне стала объяснять. К тому же телевизор включила, когда сюжет заканчивался. Многие детали упущены. В общем, я понял, что было обращение Президента к народу по одной из важных проблем. Ладно, думаю, завтра все выясню из утренних теленовостей.

На следующий день сразу косяком пошли созвоны с Генштабом и Минобороны по разным служебным вопросам. Пока разговаривал, в приемной народу набилось, как сельди в бочке — нужно срочно решать массу проблем. Короче говоря, одним

глазом косился на телеэкран, другим — в бумаги, одним ухом слушал телекомментаторов, другим — посетителей. В общем, опять не уловил многих нюансов обращения. Только к вечеру, получив газеты, стал разбираться в сути проблем, поднятых Президентом, и то в изложении журналистов…

Подобных примеров «связи» командующего с лидером страны — множество. И это при том, что среди публики, перед которой выступал Президент, — масса людей, которые запросто могли бы узнать мнение В. В. Путина и в телевизионном варианте. Ничего бы не потеряли. А вот я потерял. Не узнал многие нюансы и акценты.

На эту тему я высказался однажды в беседе с Президентом.

— Владимир Владимирович, — говорю, — там иной раз в зале перед вами сидят бизнесмены средней руки, чуть ли не фермеры (пусть они не обижаются, при всей важности их работы), но нет людей, напрямую обязанных вас слышать, видеть вживую, а то и в обсуждении вопросов участвовать. Ведь мы, командующие (нас шесть человек всего!) — в значительной степени олицетворение федеральной власти на местах. Конечно, мы не единственные в регионах, но тем не менее. А нас напрочь перестали звать в Москву… Командующие не просятся на каждое совещание к вам в Кремль — у них такой возможности-то нет. Однако на знаковые мероприятия, проводимые Президентом, командующих стоило бы приглашать. А то мы порой, как шпионы, газеты анализируем и выслушиваем как минимум трех телекомментаторов с разных каналов, чтобы вывести среднее арифметическое и максимально приблизиться к истине: что, как, зачем и кому вы говорили…

Президент со мной согласился.

Вообще же хочу заметить, что Владимир Владимирович умеет слушать и слышать. Не помню случая, чтобы он кого-нибудь грубо обрывал, мешал сделать доклад или высказаться по сути вопроса. Я уже упоминал об этом качестве, когда рассказывал о совещании в Махачкале летом 1998 года. Позже, в Ростове-на-Дону, в штабе округа, мы с генералом Казанцевым докладывали ему свои варианты решений по «чеченской теме». Он только один раз перебил, сделав это очень тактично. Попросил прощения, что перебивает, но задал такой вопрос, ответ на который требовался немедленно и мог изменить всю логику доклада и, соответственно, выводы.

Впрочем, ничего удивительного в такой манере поведения нет — В. Путин прекрасно понимает, что люди военные лучше кого бы то ни было знают обстановку в республике (тогда еще проводились масштабные боевые операции), им виднее, к их

предложениям нужно относиться внимательно…

Кстати, по поводу такта.

Как-то в Астрахани Президент, находясь там в рабочей поездке, в один из моментов сказал мне: нужно обговорить один вопрос. И вот мы в резиденции губернатора Астраханской области Анатолия Гужвина (к сожалению, ныне уже покойного). Я настраиваюсь на беседу с Верховным главнокомандующим. Слегка нервничаю, роюсь в своей папке с документами, потому что в таких случаях всегда хочется иметь под рукой какую-нибудь шпаргалку (мало ли о чем спросит). Хотя у Путина нет этой манеры — устраивать какому-либо должностному лицу экзамен по арифметике.

— Цифр пока не надо, Геннадий Николаевич. Это после, если понадобятся, — не раз говорил он. — Главное — идея, замысел…

Но все равно по привычке, выработанной годами, я всегда старался запастись опорными документами. Меня пригласили, когда я уже наскоро успел пробежать глазами основные бумаги (как позже выяснилось, совершенно ненужные мне в тот момент).

В кабинете губернатора Владимир Владимирович находился один. Гужвина не было. Мы стали беседовать. Разговаривали минут десять, обсуждая крайне важный вопрос. И тут постучался и вошел Анатолий Петрович, чтобы доложить Президенту по вопросу, поставленному накануне.

Договорить мы с В. Путиным не успели, Гужвина прервал меня на полуслове, и в той ситуации я не знал, как быть: то ли продолжать речь, то ли сделать паузу. Двусмысленность положения усиливалась тем, что Анатолий Петрович явился не по своей воле — Президент попросил его прояснить какой-то вопрос и доложить, что тот и сделал. Во-вторых, мы находились в личном кабинете губернатора, то есть как бы в гостях. В-третьих, Гужвин, хоть и гражданский человек, но занимает важный державный пост, прекрасно понимает, что такое военная и государственная тайна.

Владимир Владимирович мог бы его попросить подождать за дверью — Гужвин все бы понял и вряд ли обиделся. (Хотя, конечно, ему было бы неприятно. Как и всякому человеку, при котором явно секретничают.) Президент мог бы также дать мне понять, что разговор стоит продолжить и при губернаторе, что тоже было бы естественным. Но тогда в неловком положении оказался бы я. Дело в том, что обсуждали мы очень деликатную тему, а некоторые вопросы касались только нас, военных.

Все эти соображения пронеслись в моей голове за считаные секунды. Я замялся, не знал, как быть. И тут Президент незаметно для губернатора глянул на меня и приложил палец к губам. Мол,

перенесем разговор на потом. Я облегченно вздохнул. Ситуация разрешилась наилучшим образом. Гужвин доложил свое, а я тут же откланялся и вышел из кабинета.

Иду по коридору и думаю: это же надо, как он ситуацию разрулил! И губернатор не в обиде, и я избавился от необходимости лавировать в разговоре, и время у меня теперь есть, чтобы хорошенько подготовиться ко второй серии разговора… Путин проявил себя и в этом случае человеком тактичным и даже деликатным…

Само собой разумеется, основное содержание моих встреч и бесед с Верховным главнокомандующим не может быть вынесено на обсуждение широкой публики по вполне понятным причинам. Вопросы и проблемы, которые мы решали, возможно, навсегда останутся тайной. Что вполне закономерно. Поэтому пусть читатели меня простят за немногословие или витиеватость описаний некоторых моментов и не судят строго. Я лишь то могу рассказать, что могу.

Одной из проблем на юге России была ненадежность прикрытия государственной границы, а отсюда возникал вопрос передислокации некоторых частей. Никто уже не сомневался, что на территории Грузии находятся банды террористов и что не сегодня, так завтра они будут пытаться прорваться на территорию Чечни.

Верховный главнокомандующий давно был обеспокоен этой проблемой. По данному вопросу он консультировался и с министром обороны РФ, и с начальником Генштаба… В конце концов дошла очередь и до меня. Мое мнение оригинальностью не отличалось. Я тоже считал, что передислокация нужна. Налицо был явный дисбаланс: в отдельных регионах наблюдалась переизбыточная концентрация войск (например, в Северной Осетии), в других же субъектах Федерации — вообще ничего (несколько военкоматов не в счет).

То тут, то там бандиты начали прощупывать границу, в том числе и через те участки, где в глубине территории или вовсе не было войск, или силы были явно недостаточны для блокирования и уничтожения бандитских отрядов. Участок российско-грузинской границы, проходящий по территории Чечни, террористами был уже проверен и изучен в достаточной степени и не обещал ничего хорошего для успешного прохода. Теперь они готовились прорываться в других местах. События под Галашками (в Ингушетии) в сентябре 2002 года подтвердили наши опасения.

Короче говоря, передислокация назрела сама собой. Уже много лет, несмотря на войну в Чечне и военную реформу, ничего подобного не происходило. Но как отнесутся к этому

республиканские лидеры и местное население? Вот в чем был вопрос.

Я уже рассказывал, какой политический скандал и вооруженный конфликт возник, когда я попытался провести военную колонну через территорию Ингушетии. (Это было еще в первую чеченскую кампанию.) Даже люди погибли. А что будет сейчас? Над этим думал я, думали в Генштабе и Минобороны, думал и Президент страны.

И вот совещание в Сочи. Присутствовали главы администраций всех субъектов Федерации Юга России. Были приглашены и силовые ведомства. В. Путин всех представил и попросил участников внимательнейшим образом отнестись к тому, что будут говорить командующий войсками СКВО и другие военные. Я высказал свое видение ситуации и свои предложения. Выступили и региональные лидеры. В общем, разговор состоялся серьезный и взаимозаинтересованный.

Когда совещание закончилось (было это в «Бочаровом ручье»), все вышли прогуляться и перекурить. И тут меня пригласили к Владимиру Владимировичу. Он находился в цокольном этаже, в зале с низкими потолками. Вместо одной стены зала — широкое окно с морским пейзажем. Когда я вошел, Президент стоял в задумчивости и смотрел на море. Услышав мои шаги, быстро повернулся и подошел.

— Вот видите, Геннадий Николаевич: мы с вами долго судили-рядили, с какой стороны подъехать к руководителям субъектов, а они сами стали просить, чтоб на их территории войска разместили…

Итоги совещания радовали В. Путина не меньше, чем меня.

Кстати, на территории Ингушетии решено было посадить мотострелковую часть. Вопросы по месту ее дислокации и обустройству Верховный главнокомандующий попросил периодически ему докладывать. «Держите это на личном контроле, Геннадий Николаевич. Это очень важно», — подчеркнул Путин.

По данному вопросу я около трех часов беседовал с президентом Ингушетии Муратом Зязиковым. Специально прилетал к нему и самолет посадил на аэродроме в станице Слепцовской, где с 1994 года не приземлялся ни один военный самолет, словно Ингушетия была не в России! Теперь обстановка изменилась. Вот что значила смена руководителя республики.

Решено было вначале посадить на новом месте одно подразделение, которое взялось бы за обустройство военного городка, а затем перевести сюда и всю часть. Зязиков пообещал помочь в этом деле. И не только материально. Чтобы

соответственно подготовить местное население, он планировал даже официально обратиться к народу республики. Короче говоря, дело пошло. Обо всем этом я доложил Верховному главнокомандующему.

Кстати, о докладах. Поскольку военные вопросы В. Путин всегда держал на контроле и старался глубоко вникать в суть армейских дел, не раз звонил мне напрямую (минуя Минобороны и Генштаб) и интересовался проблемами. Я, как положено, докладывал. Но это порой раздражало некоторых военачальников в Москве.

— Ты чего Президенту звонишь через мою голову? — задавал мне иной раз вопрос мой старший начальник.

— Я ему не звонил, он сам на меня вышел, — объяснялся я, но чужого раздражения тем не менее снять не мог.

Увы, такова наша армейская жизнь. Строгая субординация не всегда вписывается в рамки, а иногда даже провоцирует недоразумения.

Еще о недоразумениях (касательно взаимоотношений военачальников). Однажды в это вмешался и Верховный главнокомандующий. Было это в период активных боевых действий в конце 1999 — начале 2000 года. Из-за некоторых шероховатостей в управлении действиями западной группировки войск обострились отношения между Казанцевым и Шамановым (об этом я частично писал). Поползли слухи о снятии Шаманова, о ссорах между генералами. Вплели туда же и меня. Все это просочилось в прессу. Короче говоря, пошла гулять сплетня по селу. И В. Путину журналисты стали задавать вопросы.

— Мы боевыми генералами не разбрасываемся, — коротко ответил он.

И как-то все само собой успокоилось. Дескать воюйте, ребята, спокойно, никто никаких разборок устраивать не будет.

Это было правильно. На войне никогда ничего гладко не проходит. Как правило, без столкновения мнений и характеров не обходится. Что ж, по каждому спорному моменту комиссии из Москвы для разборов высылать? В свое время это даже скорый на расправу Сталин на второй год Великой Отечественной войны понял. Поначалу гонял Мехлиса по фронтам для экзекуций, а затем кое-чему научился и перестал всерьез воспринимать наветы этого армейского инквизитора. Больше того, многих уже сидевших из тюрем выпустил — всех подгребал, кто мог немца бить. Впрочем, не буду углубляться в прошлое. Факты общеизвестны. Другое дело, что не всегда усваиваем мы уроки истории. В данном случае глупости не повторили. И слава богу!

Говорю об этом еще и потому, что однажды сам оказался в

ситуации, грозящей серьезными последствиями. Не исключал я и так называемых оргвыводов. Речь идет о памятном для многих моем выступлении перед журналистами в Ханкале, когда я в эмоциональном порыве сказанул, что «бандитов надо принародно вешать». Господи, что тогда началось! Правозащитники и либералы готовы были, казалось, рвать меня на куски. Даже симпатизировавший мне Дмитрий Рогозин (он тогда в Госдуме занимался международными проблемами) высказался с осуждением:

— Ну Трошев же умный мужик. Как он мог такое выплеснуть, тем более публично?

Честно признаюсь: никто бы меня больше и строже не осудил, чем я сам. Клял себя за несдержанность, но слово не воробей. Что шум в прессе поднялся, я не удивился. Хотя странно было, что слова мои восприняты были так, будто я — опытный дипломат, который совершил роковую ошибку. Мне хотелось кое-кому сказать: «Ребята, я старый вояка, ветеран войны, а не ветеран дипкорпуса!»

Не буду кривить душой: меня, конечно, тревожило, как на мою несдержанность отреагирует В. Путин. Реакция не заставила себя долго ждать. На одной из пресс-конференций у него спросили впрямую обо мне, то есть о тираде, которую журналисты по всему свету разнесли.

— Трошева можно понять, — коротко ответил Президент.

И все. И разговоры потихоньку смолкли. А ведь многие надеялись, что Верховный главнокомандующий снимет меня с должности. Нет, простил, потому что чувствовал, по всей видимости, состояние моей души.

Как бы то ни было, но история эта послужила мне хорошим уроком. Надеюсь, и для многих других будет поучительна. Дело в том, что некоторые военные люди считают: мы, дескать, народ фронтовой, грубый, нам политес ни к чему. В общем, козыряют даже этим. Потому что чувствуют: простой публике нравится эдакая окопная замшелость, гусарская лихость и тому подобное. В этом есть даже что-то экзотическое. Такой настрой офицеров затягивает, к нему привыкаешь.

А потом вдруг возникает ситуация, когда ты становишься фигурой политической: на тебя смотрят не только как на военного, но и как на представителя государства, реализующего его генеральную линию. Это, кстати, зависит не только от больших погон и высокой должности. Какой-нибудь наш молоденький лейтенант в Таджикистане или в Абхазии — в том же положении, что и я был в Чечне. И вдруг каждое твое слово, поступок, даже жест начинают восприниматься окружающими как

позиция или облик всех Вооруженных Сил, а то и страны. А ты не готов к этому внутренне, не настроился. В общем, здесь ухо надо держать востро. Простая небрежность, несдержанность — и готов международный скандал. И попробуй потом оправдаться: я, дескать, фронтовой рубака, а не военный атташе.

Двести лет назад герою войны с Наполеоном атаману Платову прощали все: и грубые манеры, и пьяные загулы с прусским полководцем Блюхером… Наоборот, Европа задыхалась от любви к матерому русскому казаку. Британская королева в его честь прием устроила. Но времена изменились. Теперь Европа со своими ОБСЕ и Европарламентами за каждую мелочь к нам цепляется. Да что Европа, и своих ревнителей военных нравов в Чечне хватает. Что уж обо мне говорить! Самому В. Путину досталось. Вспомните, как однажды накинулись на нашего Президента, когда он на пресс-конференции резко ответил на хитрый вопрос французского журналиста (история с обрезанием). Кто-то тогда заступился за него, сказав: «Какой вопрос — такой ответ».

Пользуясь случаем и не боясь обвинений в подхалимаже, я тоже задним числом хочу защитить своего Верховного главнокомандующего от досужих обвинений. В свое время он сказал: «Трошева понять можно»… Теперь и я говорю:

— Путина понять можно.

Кто хотел понять, давно все понял. И про двойные стандарты, где есть «хорошие» террористы, а есть «плохие», и про «мирное население», с которым якобы воевала в Чечне армия, и про Масхадова, который к «Норд-Осту» вроде отношения не имел, но почему-то за месяц до захвата террористами центра записал на видео предупреждение о готовящейся его людьми спецоперации в Москве…

Понятно, что В. Путина вся эта либерально-бандитская брехня просто достала. Да, я утверждал и доказывал, что наш Президент — человек вдумчивый, сдержанный, тактичный. Но ложь он не терпит: ни из уст европейских и отечественных полит-адвокатов, обеляющих бандитов, ни из уст российских чиновников, не способных справляться с порученным делом.

— Не обманывайте! — обращался он к функционерам на совещаниях. — Сообщите реальные данные! Не завышайте, но и не занижайте цифры! Скажите правду, чтобы можно было понять, как исправлять ситуацию…

Было это не единожды — по поводу целой череды стихийных бедствий, обрушившихся на Юг России в 2002 году. Информация о ликвидации последствий наводнений была, мягко говоря, противоречивой, и Владимир Владимирович прилетел

разбираться лично.

Я редко его видел таким. В свитере, в курточке болоньевой… Был строг и спрашивал дотошно. Тут уж не до идей и замыслов, требовались конкретные цифры.

— Докладываю: округ выделил более четырех тысяч человек на аварийные работы, большая часть инженерных войск со специальной техникой задействована, руководит работами генерал Красников, восстановили столько-то мостов, столько-то дорог…

В. Путин слушает молча и кивает головой.

— …Кроме того, — добавляю я, — офицеры собрали несколько миллионов рублей и передали пострадавшим, на днях отправили колонну «КамАЗов» с вещевым имуществом для тех, кто остался гол и бос, провели субботник и воскресник, личный состав работал безвозмездно на тех участках, которые согласовывались с руководителями пострадавших регионов.

Президент смотрит на С. Шойгу. Тот признается:

— Без армии МЧС в одиночку не справилось бы…

Путин кивнул головой. Но на этом не кончилось. Когда в вертолете на небольшой высоте стали облетать зону бедствия, еще дважды подзывал меня к себе и, глядя вниз — на последствия стихии, спрашивал, что еще войска могут сделать, чтобы помочь людям.

Приземлились в поселке, который А. Черногоров (губернатор Ставрополья) решил показать Президенту как образцовый. Вышли из вертолета. Кругом грязь непролазная. Дома, правда, стоят, но дороги даже не насыпаны — дренажа нет.

Путин в своих ботиночках, почти не глядя под ноги, порулил прямо по чавкающей грязюке. Мы все (человек десять прилетевших плюс местное руководство) — за ним. С. Шойгу и А. Черногоров, жестикулируя, комментировали и показывали результаты. А вокруг люди, женщины плачут, кто-то приветствует Президента, кто-то жалуется на местную власть, кто-то благодарит. Владимир Владимирович к людям подходил, отвечал на приветствия и вопросы. Но долго не задерживался, хотел увидеть побольше своими глазами. Увидел…

В конце концов помрачнел. Хотел высказаться, но при людях сдержался. А ведь мог разнос учинить публично. Народ это любит — когда царь бояр стегает. Но Президент только челюсти сцепил и желваками заиграл. Зато так посмотрел на С. Шойгу и А. Черногорова, что даже у меня спина похолодела…

— Если вы мне показали лучшее, то как же тогда выглядит худшее?! — спросил позже на совещании.

А уж энергетику, который предложил повысить тарифы на

электроэнергию, досталось по полной программе.

— Вы в каком государстве живете?! Вы на общей беде нажиться, что ли хотите?! — в упор посмотрел на чиновника Президент, и все присутствующие нервно засуетились.

Спустя время под раздачу попал А. Ткачев (губернатор Краснодарского края).

— Вы будете виноваты, — обратился к нему В. Путин на совещании, озвучив проценты сделанного в крае, — я с вас спрошу!..

Сидя на этих совещаниях, глядя, как жестко Президент разговаривает с ответственными должностными лицами, я им сочувствовал. Сам-то, хоть и отчитался за свою работу, тоже мог попасть под горячую руку. В то-же время я понимал, что по-другому в такой ситуации нельзя. Сам грешен. У нас в армии разносы покруче. Вояки — народ в этом смысле закаленный. А здесь, наблюдая за некоторыми участниками совещания, невольно в душе жалел их.

Еще о жесткости Президента.

Помню разговор, который состоялся в моем присутствии. Владимиру Владимировичу доложили, что один из глав администрации, на которого завели уголовное дело, двух прокуроров снял.

— Впервые такое слышу, — изумился Президент и распорядился разобраться.

На следующий день должность этого главы администрации уже освободилась. Я мысленно поаплодировал Владимиру Владимировичу и вспомнил, как чеченцы — жители тех районов, которые освобождали войска нашей восточной группировки, зимой 2000 года пришли ко мне со списками и подписями в поддержку В. Путина (он тогда исполнял обязанности Президента РФ).

— Передайте ему, чтоб Президентом становился. Порядок нам нужен. Надоело всем это бандитство… Путин может порядок навести. Мы ему верим…

Я пообещал, что списки и письма передам.

Однако закончить эту главу хочу не рассказом о требовательности и взыскательности Владимира Путина, а примером иного порядка, высветившим и другие черты Верховного главнокомандующего.

В 2001 году Владимир Владимирович посетил с рабочим визитом Кабардино-Балкарию, республику, в которой прошло мое детство, где и сегодня живет моя мама, где похоронен отец. Программа его пребывания была очень насыщенной — мероприятий много. И вот в один из моментов Владимир

Владимирович говорит Кокову (Президенту Кабардино-Балкарии, ныне уже, к сожалению, покойному):

— Валерий Мухамедович, насколько мне помнится, в этом районе живет ваша мама. — (видимо, кто-то из близкого окружения Президента сказал ему про это). — Давайте навестим ее, мне кажется, что она рада будет этому.

Коков, не ожидая такого разговора, как-то растерялся, но тут же решительно пригласил В. Путина в гости.

Тут, как всегда, вынырнул человек из свиты:

— Невозможно, Владимир Владимировичу вас протокол, масса мероприятий, не успеем!

Я-то на себе испытал этот протокол. Действительно, жесткая вещь. Соблюдался он всегда строго. Но тут В. Путин ответил:

— Нет, протокол протоколом, но мать — это святое. Не могу не заехать, Валерий Мухамедович!

Я удивился.

Это было очень трогательно — приезд в село. Мать у Кокова — женщина пожилая, ей около 90 лет, ходить уже не могла… Сидит во дворе в кресле, насторожилась, когда услышала шум машин, а затем и голоса…

— Здравствуй, мама, — сказал Валерий Мухамедович, — я Президента Владимира Владимировича Путина к тебе привез.

Мать руки протянула, попыталась встать. Путин тут же поддержал ее, обнял… Родня во дворе аж прослезилась. У меня тоже сердце защемило.

Потом были разговоры. Односельчане пришли, хорошие слова говорили… Речь держали в основном старики — каждому лет под сто. Степенно общались, теплые слова говорили Владимиру Владимировичу. Он отшучивался. Гости улыбались. Хозяева звали за стол.

Все было просто и искренне.

Новая тактика

С завершением операции в Шатойском районе наши войска приступили к перегруппировке частей для выполнения разведывательных и поисково-розыскных мероприятий. В базовых районах велась подготовка войсковых маневренных групп (ВМГ), состоявших, как правило, из мотострелкового батальона и подразделений усиления. Кроме них в базовых районах располагались: батальон внутренних войск, артиллерийский дивизион, отряд спецназа, подразделения ФСБ и Минюста, досмотровые группы, занимавшиеся выявлением, задержанием (уничтожением) бандгрупп на труднодоступных участках местности, а также проверкой паспортного режима.

Отрядам боевиков не удалось прорваться на равнину. Они по-прежнему находились на территории Ножай-Юртовского, Веденского и Шатойского районов. Но, несмотря на разгром основных сил сепаратистов в горных районах, руководство незаконных вооруженных формирований предпринимало попытки восстановить единую систему управления разрозненными отрядами.

Наиболее боеспособными оставались боевые группы Ш. Басаева и Э. Хаттаба, укрывающиеся на заранее подготовленных базах, в схронах и пещерах.

Участились обстрелы блокпостов. Из-за несогласованности и отсутствия необходимых навыков попал в засаду и понес потери отряд (40 человек) из Пермского ОМОНа. Колонна совершала марш без разведки маршрута и организации взаимодействия с подразделениями внутренних войск и артиллерии. Управление велось по открытым каналам связи. Эти упущения и привели к беде. И такие примеры, к сожалению, не единичны.

В середине апреля наши войсковые маневренные группы приступили к спецоперации по поиску и уничтожению главарей и остатков бандформирований в юго-восточной части Чечни.

Уже к исходу 18 апреля 2000 года силами двух таких групп были блокированы села Верхотой, Верхнее и Нижнее Ца-Ведено, Первомайское. А в районе между населенными пунктами Центорой, Беной и Белгатой были окружены несколько разрозненных бандгрупп. Высадка тактических воздушных десантов в район Харачоя позволила перекрыть пути отхода (прорыва) боевиков.

Однако бандиты предприняли отчаянные попытки выйти из кольца и под видом мирных жителей рассредоточиться по равнинным районам. Они организовали несколько засад,

обстреляли наши блокпосты и военные комендатуры, тем самым пытаясь продемонстрировать свою дееспособность. Так, 23 апреля на южной окраине Сержень-Юрта боевики устроили засаду на колонну 51-го парашютно-десантного полка. И хотя в составе колонны было боевое охранение, артиллерийский корректировщик и авианаводчик, десантники понесли потери.

Обстрел начался в тот момент, когда голова колонны достигла блокпоста внутренних войск, а ее хвост еще находился в населенном пункте. Несколько групп боевиков одновременно открыли огонь по машинам с двух сторон, практически по всей длине колонны, поражая в первую очередь водителей и расчет зенитной установки (ЗУ-23–2). Нападавшие находились всего в 50 метрах от десантников, поэтому огонь артиллерии (которым управлял арткорректировщик) не имел высокой эффективности. Но самое главное — личный состав оказался не готов к внезапному нападению.

Тем не менее в ходе разведывательно-поисковых мероприятий обнаруживались и уничтожались бандитские базы, склады, схроны, изымалось большое количество оружия и боеприпасов. Вот характерные выдержки из донесений, которые буквально каждый день поступали в штаб Объединенной группировки войск:

— в Шатойском районе обнаружена хорошо замаскированная база экстремистов. В ней хранилось большое количество переносных зенитно-ракетных комплексов «Стрела»;

— авиация федеральных сил бомбовыми ударами уничтожила в Аргунском ущелье два опорных пункта и узел связи бандитов;

— в ходе спецоперации в районе села Коби Шелковского района убит М. Яхьяев — полевой командир, известный своей жестокостью и массовым похищением людей;

— в результате боестолкновения с бандгруппами в районе села Сержень-Юрт уничтожены и захвачены в плен больше двадцати боевиков, большое количество оружия и боеприпасов. Среди убитых — известный полевой командир А. Мовсаев.

А всего, почти за четырнадцать месяцев контртеррористической операции (по состоянию на 31 декабря 2000 года), потери противника, по нашим данным, составили:

— в живой силе — свыше 10 800 человек;
— танков — 10 единиц;
— БТР (БМП, БРДМ) — 35;
— реактивных установок — 6;
— самодельных пусковых установок — 12;
— орудий и минометов — 97;

— зенитных установок — 90;

— командных пунктов (штабов) — свыше 30;

— баз боевиков — более 500;

— складов оружия и боеприпасов (схронов, тайников) — свыше 430;

— объектов связи и радиолокационного наблюдения — до 270;

— минизаводов по переработке нефти — около 3,5 тысячи;

— автомобильной техники — свыше 1000 единиц…

Повторяю, это показатели на конец 2000 года. Без учета статистических данных по итогам контртеррористической операции в последующих годах.

Фактически к началу лета 2000 года, после разгрома банды Гелаева в Комсомольском, федеральные войска уже не вели широкомасштабных боевых действий. Экстремисты стали использовать партизанские методы ведения войны: обстрелы из-за угла, диверсии, подрывы, засады, минирование дорог. Поэтому на первую линию борьбы с бандитами в Чечне вышли правоохранительные органы, подразделения МВД, ФСБ, спецподразделения.

В мае 2000 года в Чечне была сформирована 42-я гвардейская мотострелковая дивизия, которой предстояло дислоцироваться в республике на постоянной основе. Однако боевой работы у военных уже было не так много. Постепенно налаживалась мирная жизнь. Причем активное участие в этом процессе принимали прежде всего силовики. Взять, к примеру, воинов-железнодорожников. С августа 1999 по март 2000 года они восстановили движение поездов на участках: Моздок — Червленная-Узловая (116 км), Червленная — Кизляр (82 км), Червленная — Гудермес (16 км), Гудермес — Ханкала (29 км).

За тот же период восстановлено 6 мостов, разминировано 671 км железнодорожного пути, обезврежено около 1000 взрывоопасных предметов. Военные железнодорожники создали все условия для транспортировки грузов на базу МЧС в Грозном для восстановления экономики Чечни.

В городах и селах возобновились занятия в школах, на полях все чаще можно было встретить трактор, комбайн, сенокосилку.

Заработали и институты власти. Главой администрации Чечни Указом Президента РФ был назначен Ахмат Кадыров. С ним я познакомился осенью 1999 года, когда войска восточной группировки освобождали от боевиков Гудермес.

Ахмат Кадыров. Штрихи к портрету

В апреле 1995 года в горах Чечни федеральными войсками готовилась широкомасштабная операция. Положение боевиков было сложным, их отряды несли огромные потери. Многие дудаевцы дрогнули. В бандформированиях начались разброд и шатания. Назревал военно-нравственный кризис.

Это почувствовали чеченские лидеры, в том числе и муфтий Чечни Ахмат Кадыров. Он собрал в одном из горных селений, еще не занятом федералами, всех полевых командиров и военно-политических руководителей республики. Как духовный лидер Кадыров объявил России джихад («священную войну против неверных») и заставил всех присутствовавших поклясться на Коране, что они будут биться с русскими до последней капли крови: победа или смерть, иного не дано.

Совещание в горном ауле скорее напоминало религиозное действо, чем военный совет. Отсюда и главный итог: участники сбора не разработали новых тактических планов ведения войны, а укрепились духовно. Что было, кстати, немаловажно для лидеров НВФ в тех обстоятельствах. Фактически первую скрипку сыграл Ахмат Кадыров — не военный человек, а муфтий. Он стал крестным отцом джихада. Его авторитет среди чеченцев (и до того солидный) теперь вырос невероятно. Он стал как бы духовным знаменем борьбы с Россией за независимость Чечни…

Ахмат-Хаджи Кадыров родился в Караганде (Казахстан) в 1951 году. В 1957 году его семья переехала в селение Центорой Курчалоевского района Чечено-Ингушской АССР.

С пяти лет Ахмат начал изучать ислам. Окончил Бухарское медресе и Исламский институт в Ташкенте. В 1989 году создал первый на Северном Кавказе Исламский институт и стал его ректором. У него было четверо детей и тринадцать внуков.

До конца 1994 года он не принимал активное участие в политической жизни Чечни. Духовной поддержки Джохару Дудаеву не оказывал. Открыто заявлял, что политика генерал-президента приведет к войне с Россией. Однако когда худшие прогнозы Кадырова сбылись, он осудил ввод федеральных войск в Чечню и публично объявил, что встает на сторону «борцов за независимость Ичкерии».

В 1995 году Кадыров стал муфтием Чечни. Казалось бы, должен радоваться. Во-первых, республика де-факто получила независимость, российские войска в декабре 1996 года ушли с ее территории. Во-вторых, он стал и реальным, и формальным духовным лидером Ичкерии. В-третьих, на выборах президента

Чечни победил Аслан Масхадов, чей успех на 80 процентов зависел от поддержки Кадырова. Фактически в президентском забеге победить мог любой кандидат, на кого указал бы муфтий. Народ верил ему безоговорочно. Короче говоря, Ахмат-Хаджи реализовал все свои планы и устремления, но радости от этого почему-то не прибавилось.

Кадыров вдруг засомневался в правильности выбранного им пути. Впервые это ощущение пришло, когда Ахмад-Хаджи застал Бориса Березовского в резиденции Салмана Радуева. В приемной (!) Салмана сидел Шамиль Басаев и терпеливо ждал очереди на собеседование с представителем федерального центра, прозванным в народе БАБом. Первым в списке переговорщиков для Березовского значился Радуев.

У Кадырова к Салману был свой разговор. Муфтий хотел потребовать от зятя Дудаева, чтобы тот отпустил милиционеров, захваченных в Дагестане рядом с чеченской административной границей. Федеральные войска уже покинули Чечню, и радуевский захват мог спровоцировать новую войну. Муфтий этого не хотел.

— А ты чего здесь? — удивился Кадыров, увидев гордого Басаева в «предбаннике» дома Радуева.

О вражде Шамиля и Салмана знала вся Чечня. Мало того, если Радуев Басаева ненавидел из-за тщеславия и зависти, то Басаев Радуева просто презирал, что еще хуже. Ненависть — сильное и в каком-то смысле высокое чувство, возвышает людей. А презрение — унижает. И тут — на тебе: Шамиль томится в приемной Салмана, дожидаясь, пока тот переговорит с Березовским.

Позже, на шариатском суде, прилюдно с клятвой на Коране Басаев признал, что приезжал к Радуеву и Березовскому за деньгами.

— Так ты воевал за свободу Ичкерии или за деньги?! — гневно вопрошал Кадыров, возмущенный тем, что чистое и святое дело борьбы за независимость испачкано зеленым цветом долларов Березовского.

Вопрос был, конечно, риторический. Ахмат-Хаджи уже окончательно понял, что война в Чечне была скорее коммерческой, чем какой-либо иной. Кадырову — идеалисту (в религиозно-философском смысле) — больно было это осознавать. До осени 96-го он не задумывался о финансово-политической подоплеке событий последних двух лет. Как духовное лицо специально дистанцировался от многих деталей политической жизни. Теперь же, невольно втянутый в распри светских лидеров Ичкерии еще в период президентской гонки, он понял весь ужас

чеченской «победы» после «Хасавюртского пакта».

Единый антироссийский фронт, который он в горном ауле благословил в апреле 1995-го, развалился подобно бильярдной пирамиде от первого же удара кия предвыборной президентской борьбы. Бывший вице-президент Чечни Зелимхан Яндарбиев (недолго вкушавший власть после смерти Дудаева) выборы проиграл и не смог достойно пережить поражения — решил выбиться хотя бы в лидеры ваххабитов. Впрочем, чего хорошего от него можно было ожидать, думал Кадыров, если пол-Грозного помнило Зелимхана при советской власти. В вечно грязном плаще, ошивающийся по пивным и за 25 копеек сочинявший стихотворные тексты на любые темы всем желающим.

Чего хорошего можно было ожидать от Мовлади Удугова — человека без роду без племени, которого родила на свет разведенная одинокая женщина неизвестно от кого (в Чечне это имело однозначную моральную оценку). Конечно, по мнению Кадырова, Удугову наплевать на республику и ее народ. Он тоже пошел параллельным Яндарбиеву курсом. А Радуев с его выходками умалишенного?! А Басаев с его жадностью к деньгам и крови?! А чужак Хаттаб, прижившийся в Чечне благодаря деньгам, за которыми к нему приходили почти все, включая даже Аслана Масхадова!..

Каждый из них тащил чеченский воз в свою сторону. До того рьяно взялись, что и колеса оторвали. Мало того что движения не было, телега разваливалась по кускам.

Больше всего огорчал Кадырова Аслан. Твердый и последовательный в недавних боях, он теперь стал мягким и безвольным. Пытаясь задобрить оппозицию, назначал своих противников на высокие государственные посты, которые тут же превращались в личные вотчины назначенцев.

Ахмат-Хаджи советовал Масхадову быть жестче с внутренними врагами.

— Не бойся Шамиля, — уговаривал он Аслана, — издай указ, объяви его вне закона, выгони из республики этого бесноватого Хаттаба!.. Народ тебя поддержит.

— Нет, — отвечал президент, вжавшись в роскошное кожаное кресло, как будто боялся, что соскользнет с него.

А ваххабиты наступали по всему фронту. Кадыров, посвятивший жизнь Всевышнему и исламу, возглавил борьбу с «раскольниками», подминавшими под себя отряд за отрядом, аул за аулом. «Точка кипения» пришлась на май 99-го года. Ахмат-Хаджи собрал всех антиваххабитски настроенных полевых командиров и официальных должностных лиц.

— Что будем делать? — спросил у присутствующих. —

Ждать, когда нас поодиночке перещелкают?

Договорились выступить единым фронтом, оставив за бортом инертного Масхадова. Даже на Коране поклялись. Но теперь, в отличие от весны 95-го, единства не получилось. Президенту доложили о «заговоре». Масхадов раскошелился (используя деньги англичан и Березовского) и перекупил часть полевых командиров. Единый фронт рухнул. 2 июля 1999 года Масхадов вызвал к себе Кадырова.

— Ты хочешь отнять у меня власть? — спросил президент в лоб.

— У тебя отнимать нечего. Ты уже давно без власти. Мы хотим другого: покончить с ваххабизмом, — ответил Кадыров.

— Кончай. Ты муфтий, вот и работай. А в мои сферы не лезь!

— Поздно, Аслан, тут одними молитвами делу не поможешь.

Продолжать разговор Масхадов не стал. Ушел он от ответа и после августа 99-го, когда ваххабиты вторглись в Дагестан. Кадыров публично осудил агрессоров и в последний раз встретился с президентом. Тот был крайне растерян, спросил:

— Что мне делать, Ахмат-Хаджи?

— Что тебе делать? У тебя остается последний шанс: публично осудить нападение бандитов на Дагестан, позвонить Магомедову (главе Дагестана) и извиниться, объявить Басаева и Хаттаба вне закона… Иначе — война. Русские через месяц будут здесь.

— Ничего, отобьемся, — напыжился Масхадов. — У каждого чеченца есть, как минимум, пистолет. И за этот пистолет, чтоб русские не отобрали, он жизнь отдаст.

— Аслан, ты плохо знаешь чеченцев, — с досадой покачал головой Кадыров. — В нынешних обстоятельствах пистолет не стоит человеческой жизни… Это будет другая война, не такая, как в 94–96 годах…

Масхадов ослушался муфтия. Больше того, встал на сторону Басаева и Хаттаба. А в октябре 99-го снял с должности Кадырова и… объявил его вне закона.

…Вспоминаю мою первую с ним встречу под Гудермесом, когда войска восточной группировки обложили город. На переговорах он вел себя сдержанно. Просил сделать все возможное, чтобы мы не разрушали Гудермес. Обещал помочь выдворить бандитов. Его слова не разошлись с делом. Ахмат-Хаджи ни разу за все время меня не обманул, ни на йоту не позволил усомниться в его намерениях. А намерения такие: сделать все, чтобы в республике воцарились мир и порядок, в том числе с помощью федеральной власти.

Я беседовал с Кадыровым часами. Встречались часто. Мне

нравилась его искренность, честность. Он не скрывал, что воевал в первую войну против федералов, не скрывал своего прежнего идеализма, не пытался скрыть невыгодной для себя информации.

Я видел, что Кадыров стремится к правде (в широком смысле слова). Я видел, что за ним стоит огромная масса людей — чеченцев из разных слоев общества. Я видел, что он — настоящий лидер, и духовный, и уже политический. Я видел, что он — наш союзник.

— Не боишься, Ахмат-Хаджи? — спросил я однажды. — Может, мы переправим твою семью в глубь России, от бандитов подальше?..

— Нет. Это моя родина. Люди должны знать, что я никого не боюсь. Пусть вон Масхадов боится и по норам прячется…

Я долго размышлял, оценивая личностные качества Кадырова, взвешивал все «за» и «против». Перебирал в памяти других известных людей Чечни. Пока наконец не принял решения. В конце весны 2000 года, согласовав вопрос с моим военным руководством, я написал Президенту РФ В. Путину докладную записку с предложением назначить Кадырова главой администрации республики. В июне вышел Указ. Ахмат-Хаджи стал официальным лидером Чечни.

С тех пор прошло немало времени. Было всякое. Но ни разу я не пожалел о том, что сделал по отношению к Кадырову. Выбор был правильным. Даже смерть Ахмат-Хаджи в теракте на грозненском стадионе 9 мая 2004 года лишний раз доказывает, насколько боялись его бандиты. Я очень сильно переживал гибель Ахмата. Увы, его не вернуть. Однако радует, что дело его и сегодня живет. То, что начал осенью 1999 года Ахмат-Хаджи, продолжили его единомышленники, а с 2007 года (уже в качестве президента республики) и его сын Рамзан. Но главное — этот курс поддержал народ Чечни, который всегда будет помнить своего духовного и политического лидера.

Указом Президента РФ от 10 мая 2004 года за мужество и героизм, проявленные при возрождении Чеченской Республики и в борьбе с терроризмом, Ахмату Кадырову присвоено звание Героя России (посмертно). На следующий же день Владимир Путин лично передал звезду Героя на вечное хранение сыну президента Чеченской Республики Рамзану Кадырову.

Что дальше?

В июле 2000 года Президент России вновь побывал на Северном Кавказе. На военном аэродроме в Моздоке я встречался с ним уже в должности не только командующего ОГВ(С), но и командующего войсками СКВО. В клубе одной из воинских частей Владимир Владимирович провел совещание с командованием Объединенной группировки войск и главами субъектов Федерации, входящих в только что образовавшийся Южный федеральный округ.

Говоря о положении дел в республике, Президент подчеркнул, что за минувшие девять месяцев в Чечне произошли кардинальные перемены. Мало кто представлял себе во время августовского вторжения бандформирований в Дагестан, что дальнейшие действия федеральных властей в регионе будут столь решительными. Сегодня уже вся мировая общественность отмечает происшедшие здесь позитивные перемены. Но мы должны по-прежнему быть настроенны на системную, слаженную, методичную работу — работу на длительную перспективу.

Президент выразил благодарность всему личному составу, принимавшему участие в этой тяжелой деятельности. Российские военнослужащие, без всякого преувеличения, проявили истинный героизм.

В то же время Владимир Владимирович открыто сказал о недостатках:

> «Некоторых потерь в Чечне можно было избежать. Для этого требовались дисциплина, ответственность, профессионализм. И от осознания того, что эти потери были необоснованными, становится еще печальнее…»

Президент поставил конкретные задачи «силовикам», еще раз подчеркнул, что не допустит нового «Хасавюрта»:

> «Те, кто предрекает сегодня повторение ситуации августа 1996 года, творят целенаправленную провокацию. Ко всему этому возврата больше не будет!»

Совещание длилось три часа. В зале было жарко, даже душно.

Некоторые постоянно смахивали со лба пот, эта деталь не ускользнула от внимания журналистов, некоторые новостные программы телевидения прокомментировали это по-своему: мол, Путин устроил генералам разнос. Но ничего подобного не происходило. Состоялся деловой, конкретный разговор. И критика была конструктивная, по существу, без «оргвыводов».

Ближе к полуночи на вертолете я возвращался в Ханкалу и думал о словах Путина. Нечасто доводилось общаться с Президентом, поэтому каждая встреча оставляла сильное впечатление, что-то особенно запоминалось. Вот и на этот раз, будто предвидя вопросы военных, он акцентировал внимание на том, что переговоров с бандитами не будет. Тем более что по некоторым газетам пошла гулять «утка» про замирение с террористами. Но в очередной раз Президент был тверд и решителен. И это не могло не радовать…

Вместо послесловия

На одной из площадей Грозного еще в 1970-е годы был воздвигнут памятник — скульптурная группа: плечом к плечу стояли русский, чеченец и ингуш — Николай Гикало, Асланбек Шерипов и Гапур Ахриев. В народе сразу прозвали это место «площадью трех богатырей». В монументе, по замыслу авторов, должна была воплотиться память о легендарных героях революции и Гражданской войны, а также символ дружбы народов многонациональной страны. И что бы ни говорили о тех временах — любой, кто жил в 1950–1980-е годы в Грозном (в том числе и я), наверняка скажет самые добрые слова об этом городе и о населяющих его людях. Они никогда всерьез не враждовали между собой и не могли представить то, что придется пережить их общей родине на переломе второго и третьего тысячелетий.

Многое пришлось пережить и мне самому. Как ни жутко это звучит, но я несколько лет воевал против своих земляков, воевал на родной земле…

Во второй половине 1990-х годов «площадь трех богатырей» словно возвратилась во времена Средневековья. На этом месте, рядом с памятником, при Масхадове существовал невольничий рынок. Здесь можно было продать или купить человека. Здесь, прямо на площади (у кирпичной стены), хозяева «независимой Ичкерии» проводили публичные расстрелы, карали «провинившихся» по законам шариата. О времена, о нравы!..

Война уничтожила памятник представителям трех народов. Но постамент остался. Может быть, монумент восстановят, а может, воздвигнут новый, в назидание нынешнему и будущим поколениям? Не знаю. Однако я верю, что уцелевший фундамент человечности никогда и никто не разрушит, даже война, оставившая глубокий след в душах людей.

Многие русские, чеченцы, армяне, евреи, которые покинули Грозный еще перед войной, запомнят свой город прежде всего мирным. Таким помню его и я. Ту тихую улицу недалеко от консервного завода, где ходил седьмой маршрут автобуса, двухэтажную школу, свой двор, увитый виноградной лозой…

В конце 1990-х — начале 2000-х годов мне пришлось увидеть другой Грозный — разрушенный, опаленный. В этом была и моя доля вины. Но я не жалею, что воевал здесь. Потому что думал о прошлом, как о желанном будущем. Я верил, что Грозный, да и вся Чечня, вернут себе добрую славу цветущей земли, где было место всем добрым людям разных национальностей и вероисповеданий. Я смотрел на развалины, но страшные картины

руин не смогли перечеркнуть мою добрую память. И о городе, и о людях, живших в нем.

Последний раз я побывал в Грозном летом 2007 года.

Те изменения, которые произошли за последние несколько лет, укрепили мою веру в хорошее будущее и города, и всей республики. Конечно, не всё разрушенное войной и бездарным руководством сепаратистов и экстремистов 1990-х годов сейчас отстроено и восстановлено. Однако на меня Грозный образца 2007 года произвел сильное впечатление. Новые дома, чистые улицы, заполненные разнообразными товарами магазины, отстроенные школы и институты, работающие предприятия — все это радовало взор и наполняло душу теплыми чувствами. Но главное, что бросалось в глаза, — люди, выражения их лиц. Возникло ощущение, что тут, в Чечне, никакой войны никогда не было. Степенные старики, нарядно одетая и улыбающаяся молодежь, красивые женщины с детьми, спешащие по делам мужчины… Казалось временами, что и следа от былых боев не осталось.

Однако мой взор невольно выхватил символичную деталь — деревья на улицах. Я помню их в дни войны: почерневшие от гари, нашпигованные осколками и пулями, с обломанными ветками, ободранной корой, без листвы (бои велись в основном зимой)… Они выглядели безжизненно.

Сейчас я увидел их другими — чуть выросшими, с кудрявой зеленой кроной. И только при ближайшем рассмотрении заметны были пулевые и осколочные шрамы на стволах. Кора их немного затянула, но следы еще виднелись. Знаю: пройдет совсем немного времени и шрамы на деревьях затянутся окончательно. Надеюсь, что точно так же затянутся «шрамы» и на душах людей, которым довелось пережить страшное лихолетье войны.

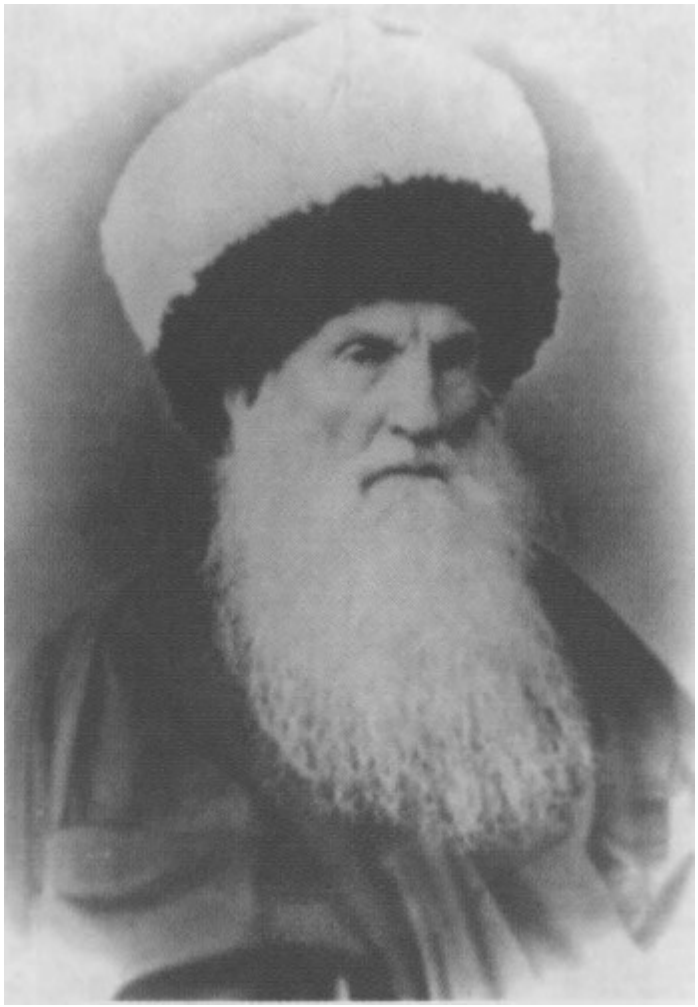
Иллюстрации

Засада в лесу. Гибель генерала Слепцова

Победитель грозного Шамиля генерал-фельдмаршал А. Барятинский

Герой Кавказской войны генерал от инфантерии А. Ермолов

Фрагмент картины Ф. Рубо «Сражение за аул Ахульго»



Шамиль. Около 1867 года. Фото Ф. Блюма

Командир «Беззаветной команды» Тенгинского полка (прообраза современного спецназа) поручик М. Лермонтов

Фрагмент картины Ф. Рубо «Сражение за аул Дарго»

Фрагмент картины Ф. Рубо «Живой мост». Чтобы протащить орудия, ров заполнили солдаты. По их телам проходили упряжки с пушками

Семья Трошевых. Как молоды мы были… 1975 год

Выпадали редкие часы, когда я мог себе позволить сменить «военную робу» на «цивильный пиджак» и немного побыть за праздничным столом с любимой женой…

Высший пилотаж для полководца — одержать победу без единого выстрела… После этого разговора с жителями Беноя бандиты, поджав хвосты, ушли из села (декабрь 1999)

Золотую звезду Героя России мне вручил Б. Ельцин за несколько дней до своей отставки (декабрь 1999)

Штандарт командующего я получил из рук начальника Генштаба генерала А. Квашнина (Ростов-на-Дону, 2001)

Проверка боем нового оружия. Справа — мой заместитель

генерал В. Баранов. В теракте на грозненском стадионе он был тяжело ранен

Генерал С. Макаров — участник двух чеченских войн. В 1990–1992 годах был командиром танкового полка в Шали

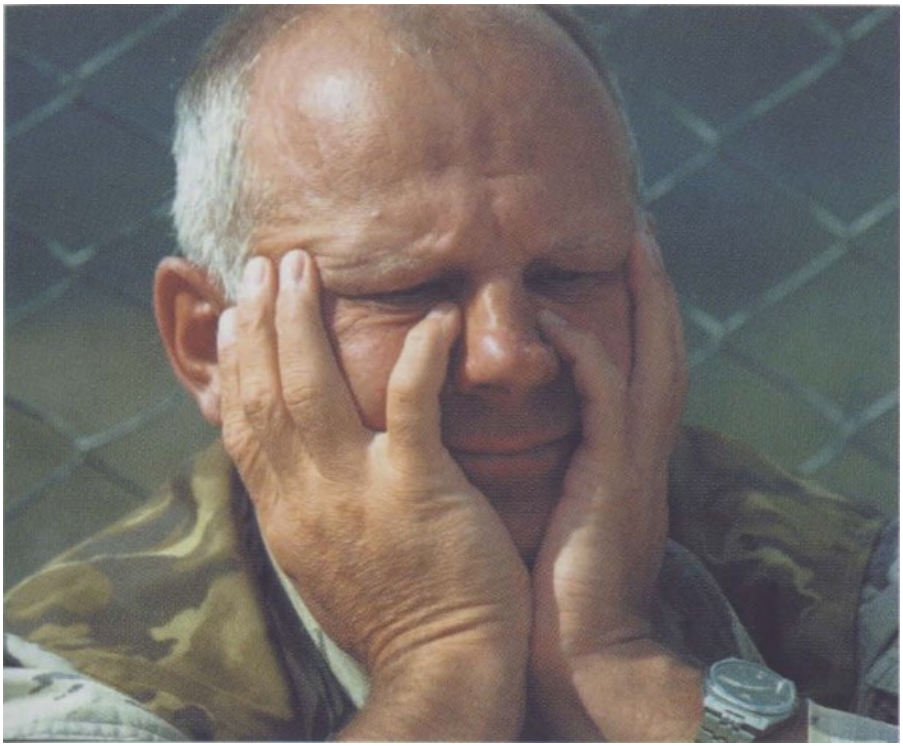
С губернатором Ростовской области Владимиром Чубом в окружном госпитале. Справа начальник медслужбы СКВО полковник Р. Ан (погиб при выполнении воинского долга в 2006-м)

На командном пункте в с. Кадар (справа зам. главкома Внутренних войск генерал В. Дадонов). Дагестан, сентябрь 1999

С Джабраилом Ямадаевым, средним из шести братьев. Он первым в те тревожные осенние дни 1999 года пошел на контакт с федералами, чтобы избавить свою республику от ваххабитов и террористов. Погиб в Дыше-Ведено в марте 2003 года. Посмертно ему присвоено звание Героя России

Ахмат Кадыров для сына Рамзана был и отцом, и учителем

Сердце генерала А. Отраковского не выдержало нечеловеческих нагрузок. Он умер в блиндаже, на переднем крае. Командовал морскими пехотинцами. Подчиненные любили его, как отца



Комбриг полковник В. Керский после разгрома бандитов в селе Карамахи (Дагестан, сентябрь 1999)

Полковник Ю. Эм командовал в Чечне десантным полком

Генерал М. Ашуров провел в горах Чечни не одну уникальную операцию с десантированием войск. Умер в 2007 году

Алену Свиридову наши ребята в Чечне принимали так, как Лидию Русланову на фронтах Великой Отечественной войны

Генерал А. Квашнин возглавил группировку наших войск в Чечне в самый трудный момент — 20 декабря 1994 года. И перемены к лучшему в войсках ОГВ почувствовали сразу же

Генерал В. Булгаков — настоящий «пахарь» войны

А. Лебедь в Хасавюрте. 1996 год

В адрес П. Грачева звучало немало критики, но он много хорошего сделал для армии

В отличие от первой чеченской кампании, во второй победа в информационной войне осталась за нами. На снимке (слева направо) журналисты С. Тютюнник, А. Минаков, Г. Алехин, В. Грунский в районе села Сельментаузен

С Ахматом Кадыровым в ходе второй чеченской войны мы встречались часто. Нам было о чем говорить. 2002 год

А. Куликов — не только боевой генерал, но и по-настоящему государственный человек, депутат Госдумы РФ

Первый президент Кабардино-Балкарской Республики Валерий Коков — мой старший товарищ и друг, с которым мы были знакомы более 20 лет. Умер в октябре 2006 года

«Летчик от бога!» — говорили о нем все, кто так или иначе был связан с авиацией. Главком ВВС, Герой России генерал армии В. Михайлов. Февраль 2004 года

Начальник штаба СКВО генерал А. Баранов с разведчиками. Сентябрь 1999

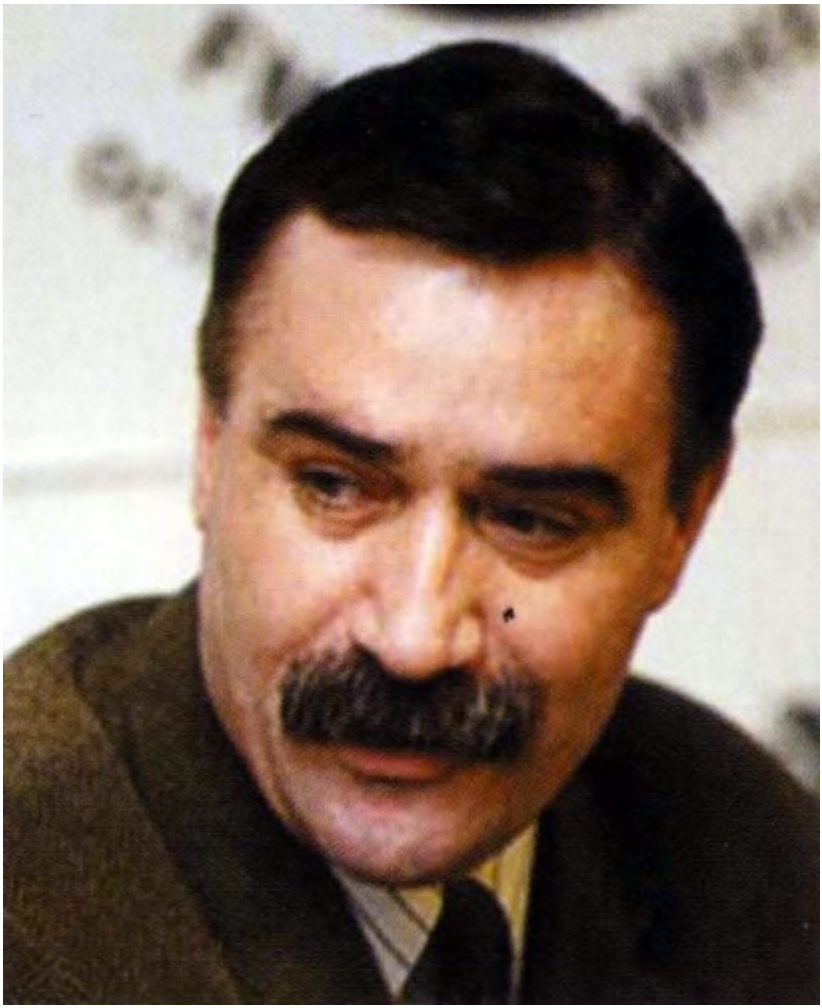
С генералом В. Шамановым многие офицеры считали за честь служить под одним знаменем. Справа генерал А. Вербицкий, в последние годы заместитель командующего войсками СКВО

Ни политические коллизии, ни удары судьбы не сломили генерала К. Пуликовского. Сегодня он возглавляет Ростехнадзор

Депутат Госдумы Иван Саввиди много доброго сделал для военнослужащих СКВО и в целом для армии. Но особенно неравнодушен он к судьбе армейского футбольного клуба СКА (Ростов-на-Дону)

С генералом Н. Федоряком нас связывали не только деловые отношения. И хотя мы были из разных силовых ведомств, как говорится, с ним бы я пошел в разведку. Полигон «Прудобой», август 2002 года

После очередного служебного совещания в Грозном. Рядом со мной — заместители военного коменданта Чеченской Республики полковник С. Цуев и Х. Ямадаев. Октябрь 2002 года



У Руслана Аушева свой взгляд на проблемы Кавказа

Джохар Дудаев попытался держать в кулаке не только Чечню. Уничтожен в апреле 1996 года

Салман Радуев (по кличке «Титаник») пошел ко дну с дурной славой (умер в тюрьме в 2001 году)

Эмир Хаттаб — одна из самых одиозных фигур среди террористов. Убийство было не только его профессиональным делом, но и призванием. Отравлен в апреле 2002 года

Мовлади Удугова называли чеченским Геббельсом

Зелимхан Яндарбиев успел побывать и поэтом, и полевым командиром, и даже и.о. президента «Ичкерии». Будучи изгнанником, погиб

Ахмет Закаев сейчас делает вид, что не замаран кровью. Однако в смутное для Чечни время был полевым командиром

Михаил Лабунец, Герой России, генерал-полковник ВВ МВД РФ — мой настоящий боевой товарищ. Мы воевали буквально плечом к плечу

Виктор Казанцев мог и подчиненным «дать прикурить»

В деле — «боги войны»

Это оружие было захвачено у бандитов

Бандитский арсенал теперь в наших руках

Прямой наводкой. Кадарская зона, сентябрь 1999 года

Работает «Утес». Его пули прошивали даже серьезно защищенные позиции противника

Вертолеты… Настоящие трудяги войны

Армия не только разрушала, но и строила. Например, железную дорогу

Не грусти, не печалься о встрече!..

О чем задумался, солдат?

Заслужил!

Такой ДОТ даже прямым попаданием снаряда не прошибешь. Дагестан, пос. Первомайский

Разведка скучает редко

Два бойца

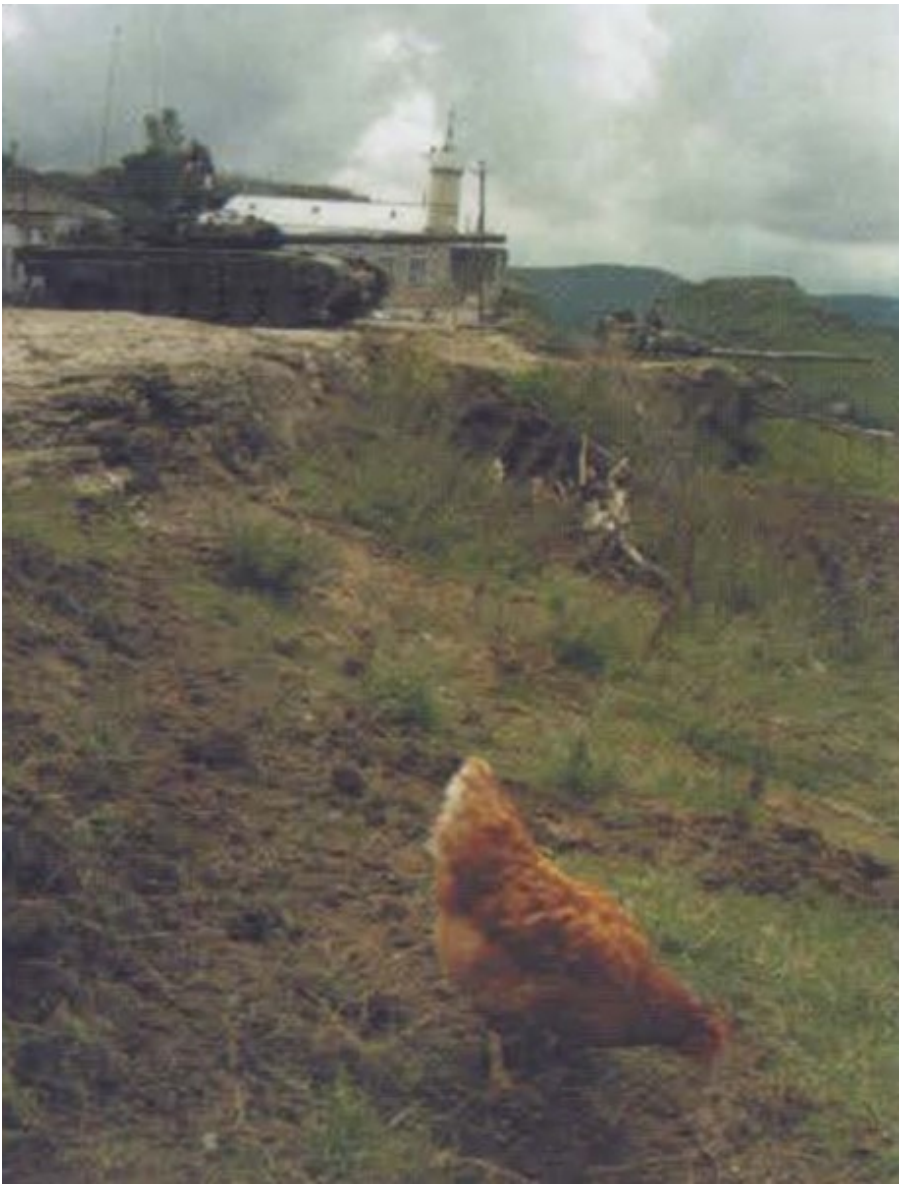
Подарки раненым в госпиталя посылали из всех уголков России

Фотография на память…

«И хорошее настроение…»

Город еще дымится, но по улицам уже можно гулять без страха

Это не просто фото — это пронзительный плакат. И каждый, кто задумает впредь развязать войну, должен представить на месте этой женщины свою мать



А жизнь продолжается…

Отсюда Родина виднее, чем с Останкинской телебашни

Еще один «клиент» следственного изолятора в Чернокозово

Враг на коленях

Арби Бараев (слева) — один из самых жестоких боевиков. Его ненавидели даже земляки-чеченцы. Уничтожен в 2001 году

Руслан Гелаев долго считался везунчиком, пока его не уничтожили наши пограничники (2004 год)

Даже на самого матерого хищника всегда найдется волкодав

Шамиль Басаев и Аслан Масхадов. Хоть и смотрели в разные стороны, а все же долгое время были вместе

Эти уже отвоевались. Село Комсомольское, март 2000 года

Еще один новый дом в обновленной Чечне

…Плюс электрификация всей республики

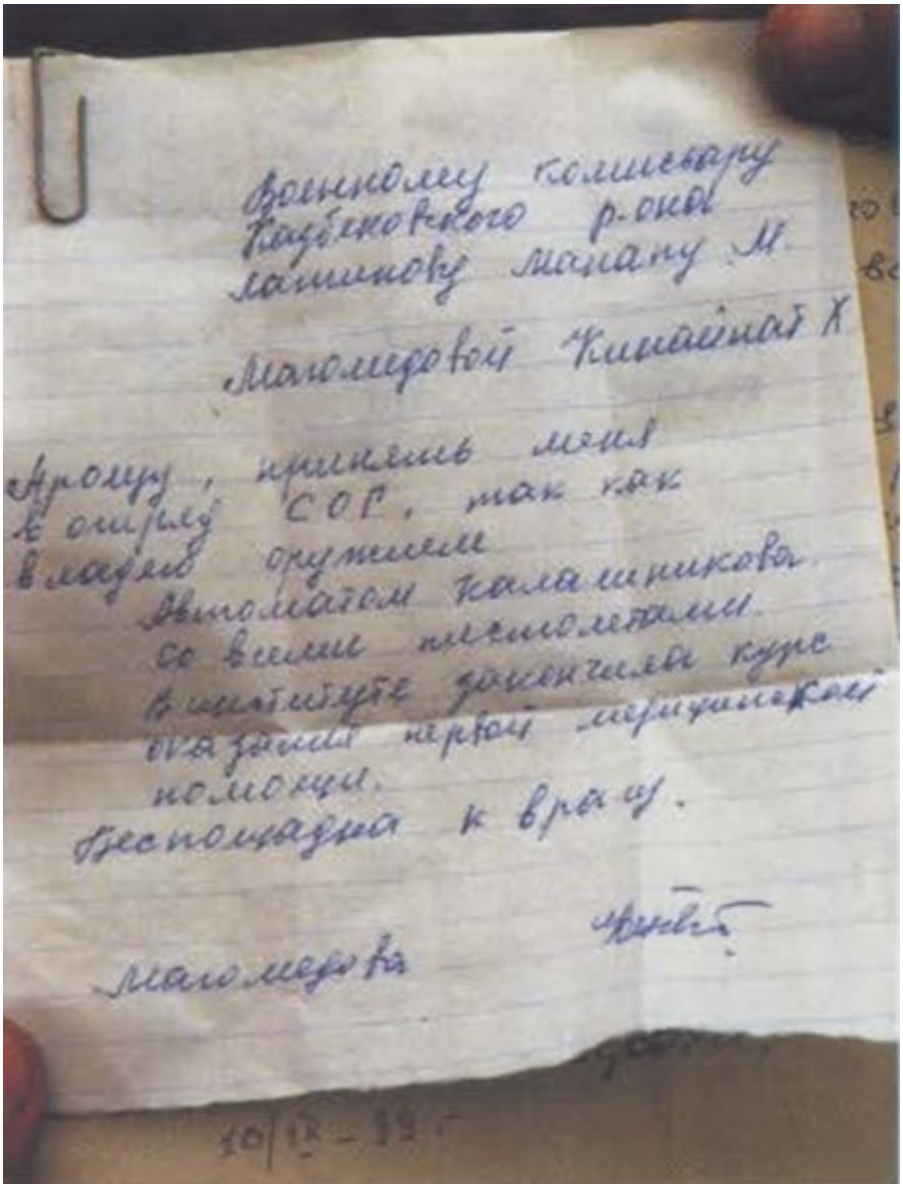
Когда поют чеченки — пушки молчат

Хочется верить, что эти маленькие грозненцы никогда не испытают на себе ужасы войны

У ребятни в Чечне теперь есть где порезвиться

На этом поле мин нет. И, думается, больше не будет никогда

Республиканский ОМОН на деле доказал, что готов дать отпор и бандитам, и террористам


Военному комиссару
Калининского р-она
Хашикову Мухану М.

Малолетовой Хинайнат Х

Прошу, принять меня
в отряд СОГ, так как
владею оружием
Автоматом Калашникова
со всеми магнолетами
в институте закончила курс
оказания первой медицинской
помощи.
Беспокоюсь к врачу.

Малолетова

Заявление о приеме в ополчение. 1999 год

Защитница Дагестана.

Малика Гезимиева, женщина-легенда. Во многом благодаря ей бандиты убрались из Гудермеса

В. Путин в Ханкале при выводе из Чечни первого полка ВДВ

На территории Ингушетии решено было разместить мотострелковую часть… Президент республики Мурат Зязиков здорово помогал военным в обустройств на новом месте. Станица Троицкая, май 2002 года

Президент РФ В. Путин навестил раненых солдат в военном госпитале. Ростов-на-Дону, 2001 год

Поездка В. Путина по Ставрополью в дни ликвидации последствий наводнения

Самолет в последние годы стал для меня вторым домом. О чем задумался, командующий?